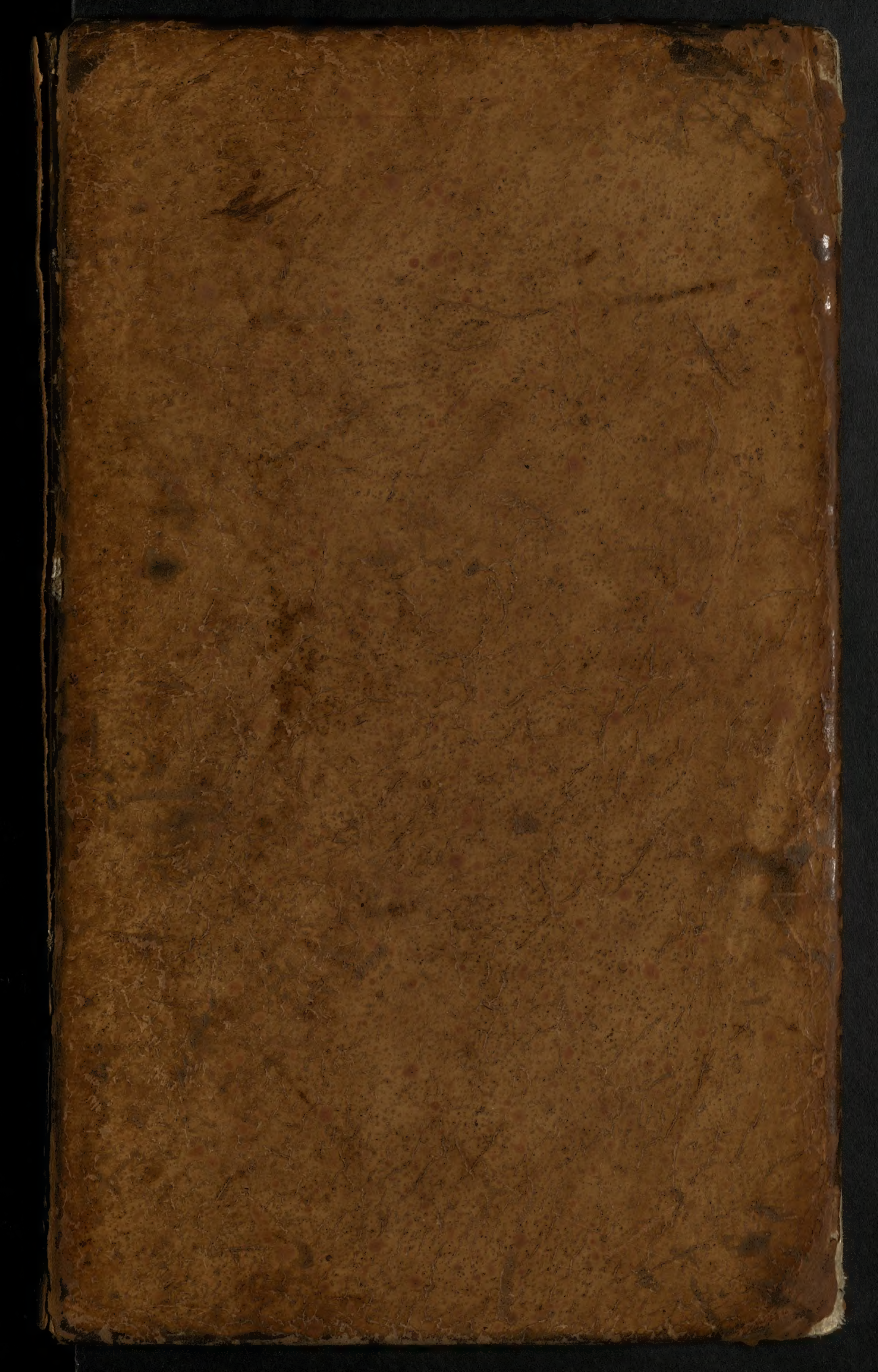
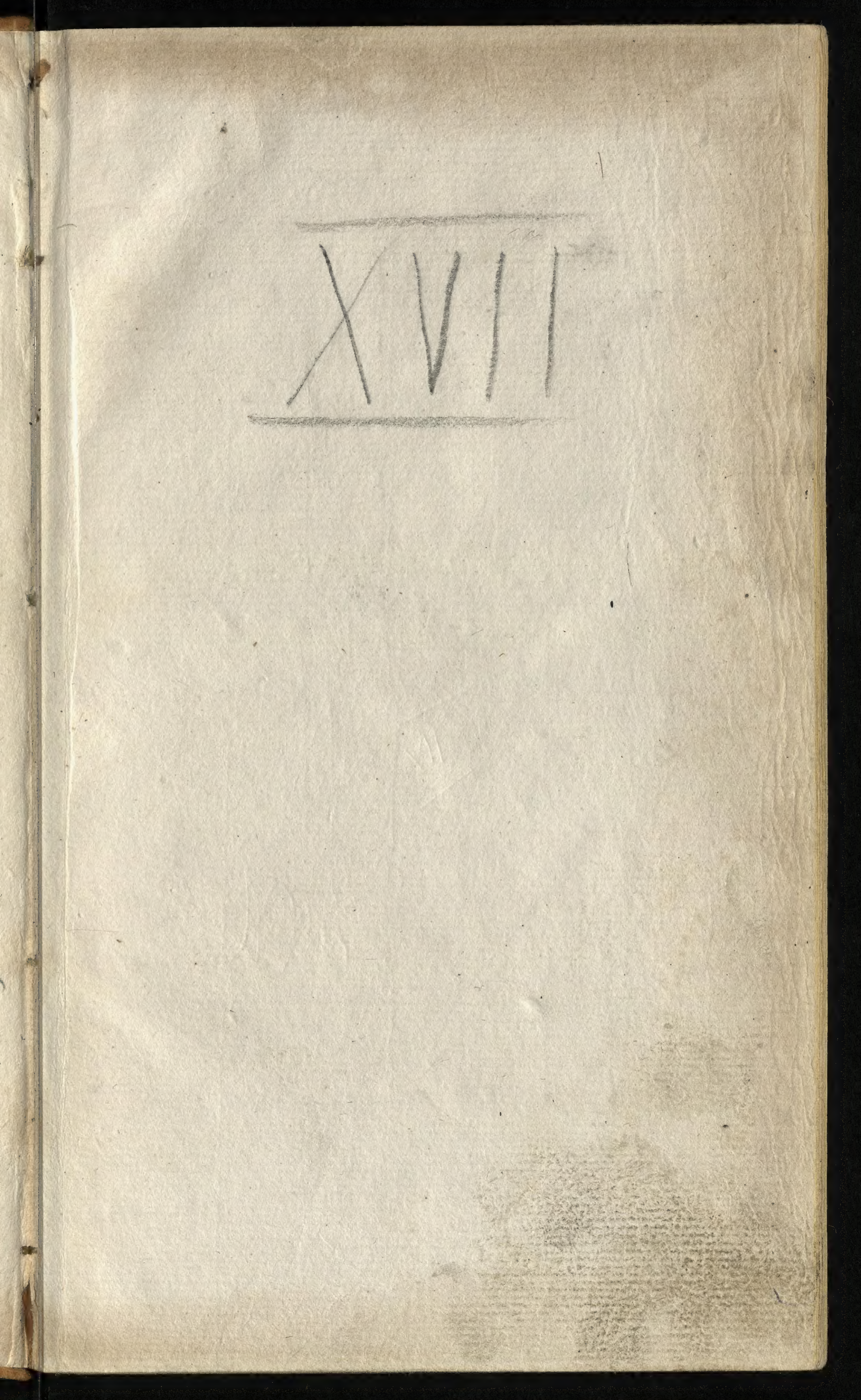



XVII

3-й экз.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, *ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО.*

Часть III.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1786.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ЧАСТИ.

КНИГА XIII.

Стран.

К 2 Глава

Стран.

Книга XIV.

Стран.

Книга XV.

Глава

Книга XVI.

Стран.

Глава

Стран.

Страп.

Книга XVII.

Глава

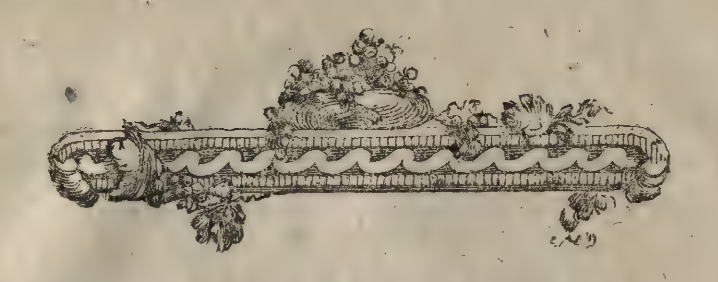
Глава

Книга XVIII.

Стран.

Глава

Стран.



БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА XIII.

Глава первая.

О паденіи перваго человѣка, коимъ пошла смерть.

Разрѣшивъ о началѣ нашего вѣка и о началѣ человѣческаго рода наитруднѣйшіе запросы: нынѣ уже о паденіи первозданнаго человѣка, или лучше сказать, первыхъ людей; и о началѣ и распространеніи человѣческой смерти поговорить по нашему намѣренію, самый вещей требуетъ порядокъ. Ибо нетакимъ образомъ сотворилъ Богъ людей, какъ Ангеловъ, то есть, когда бы и согрѣшили, умереть совсѣмъ не моглибы: но такъ, дабы исполнивъ долгъ послушанія, безъ посредства смерти Ангельское безсмертіе и блаженную вѣчность получить могъ. Не покаряющемуся же по праведному суду

смерть была бы возмездіемъ, о чемъ мы уже и въ оконченной предъ сею книгѣ говорили.

Глава вторая.

О смерти, которая душѣ приключиться можетъ, и о той, которой тѣло подвержено.

Но о самомъ родѣ смерти за нужное почитаю обстоятельнѣе поговорить. Ибо хотя душа человѣческая и безсмертна, однако имѣетъ нѣкоторую свою смерть. Ибо потому называется безсмертною, понеже нѣкакимъ образомъ жить и чувствовать не перестаетъ. Тѣло же потому есть смертно, понеже жизни лишиться можетъ и само чрезъ себя жить не въ состояніи. И такъ души смерть приключается, когда оную Богъ оставляетъ, такъ какъ тѣлу, когда душа оное оставляетъ. Слѣдовательно обоихъ частей человѣческихъ смерть тогда бываетъ, когда душа оставленная отъ Бога, оставляетъ тѣло. Ибо такимъ образомъ ни душа живетъ Богомъ, ни тѣло душею. За таковою смертію всего человѣка слѣдуетъ оная, которую второю смертію (1) Священное Писаніе называетъ. О сей далъ знать Спаситель, когда сказалъ: *убойтеся имущаго власть и тѣло и душу погубити въ Геннѣ.* Которое когда не прежде быть можетъ, какъ когда душа съ тѣломъ такъ соединится, что никакимъ образомъ раздѣлить-

литься не возможетъ: то удивляться должно, какъ можетъ умерщвлено быть тѣло, котораго уже душа не оставляетъ, и которое одушевлено будучи и чувствительно мучится. Ибо оное послѣднее и вѣчное мученіе, о которомъ мы на своемъ мѣстѣ пространнѣе говорить будемъ справедливо смертію души имянуется; понеже не живетъ она Богомъ: смертію же тѣлѣсною какимъ образомъ, когда тѣло живетъ душею? Понеже инаково не можетъ тѣлеснаго мученія, которое по воскресеніи имѣетъ быть, чувствовать. Или потому, что какое бы нибыло житіе, есть нѣкоторымъ добромъ, прискорбность же зломъ: и потому не можно сказать, что живетъ тѣло, въ которомъ душа не для жизни, но для чувствованія прискорбности пребываетъ? И такъ живетъ душа Богомъ, когда живетъ хорошо: ибо не можетъ хорошо жить безъ содѣйствія въ ней Божія, что самое есть добромъ. Живетъ же тѣло душею, когда живетъ душа въ тѣлѣ, хотябъ она жила Богомъ хотя нѣтъ. Понеже жизнь въ тѣлахъ нечестивыхъ, не души но тѣла есть жизнію: которую могутъ имъ души умершія, то есть, оставленныя отъ Бога, нѣкакою своею жизнію, коею онѣ суть безсмертны, сообщать. Однако въ послѣднемъ мученіи хотя человѣкъ чувствовать не престаетъ, при всемъ томъ поелику чувствованіе самое не удовольствіе, ни спокойствіе дѣлаетъ, но

 при-

причиняетЪ прискорбность мучительную; потому достойно смертію наипаче называется, нежели жизнію. Вторую же потому, понеже она бываетЪ по первой, которая соединенныя раздѣляетЪ природы, то есть, или Бога и души, или души и тѣла. И такЪ о первой смерти тѣлесной сказать можно, что она добрымЪ хороша, а злымЪ зла. Вторая же безЪ сомнѣнія, какЪ она не есть общею и благимЪ всѣмЪ безЪ изъятія зла.

Глава третія.

СмертЪ, которая грѣхомЪ перваго человѣка пошла во всѣхЪ людей, не казнію ли есть за грѣхЪ и вЪ святыхЪ.

Не должно же утаить отсюда слѣдующаго вопроса, смерть, которая разлучаетЪ душу и тѣло, вЪ самой ли вещи добрымЪ бываетЪ хороша. Понеже естьли оно такЪ, то какимЪ образомЪ доказать можно, что она не есть казнію за грѣхЪ? Ибо оной, естьли бы первые люди не согрѣшили, не претерпѣли бы. И такЪ какимЪ образомЪ хорошею могла она быть добрымЪ, которая не могла приключиться, какЪ только злымЪ? Но естьлибЪ она не инако какЪ только злымЪ приключалась, то не должна быть добрымЪ хорошею, но наипаче никакою. Ибо для чего бы оное было налагаемо наказаніе тѣмЪ, вЪ которыхЪ нѣтЪ ничего

на-

наказанія достойнаго? Чего для признаться должно, что первые люди такЪ были сотворены, что ежели бы не согрѢшили, то не вкусили бы никакого рода смерти: но тѢжЪ первые люди когда согрѢшили, то такЪ смертію наказаны, что все ихЪ племя той же смерти было бы подвержено. Ибо не иное отЪ нихЪ могло родиться, какЪ тожЪ самое, чѢмЪ они были; понеже по великости причины оной осужденіе природу премѢнило вЪ хуждшее состояніе, такЪ что природно послѢдовало бы вЪ раждающихся, что вЪ согрѢшающихЪ первыхЪ людяхЪ предварило казнію. Понеже человѢкЪ отЪ человѢка не такЪ какЪ человѢкЪ отЪ земли. Ибо земля кЪ творенію человѢка была веществомЪ; человѢкЪ же человѢку вЪ разсужденіи рожденія отецЪ. И потому тѢло не то есть, что земля, хотя тѢло отЪ земли сотворено. А какЪ родитель есть человѢкЪ, такЪ и рожденное отЪ него есть человѢкомЪ. И такЪ вЪ первомЪ человѢкѢ чрезЪ жену имѢлЪ произойти родЪ весь человѢческій тогда, когда оная супруговЪ двойца приговорЪ казни отЪ Бога приняли. И первый человѢкЪ не когда сотворенЪ, но когда согрѢшилЪ и былЪ наказанЪ, произвелЪ родЪ человѢческій, что самое принадлежитЪ кЪ началу грѢха и смерти. Ибо не кЪ младенческому малоумію и немощи душевной и тѢлесной, которыя примѢчаемЪ мы вЪ младенцахЪ, грѢхомЪ и наказаніемЪ низвер-

 женЪ:

женъ: которыхъ благоизволилъ Богъ какъ бы младыми приплодами животныхъ безсловесныхъ учинить, коихъ родители въ скотскую жизнь и смертную сами себя низринули, какъ написано: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* Развѣ только, что немощнѣе младенцы въ употребленіи и движенія членовъ и въ чувствованіи желанія *или* удаленія себя отъ чего, нежели дѣти младые другихъ животныхъ; какъ будтобы показываетъ, и превозноситъ себя сила человѣческая паче прочихъ животныхъ, чѣмъ болѣе стремленіе свое удерживаетъ, и отвлекаетъ назадъ, какъ стрѣлу, когда натягиваемъ бываетъ лукъ. И такъ не до толикихъ младенческихъ начатковъ непозволеннымъ предпріятіемъ своимъ, и праведнымъ Божіимъ осужденіемъ низринутъ первый человѣкъ, но до тѣхъ мѣръ природа человѣческая въ немъ повредилась и премѣнилась, дабы онъ чувствовалъ во удѣхъ своихъ воюющее непослушаніе вождeлѣнія; и чрезъ то необходимо долженствовалъ бы умереть. Когда же отъ узъ грѣха свобождаются младенцы благодатію Ходатая Христа, то сію единственно претерпѣвать могутъ смерть, которая разлучаетъ душу отъ тѣла: во вторую же оную безконечнаго наказанія, свободившись отъ грѣха, не преходятъ.

Глава

Глава четвертая.

Для чего отъ тѣхъ, кои чрезъ благодать отрожденія омылись отъ грѣха, не отъемлется смерть, то есть казнь за грѣхъ.

Естьлижъ кто негодуетъ на то, для чего и сію смерть претерпѣваютъ, когда и оная есть казнію за грѣхъ, коихъ благодатію вина заглаждается: то объявляю, что сей вопросъ въ другомъ нашемъ сочиненіи надписываемомъ: *о крещеніи младенцевъ*: разсмотренъ и разрѣшенъ: гдѣ показано, что для того оставлена разлучающая душу отъ тѣла, по истребленіи грѣха, понеже естьлибъ за таинствомъ отрожденія послѣдовало безсмертіе тѣлесное, то самая вѣра престалабъ быть вѣрою, которая есть вѣрою тогда, когда надеждою ждемъ того, котораго опытомъ еще не видимъ. Силою же вѣры и подвигомъ въ возрастныхъ лѣтахъ и смерти страхъ преодоленъ быть долженствовалъ, что самымъ дѣломъ на мученикахъ святыхъ открылось: котораго подвига поистиннѣ никакой не было бы побѣды, никакой славы, да и самаго не было бы подвига, естьлибъ послѣ бани отрожденія уже не могли бы Святые тѣлесной претерпѣть смерти. Съ крещаемыми же младенцами кто бы не стремился къ благодати Христовой для того наипаче, дабы не разрѣшаться отъ тѣла? И такимъ образомъ не невидимымъ бы ободряема была

возмездіемъ вѣра, да и вѣрою она не была бы, естьлибъ весьма скоро могла получить воздаяніе. Нынѣ же большею и чуднейшею благодатію Спасителя наказаніе за грѣхъ обратилось въ употребленіе правды. Тогда сказано было человѣку: умрешъ, естьли согрѣшишъ: нынѣ повелѣвается мученику: умри, да не согрѣшишъ. Тогда сказано: естьли заповѣдь преступите, смертію умрете. Нынѣ повелѣвается: естьли умереть не восхощете, заповѣдь преступите. Чего тогда страшиться надлежало, дабы не согрѣшить; нынѣ принимать должно, дабы не согрѣшить. Такъ неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ и самая казнь за преступленія премѣняется въ оружіе правды, и наказаніе грѣшника бываетъ заслугою праведнаго. Ибо тогда смерть пріобрѣтена грѣхомъ, нынѣ смертію исполняется правда. Но сіе въ Святыхъ мученикахъ, коимъ на выборъ одно изъ двухъ отъ мучителей предлагаемо было, или оставить вѣру, и отречься оной, или претерпѣть смерть. Праведные же изволяютъ лучше претерпѣть вѣруя, что претерпѣли первозданные не вѣруя. Ибо ежели бы они не согрѣшили, то не умерли бы; праведные же согрѣшатъ, ежели не умрутъ. И такъ умерли они, понеже согрѣшили; не согрѣшаютъ сіи, понеже умираютъ. Ихъ виною здѣлалось, что подпали наказанію; чрезъ сихъ казнь здѣлалось, дабы не подпасть винѣ. Не для того, аки бы смерть

смерть нѣкоторымъ добромъ сталась, которая прежде была зломъ: но что толикую Богъ даровалъ благодать вѣрѣ, чтобъ смерть, о которой извѣстно, что она противна жизни, орудіемъ была преселенію къ жизни.

Глава пятая.

О томъ, что какъ неправедные на зло употребляютъ законъ добрый, такъ и праведные хорошо употребляютъ смерти злой.

Апостолъ желая показать, сколько грѣхъ къ причиненію вреда, безъ помощи Божіей человѣку, можетъ, и самый законъ, коимъ возбраняется грѣхъ, не усомнился назвать силою закона. *Жало*, говоритъ онъ, *смерти грѣхъ, сила же грѣха законъ.* Весьма справедливо; ибо запрещеніе умножаетъ желаніе къ содѣланію непозволительнаго, когда правда не столь любима бываетъ, дабы стремленіе ко грѣху изъ любви къ оной побѣждаемо было. Но чтобъ любима была и со удовольствіемъ пріемлема истинная правда, въ томъ необходимо потребна помощь благодати. Но чтобъ не подумали, что законъ есть нѣчто злое, понеже силою грѣха названъ; того ради, на иномъ мѣстѣ разсуждая о сей матеріи, такъ говоритъ: *Законъ во святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага. Благое ли убо*, говоритъ, *бысть мнѣ въ смерть? Да не будетъ. Но*

 грѣхъ,

грѣхъ, да явится грѣхъ, благимъ мнѣ содѣла смерть. Яко да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію. Сказалъ по премногу: понеже прибавляется преступленіе, когда по умноженіи желанія ко грѣхамъ, самый законъ презирается. Для чего мы о семъ упомянули? Понеже какъ законъ не есть зло, когда умножаетъ вожделѣніе согрѣшающихъ: такъ и смерть не добро, когда умножаетъ претерпѣвающихъ славу: когда или законъ презираемъ бываетъ, и чрезъ то дѣлаетъ преступниками: или когда смерть за истинну претерпѣвается, и дѣлаетъ мучениками. И потому законъ есть благъ, понеже возбраняетъ грѣхъ: а смерть зло, понеже оброкомъ или жалованьемъ есть грѣха. Но какъ неправедные во зло употребляютъ, не только злое, но и благое: такъ праведные не только благое, но и злое въ добро употребляютъ. И отсюда-то происходитъ, что и злые злѣ законъ употребляютъ, хотя законъ есть благъ: и добрые добрѣ умираютъ, хотя смерть есть зло.

Глава шестая.

О злѣ общей смерти, коею союзъ души и тѣла разрушается.

Что принадлежитъ до тѣлесной смерти, то есть, до разлученія души отъ тѣла,

ла, то оная, когда ее претерпѣваютъ называемые умирающими, всѣмъ безъ изъятія зла есть. Ибо имѣетъ нѣчто жестокое и противъ самой природы сила оная, коею обое разрѣшается, что было въ живущемъ совокуплено и соединено; покуда отъиметтся все чувствованіе происходившее отъ соединенія души съ тѣломъ. Которую всю прискорбность иногда одинъ ударъ тѣлесный или исторженіе души пресѣкаетъ, и не попускаетъ въ разсужденіи предварительной скорости чувствовать оную. Однако чтобъ такое нибыло, что не безъ тягостнаго чувствованія отнимаетъ чувство, благоговѣйно и съ вѣрою сносимое умножаетъ заслугу терпѣнія, а не истребляетъ имени казни. Такимъ образомъ когда въ разсужденіи рожденія смерть бываетъ казнію раждающагося, однако естьли смерть претерпѣна будетъ за благочестіе и правду, тогда бываетъ сланою отраждающагося; и когда смерть есть воздаяніемъ за грѣхъ, то иногда исходатайствуетъ, что никакого воздаянія за грѣхъ не бываетъ.

Глава седьмая.

О смерти, которую неотрожденные принимаютъ за исповѣданіе Христово.

Которые не восприявъ бани отрожденія за исповѣданіе имени Христова умираютъ, тѣмъ

тѣмъ смерть сія служитъ къ отпущенію согрѣшеній стольножъ, какъ естьлибъ они святымъ крещеніемъ. Ибо который сказалъ: *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіо небесное*: другимъ приговоромъ изключилъ, гдѣ не меньше общественно сказалъ: *Всякъ иже исповѣстъ мя предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ отцемъ моимъ, иже на невеси.* И на другомъ мѣстѣ: *Иже погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю.* И того-то ради написано: *Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ его.* Ибо что честнѣе той смерти, посредствомъ которой и грѣхи оставляются, и воздаяніе умножается? Понеже не столь много тѣ заслуживаютъ, которые немогши не умереть, крестились, и загладивъ чрезъ то согрѣшенія, отъ сей жизни преселились: сколько тѣ, которые могши не умереть, для того умерли, понеже за лучшее почли, исповѣдая Христа, скончать сію жизнь; нежели его отрекшись, достигнуть его крещенія. Что ежели бы они учинили (1), то и сей самый грѣхъ въ оной бани отпущенъ былъ бы, что они по причинѣ страха смертнаго отверглися Христа (2), въ которой бани и тѣмъ тягчайшее беззаконіе прощено, которые по убіеніи Христа крестились. Но когдабъ безъ избытка благодати Духа его, который *идѣже хощетъ дышетъ*, толико Христа любить могли бы, что въ толь край-

крайней опасности и бѣдствіи, и въ надеждѣ толикаго прощенія отречься не могли? И такъ *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ*, коимъ предшествовала смерть Христова съ толикою благодатію, что они не усумнились своихъ для пріобрѣтенія его положить душъ: и симъ показала, что опредѣленное прежде въ казнь грѣшнику, сдѣлалось таковымъ, что оттуда обильныя плоды правды родиться могутъ. И такъ смерть не для того добромъ почитаться должна; понеже въ толикую пользу, не своею силою, но Божіею помощію превратилась такъ, что та смерть, которая во устрашеніе предложена, дабы человѣкъ не согрѣшилъ, нынѣ предлагается для воспріятія, дабы грѣхъ не былъ содѣланъ, и дабы содѣланный былъ заглажденъ, и за великую побѣду должное правды воздаяніе воздано было человѣку.

Глава осьмая.

Что по Святыхъ первой смерти за истинну пріятіе, вторыя смерти есть разрѣшеніемъ и свобожденіемъ.

Естьли тщательнѣе разсмотрѣть, то увидѣть можно, что всякъ за истинну вѣрно и похвально умирающій, смерти опасается. Ибо для того нѣсколько оныя принимаетъ; дабы вся она не приключилась, и

и не приспѣла бы къ томужъ вторая, которая никогда конца имѣть не будетъ. Принимается бо разрѣшеніе души отъ тѣла, дабы душа по разлученіи отъ Бога, не разлучалась отъ тѣла, и такимъ образомъ по совершеніи первой всего человѣка смерти, вторая вѣчная оную не воспріяла. Почему смерть, какъ я сказалъ, когда оную умирающіе претерпѣваютъ, и когда оная въ нихъ дѣлаетъ то, дабы они умерли, никому не добра, но похвально претерпѣваема бываетъ, для удержанія или пріобрѣтенія добра. Когда же въ оной пребываютъ, которые уже умершими почитаются, то не непристойно говоримъ, что она и для злыхъ зла, и для добрыхъ хороша. Ибо въ покои находятся разлучившіяся отъ тѣла праведныхъ души: нечестивыхъ же наказаніе претерпѣваютъ, покуда оныхъ къ вѣчной жизни, а сихъ къ вѣчной смерти, которая второю называется, тѣла востанутъ.

Глава девятая.

Время смерти, коимъ жизни чувство отъемлется въ умирающихъ или въ умершихъ полагать должно.

Но оное время, въ которое души разлучившіяся отъ тѣла, или во благѣ суть или во злѣ; по смерти ли, или въ смерти полагать должно? Ибо естьли по смерти, то

то уже не самая смерть, которая уже минула, но послѣ настоящая жизнь души, или хороша или зла. Смерть же тогда имъ была зла, когда была, то есть когда оную претерпѣвали, умирая. Понеже тяжкое и прискорбное они имѣли чувствованіе, котораго зла хорошо употребляютъ добрые. Минувшая же и совершившаяся смерть какимъ образомъ или добра или зла, которой уже болѣе нѣтъ? Далѣе ежели тщательнѣе вникнуть, то откроется, что и оное не есть смертію, о чемъ мы сказали, что составляетъ тяжкое и горестное чувствованіе въ умирающихъ. Понеже доколѣ чувствуютъ, дотолѣ поистиннѣ живутъ, и естьли еще живутъ, то сказать должно, что они прежде смерти наипаче, нежели въ смерти находятся. Понеже когда пріидетъ смерть, тогда все тѣлесное погашаетъ чувство, которое приближеніемъ онымъ получаетъ прискорбность. И такъ какимъ образомъ назовемъ умирающими тѣхъ, кои еще не умерли, хотя отъ приближенія смерти чувствуютъ прискорбность, оное изъяснить трудно, хотя справедливо они называются умирающими. Ибо когда пріидетъ смерть приближавшаяся; тогда уже не умирающими, но умершими нарицаются. И такъ никого умирающимъ назвать не можно, кромѣ живущаго; понеже хотя при послѣднемъ находился бы кто издыханіи, однако души еще не лишился, то поистиннѣ еще живъ.

Того

Того ради той же самый есть живущїй и умирающїй: но удаляющїйся отъ жизни, и приближающїйся къ смерти, при всемъ томъ еще въ житїи: понеже душа пребываетъ еще въ тѣлѣ: а не въ смерти, поелику душа не оставила тѣла. Но и когда душа оставитъ тѣло, и тогда не въ смерти, но наипаче послѣ смерти будетъ, то кто можетъ сказать, когда въ смерти? Ибо и никого умирающаго не будетъ естьли умирающимъ и живущимъ никто купно быть не можетъ. Поелику доколѣ душа пребываетъ въ тѣлѣ, не можемъ назвать мертвымъ. Или естьли умирающимъ наипаче назвать должно того, котораго въ тѣлѣ дѣлается то, дабы онъ умеръ: и неможетъ никто быть купно живущимъ и умирающимъ: то я не знаю, когда будетъ живущимъ.

Глава десятая.

Не смертїю ли наипаче жизнь человѣческую называть должно, нежели жизнїю.

Съ того бо самаго времени, съ котораго кто бытїе въ семъ смертномъ тѣлѣ имѣть началъ, непрестанно дѣлается въ немъ то, дабы смерть приближилась. Ибо сїе дѣлаетъ его измѣняемость во все время сея жизни, естьли только жизнїю то назвать можно, чрезъ что идется къ смерти. Понеже нѣтъ ни одного, которой бы не становился ближай-

жайшимъ къ смерти по прошествіи года, нежели былъ прежде года; и заутра нежели нынѣ, и нынѣ нежели вчерашняго дня, и нѣсколько послѣ, нежели нынѣ, и нынѣ, нежели нѣсколько прежде: ибо сколько времени проживается, столько отъ жизни долготы отнимается: и непрестанно становится меньше и меньше остающееся: такъ, что время жизни сея не что иное есть, какъ стремленіе къ смерти. Въ которомъ никто ни остановиться нѣсколько, ни медлительнѣе итти можетъ: но всякъ по нуждѣ стремится равнымъ движеніемъ. Понеже не скоряе тотъ препроводилъ день, который имѣлъ кратчайшую жизнь, нежели тотъ, который жилъ много лѣтъ. Но какъ равныя равно времена у обоихъ были отъемлемы, то одинъ имѣлъ ближае другой удаленнѣе то, куда оба равно стремились. Ино бо есть болѣе пути совершить, иное лѣностнѣе итти. И такъ кто до смерти долговременнѣе проживаетъ, тотъ не тише идетъ, но только болѣе пути совершаетъ. Далѣе; естьли съ того самаго времени всякъ начинаетъ умирать, то есть, быть въ смерти, съ котораго въ немъ начинаетъ смерть, то есть, умаленіе жизни: поелику когда умаленіемъ окончится, то уже будетъ по смерти, а не въ смерти: всенепремѣнно съ котораго времени начинаетъ быть въ семъ тѣлѣ, находится въ смерти. Ибо что дѣлается во дняхъ, часахъ, минутахъ;

не иное что, какъ только, дабы смерть совершилась, и начало быть время по смерти, которое, когда жизнь умалялась, было въ смерти. И такъ въ жизни человѣкъ никогда не пребываетъ, съ котораго времени начинаетъ быть въ семъ наипаче умирающемъ, нежели живущемъ: когда человѣкъ въ житіи и смерти купно быть не можетъ. Или купно онъ находится въ житіи и смерти, въ жизни, то есть, въ которой живетъ, покуда все умалится, въ смерти же поелику уже умираетъ, когда жизнь его уменьшается? Ибо ежели онъ не пробываетъ въ жизни, то что будетъ умаляемое, покуда совершенное послѣдуетъ умаленіе? Естьли же не въ смерти, то что есть самое жизни умаленіе? Понеже не напрасно, когда вся жизнь тѣла прекратится, называемъ то состояніемъ по смерти, поелику смерть тогда была, когда жизнь умалялась. Ибо ежели по совершенномъ умаленіи жизни, не пребываетъ человѣкъ въ смерти, но по смерти, то когда онъ будетъ въ смерти, естьли не тогда, когда жизнь умаляется?

Глава перваянадесять.

Можетъ ли кто купно быть и живущимъ и умирающимъ.

Естьли же непристойнымъ кажется признавать человѣка въ смерти, прежде нежели

ли придетъ онъ къ смерти: ибо къ чему онъ приближается, препровождая время своей жизни, естьли онъ уже находится въ смерти, особливо поелику крайне есть необычайнымъ называть человѣка купно живущимъ и умирающимъ, бодрствующимъ и спящимъ: то разсмотрѣть надлежитъ, когда будетъ онъ умирающимъ. Ибо прежде нежели смерть придетъ, не умирающій есть но живущій: когда же смерть придетъ, тогда будетъ умершимъ, а не умирающимъ. И такъ оное есть прежде смерти, сіе уже по смерти. Когда же въ смерти? Ибо какъ мы три слова произносимъ, то есть, прежде смерти, въ смерти, и по смерти, такъ каждому должны назначить свое время, и сообразно называть, живущимъ, умирающимъ, и умершимъ. И такъ когда человѣкъ есть умирающимъ, то есть въ смерти, когда онъ ни живущимъ, что означаетъ прежде смерти, ни умершимъ, что бываетъ по смерти, но умирающимъ, то есть въ смерти, опредѣлить оное весьма трудно. Ибо доколѣ душа пребываетъ въ тѣлѣ, особливо когда еще и чувствуетъ, безъ сомнѣнія живетъ человѣкъ, понеже состоитъ изъ души и тѣла. И потому еще онъ прежде смерти а не въ смерти именуемъ быть долженъ. Когда же душа изыдетъ, и лишитъ тѣло всякаго чувствованія, тогда уже по смерти, и мертвымъ нарицается. И такъ не

видно между симЪ средняго, когда бы онЪ былЪ умирающимЪ или вЪ смерти: понеже естьли онЪ еще живетЪ, то прежде смерти есть: естьли же жить престаетЪ, то онЪ уже по смерти. И такЪ понять не можно, когда онЪ вЪ смерти или умирающій. ТакимЪ образомЪ вЪ теченіи времени ищемЪ настоящаго, и не находимЪ: понеже оно безЪ всякаго есть разстоянія, отЪ котораго шествуется кЪ будущему отЪ прошедшаго. И такЪ не должно ли разсмотрѣть того, дабы такимЪ образомЪ смерть тѣлесная не наречена была ничемЪ? Ежели бо есть, то когда есть, которой ни вЪ комЪ, и никто вЪ ней быть не можетЪ? Ибо ежели жизнь препровождается, то ея нѣтЪ, понеже сіе прежде смерти, а не вЪ смерти: когда же жизнь пресѣкается, то такЪ же ея уже нѣтЪ; поелику сіе послѣ смерти, а не вЪ смерти. Но паки естьли нѣтЪ никакой смерти ни прежде ни послѣ, то для чего говоримЪ: прежде смерти, или послѣ смерти? Ибо и сіе напрасно говоримЪ, естьли смерти нѣтЪ. И о когда бы мы вЪ раю хорошо жизнь препровождали, дабы вЪ самой вещи смерть была ничто. Нынѣ же не только она есть, но и прискорбна столь, что ни какими словами изобразить ея не можно, ни избавиться отЪ оной. И такЪ начнемЪ мы говорить по обыкновенію: ибо не инаково и должны: и скажемЪ прежде смерти, то есть, прежде нежели приклю-

чит-

чится смерть, какЪ пишется: *прежде смерти никого не хвали* (1). Скажемъ также, когда смерть приключится, по смерти того или другаго здѣлалось то или другое. Скажемъ и о настоящемъ времени, какъ можемъ, такъ какъ говоримъ. Умирая онъ завѣщалъ, и тѣмъ и другимъ, то или другое оставилъ; котораго однако никто здѣлать не могъ бы кромѣ живаго: и такъ сіе прежде смерти наипаче онъ учинилъ, нежели въ смерти. Станемъ говорить также, какъ говоритъ Священное Писаніе, которое не сомнѣвается называть мертвыми не по смерти но въ смерти. Отсюда-то произошло оное слово. Яко нѣсть въ смерти поминаяй тебе. Ибо покуда воскреснутъ, справедливо называютъ сущими въ смерти; такъ какъ во снѣ сущимъ называемъ человѣка, покуда онъ проснется. Хотя во снѣ погруженныхъ называемъ спящими, однако такимъ же образомъ не можемъ нарѣчь тѣхъ умирающими, которые уже умерли. Понеже они не умираютъ еще, которые, что касается до тѣлесной смерти, о которой мы говоримъ, отъ тѣла уже разлучились. Но я говорю, что не возможно того изъяснить никакъ, какимъ образомъ или умирающіе живущими, или уже умершіе, по смерти, еще сущими въ смерти называются. Ибо какъ по смерти, когда еще въ смерти, особливо, когда ихъ ни умирающими называемъ, такъ какъ погруженныхъ во снѣ спящими, находящих-

ся въ немощи, немоществующими, въ болѣзни болѣзнующими, и жизнь препровождающихъ живущими? Мертвые же прежде нежели воскреснутъ, признаваются сущими въ смерти: однако не могутъ называемы быть умирающими. Почему кажется не непристойно, сіе приключилось можетъ статься не человѣческимъ ухищреніемъ, но Божіимъ судомъ, что сіе слово, то есть, moritur, умираетъ, въ Латинскомъ діалектѣ ни Грамматики склонять не могли потому правилу, по которому прочія таковыя склоняли. Ибо отъ онаго слава, oritur, начинается, или раждается или происходитъ, бываетъ слово прошедшаго времени, ortus est, то есть, начался, или родился или произошелъ; и прочія подобныя, которыя чрезъ причастіе прошедшаго времени склоняются. Отъ онаго же слова, moritur, естьли спрашиваемъ о словѣ прошедшаго времени, отвѣтствуется обыкновенно, mortuus est, умеръ, чрезъ удвоенную букву, U. ибо такъ говорится, mortuus, какъ fatuus, безумный; arduus, трудный, важный и высокій; conspicuus, ясный, явственный или откровенный или очевидный; и прочія таковыя, которыя уже суть непрошедшаго времени. Но поелику оныя имена, то безъ времени склоняются. Оное же, какъ бы склонялось, чего склонять не можно, вмѣсто причастія прошедшаго времени полагается имя. И такъ прилично сіе сдѣлано, дабы чего какъ

въ

вЪ самомЪ дѣлѣ уклониться или избавиться означаемаго не можно, такЪ самое слово вЪ рѣчи склоняться не могло бы. ОднакожЪ помощію благодати Искупителя нашего по крайней мѣрѣ второй можемЪ избавиться смерти. Ибо оная тягчайшая изЪ всѣхЪ и всѣхЪ золЪ злѣйшая, которая не состоитЪ вЪ разлученіи души отЪ тѣла, но вЪ осужденіи по совокупленіи оныхЪ на вѣчное мученіе. ТамЪ на противЪ люди не будутЪ прежде смерти, и по смерти, но всегда вЪ смерти; и потому никогда живущими, никогда умершими, но безконечно умирающими. Ибо никогда не будетЪ состоянія для человѣка хуждшаго, какЪ тогда, когда будетЪ имѣть смерть безсмертную.

Глава втораянадесять.

Какою смертію грозилЪ БогЪ первымЪ людямЪ, естьли заповѣдь его преступятЪ.

И такЪ когда вопрошаютЪ насЪ, какою смертію БогЪ первымЪ людямЪ грозилЪ; естьли данную отЪ него заповѣдь преступятЪ, и не сохранятЪ повиновенія: душевною ли, или тѣлесною, или смертію всецѣлаго человѣка, или оною, которая называется второю? Отвѣтствовать должно: всѣми. Ибо первая состоитЪ изЪ двухЪ, вторая изЪ всѣхЪ. Понеже какЪ вся земля состоитЪ изЪ многихЪ земель, и вся церковЪ изЪ многихЪ состоитЪ церквей; такЪ

вся смерть состоитъ изъ всѣхъ смертей. Ибо первая состоитъ изъ двухъ, изъ коихъ одна душевная, другая тѣлесная такъ, что первая всего человѣка смерть есть, когда душа оставлена будучи отъ Бога, безъ тѣла временную казнь претерпѣваетъ: вторая же, когда душа оставленная отъ Бога купно съ тѣломъ казнь вѣчную претерпѣваетъ. Чего для, когда сказалъ Богъ первому оному человѣку поселенному въ раи о запрещенной снѣди: *Вонъ же аще день снѣсте отъ нея, смертію умрете*: не только первую оную часть первой смерти, когда душа лишается Бога; и не только вторую часть, когда тѣло лишается души; и не только всю первую смерть, когда душа оставлена будучи отъ бога, и оставивъ тѣло, наказываема бываетъ; но всякой видъ смерти до послѣдней, которая называется второю, угроженіе оное въ себѣ заключало.

Глава третіянадесять.

Преступленіе первыхъ людей какую поперпыхъ почуиступопало казнь.

По преступленіи заповѣди, какъ скоро удалилась отъ первыхъ людей Божія благодать, тотчасъ устыдились наготы своихъ тѣлъ; чего для листвіемъ смоковнымъ, которыя можетъ статься, первыя въ смущеніи ихъ попались, срамные свои уды по-

покрыли, которые прежде хотя были уды, но не срамные. Ибо почувствовали новое движеніе неповинующіяся своея плоти, какъ бы взаимную за свое непослушаніе казнь. Душа бо вкусивъ удовольствія собственнаго произволенія злаго, и не восхотѣвъ работать Богу, лишилась прежняго повиновенія себѣ плоти. И поелику высочайшаго своего Господа благоизволеніе пренебрегла, то нижшимъ рабомъ по своему изволенію владычествовать не могла и имѣть начала воюющею плоть, не такъ какъ повинующеюся всегда бы имѣть оную могла бы, естьли бы пребыла сама въ послушаніи къ Богу. И такъ тогда начала *плоть похотствовать на духъ*, съ которымъ противоборствованіемъ мы родились, влеча съ собою начатокъ смерти, и въ удахъ нашихъ поврежденную природу, противоборствованіе оной или побѣду отъ перваго преступленія нося.

Глава четвертаянадесять.

Какимъ человѣкомъ сотворенъ отъ Бога, и въ какую участь впалъ своимъ произволеніемъ.

Богъ Зиждитель природъ сотворилъ человѣка правымъ: но человѣкъ самоизвольно развратившись и будучи праведно осужденъ, развращенныхъ и поврежденныхъ и осужденныхъ породилъ. Ибо мы всѣ были въ

немЪ одномЪ, когда всѣхЪ онЪ одинЪ повредилЪ, который женою впалЪ вЪ грѣхЪ, которая отЪ него сотворена прежде грѣха. Не было правда видовЪ нашихЪ особенно сотворенныхЪ и раздѣленныхЪ, вЪ которыхЪ бы мы жизнь препровождали, но была уже природа сѣмени, отЪ которой намЪ надлежало родиться. По поврежденіи которой чрезЪ грѣхЪ, и узами грѣха связаніи и праведномЪ осужденіи не инаго состоянія человѣкЪ отЪ человѣка родился бы. И чрезЪ то отЪ употребленія на зло самопроизволенія началось бѣдствіе, которое родЪ человѣческій повредивЪ его начало, такЪ какЪ испортивЪ корень, до погибели второй безконечной смерти, выключая тѣхЪ, кои благодатію Божіею отЪ того свобождаются, непрерывностію бѣдностей приводитЪ.

Глава пятаянадесять.

Что АдамЪ согрѣшая прежде оставилЪ Бога, нежели оставленЪ былЪ отЪ Бога; и что первою души смертію было удалиться отЪ Бога.

Чего для и вЪ томЪ, что сказано: *смертію умрете*; поелику не выговорено смертьми; ежели разумѣть будетЪ о той единственно смерти, которая бываетЪ, когда душа лишается своей жизни, коею оной есть БогЪ: ибо не прежде она оставлена, дабы оставить, но чтобЪ оставленной быть,

оставь-

оставлена. Понеже ко злу ея хотѣніе бываетъ прежде, къ добру же прежде изволеніе ея Творца: или дабы оную сотворить, которой не было, или дабы возобновить и исправить падшую. То естьли разумѣть, что сію Богъ смерть имъ предвѣщалъ, когда рекъ: *понеже день снѣсте, смертію умрете*: какъ бы такъ сказалъ: въ которой день вы меня чрезъ непослушаніе оставите, оставлю и я васъ по правдѣ: то конечно во оной смерти и всѣ прочія опредѣлены, которыя безъ сомнѣнія быть имѣли. Ибо въ томъ, что непокаряющееся въ тѣлѣ движеніе, отъ движенія неповинующіяся души произошло, котораго ради покрыли они срамные уды, чувствуема была одна смерть въ которой Богъ оставилъ душу. Сія означена была въ оныхъ словахъ, которыя сказаны человѣку по причинѣ несмысленнаго страха крыющемуся: *Адаме гдѣ еси?* не невѣдая вопрошаетъ, но обличая увѣщаваетъ, дабы онъ внималъ, гдѣ онъ находится, когда въ немъ нѣтъ Бога. Когда же уже оставила душа тѣло поврежденное и старостію изнуренное; тогда пришла во увѣреніе другая смерть, о которой Богъ, полагая грѣху наказаніе, сказалъ: *Земля еси и въ землю пойдеши*. Дабы изъ сихъ двухъ смерть оная первая всего человѣка исполнилась, за которою вторая напослѣдокъ послѣдуетъ, естьли человѣкъ благодатію Божіею неизбавится. Ибо и тѣло, которое отъ земли не-

невозвратилось бы въ землю, естьли бы не была тому причиною смерть, которая ему приключается, когда оно лишается своей жизни, то есть души. Почему извѣстно Христіанамъ неложно содержащимъ Каѳолическую вѣру, что и самая тѣлесная смерть не закономъ природы, по которой никакой смерти Богъ человѣку не сотворилъ, но заслугою грѣха, намъ наложена. Понеже грѣхъ отмщая Богъ сказалъ человѣку, въ коемъ всѣ мы тогда были: *Земля еси, и въ землю пойдеши.*

Глава шестаянадесять.

О философахъ, которые разлученіе души отъ тѣла не почитаютъ опредѣленнымъ въ наказаніе, когда Платонъ вводитъ Всевышняго Бога богамъ меньшимъ обѣщающаго, что они вѣчно во плоти пребудутъ.

Но философы, противъ коихъ клеветъ мы защищаемъ градъ Божій, то есть, Божію церковь, за благоразуміе себѣ поставляютъ смѣяться, когда мы говоримъ, что разлученіе души отъ тѣла между казньми полагать должно. Понеже они тогда совершенное блаженство души полагаютъ, когда она, совлекшись всякой плоти, простою и единою, и какъ бы нагою къ Богу возвратится. Въ семъ словопрѣніи ежели бы я ничего не находилъ, въ ихъ писаніи опровергающаго ихъ мнѣніе, то сильнѣе надлежало

бы

бы мнѣ съ ними сражаться, дабы показать, что не просто тѣло душѣ, но тлѣнное тѣло обременительно. Отсюда-то о писаніи нашемъ въ вышеположенной предъ сею книгѣ мы упомянули: *тѣло тлѣнное обременяетъ душу.* Съ прибавленіемъ *тлѣннаго*, а не какого либо тѣла. То есть писаніе увѣряетъ, что душу обременяетъ тѣло, каковое стало оно по послѣдовавшемъ наказаніи за преступленіе. Котораго слова, хотя бы оно и не приложило, однако мы ничего инаго разумѣть не долженствовали бы. Но когда явственно Платонъ признаваетъ, что сотворенные отъ всевышняго Бога боги имѣютъ безсмертные тѣла, и вводитъ самаго Бога обѣщающаго имъ вмѣсто великаго благодѣянія, что они вѣчно въ тѣлахъ своихъ пребывать имѣютъ, и никакою смертію отъ оныхъ не разрушатся: то для чего сіи къ уничиженію Христіянской вѣры притворяются незнающими того, что знаютъ: или противяся самимъ себѣ противорѣчить намъ не престаютъ? Платоновы слова суть слѣдующаго содержанія, которыя Цицеронъ на Латинской діалектъ перевелъ, коими вводитъ онъ Бога всевышняго, къ сотвореннымъ богамъ вѣщающаго такъ: вы рожденные отъ боговъ внемлите, коихъ дѣлъ я родителемъ и Творцемъ. Сіе есть по изволенію моему не разрѣшимымъ, хотя всякое соединенное разрушиться можетъ. Но не добро

бро разумомъ соединенное желать разрушить. Понеже вы начались, то безсмертными правда и не разрушимыми быть не можете: однако вы никогда не разрушитесь, и не умертвитъ васъ никакая смерть, и не будетъ она сильнѣйшею нежели мой совѣтъ, который большею есть связью къ вѣчности вашей, нежели то, изъ чего вы соединены и составлены ибо тогда вы раждались. Вотъ Платонъ говоритъ, что боги по соединенію души и тѣла смертны, а безсмертны только изволеніемъ и совѣтомъ Бога, отъ котораго они сотворены. И такъ ежели наказаніемъ есть души быть заключенной въ какомъ либо тѣлѣ, то для чего говоря къ нимъ Богъ какъ бы къ боящимся, дабы не умереть, то есть разрѣшиться отъ тѣла, успокоиваетъ ихъ, обѣщая имъ безсмертіе, не по природѣ ихъ, которая не проста, но сложна, но по своей непреоборимой волѣ, коею онъ учинить въ силахъ, дабы и рожденное не умирало, и составленное не разрушалось, но нетлѣнно пребывало? И сіе Платонъ о небесныхъ ли свѣтилахъ говоритъ, сіе составляетъ иной вопросъ. Ибо не должно ему уступать, что сіи круги свѣтилъ, свѣтомъ тѣлеснымъ на земли днемъ или нощію блещащихъ, свои собственныя имѣютъ разумныя души и блаженныя, что онъ и о всемъ мірѣ, такъ какъ о единомъ животномъ великомъ, въ которомъ всѣ животныя заключаются, безъ сомнѣнія

утвер-

утверждаетъ. Не сей, какъ я сказалъ, совсѣмъ иной вопросъ, которой рѣшить мы нынѣ не предприняли. О томъ только напомянуть за благо разсудилъ, что тѣ, кои Платоническими называться или быть, за славу себѣ поставляютъ, котораго имени по надменности стыдятся быть Христіянами, дабы общее съ простымъ народомъ имъ названіе не уменшило чести ихъ общества, облеченнаго въ епанчи, которое тѣмъ горделивѣе, чѣмъ число ихъ меньше: которые, желая охуждать ученіе Христіянское, смѣются вѣчности тѣлъ, какъ будто бы сіе было между собою противное, чтобъ и блаженство искать души, и желать оной всегда быть соединенной съ тѣломъ: когда ихъ начальникъ и учитель Платонъ отъ вышняго Бога сотвореннымъ богамъ вмѣсто дара даннымъ признаваетъ, дабы они никогда не умирали, то есть отъ тѣлъ, съ которыми ихъ соединилъ, не разлучались.

Глава седьмаянадесять.

Противъ тѣхъ, кои утверждаютъ, что земныя тѣла нетлѣнными и вѣчными быть не могутъ.

Говорятъ также они, что тѣла земныя вѣчными быть не могутъ, когда не сомнѣваются утверждать, что земля сія, хотя не всевышняго Бога, но однако великаго, то

есть

єсть всего міра часть въ срединѣ состоящая есть вѣчна. И такъ когда Богъ всевышній сотворилъ имъ другаго, мнимаго ими Бога, то есть сей міръ, предпочтенія паче всѣхъ другихъ боговъ достойнаго, и думаютъ, что онъ одушевленъ, имѣющій разумную и словесную душу, въ толь огромномъ тѣлѣ заключаемую: и вѣрятъ, что Богъ, устроивъ его члены и расположивъ, четыре уставилъ стихіи, коихъ связь, дабы сей ихъ Богъ толь великій не умеръ, не разрушимою и вѣчною учинилъ: то какаябъ была причина, чтобъ въ тѣлѣ большаго животнаго, такъ какъ средней удъ, земля была вѣчною, а напротивъ другихъ животныхъ земныхъ тѣла, естьлибъ такъ Богъ благоволилъ, немогли быть вѣчными? Но земли, говорятъ, землю возвратить должно (1), отъ которой животныхъ земныхъ взяты тѣла, и потому, надлежитъ онымъ умереть и разрушиться, и такимъ образомъ землѣ, откуда были взяты, вѣчной и неизмѣнной возвратиться. Естьлибъ кто и объ огнѣ подобное сказалъ, что возвратить должно всему огню тѣла, которыя оттуда взяты, дабы быть онымъ небесными животными, то безсмертіе, которое таковымъ богамъ, по мнѣнію Платонову, Всевышнимъ Богомъ обѣщанное, какъ бы наглостію стязанія сего не испровержется ли? Или тамъ того не бываетъ, понеже Богъ не хощетъ, котораго хотѣнія, какъ

гово-

говоритъ Платонъ, никакая сила не преодолѣваетъ? То чтожъ препятствуетъ, чтобъ Богъ и съ земными тѣлами не въ силахъ былъ тогожъ учинить, когда Платонъ признаваетъ, что Богъ можетъ сдѣлать, дабы и родившееся не умирало, и совокупленное не разрушалось, и взятое отъ стихій, имъ возвращаемо не было, и души сопряженныя съ тѣлами никогда оныхъ не оставляли и съ ними вѣчностію и блаженствомъ наслаждались? Для чего же не возможетъ, дабы и земныя не умирали? Или Богъ не столь всемогущъ, какъ Христіане вѣруютъ, а всемогущъ столько, сколько Платоническіе могущимъ его признаваютъ? Не уже ли совѣтъ Божій и власть могли постигнуть философы, и не могли познать пророки, когда напротивъ пророковъ Божіихъ къ изъясненію, сколько удостоилъ, Божіей воли духъ его научалъ, философофъ же въ познаніи оной догадка человѣческая прельстила? При всемъ томъ не надлежало было имъ не только по невѣдѣнію, но и упорству ошибаться, чтобъ самимъ себѣ противорѣчить, стязаться и говорить: душѣ, дабы она могла быть блаженною, всякаго тѣла удаляться должно. И напротивъ о богахъ утверждать, что они имѣютъ блаженныя души, однако въ вѣчныхъ небесныхъ и огненныхъ тѣлахъ заключенныя; и о Юпитеровой душѣ говорить, которымъ сей міръ признаваютъ,

что она во всѣхъ тѣлахъ и всѣхъ стихі-яхъ, которыми сія громада отъ земли до неба возвышается, заключается. Ибо Платонъ думаетъ, что сія душа отъ внутренной земли средины, которую Геометры Центромъ называютъ, по всѣмъ частямъ оныя до высоты и края небесъ простирается, чтобъ міръ сей былъ животнымъ наивеличайшимъ, наиблаженнѣйшимъ, и вѣчнымъ, котораго душа и совершенную имѣла премудрость, и собственнаго тѣла не оставляла, коея тѣло вѣчно бы оною жило. Когда они по своимъ догадкамъ сіе допускаютъ, то для чего они не хотятъ вѣрить, что Божіимъ хотѣніемъ и могуществомъ безсмертными земныя тѣла быть могутъ, въ которыхъ бы души ни какою смертію не разлучалися, никакими тягостьми не обременялися, вѣчно и благополучно пребывали; что они въ тѣлахъ огненныхъ богамъ своимъ приписываютъ, и Юпитеру Царю ихъ во всѣхъ тѣлесныхъ стихіяхъ? Ибо ежели душѣ, дабы быть ей блаженною, всякаго тѣла удаляться должно, то пускай боги ихъ удаляются отъ круговъ свѣтилъ, пускай удаляется Юпитеръ ихъ отъ неба и земли, или, естьли не могутъ, то пускай почитаемы будутъ бѣдными. Но они ни того ни другаго допустить не хотятъ; не могутъ признать, что боги ихъ отъ тѣлъ разлучаются, дабы не почли другіе, что они боговъ смертныхъ почи-

читаютЪ; не могутЪ же сказать, что боги ихЪ блаженства лишаются, дабы не признать ихЪ нещастными. И такЪ для полученія блаженства не всякаго тѣла удаляться надлежитЪ, но только тлѣннаго, прискорбнаго, тягостнаго, смертнаго; то есть не таковаго, каковое первымЪ людямЪ содѣлала Божія благость, но каковымЪ содѣлала казнь за преступленіе.

Глава осьмаянадесять.

О земныхЪ тѣлахЪ, о коихЪ философы утверждаютЪ, что оныя въ небесныхЪ быть не могутЪ; понеже все земное по природной тягости стремится кЪ земли.

Но необходимо, говорятЪ, потребно, чтобЪ земныя тѣла природная тяжесть или наземли содержала, или кЪ земли влекла, и потому земныя тѣла вЪ небесныхЪ быть не могутЪ. Первые правда люди были на земли, древами и плодами обильной, которая рая имя получила. Но понеже и на сіе отвѣтствовать должно какЪ ради Христовой плоти, сЪ коею онЪ вознесся на небо, или СвятыхЪ, каковыя вЪ воскресеніе быть имѣютЪ: то пускай они внимательнѣе тягость земную разсмотрятЪ. Ибо естьли искуство человѣческое то дѣлаетЪ, что погружающіеся металлы вЪ водѣ, содѣланы будучи другимЪ образомЪ, могутЪ плавать по водѣ: то не вѣроятнѣе ли несравненно,

что Богъ, употребивъ свой образъ дѣйствія, котораго изволеніемъ, по признанію Платонову, всемогущимъ ни родившееся не погибаетъ, ни соединенное не разрушается, когда несравненно удивительнѣе безплотное съ тѣлеснымъ, нежели тѣлесное съ тѣлеснымъ совокупить, можетъ земнымъ вещамъ даровать то, чтобъ оныя къ низу не стремились, но при совершенномъ блаженствѣ душъ тѣлами куда угодно имъ преносились удобно? Или естьли Ангели въ силахъ то дѣлать (1), чтобъ восхищать животныхъ земныхъ, откуду имъ угодно, и поставлять тамъ, гдѣ имъ угодно, то можно ли вѣрить, что они безъ труда того здѣлать не могутъ, или по крайней мѣрѣ чувствуютъ тягость? Для чегожъ не вѣрить тому, что духи Святыхъ совершенные и блаженные по Божію дарованію безъ труда могутъ преносить свои тѣла, куда угодно и поставлять тамъ, гдѣ имъ угодно? Ибо когда въ ношеніи тѣлъ земныхъ чувствуемъ тяжесть такъ, что чѣмъ болѣе есть количество, тѣмъ большая бываетъ и тягость; какъ на примѣръ, множество пудъ болѣе тяготитъ, нежели когда ихъ будетъ меньше: при всемъ томъ члены своея плоти легче ноcитъ душа при совершенномъ здравіи тѣла, нежели при немощи и слабости. И когда здороваго и сильнаго носятъ другіе; тогда онъ кажется имъ тягостнѣе, нежели когдабъ онъ былъ сухъ: однако самъ

онъ

онъ свою плоть движетъ удобнѣе, когда при совершенномъ здравіи болѣе имѣетъ тягости, нежели въ болѣзни и гладѣ. Столько можетъ въ тѣлахъ земныхъ тлѣнныхъ и смертныхъ не мѣра количества но образъ соразмѣрности. И кто словами изобразить въ состояніи, коликое есть различіе между настоящимъ здравіемъ и будущимъ безсмертіемъ? И такъ пускай не поносятъ нашей вѣры философы изъ тягости тѣлъ. Я нехочу вопрошать ихъ, для чего они не вѣрятъ, то тѣло земное быть можетъ на небѣ, когда цѣлая земля ни на чемъ виситъ. Ибо можетъ статься, о самомъ среднемъ міра мѣстѣ умствованіе вѣроятнѣйшимъ покажется, въ которое всякія тяжести стекаются. То только скажу, естьли боги меньшіе, которые по мнѣнію Платонову, между прочими животными сотворили и человѣка, могли раздѣлить отъ огня силу сожигающую, а оставили только въ очахъ человѣческихъ свѣтящую: то усумнимся ли мы всевышнему Богу приписать, что онъ въ тѣлѣ человѣческомъ, которому даруетъ безсмертіе, можетъ отнять тлѣніе, оставить природу, и образъ членовъ, съ отнятіемъ отъ оныхъ тягости: когда и Платонъ ему присвоилъ, что онъ богамъ даровалъ, дабы они не умирали, и что онъ толь различныя толь несходственныя тѣлесныя и безплотныя соединилъ и совокупилъ вещи такъ, что никакимъ образомъ раздѣлиться

не могутъ? Но о вѣрѣ воскресенія мертвыхъ, и о безсмертныхъ ихъ тѣлахъ тщательнѣе, естьли Богъ благоволитъ, на концѣ сего сочиненія говорить мы будемъ.

Глава девятаянадесять.

Противъ ученія тѣхъ, кои думаютъ, аки бы первые люди, хотябъ не согрѣшили, безсмертными быть не могли бы.

Теперь о тѣлахъ первыхъ людей, какъ намѣревали, изъяснимъ; понеже смерть сія, которая добрымъ почитается доброю, и не только малочисленнымъ разумѣющимъ и вѣрующимъ извѣстная, коею разлучается душа отъ тѣла, коею тѣло животнаго явственно жившее, явственно умираетъ, не могла имъ приключиться, естьлибъ не заслужили оныя чрезъ преступленіе. Ибо хотя сомнѣваться не можно, что святыхъ и праведныхъ умершихъ души въ покоѣ пребываютъ, столь однако было бы лучше для нихъ съ своими тѣлами при полномъ ихъ здравіи пребывать, что и тѣ самые, кои безъ тѣла жить блаженнымъ состояніемъ почитаютъ, сіе мнѣніе своимъ мнѣніемъ подкрѣпляютъ. Ибо никто изъ Платоническихъ не осмѣлится благоразумныхъ людей или умершихъ или умереть имѣющихъ, то есть, или оставившихъ тѣла, или оставить имущихъ, предпочесть богамъ безсмертнымъ, которымъ всевышній Богъ у Платона вмѣсто наи-

наивеличайшаго дара неразрушимую жизнь, то есть, вѣчную съ тѣлами ихъ неразрывность обѣщаетъ. Думаетъ также Платонъ, что блаженны бываютъ люди, естьли отъ тѣлъ своихъ разлучившись, на лоно самихъ боговъ, кои никогда тѣлъ своихъ не оставляютъ, будутъ воспріяты. То есть, дабы они, забывъ все мірское, пожелали паки возвратиться въ тѣла; что Виргилій по мнѣнію Платоническому сказалъ. Такимъ образомъ онъ думаетъ, что души человѣческія ни въ тѣлахъ своихъ всегда пребывать могутъ, но по нуждѣ смертію разрѣшаются; ни безъ тѣлъ вѣчно быть, но попеременно и непрестанно живыми изъ мертвыхъ, и мертвыми изъ живыхъ бываютъ: такъ, что премудрые люди тѣмъ отъ прочихъ людей по видимому различаются, что посмерти преселяются въ небесныя свѣтила, дабы долговременно въ оныхъ покоясь, и потомъ забывъ о прежней бѣдности, и стремясь желаніемъ имѣть тѣла, возвратиться къ трудамъ и бѣдностямъ смертныхъ. А тѣ, которые безумно жизнь препровождали, въ тѣла, дѣламъ своимъ достойныя какъ человѣческія, такъ и безсловесныхъ животныхъ, тотчасъ преселяются. И такъ въ таковомъ горестномъ состояніи полагаетъ благія и премудрыя души, которымъ не таковыя даны тѣла, съ которыми бы всегда и безсмертно жизнь препровождать, дабы онѣ ни съ тѣлами,

ни безъ оныхъ вѣчно пребывать не могли. О которомъ Платоновомъ догматѣ въ прежде писанныхъ книгахъ мы говорили, гдѣ изъяснили и то, что Порфирій, устыдившись Христіянскихъ временъ, не только отвергнулъ прехожденіе душъ въ тѣла безсловесныхъ, но утверждалъ, что души премудрыхъ людей, отъ союзовъ плотскихъ свободясь, у Отца безконечно пребываютъ. И такъ дабы не остаться отъ Христа побѣжденнымъ, обѣщающаго святымъ своимъ вѣчную жизнь, то и онъ утверждалъ, что души очистившіяся, не возвращаясь на прежнюю бѣдность, въ вѣчномъ блаженствѣ пребываютъ. Но чтобъ быть противникомъ Христу, воскресеніе нетлѣнныхъ тѣлъ опровергая умствовалъ, что не только безъ земныхъ, но и безъ всякихъ со всѣмъ тѣлъ вѣчно жить оныя будутъ. При всемъ томъ въ семъ своемъ мнѣніи не заключилъ, что таковыя души боговъ плотію облеченныхъ превосходятъ. Для чегожъ? Понеже онъ не вѣрилъ, чтобъ онѣ, хотя никакому тѣлу не совокуплены, были лучше оныхъ. Чего для естьли не осмѣлятся они, какъ и думаю не смѣютъ, богамъ блаженнымъ, однако плотію облеченнымъ, предпочесть человѣческія души; то для чего имъ кажется непристойнымъ, что Христіанская вѣра проповѣдуетъ, что и первые люди такъ были сотворены, что ежели бы не согрѣшили, то никакою смертію отъ своихъ тѣлъ разрѣ-

ше-

шены бы не были: но въ воздаяніе за сохраненное послушаніе, одарены будучи безсмертіемъ, съ оными пребывали во вѣки. И таковыя тѣла Святые имѣть будутъ въ воскресеніи, хотя тѣжъ самыя, въ которыхъ труждалися, однако таковыя, что ни тлѣнію не будутъ подвержены, ни въ блаженствѣ своемъ не будутъ имѣть прискорбности и нещастій.

Глава двадесятая.

Что плоть святыхъ, которая нынѣ почиваетъ въ надеждѣ, въ лучшее качество премѣниться должна будетъ, нежели какою было первыхъ людей прежде паденія.

Святыхъ умершихъ души для того неимѣютъ тягостной смерти, коею разлучены отъ тѣлъ своихъ, понеже плоть ихъ почиваетъ въ надеждѣ, хотя по видимому поношенія безъ всякаго чувства претерпѣли. Ибо не забыть тѣла желаютъ, какъ Платону казалось, но наипаче помнятъ, что имъ обѣщано отъ того, которой никого не обманываетъ: который увѣрялъ, что и власъ главы не погибнетъ (1), который воскресеніе тѣлъ, въ коихъ много претерпѣли, обѣщалъ съ тѣмъ, что ничего таковаго въ оныхъ не пострараждутъ. Понеже естьли они плоть свою не ненавидѣли (2), когда ея по немощи своей разуму не покаряющуюся обуздывали духовно: кольми паче любятъ

 оную,

оную, когда имѣетъ быть духовною. Ибо какъ духъ повинующійся плоти прилично называется плотянымъ; такъ плоть работающая духу справедливо имянуется духовною; не потому, аки бы она въ духъ превратится, какъ нѣкоторые думаютъ, и какъ написано: *Сѣется тѣло душепное, востаетъ тѣло духопное*; но того ради, понеже чуднымъ повиновеніемъ покорится духу къ исполненію неразрушимаго безсмертія хотѣнія, и не будетъ чувствовать прискорбности, и тягости. Понеже не только не будетъ таковымъ, каковымъ есть нынѣ при самомъ лучшемъ здравіи, но ни таковымъ, каковымъ было у первыхъ людей прежде паденія. Которые хотя умереть не имѣли, естьлибъ не согрѣшили, однако употребляли пищи какъ люди, нося не духовныя, но душевныя земныя тѣла. Которые хотя состарѣться и по нуждѣ умереть не могли, понеже древо жизни, которое было посредѣ рая, купно съ древомъ запрещеннымъ, чуднымъ образомъ состояніе ихъ хранило: однако они и другихъ снѣдей употребляли кромѣ одного древа запрещеннаго, не потому, аки бы оно было зло, но ради одобренія простаго повиновенія блага, что есть великою добродѣтелію твари разумной, состоящей подъ владычествомъ Творца и Господа. Ибо гдѣ зла никакого не было, тамъ, ежели запрещенному дѣлается прикосновеніе, согрѣша-

шается однимъ непослушаніемъ. И такъ питались они и другими пищами: дабы душевныя тѣла отъ алчбы и жажды не чувствовали прискорбности. Отъ древа же жизни снѣдали для того, дабы не приближалась къ нимъ откуда либо смерть, или дабы состарѣвшись и окончавъ вѣкъ не умерли, какъ бы прочія вещи были для пищи, а оное древо для тайны: дабы, то есть, мы почитали древо жизни въ раи тѣлесномъ, какъ въ духовномъ, то есть, мысленномъ раѣ премудрость Божію, о коей написано: *Древо жизни есть всѣмъ пріемлющимъ ю.*

Глава двадесять первая.

О раѣ, въ которомъ были первые люди, что, не нарушая истинны повѣсти о тѣлесномъ мѣстѣ, можно знаменованіемъ его духовное нѣчто разумѣть.

Чего нѣкоторые весь оный рай, гдѣ первые прародители рода человѣческаго, по сказанію Священнаго Писанія, истинны пребывали, къ мысленнымъ относятъ; растѣнія и древа плодоносныя въ добродѣтели житія и нравы превращаютъ, какъ будто бы видимаго онаго и тѣлеснаго ничего не было, а написано только и сказано такъ ради означенія мысленныхъ вещей. Какъ будто бы не могъ быть тѣлесный рай для того, что можетъ рай разумѣваемъ быть духов-

ный:

ный: такъ какъ будто бы не было двухъ женъ оныхъ Агари и Сарры, и отъ нихъ двухъ сыновъ Авраамовыхъ, одного отъ рабыни, другаго отъ свободныя; понеже говоритъ Апостолъ, что оными означались два завѣта. Можно также бы сказать, что Моисей ни отъ какого камня не производилъ воды; понеже камень знаменовалъ Христа, какъ той же Апостолъ говоритъ: *камень же бѣ Христосъ.* И такъ никто невозбраняетъ разумѣть раемъ жизнь блаженныхъ: чрезъ четыре рѣки четыре добродѣтели: разумъ, крѣпость или мужество, воздержаніе и правду. И чрезъ древа его вcѣ полезныя науки; и чрезъ плоды древъ его нравы святыхъ и благочестивыхъ; и чрезъ древо жизни самую всѣхъ благъ матерь премудрость; и чрезъ древо разумѣнія добра и зла наказаніе за преступленіе. Ибо наказаніе грѣшникамъ Богъ хорошо уставилъ; понеже праведно; но человѣкъ чувствуетъ оное не къ благу своему. Можно также и въ церкви сіе разумѣваемо быть, такъ какъ знаменіе пророческое означающее будущее. Раемъ, то есть, можно почесть самую церковь, какъ о ней пишется въ пѣсняхъ пѣсней. Чрезъ четыре рѣки, четыре Евангелія; чрезъ древа плодоносныя святыхъ; чрезъ плоды дѣла ихъ; чрезъ древо жизни, святаго святыхъ Христа; чрезъ древо разумѣнія добра и зла собственное человѣческое воленіе разумѣть можно. Ибо презрѣвъ человѣ-

ло-

ловѢкЪ Божію волю не инако, какЪ только сЪ погибелію своею употреблять себя можетЪ: и такимЪ образомЪ познаваетЪ, какое есть различіе прилѢпляться кЪ общему всѢхЪ благу, или увеселяться собственнымЪ добромЪ. Понеже любящій себя даруется самому себѢ, дабы онЪ того наполнившись страха, ежели только чувствуетЪ свое зло, пѢлЪ во псалмѢ: *Ко мнѢ самому душа моя смятеся;* и исправившись говорилЪ: *КрѢпость мою кЪ тебѢ сохраню.* Сіе и подобное никто не запрещаетЪ разумѢть о раѢ духовно, только чтобЪ истинна повѢствованія оставляема была нерушимою.

Глава двадесять вторая.

О тѢлахЪ СвятыхЪ по воскресеніи, которыя хотя будутЪ духовны, однако плоть не препратится вЪ духЪ.

И такЪ тѢла святыхЪ по воскресеніи не потребуютЪ тѢлеснаго древа жизни, дабы болѢзнію и дряхлостію изнурены будучи, не умерли; не пожелаютЪ и другой тѢлесной пищи и питія, для отвращенія происходящей отЪ недостатка оныхЪ прискорбности: понеже облекутся вЪ безсмертіе, такЪ что ежели бы и восхотѢли употребить пищи, то не по нуждѢ, но только по возможности. Что и Ангели видимымЪ и осязаемымЪ образомЪ являяся, не поелику нужду имѢли, но поелику могли, дабы служе-

женіемъ своимъ сходствовать съ людми, дѣлали. Ибо не должно вѣрить, аки бы Ангели привидѣніемъ пищи употребляли, когда ихъ люди угощали по невѣденію, что они Ангели. И для того то Ангелъ въ книгѣ Товіи: *Видѣсте мя ядуща, но видѣніемъ вашимъ видѣсте.* То есть, вы думали, что я пищу употреблялъ по нуждѣ ради насыщенія плоти, какъ вы дѣлаете. Но ежели о Ангелахъ другое нѣчто вѣроятнѣйшее разумѣваемо быть можетъ, однако Христіянская вѣра о самомъ Спасителѣ въ томъ не сомнѣвается, что онъ по воскресеніи въ духовной будучи плоти, однако истинной пищу и питіе съ учениками употреблялъ. Ибо не возможность, но нужда въ таковыхъ тѣлахъ къ пищи и питію отъимется. Почему и духовными будутъ не потому, аки бы тѣла тѣлами быть престанутъ, но поелику животворящимъ духомъ пребывать имѣютъ.

Глава двадесять третія.

Что разумѣть надлежитъ о тѣлѣ душевномъ, и тѣлѣ духовномъ и которые умираютъ по Адамѣ, и которые оживотворяются по Христѣ.

Ибо какъ тѣ тѣла, которыя имѣютъ душу живущую, а не духъ животворящій называются тѣлами душевными, однако оныя не души но тѣла: такъ и оныя тѣла духов-

ховными имянуются: однако не должны мы вѣрить, акибы оныя будутъ духъ, но тѣла; при всемъ томъ никакой тягости, и тѣлеснаго тлѣнія, по причинѣ оживотворяющаго духа, имѣть не будутъ. Тогда уже не земный, но небесный будетъ человѣкъ, не потому, акибы тѣло созданное отъ земли не то же самое будетъ, но поелику по дарованію небесному уже таковымъ будетъ, что и на самомъ небѣ, не лишась своей природы, но только по измѣненіи качества, жить будетъ способно. Первый же человѣкъ отъ земли перстный сотворенъ въ душу живу, а не въ духъ животворящъ, что ему въ воздаяніе за послушаніе хранимо было. Того ради тѣло его, которое требовало пищи и питія, дабы гладомъ и жаждою не быть изнуряему, и не безсмертіемъ онымъ неразрушаемымъ, но древомъ жизни отъ необходимости смерти къ смерти было недопускаемо, и въ цвѣтѣ юности содержимо; не духовное было, но душевное, однако умереть не имущее, естьлибъ не подпало приговору Божію, предвѣщающему и претящему чрезъ свое преступленіе. Чего для хотя смерть сію явную, коею разлучается душа отъ тѣла, разумѣть будемъ купно означенною въ томъ, что сказалъ Богъ: *Вонъ же день снѣсте отъ него, смертію умрете*; однако не должно намъ казаться недостовѣрнымъ оное, поелику не въ тотъ день разлучились они отъ тѣла, въ кото-

рой

рой запрещенной и смертоносной снѣди вкусили. Ибо въ тотъ день по премѣненіи природы въ хуждшее состояніе, и по праведномъ удаленіи отъ древа жизни смерть тѣлесная вселилась въ нихъ по нуждѣ, съ которою мы родились. Чего ради Апостолъ не говоритъ, плоть убо умереть имѣющая, но *плоть убо мертва грѣха ради, духа же животъ есть правды ради.* Потомъ прилагаетъ: *Аще же духъ воскресившаго Христа отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, убо воздвигнувый Христа отъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша духомъ своимъ живущимъ въ васъ.* И такъ тогда будетъ плоть въ духъ животворящъ, которая есть нынѣ въ душу живу, и однако Апостолъ умершею называетъ; понеже уже связана необходимостію смерти. Тогда же было тѣло въ душу живу, хотя не въ духъ животворящъ, такъ, что мертвымъ справедливо назвать его не можно, понеже безъ содѣланія грѣха необходимости умереть не могло имѣть. Когда же Богъ сказалъ: *Адаме гдѣ еси?* Означилъ смерть души, которая сдѣлалась оставленіемъ человѣка: и рекши: *Земля еси, и въ землю пойдеши*; означилъ смерть тѣлесную, которая бываетъ отшествіемъ души. И такъ признавать надлежитъ, что о смерти второй ничего не сказалъ; понеже благоволилъ ей быть скрытой ради строенія новаго завѣта, гдѣ вторая смерть явственно открывается, дабы

бы сперва оная смерть первая общая всѣмъ познана была, что произошла отъ грѣха, которой въ одномъ общимъ сталъ всѣмъ; смерть же вторая не общая есть всѣмъ ради оныхъ, которые по предъувѣдѣнію званы святые, ихъ же предъувѣда и предъустави, какъ говоритъ Апостолъ, сообразнымъ быти образу Сына своего, яко да будетъ той перворoднымъ во многихъ братіяхъ, которыхъ отъ второй смерти чрезъ Ходатая Божія благодать избавила. И такъ первый человѣкъ въ тѣлѣ душевномъ сотворенъ, какъ говоритъ Апостолъ: ибо желая показать различіе душевному отъ духовнаго, которое быть имѣетъ въ воскресеніи: *сѣется*, говоритъ, *въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.* Потомъ дабы сіе показать, естьли есть, говоритъ, *тѣло душевное, то есть тѣло и духовное.* И дабы изъяснить, что есть тѣло душевное, *тако*, говоритъ, *писано есть: бысть первый человѣкъ въ душу живу.* И такъ показалъ Апостолъ, что есть душевное тѣло, хотя Писаніе не сказало о первомъ человѣкѣ называемомъ Адамомъ, когда оная душа дуновеніемъ Божіимъ сотворена, и бысть человѣкъ въ тѣло душевное, но *бысть человѣкъ въ душу живу.* И такъ въ написанномъ ономъ словѣ: *бысть первый человѣкъ въ ду-*

 шу

щу живу, Апостолъ разумѣетъ тѣло человѣческое душевное, духовнымъ же разумѣть повелѣваетъ прилагая: *послѣдній же Адамъ въ духъ животворящъ.* Безъ сомнѣнія Христа означая, который такъ воскресъ изъ мертвыхъ, что умереть къ тому уже не можетъ. Потомъ продолжаетъ и говоритъ: *но не прежде духовное, но душевное, таже духовное.* Здѣсь гораздо яснѣе показалъ, что онъ чрезъ оное слово, *бысть человѣкъ первый въ душу живу*, разумѣетъ душевное тѣло: духовное же въ ономъ словѣ, *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ.* Ибо во первыхъ душевное тѣло, каковое имѣлъ Адамъ, хотя оно умереть не имѣло, естьлибъ не согрѣшилъ: каковое мы нынѣ имѣемъ поврежденное по его паденіи, которое подвержено необходимости умереть. Каковое насъ ради Христосъ принялъ: послѣ же духовное, которое уже предварило во Христѣ, какъ въ главѣ нашей, которое будутъ имѣть и всѣ уды въ послѣднее воскресеніе мертвыхъ. Присовокупляетъ потомъ Апостолъ очевидное различіе сихъ двухъ человѣковъ, говоря: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе. Яковъ перстенъ, такови и перстніи, и яковъ небесный, тацы же и небесніи. И яко же облекохомся по образѣ перстнаго, да облечемся и по образѣ небеснаго.* Сіе Апостолъ такъ положилъ, какъ нынѣ въ насъ чрезъ тайну отрожденія бываетъ, какъ на

ДРУ:

другомъ мѣстѣ говоритъ: *елицы во Христа крестистеся во Христа облекостеся.* Самою же вещію тогда совершится, когда и въ насъ по рожденію душевное, содѣлается по востаніи духовнымъ. Ибо чтобъ употребить его же слова: *упованіемъ спасохомся.* Облеклись же мы во образъ перстнаго человѣка распространеніемъ преступленія и смерти, которую намъ причинило рожденіе: но облеклися и во образъ небеснаго благодатію помилованія и жизни вѣчной; что самое даруетъ намъ отрожденіе *Ходатаемъ Бога и человѣковъ человѣкомъ Іисусомъ Христомъ.* Котораго небеснымъ человѣкомъ разумѣетъ; понеже съ неба сошелъ, дабы земныя смертности облечься въ тѣло, съ тѣмъ, чтобъ облечь оное небеснымъ безсмертіемъ. Небесными же для того нарицаетъ и другихъ: понеже по благодати бываютъ членами его, да будетъ единъ Христосъ глава и тѣло. Сіе явственнѣе въ томъ же посланіи такъ полагаетъ: *человѣкомъ смерть, и человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ. Якоже бо въ Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ,* уже конечно въ тѣлѣ духовномъ, которое будетъ въ духъ животворящъ: не поелику всѣ въ Адамѣ умирающіе удами будутъ Христовыми. Ибо изъ оныхъ большая часть второю смертію во вѣки наказаны будутъ. Но для того сказано: всѣ и всѣ; понеже какъ тѣломъ душевнымъ никто не умира-

етъ, какъ только въ Адамѣ; такъ тѣломъ духовнымъ никто не оживотворяется какъ только во Христѣ. Чего для не должно думать, что мы въ воскресеніе таковое тѣло имѣть будемъ, какое имѣлъ первый человѣкъ прежде паденія. И онаго слова: Яковъ перстный, такови и перстніи; не должно такъ разумѣть, какъ сдѣлалось по паденіи. Ибо не можно воображать, аки бы прежде согѣшенія имѣлъ онъ духовное тѣло, которое за преступленіе премѣнилось въ душевное. Понеже мало тотъ внимаетъ вселенныя учителя словамъ, когда думаетъ такъ, когда Апостолъ сказалъ: *Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное. Яко же писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу.* Не уже ли сіе послѣ паденія было, когда первое человѣка описывается состояніе: отъ котораго блаженный Апостолъ ради показанія душевнаго тѣла сіе свидѣтельство законное приводитъ?

Глава двадесять четвертая.

Какимъ образомъ разумѣть должно оное вдохновеніе, коимъ бысть человѣкъ первый въ душу живу: также и оное, которое учинилъ Господь сказавъ: пріимите Духъ Святъ.

Не благоразумно также нѣкоторые выразумѣли и оное слово: *И вдуну Богъ въ лице его дыханіе жизни,* и *бысть человѣкъ* въ

въ душу живу. Будто бы не тогда впервые дана душа человѣку, но аки бы та, которая уже въ немъ была, оживотворена Духомъ Святымъ. Ибо трогаетъ ихъ то, что Господь Іисусъ по воскресеніи отъ мертвыхъ дунувъ, сказалъ ученикамъ: *Пріимите Духъ Святъ.* Почему заключаютъ, что здѣсь таково нѣчто содѣлано, какъ и тогда, и аки бы Евангелистъ, послѣдуя тому, сказалъ: и быша въ душу живу. Которое правда хотя и сказано было бы, то и тогда бы мы разумѣли, такъ что Духъ Божій есть нѣкоторою жизнію душъ, безъ котораго словесныя души могутъ почесться мертвыми, хотя присутствіемъ ихъ тѣла по видимому живутъ. Но не такъ тогда было, когда сотворенъ человѣкъ, довольно тое доказываютъ самыя той книги слова, которыя суть слѣдующаго содержанія: *И сотвори Богъ человѣка персть вземъ отъ земли*; показываетъ намъ Апостолъ, что сей самый сотворенный человѣкъ отъ персти земной или влажной тины; сія, говорю, персть отъ земли бысть тѣломъ душевнымъ, когда приняла душу. И бысть сей человѣкъ въ душу живу. То есть сотворенная сія персть бысть въ душу живу. Уже, говорятъ, имѣлъ онъ душу, инако не былъ бы называемъ человѣкомъ: понеже человѣкъ не есть одно тѣло, или одна душа, но купно душа и тѣло. Сіе безспорно справедливо, что душа не есть

цѣлый человѣкъ, но лучшая часть человѣка: ни тѣло есть цѣлымъ человѣкомъ, но частію человѣка нижшею. Но когда обѣ сіи части купно бываютъ соединены, тогда названіе человѣка имѣютъ; привсемъ томъ и о каждой части подобное говоримъ: ибо кому запрещено въ обыкновенныхъ рѣчахъ употребить сихъ словъ: человѣкъ оный умеръ, и нынѣ либо въ покоѣ, либо въ мукѣ: когда объ одной душѣ можно только сіе сказать. Или въ такомъ-то или такомъ-то мѣстѣ человѣкъ оный погребенъ, когда говоримъ объ одномъ тѣлѣ? Не уже ли они скажутъ, что Священное Писаніе такъ не говоритъ? Не правда. Она намъ въ семъ случаѣ подаетъ свидѣтельство, называя каждую изъ человѣческихъ главныхъ частей особенно человѣкомъ, когда и купно онѣ соединены, душу внутреннимъ человѣкомъ, а тѣло внѣшнимъ, какъ будто бы были два человѣка, когда напротивъ обѣ соединенныя части составляютъ одного человѣка. Но разумѣть надлежитъ, почему человѣкъ называется по образу Божію, и человѣкомъ отъ земли въ землю имѣющимъ возвратиться. Ибо въ первомъ случаѣ по душѣ нарицается, каковую Богъ вдохновеніемъ даровалъ человѣку, то есть человѣческому тѣлу: вовторомъ по тѣлу, каковымъ Богъ сотворилъ отъ земли, коему дана душа, дабы было тѣло душевное, то есть человѣкъ въ душу

шу

шу живу. Чего для въ томъ, что Господь сдѣлалъ, когда дунулъ сказавъ: *Пріимите Духъ Святъ*, далъ знать, что Духъ Святый тогожъ есть существа съ Отцемъ и Сыномъ, и не тварь, но Творецъ. Ибо оное дыханіе тѣлесное отъ устъ тѣлесныхъ происходящее не есть существомъ Духа Святаго и естествомъ, но одинъ знакъ, дабы мы разумѣли, какъ я сказалъ, что Духъ Святый единосущенъ Отцу и Сыну. Всегда же сей Духъ въ Священномъ Писаніи на Греческомъ діалектѣ называется: πνεῦμα, такъ какъ и здѣсь тѣмъ же именемъ его нарекъ, когда тѣлеснымъ устъ своихъ дыханіемъ означая, далъ его ученикамъ, и нигдѣ не нахожу въ Священномъ Писаніи во всемъ инымъ именемъ его наименованнымъ. Тамъ же, гдѣ чтется: и созда Богъ человѣка персть всемъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни, не пишется, πνεῦμα, коимъ именемъ называется Духъ Святый, но πνοὴ, которое имя твари наипаче присвояется, нежели Творцу. Чего для многіе въ Латинскомъ діалектѣ ради различія вмѣсто сего слова духъ полагаютъ дуновеніе. Ибо сіе и въ Греческомъ стоитъ у Исаіи Пророка, гдѣ говоритъ Богъ: *Всякое дыханіе азъ сотворихъ*, то есть, безъ сомнѣнія всякую душу означая. И такъ что по Гречески, πνοὴ, называется, оное Латинщики иногда дыханіемъ, иногда духомъ, иногда вдохновеніемъ,

емъ, иногда душею нарицаютъ. πνεῦμα же ничего не нарицаютъ кромѣ духа или человѣческаго, о которомъ говоритъ Апостолъ *Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже суть человѣческая, точію духъ человѣка живущій въ немъ?* Или скотскаго, какъ въ книгѣ Соломоновой написано: *Кто вѣсть, аще духъ человѣческій восходитъ горѣ на небо, и духъ скотскій нисходитъ долу на землю?* Или сего тѣлеснаго, который называется вѣтръ: ибо ему приложено сіе имя, когда читается въ псалмѣ: *Огнь, градъ, снѣгъ, голоть, духъ буренъ.* Или уже не сотвореннаго но Творца, какъ то о которомъ пишется въ Евангеліи: *Пріимите Духъ Святъ*: означая его дуновеніемъ своихъ тѣлесныхъ устъ: и когда говоритъ: *Идите и крестите вся языки во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; въ которыхъ словахъ Троица Святая явственно представлена. И гдѣ пишется: *Богъ есть Духъ.* И въ прочихъ безчисленныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ. Въ сихъ всѣхъ мѣстахъ Священнаго Писанія, что принадлежитъ до Грековъ, не, πνοιν, но πνεῦμα написано, что же касается до Латинщиковъ, то не flatus, но spiritus въ оныхъ свидѣтельствахъ стоитъ. Чего для въ ономъ словѣ: и вдуну въ лице его дыханіе жизни, естьлибъ на Греческомъ не, πνοιν, какъ тамъ положено, но, πνεῦμα было написано; то и тогда не принужденыбъ мы были разумѣть Духа Святаго; когда, π-

πνεῦμα не только Творцу, но и твари прилагается. Но когда сказалъ, говорятъ, духа, не прибавилъ бы жизни, естьлибъ не Святаго разумѣлъ Духа. И когда сказалъ: бысть человѣкъ въ душу, не приложилъ бы: живу: естьлибъ не желалъ означать жизни души, которая ей дается даромъ Духа Божія. Ибо когда живетъ душа, говорятъ, собственнымъ и свойственнымъ своей жизни образомъ, то какая была нужда прибавлять, въ душу *живу*: естьли не для означенія той жизни, которая ей дается Святымъ Духомъ? Сіе что иное означаетъ, какъ только поборствовать по своему мнѣнію, и нерадиво внимать Священному Писанію. Ибо не по что бы далеко ходить, а только надлежало въ той же книгѣ нѣсколько по выше прочитать: *Да произведетъ земля душу живу*, когда животныя земныя всѣ сотворены. Потомъ въ той же книгѣ примѣтить стоило бъ трудности, что написано: *И вся елика имутъ духъ жизни, и всякъ живущій на сушѣ умре.* Когда повѣствовалъ, что все живущее на земли погибло отъ потопа? И такъ естьли и душу живущую и духъ жизни находимъ и въ безсловесныхъ, какъ обыкновенно Священное Писаніе говоритъ: и когда и въ ономъ также мѣстѣ, гдѣ читаемъ, вся яже имутъ духъ жизни, на Греческомъ не полагается πνεῦμα, но πνοὴν: для чего не сказать, что Священное Писаніе сіе, живу,

приложило; понеже душа бытія имѣть не можетъ, естьли не живетъ. Или какая нужда была прибавлять, жизни, когда положило духъ. Но разумѣемъ, что Священное Писаніе положило духъ жизни, и душу живу по своему обыкновенію, когда даетъ знать о тѣлахъ одушевленныхъ, имѣющихъ, по причинѣ сущей въ нихъ души, и тѣлесныя чувства. Въ сотвореніи же человѣка забываемъ, какимъ образомъ обыкновенно Священное Писаніе говоритъ, когда оно говоритъ по своему обыкновенію, дабы внушить, что человѣкъ разумную душу получилъ, не какъ прочіе животные произведенные отъ земли и воды, но вдохновеніемъ Божіимъ. Но естьли, говорятъ, разумѣется чрезъ вдохновеніе Божіе душа; слѣдовательно признать должно, что она одного существа съ Богомъ, и равна оной премудрости, которая говоритъ: *азъ отъ устъ Вышняго изыдохъ.* Но какъ мы можемъ не отъ природы нашей, коею мы люди, но отъ воздуха насъ окружающаго, которой въ себя принимаемъ и испускаемъ, здѣлать дуновеніе: такъ и всемогущій Богъ не отъ своего естества, ни отъ подлежащей твари, но и изъ ничего могъ сотворить дуновеніе, и вдохнуть въ человѣческую плоть, будучи самъ безтѣлесенъ, безтѣлесное, но неизмѣняемый, измѣняемое; понеже несозданный, созданное. Но чтобъ знали тѣ, кои о Священномъ Писаніи говорить предпринимаютъ,

и

и не примѣчаютъ выраженій писанія, что не только описывается происходящимъ отъ устъ Божіихъ, то, что единоестественно Богу и равно; но пускай послушаютъ или прочитаютъ, что Богъ въ писаніи о себѣ говоритъ: *понеже ни тепль еси ни студенъ, изблевати тя имамъ отъ устъ моихъ.* И такъ нѣтъ никакой причины противляться Апостолу, ясно открывающему, гдѣ онъ, различая тѣло душевное отъ духовнаго, говоритъ: *сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное: якоже писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ. Но не прежде духовное, но душевное; потомъ же духовное. Первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, такови и перстніи, и яковъ небесный, тацы же и небесніи. И яко же облекохомся по образъ перстнаго, тако да облечемся и по образъ небеснаго.* О которыхъ Апостольскихъ словахъ выше мы говорили. И такъ тѣло животное или душевное, въ которомъ признаетъ Апостолъ сотвореннымъ перваго человѣка Адама, такъ было сотворено, что не умерло бы, естьлибъ человѣкъ не согрѣшилъ. Ибо которое будетъ духовное и безсмертное, оное никакимъ образомъ умереть не возможетъ; такъ какъ душа безсмертная, которая хотя и называется умершею чрезъ грѣхъ,

то

то есть лишившеюся своей жизни, Духа Святаго, помощію котораго премудро и блаженно могла жить: однако собственною своею жизнію, хотя бѣдною, жить не престаетъ; понеже безсмертною сотворена. Такъ какъ и отступники Ангели, хотя нѣкоторымъ образомъ чрезъ грѣхъ суть умершими: понеже источникъ жизни оставили, коимъ есть Богъ, изъ котораго пія, премудро и блаженно могли пребывать: однако не такъ они умерли, аки бы лишились жизни собственной и чувства. Понеже они безсмертными сотворены, и такимъ образомъ во вторую смерть по послѣднемъ судѣ ввержены будутъ, но и тамъ не лишатся жизни, но чувствовать будутъ мученія. Но люди надлежащіе къ Божіей благодати, сограждане святыхъ Ангеловъ въ блаженной жизни пребывающихъ, такъ въ духовныя тѣла облекутся, что ни согрѣшить ни умереть не возмогутъ. Ибо безсмертіе оное будетъ таково, какъ Ангеловъ, которое грѣхомъ отъято быть не можетъ: въ которомъ природа правда останется плоти, но не будетъ тлѣнія и тяжести. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ, и помощію Бога истинны разрѣшить. Естьли похоть удовъ воюющихъ отъ грѣха непослушанія въ первыхъ оныхъ людяхъ, когда ихъ благодать Божія оставила, началась, чего для свою наготу откровенными любопытнѣе узрѣли очами: и поелику наглое движе-

движенiе произволенiя противилось, покрыли наготу свою: то какимъ образомъ могли они родить дѣтей въ томъ состоянiи, въ которомъ сотворены, естьлибъ не здѣлались преступниками. Но какъ и книгу сiю надлежитъ заключить, и толь великаго вопроса не можно сократить, то мы его отлагаемъ для слѣдующей книги.

Конецъ третiейнадесять книги о градѣ Божiемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, третіюнадесять.

На главу вторую.

(1) Второю смертію. Апокалипсиса глава вторая и двадесять первая.

На главу пятую.

(1) Непозволительнаго. Похоти, говоритъ Павелъ, не вѣдалъ бы я, естьлибъ не говорилъ законъ, непохощеши. Пишетъ Цицеронъ, защищая Росція Американа, что Солонъ въ своихъ законахъ ничего о тѣхъ неуставилъ, которые убьютъ своихъ родителей. Ибо какъ въ самомъ дѣлѣ еще отцеубивства не было, то затѣмъ ничего не положилъ, дабы не наставить людей къ самому дѣлу отцеубивства.

На главу седьмую.

(1) Ежели бы они учинили. Означаетъ симъ, что нѣтъ никакого толь величайшаго грѣха, который бы таинственною оною водою омытъ быть не могъ.

(2) Отверглися Христа. Кажется, что разумѣть сіе надлежитъ о тѣхъ, кои въ Іерусалимѣ убили Христа, изъ коихъ можетъ быть нѣкоторые послѣ къ спасительному благочестію приступили.

На главу первуюнадесять.

(1) Прежде смерти никого не хвали. Подобно слову сему Солоново мнѣніе: прежде смерти не поставляй никого блаженнымъ; понеже неизвѣстно, что ему случиться имѣетъ.

На

На главу седьмуюнадесять.

(1) Но земли землю, говорятъ, возвратить должно. Земля есть тѣло, о которомъ въ Священномъ Писаніи сказано, что оно должно возвратиться въ землю. Оттуда чрезъ Греческихъ писателей до Омира сіе мнѣніе дошло, который Екторовъ трупъ землею называетъ. Подобно и Фокилидъ наидревнѣйшій писатель говоритъ: изъ земли взято наше тѣло, и паки во оную разрушаемся, и бываемъ прахъ.

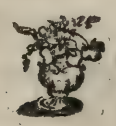
На главу осьмуюнадесять.

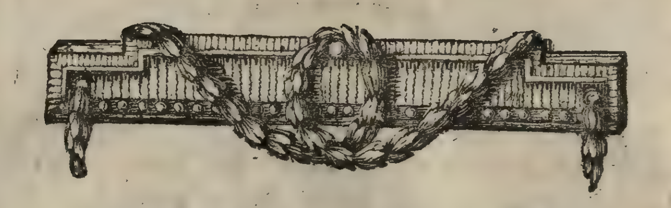
(1) Естьли Ангели въ силахъ то дѣлать. Сколь Ангели сильны, можно дознать изъ онаго, что Ангелъ Господень поразилъ въ одну ночь въ войскѣ Ассирійскомъ сто восемьдесять тысячь мужей Какъ видно изъ книги четвертыхъ царствъ, главы девятойнадесять.

На главу двадесятую.

(1) Власъ главы не погибнетъ. Луки глава двадцать первая.

(2) Плоть свою не ненавидѣли. *Никтоже плоть своею возненавидѣ.* Ефесеемъ глава пятая.





БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА XIV.

Глава первая.

Чрезъ непослушаніе первагo человѣка въ вѣчность вторыя смерти пасть имѣли бы всѣ, естьлибъ многихъ Божія благодать не избавила.

Сказали уже мы, что Богъ, дабы родъ человѣческій не только сходствомъ и подобіемъ соединить, но и родства для дружелюбія связать союзомъ, благоволилъ отъ одного человѣка всѣмъ быть рожденнымъ; и что ни одинъ въ особенности изъ сего рода умереть не имѣлъ бы, естьлибъ двое первозданные, изъ коихъ одинъ изъ земли другой изъ онаго сотворены были, непослушаніемъ своимъ того не заслужили. Которые толь великій содѣлали грѣхъ, что природа человѣческая премѣнилась въ хуждшее состояніе, и отъ того пало по нуждѣ обя,

обязательство грѣха и смерти на все потомство. Смерть же до такой степени владычество свое простирала, что всѣ во вторую смерть низринуты были бы, которой нѣтъ конца, для принятія достойнаго наказанія, естьлибъ ни чемъ никому недолжная Божія благодать (1), многихъ отъ того не исхитила. И отъ того произошло, что когда столь безчисленные во вселенной находятся народы, поведеніями обычаями, языками, оружіями, одеждами различные: однако не болѣе, какъ два рода человѣческаго общества пребываютъ, которыя двумя градами по силѣ нашего Священнаго Писанія назвать можемъ. Одинъ состоитъ изъ людей, хотящихъ жить по плоти; другой изъ людей, желающихъ жизнь препровождать по духу: и когда получатъ собою желаемое, каждой своего рода въ мірѣ живущихъ.

Глава вторая.

О житіи плотскомъ, которое не только изъ тѣлесныхъ, но и изъ душевныхъ пороковъ познавать надлежитъ.

Вопервыхъ разсмотрѣть должно, что есть жить по плоти и по духу. Ибо всякъ можетъ статься услышавъ сіе, что мы сказали, вдругъ, не размышляя и не вникая въ то, какъ говоритъ Священное Писаніе, подумаетъ, что философы Епикуровой секты житіе препровождаютъ по

 плоти

плоти; понеже высочайшее человѣческое добро во удовольствіи тѣлесномъ полагаютъ, и другіе подобные имъ, которые добро тѣлесное, какимъ бы то образомъ ни было, добромъ человѣческимъ признавали: подобно и прочіе люди склонные къ роскоши, которые не инако увеселяются, какъ только полученіемъ удовольствій, пріобрѣтаемыхъ отъ тѣлесныхъ чувствъ. А Стоики, которые высочайшее человѣческое благо въ душѣ поставляли, жизнь препроводятъ по духу; понеже и душа человѣческая не иное что есть, какъ духъ. Но открывается, что обои сіи живутъ по плоти, какъ Божественное говоритъ Писаніе. Ибо плотію называетъ не только тѣло земнаго и смертнаго животнаго, какъ на примѣръ говоритъ: *Не вsяка плоть таже плоть, но ина убо человѣкомъ, ина же плоть скотомъ, ина же птицамъ, ина же рыбамъ*: но и въ другихъ многихъ случаяхъ знаменованія сего имени употребляетъ, и самаго человѣка часто, то есть, природу человѣческую плотію нарицаетъ, чрезъ часть означая цѣлое: какъ напримѣръ: *Не оправдится отъ дѣлъ закона вsяка плоть.* Ибо что онъ здѣсь разумѣетъ, какъ не всего человѣка? Что яснѣе нѣсколько ниже предлагаетъ: *Въ законѣ никтоже оправдится.* И къ Галатомъ: *Вѣдяще, яко не оправдится вsякъ человѣкъ отъ дѣлъ закона.* По сему разумѣется и оное: *И слово плоть бысть*, то есть чело-

ло-

ловѣкъ. Что нѣкоторые не право разумѣя, думали, аки бы Христосъ человѣческой души не имѣлъ (1). Ибо какъ отъ цѣлаго о части разумѣемъ, какъ во оныхъ Маріи Магдалины словахъ, читаемыхъ во Евангеліи, которая сказала: *Взяша Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша его.* Гдѣ о единой плоти Христовой она говорила, о которой думала, что по погребеніи она похищена. Такъ иногда отъ воспомянутой части разумѣется цѣлый человѣкъ, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры. И такъ когда много различнымъ образомъ, о чемъ говорить продолжительно, Священное Писаніе именуетъ плоть; то, чтобъ постигнуть намъ, что есть жить по плоти, что всенепремѣнно есть зло, когда самая природа плоти не есть зла: того ради вникнемъ прилѣжнѣе въ оное мѣсто посланія Апостола Павла, которое Онъ писалъ къ Галатомъ, гдѣ говоритъ: *явлена суть дѣла плотская, яже суть прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, рвенія, завиды, ярости, раженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, піянства, безчинны кличи, и подобная симъ, яже предглаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ.* Сіе все Апостольскаго посланія мѣсто, сколько къ нашей матеріи служитъ, разсуждаемо будучи, можетъ сей разрѣшить вопросъ, что есть жить по плоти. Ибо въ дѣ-

 лахъ

лахъ плотскихъ, которыя Апостолъ явленными или извѣстными назвалъ, и воспомянувъ оныя осудилъ, не только находимъ таковыя, которыя принадлежатъ ко удовольствію плоти; какъ то *блудъ*, *нечистота*, *студодѣяніе*, *піянство*, *объядение*: но и таковыя, чрезъ которыя открываются пороки душевныя, удаленныя отъ удовольствія плотскаго. Понеже кто *идолослуженіе*, *чародѣяніе*, *вражды*, *распри*, *зависти*, *гнѣвъ*, *раздоры*, *ереси*, *ненависть* не почтетъ душевными наипаче пороками, нежели плотскими? Когда можетъ статься, что нѣкоторые ради идолослуженія или ради нѣкотораго заблужденія ереси отъ удовольствій тѣлесныхъ воздерживаться будутъ: однако хотя тѣлесныя вожделѣнія человѣкъ и воздерживаетъ, Апостольское слово по плоти живущимъ его признаваетъ; и въ томъ, что онъ воздерживается отъ удовольствій тѣлесныхъ, казни достойныя плотскія дѣла показываетъ. Кто вражду не въ душѣ содержитъ? Или кто такъ врагу своему говоритъ, или котораго врагомъ почитаетъ: злую плоть ты противъ меня имѣешъ, а не наипаче говоритъ: ты худо душею твоею ко мнѣ расположенъ? Наконецъ какъ тѣлесными услышавъ кто не усумнился бы присвоить оныя плоти, такъ никто не сумнится, что душевныя дѣйствія принадлежатъ къ душѣ; для чего сіе и подобное языковъ учитель въ вѣрѣ и истиннѣ, дѣлами плоти называетъ? не ради

иного

инаго чего, какъ только для означенія чрезъ часть одну цѣлаго человѣка.

Глава третія.

Вина грѣха произошла не отъ плоти, но отъ души, и тлѣніе и попрежденіе пріобрѣтенное грѣхомъ, не грѣхъ есть, но казнь.

Естьли скажетъ кто либо, что плоть виною есть всѣхъ пороковъ; потому что душа, имѣя страстное тѣло, такъ живетъ; тотъ конечно съ прилѣжаніемъ на всю природу человѣческую не взираетъ. Ибо безспорно, что тлѣнное тѣло обремѣняетъ душу; почему и Апостолъ говоря, о тлѣнной плоти, о коей мало выше написалъ: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ*; вѣмы, сказываетъ, *яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе имамы отъ Бога, храмину нерукотворенну вѣчну на небеси; ибо о семъ воздыхаемъ въ жилище наше небесное облещися желающе, аще точію и облекшеся, не нази обрящемся. Живуще бо въ тѣлѣ семъ, воздыхаемъ отягчаемы; понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися, да будетъ пожерто мертвенное животомъ.* И такъ и обременяемся тлѣннымъ тѣломъ, и обремененія виною вѣдая не природу и существо тѣла, но его тлѣніе, не хочемъ совлечься тѣла, но безсмертіемъ приоблечься. И такъ и тогда будетъ тѣло, но поелику не будетъ тлѣнное, потому и необременительно. Слѣдователь-

тельно обременяетъ нынѣ душу тлѣнное, и отягощаетъ земное жилище разумъ о многомъ помышляющій. Однако которые поставляютъ, что вся злая отъ тѣла приключились, тѣ находятся въ заблужденіи. Ибо хотя ясно мнѣніе Платоническихъ философовъ открываетъ, говоря: огненная въ душахъ сила, и происхожденіе отъ небесъ, покуда вредныя тѣла ихъ неудерживаютъ, и земные и смертные члены не мѣшаютъ, и не препятствуютъ: и утверждаетъ онъ же, что всѣ четыре душевныя страсти, желаніе, страхъ, радость и прискорбность, какъ источники всѣхъ пороковъ отъ тѣла происходятъ, когда прилагаетъ и говоритъ: отсюда страшатся, желаютъ, печалятся, и радуются, и не видятъ свѣта, заключены будучи во тмѣ, и мрачной темницѣ. Однако наша вѣра инаково насъ учитъ. Ибо тлѣніе тѣлесное, обременяющее души, не виною есть грѣха, но казнію за оный. И не тѣло тлѣнное содѣлало душу согрѣшившею, но душа согрѣшившая содѣлала тлѣннымъ тѣло. Отъ котораго тлѣнія тѣлеснаго хотя и происходятъ нѣкоторыя побужденія къ порокамъ, и самыя порочныя и непозволительныя желанія: однако всѣхъ непотребной жизни пороки тѣлу присвоять не надлежитъ, дабы чрезъ сіе не очистить діавола, которой тѣла не имѣетъ. Ибо хотя діаволъ ни любодѣемъ ни піяницею, ни другимъ какимъ либо пре-

сту-

ступленіемъ, касающимся къ удовольствію тѣла, самимъ собою подверженнымъ назваться не можетъ, когда онъ только на таковыя беззаконія поощряетъ, и склоняетъ, однако самъ по себѣ гордъ и ненавистенъ. Въ которыхъ порокахъ столь онъ погруженъ, что за оныя въ мрачной темницѣ на вѣчное мученіе блюдется. Сіи же пороки, которые владычествуютъ надъ діаволомъ, Апостолъ приписываетъ плоти, которой, какъ извѣстно, діаволъ не имѣетъ; ибо говоритъ, что вражды, раздоры, зависть, гнѣвъ суть дѣла плоти. Которыхъ всѣхъ золъ главою и началомъ есть гордость, которая безъ плоти царствуетъ въ діаволѣ. Кто же враждебнѣе его святымъ? Кто противъ ихъ борющійся, гнѣвающійся и завидящій болѣе? И сіе когда онъ имѣетъ безъ плоти, то какимъ образомъ сіи дѣла суть дѣлами плотскими? Не инако, какъ только, что оныя суть дѣла всего человѣка, именемъ плоти названнаго. Ибо не имѣя плоти, которой діаволъ не имѣетъ, но препровождая жизнь по себѣ, то есть, по человѣку, сталcя человѣкъ подобнымъ діаволу; понеже и онъ по себѣ жить избралъ, когда во истиннѣ не устоялъ, что не отъ Бога, но отъ себя ложь говорилъ, который не только лживъ, но и лжи есть отцемъ. Понеже первый солгалъ, и отъ кого начался грѣхъ, отъ того начало получила и ложь.

Глава четвертая.

Что есть жить по человѣку, и что по Богу?

И такъ когда человѣкъ живетъ по человѣку, а не по Богу, тогда подобенъ есть діаволу: понеже и Ангелу, не по Ангелу, но по Богу жить долженствовало, дабы стоять во истиннѣ, и истинну говорить отъ Бога, а не отъ себя ложь. Ибо и о человѣкѣ на иномъ мѣстѣ тотъ же сказалъ Апостолъ: *Аще же правда Божія въ моей лжи извыточествова.* Ложь своею, истинну же Божіею назвалъ. И такъ когда живетъ человѣкъ по истиннѣ, тогда не живетъ самъ по себѣ, но по Богу. Ибо Богъ есть рекшій: *азъ есмь истинна.* Когда же живетъ по себѣ самому, то есть по человѣку, а не по Богу, то по лжи живетъ: не потому, аки бы самъ человѣкъ былъ ложью, когда Творцемъ человѣка есть Богъ, который не есть Творцемъ лжи: но понеже человѣкъ сотворенъ правымъ, чтобъ не самъ по себѣ, но потому, отъ котораго сотворенъ, жизнь препровождалъ: то есть, его бы наипаче, нежели свою исполнялъ волю: жить же инако, нежели какъ сотворенъ, сіе есть ложь. Ибо блаженнымъ быть хощетъ, хотя не такъ живетъ, дабы могъ быть. Что сего хотѣнія лживѣе? Почему не напрасно сказать можно, что всякой грѣхъ есть ложь. Понеже не бываетъ грѣхъ, какъ только съ тѣмъ хо-

хотѣніемъ, коимъ хощемъ, дабы намъ было хорошо, или не хощемъ, дабы намъ было зло. Слѣдовательно ложь есть, когда оная бываетъ, дабы было намъ добро, наипаче оттуда есть намъ зло: или когда дѣлается, дабы намъ было лучше, наипаче оттуда бываетъ хуждше. Откуда сіе? Не отънинуду, какъ только, что отъ Бога быть можетъ человѣку добро, котораго человѣкъ согрѣшая оставляетъ, а не отъ самаго себя, по которому живя согрѣшаетъ. И такъ когда сказали мы, что произошли два града, одинъ отъ другаго различные, и одинъ другому противные; поелику иные по плоти, другіе по духу жили, то можно и такимъ образомъ сказать, что иные по человѣку, иные по Богу жили. Явственно Павелъ къ Коринѳяномъ говоритъ: *идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите?* И такъ что есть ходить по человѣку, тожъ самое есть быть плотскимъ; понеже отъ плоти, то есть, отъ части человѣческой меньшей разумѣется человѣкъ. Понеже тѣхъ же самихъ выше назвалъ душевными, которыхъ послѣ нарекъ плотскими, сказавъ: *кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ? Такожде и Божіе никтоже вѣсть, точію Духъ Божій. Мы же*, говоритъ, *не духъ міра сего пріяхомъ, но Духа Божія, да вѣмы, яже дарована намъ суть отъ Бога,*

яже и глаголемъ не въ наученыхъ премудрости человѣческія словесѣхъ, но въ наученыхъ Духа Святаго, духовная духовными сразсуждающе. Душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство во ему есть (1.) Таковымъ то, то есть, душевнымъ нѣсколько ниже говоритъ: *и азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ.* И оное изъ сего уразумѣвается, то есть отъ части цѣлое. Ибо и отъ души и отъ тѣла, кои суть частьми человѣка, можетъ цѣлое означиться, то есть, человѣкъ: и потому не иное есть душевный человѣкъ, и человѣкъ плотяный: но оба значатъ одно: то есть по человѣку живущаго человѣка. Такъ какъ не иное что, а только люди разумѣются, какъ въ ономъ мѣстѣ, гдѣ пишется: *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть*: и такъ и въ томъ, гдѣ читаемъ, что *семдесять пять душъ пошли съ Іаковомъ во Египетъ.* Понеже и тамъ чрезъ всяку плоть, всякой человѣкъ; и чрезъ семдесять пять душъ, семдесять пять человѣкъ разумѣются и что сказано: *не въ наученыхъ премудрости человѣческія словесѣхъ*: можно было сказать: не въ премудрости плотской; такъ какъ и сказанное: *по человѣку ходите*, можно было сказать: по плоти. Наипаче же сіе открылось въ тѣхъ словахъ, которыя приложилъ: *егда бо глаголетъ кто, азъ есмь Павловъ, другій же азъ Аполлосовъ: не плотстіи ли есте?*

есте? КоторыхЪ прежде душевными называлЪ, тѣхЪ яснѣе плотскими имяновалЪ; что тожЪ самое есть, какЪ бы сказать: по человѣку живете, а не по Богу: по которому ежелибы вы жили, то богамибЪ были.

Глава пятая.

Что о природѣ души и тѣла споснѣйшимЪ есть философовЪ ПлатоническихЪ мнѣніе, нежели МанихеевЪ: но и оные охуждаются и отражаются, понеже вины пороковЪ природѣ тѣла приписываютЪ.

И такЪ вЪ беззаконіяхЪ и порокахЪ нашихЪ кЪ оскорбленію Творца не надлежитЪ охуждать природу тѣла, которое вЪ родѣ и порядкѣ своемЪ есть добро: но, оставивЪ благаго Творца, жить по сотворенному добру, не добро. Хотя бы кто по плоти, хотя по душѣ, хотя по всему человѣку, которой состоитЪ изЪ души и плоти; чего для и именемЪ единыя души и именемЪ одной плоти означается, избралЪ жить. Ибо кто, какЪ высокое добро, хвалитЪ души природу, и какЪ зло природу тѣла охуждаетЪ, тотЪ конечно и душу плотски желаетЪ, и тѣла плотски удаляется: понеже онЪ разсуждаетЪ такЪ по малоразсудству человѣческому, а не по истиннѣ Божіей. Правда, Платоническіе философы меньше, нежели Манихеи безумствуютЪ; они земныя тѣла не какЪ природу

золЪ

золъ охуждаютъ, когда всѣ стихіи, изъ коихъ видимый сей міръ состоитъ, и качества оныхъ отъ Бога сотворенными признаваютъ. Однако думаютъ, что земные и смертные уды такъ страстьми своими обременяютъ душу, что она отъ тѣхъ всѣ немощи страстей принимаетъ, то есть желанія, страхи, радости и печали: въ которыхъ четырехъ страстяхъ вся человѣческихъ нравовъ порочность содержится. Ежели оно такъ, то чтобъ была за причина, что Еней у Виргилія, услышавъ отъ отца во адѣ, что души въ тѣла возвратиться имѣютъ, удивляется тому и вопіетъ: *о отче! не уже ли изящныя души отсюда на небо не преселяются, но паки въ тлѣнныя и страстныя позвращаются тѣла? Откуда имъ вѣднымъ толь пагубное приходитъ желаніе?* Не уже ли пагубное сіе желаніе отъ земныхъ и смертныхъ членовъ остается въ чистыхъ душахъ? Не онъ ли самъ говоритъ, что души отъ всякой заразы, какъ онъ называетъ, очищены, которыя однако желаютъ возвратиться въ тѣла? Изъ чего заключаемъ, что ежелибы оно и въ самомъ дѣлѣ было такъ, что однако совсѣмъ ложно; то но перемѣнное непрестанно приходящихъ и возвращающихся душъ очищеніе и оскверненіе не допустило бы сказать, что всѣ порочныя движенія душъ отъ земныхъ тѣлъ впечатлѣваются. Ибо по признанію ихъ самихъ, какъ знаменитый стихотворецъ говоритъ

ритъ, пагубное сіе желаніе столь не зависитъ отъ тѣла, что душа, отъ всякой земной и тѣлесной скверны очистившаяся, и пребывая внѣ тѣла, побуждается онымъ стремиться къ тѣлу. Откуда по признанію ихъ страсти сіи не отъ тѣла происходятъ, то есть, что душа желаетъ, страшится радуется, и печалится: но сама отъ себя можетъ сими страстьми возбуждаться.

Глава шестая.

Надлежитъ ли вѣрить, что перпозданные люди въ раи прежде паденія имѣли страсти.

Но первые люди имѣлиль страсти въ душевномъ тѣлѣ, каковыхъ въ духовномъ имѣть не будемъ по очищеніи отъ всякаго грѣха, не безъ основанія вопрошается? Ибо ежели имѣли, то какимъ образомъ они были блаженными въ ономъ приснопамятномъ блаженства мѣстѣ, то есть въ раи? Кто совершенно и безъизъятно блаженнымъ можетъ наречься, которой подверженъ страху или прискорбности? Чего же они могли страшиться, или о чемъ печалиться въ толикомъ изобиліи благъ: гдѣ ни смерти они не боялись, ни болѣзни, гдѣ не недоставало ничего воли благой къ полученію удовольствія, и не было ничего, котороe бы тѣло или душу человѣка блаженно живущаго оскорбило. Любовь была не смущенная

ная къ Богу, и вѣрность и усердіе одного человѣка къ другому: а отъ сей любви великая радость происходила. Спокойное было удаленіе отъ грѣха; почему отънинуду никакого не было на нихъ устремленія, ихъ опечаляющаго. Или желали прикоснуться запрещенному древу, но страшились смерти: и чрезъ то и желаніе и страхъ тогда ихъ и въ ономъ мѣстѣ уже смущали? Никакъ; не должны мы такъ думать, гдѣ не было никакого грѣха. Ибо не нѣтъ въ томъ грѣха, что законъ запрещаетъ желать, и отъ того воздержаться изъ страха казни, а не изъ любви къ правдѣ. Не должны, говорю, такъ мы думать, что прежде всякаго грѣха, былъ уже такой грѣхъ, дабы и сей отъ древа содѣлали; что о женѣ Господь говоритъ: *воззрѣвый на жену, во еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* И такъ сколь щастливы были первые оные люди, которые никакими страстьми невозмущались, никакому вреду въ разсужденіи тѣла подвержены не были; столь благополучно было бы все общество человѣческое, естьлибъ они зла не содѣлали, которое простирается и въ потомствѣ, и никтобъ изъ ихъ племени не здѣлалъ достойнаго наказанія, но при такомъ благополучіи, и при благословеніи ономъ: *раститеся и множитеся*, наполняли бы число Святыхъ предъуставленныхъ, доколѣ преселились бы въ

луч-

лучшую жизнь, каковая дарована Ангеламъ наиблаженнѣйшимъ, гдѣ была бы не сомнительная безопасность, что никто не согрѣшитъ, никто не вкуситъ смерти. И таковою бы жизнь была Святыхъ, каковою быть имѣетъ при нетлѣніи тѣлъ по воскресеніи мертвыхъ.

Глава седьмая.

О паденіи первагo человѣка, въ которомъ хорошо сотворенная природа не могла исправиться, какъ только отъ своего Творца.

Но какъ Богъ всѣ предвидѣлъ, и потому не могъ не знать, что человѣкъ согрѣшить имѣетъ: то по оному, что Онъ предвидѣлъ, и устроилъ, о градѣ Божіемъ должны разсуждать, а не по оному, чего къ нашему знанію не достигло, которое въ Божіемъ устроеніи не было. Ибо человѣкъ не могъ преступленіемъ своимъ Божій смутить совѣтъ, какъ будто бы Бога принудилъ перемѣнить свое опредѣленіе, когда Богъ предвѣдѣніемъ обое предъупредилъ, то есть и то, что человѣкъ, коего Онъ сотворилъ добрымъ, крайнѣ будетъ золъ; и то, какое добро изъ того Богъ имѣетъ устроить. Ибо хотя и пишется, что Богъ опредѣленія свои перемѣняетъ, и тропологически говоря, раскаивается: но оное говорится въ разсужденіи чаянія человѣческаго,

скаго, или порядка природныхъ винъ, а не въ разсужденіи Бога, который предвѣдѣлъ, что по всемогуществу своему содѣлать имѣетъ. И такъ сотворилъ Богъ, какъ пишется, человѣка правымъ, и потому съ доброю волею. Понеже не былъ бы онъ правымъ, естьлибъ не имѣлъ доброй воли. Чего для воля есть дѣломъ Божіимъ, когда съ оною сотворенъ отъ Бога человѣкъ. Злая же воля первая, поелику всѣ злыя въ человѣкѣ дѣла предварила; то наипаче отступленіе нѣкоторое было отъ Божія дѣла къ дѣламъ своимъ, нежели самое дѣло. И потому злыя дѣла, поелику по себѣ, а не по Богу: то оныхъ дѣлъ, какъ плодовъ злыхъ, воля самая была какъ древо злое, или самъ человѣкъ, поелику началъ имѣть злую волю. Притомъ злая воля, хотя не по природѣ, но противъ природы, поелику есть порокъ, однако той природы, которыя есть порокомъ, которой не можетъ быть, какъ только въ природѣ; но въ природѣ, которую сотворилъ изъ ничего, а не которую родилъ отъ себя самаго Творецъ, какъ родилъ Слово, коимъ сотворено все. Ибо хотя Богъ сотворилъ человѣка отъ персти земной, при всемъ томъ тажъ земля и все земное вещество изъ ничего: и душу изъ ничего сотворенную далъ тѣлу, когда сотворенъ человѣкъ. Столь же превосходитъ доброе злаго, что хотябъ и попустить имъ быть въ доказатель-

тельство того, сколь удобно правда промыслительнаго Творца можетъ оное употребить во благо; однако доброе безъ злаго быть можетъ, такъ какъ самъ истинный и всевышній Богъ, какъ всякая видимая и невидимая небесная тварь находящаяся выше мрачнаго сего воздуха. Злое же безъ добра быть не можетъ; понеже природа всякая, въ которой находится зло, поелику есть природа, есть добра. Отметается же зло, не по отнятіи какой либо прибылой природы, или нѣкоторой ея части, но по исправленіи поврежденной бывшей природы. И такъ произволеніе хотѣнія тогда будетъ свободно, когда порокамъ и беззаконіямъ не служитъ. Таково дано оно отъ Бога, которое потерянное собственнымъ порокомъ, никто возвратить не въ силахъ, кромѣ того, кто далъ оное. Чего для истинна говоритъ: *аще Сынъ пасъ споводитъ, по истинну споводни вудете.* Какъ бы такъ сказалъ: естьли Сынъ васъ спасетъ, по истиннѣ спасени будете. Ибо потому онъ Избавитель и Спаситель. И такъ жилъ человѣкъ по Богу въ раи тѣлесномъ и духовномъ (1). Ибо не льзя сказать, аки бы тѣлесный рай былъ ради тѣлесныхъ благъ, а не было духовнаго ради духовныхъ. Было подлинно обое. Потомъ когда гордый оный Ангелъ, и потому завистливый (2) отъ Бога отступя, и желая надъ другими владычествовать, нежели быть

въ повиновеніи, изъ духовнаго рая палъ; о коего паденіи и общниковъ его, которые изъ Ангеловъ Божіихъ, Ангелами его стались, въ десятой и одиннатцатой книгѣ довольно я говорилъ; пагубнымъ своимъ совѣтомъ желая вкрасться въ разумъ человѣческій, которому самъ падши завидовалъ, избралъ въ тѣлесномъ раи змія; понеже съ первозданными людьми и звѣри и прочія животныя, не причиняя никакого вреда, обращались; животное, дѣлу и намѣренію своему способное, началъ лукаво говорить женѣ, начиная то есть отъ половины человѣческаго сожитія немощнѣйшей, дабы достигнуть до цѣлаго: вѣдая, что мужъ не удобно тому повѣритъ и не прельстится. Ибо какъ Ааронъ заблуждающему народу слилъ тельца не изъ добровольнаго согласія, но по нуждѣ; и о Соломонѣ не вѣроятно, чтобъ онъ съ своей стороны почиталъ за должное покланяться идоламъ, но лукавствомъ женъ къ тому святотатству приведенъ: такъ думать должно, что и Адамъ преступить заповѣдь супруги своей изъ любви къ ней повинулся и послушалъ, а не съ тѣмъ, аки бы онъ думалъ, что жена его говорила правду. Ибо не напрасно сказалъ Апостолъ: *Адамъ не прельщенъ бысть, жена же прельстися.* Понеже она сказанныя слова зміемъ почла за истинныя, а Адамъ не хотѣлъ только оскорбить жены: привсемъ томъ въ общеніи

ніи грѣха не менѣе остался виновнымъ, когда не въ невѣдѣніи согрѣшилъ. Почему и Апостолъ не говоритъ, аки бы Адамъ не согрѣшилъ, но не прельщенъ. Ибо что онъ согрѣшилъ, оное показываетъ Апостолъ, когда говоритъ: *единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде.* И нѣсколько ниже яснѣе: *по подобію*, говоритъ, *преступленія Адамова.* Прельщенными же тѣхъ разумѣетъ, которые что дѣлаютъ, не почитаютъ оное грѣхомъ: а онъ зналъ: инако какимъ образомъ будетъ справедливо, *Адамъ не прельщенъ былъ?* Но не испытавъ строгости гнѣва Божія, могъ обмануться, и почесть содѣланное простительнымъ. И чрезъ сіе въ томъ, въ чемъ жена прельстилась, Адамъ не прельстился; но обмануло его то, что онъ имѣлъ при судѣ въ отвѣтъ сказать: *жена, юже далъ еси со мною, та ми даде отъ древа*, *и ядохъ.* И такъ хотя въ разсужденіи того, что не оба равно повѣрили, не оба прельщены; однако оба согрѣшили, и въ діявольскія сѣти попались.

Глава осьмая.

О гордости преступленія, которая была хуже самаго преступленія.

Но гордость есть хуждшею и болѣе достойною казни, которою и въ самыхъ явныхъ грѣхахъ ищется извиненіе: какъ

оные первозданные люди сдѣлали. Изъ коихъ одна сказала: *змій прельсти мя и ядохъ.* Другой: *жена, юже далъ еси со мною, та мнѣ даде отъ древа, и ядохъ.* Не означается здѣсь прошеніе прощенія, и прошеніе врачевства. Ибо они хотя не такъ, какъ Каинъ, въ содѣянномъ и признаются, однако по гордости своей вину возлагаетъ каждый на инаго. Гордость жены на змія, гордость мужа на жену. Но сіе обвиненіемъ есть наипаче, нежели извиненіемъ, гдѣ открывается явное заповѣди Божіей преступленіе. Какъ будто бы они того уже и не содѣлали, когда одна по совѣту змія, другій по совѣту жены, содѣлали: какъ будто бы кого Богу предпочесть надлежало.

Глава девятая.

О наготѣ первыхъ людей, которую по преступленіи увидѣли зазрительною.

Достойно мы похоти стыдимся, достойно и уды оные, которые она не всегда по изволенію нашему движетъ, или не движетъ, срамными называются, которые срамными прежде преступленія человѣческаго не были. Ибо какъ писано, *вѣста нага, и нестыдястася*; не для того, аки бы они не знали о своей наготѣ, но что нагота оная не была зазрительною; понеже похоть уды оные безъ изволенія не возбуждала, и за человѣческое непослушаніе опыта своего

его неповиновенія не показывала. Ибо не слѣпыми они сотворены, какъ непросвѣщенный народъ думаетъ; когда Адамъ видѣлъ животныхъ, и далъ имъ имена, и о Евѣ читаемъ: *и видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти.* Слѣдовательно отверзсты были очи ихъ, но не внимали тому, что по благодати Божіей ихъ покрываетъ, когда не чувствовали брани отъ удовъ своихъ волѣ ихъ. По удаленіи же благодати, дабы ихъ непослушаніе непослушаніемъ плоти было взаимно наказано, появилась въ движеніи тѣлесномъ нѣкоторая безстудная новость, чрезъ что показалась нагота непристойною, и для нихъ зазрительною. И отъ того-то произошло, что о нихъ по преступленіи заповѣди написано: *и отверзошася очи обоимъ, и познаша, яко наги бѣша, и сшиста листвіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясаніе.* Отверзошася, говоритъ, очи обоимъ, не для того, дабы видѣть; ибо и прежде видѣли: но для различенія добра, которое потеряли, и зла, въ которое впали. Почему и древо оное отъ того имя получило, что наречено древомъ знанія добра и зла. Ибо по испытаніи болѣзни откровеннѣе познавается пріятность здравія. И такъ познали, что наги были, лишившись, то есть, благодати, которою покрываемы будучи не стыдились. То убо познали, чего лучше бы имъ не знать, естьлибъ Богу вѣруя и по-

винуясь, не согрѣшили, и чрезъ то не испытали, сколько невѣріе и непослушаніе вредны. И потому устыдились отъ неповиновенія своей плоти, какъ свидѣтеля своей казни, сшили себѣ листвіе, и содѣлали препоясанія, то есть, покрывалы на дѣтородные уды. Ибо нѣкоторые писатели вмѣсто препоясанія подвязками оныя покрывала назвали. И такъ что похоть возбуждала, оное цѣломудріе покрывало. И отъ того всѣ народы, поелику отъ одного корени произошли, толь сіе наблюдаютъ, что нѣкоторые варвары ни въ баняхъ необнажаютъ. Въ мрачныхъ Индіи пустыняхъ (2), когда жили нѣкоторые философы нагіе, называемые Имнософисты, привсемъ томъ дѣтородные покрывали уды, хотя на другихъ членахъ никакого покрывала не имѣли.

Глава десятая.

О зазрѣніи наблюдаемомъ въ сопокупленіи не только беззаконномъ, но и супружескомъ.

Дѣло же самое похотію совершаемое не только во всякихъ блудодѣяніяхъ, гдѣ тайныя мѣста для избѣжанія переговоровъ людскихъ изыскиваемы бываютъ, но и въ употребленіи общенародныхъ блудницъ, которую мерзость земный градъ позволительною эдѣлалъ, хотя любодѣйствующіе съ оными не боятся ни какого за то наказывающаго зако-

закона, однако и позволенная и оставленная безъ наказанія похоть удаляется отъ зрѣнія людскаго: и самыя блудилищныя домы имѣютъ тайныя жилища, такъ, что удобнѣе развращенность сія могла не имѣть узъ возбраняющихъ оную, нежели не имѣть къ содѣланію оной скрытныхъ мѣстъ. Но таковые дѣйствія и сами они, будучи мерзскими, мерскими называютъ, которыя хотя и любятъ, однако казаться людямъ таковыми не смѣютъ. Что законныя супружества, которыя совершаются ради дѣторожденія? Не тожъ ли и оныя, хотя законны и честны, ищутъ уединенныхъ ложницъ? Не высылаютъ ли новобрачные изъ ложницы рабовъ, дружку, и прочихъ, коихъ нужда доводитъ быть тамъ? Не остаются ли одни, когда супругъ супругу ласкаетъ? И хотя, какъ говоритъ краснорѣчія Римскаго начальникъ, всякое правильное дѣло человѣкъ желаетъ имѣть откровеннымъ, и всѣмъ извѣстнымъ, однако въ семъ случаѣ стыдится быть видимымъ. Ибо кто не знаетъ, какъ дѣти зачинаются, что дѣлаютъ между собою супруги, когда съ толикою пышностію и обрядами приводятся жены? однако когда дѣлается то, отъ чего раждаются дѣти, тогда ни дѣти, ежели бы они уже рождены были, недопускаются. Сіе законное дѣло требуетъ, дабы знали о немъ умомъ, а не очами. Отъ куда сіе происходитъ? не отъ инуда,

 какъ

какъ только, что въ дѣлѣ семъ пристойное происходитъ отъ природы, а зазрѣніе и стыдъ отъ казни.

Глава первая надесять.

О безумной мерзости Циниковъ.

Сего оные песіи философы (1) не видѣли, предлагая противъ зазрѣнія человѣческаго неиное что, какъ псовой и непотребной приговоръ: то есть, когда законнымъ и праведнымъ дѣломъ есть совокупленіе съ женамм, то не должно стыдиться оное дѣлать ни на улицѣ, ни на распутіи. Однако преодолѣлъ природной стыдъ заблужденіе сего мнѣнія. Ибо хотя и пишутъ, что Діогенъ изъ хвастовства нѣкогда сказалъ, что его секта знаменитѣйшею будетъ, ежели его наглое безстыдство въ памяти людской углубится. Однако послѣ того дѣлать оное Циники перестали: и превозмогъ болѣе стыдъ, дабы стыдились люди людей, нежели чтобъ люди были подобными псамъ. Почему я думаю, что и тѣ самые, о коихъ пишутъ, видъ одинъ дѣлали совокупляющихся; потому что люди не знали, что дѣлалось подъ епанчею, нежели при зрѣніи людскомъ получали удовольствіе. Ибо тамъ философы старались казаться совокупляющимися, гдѣ похоть самая не возбуждалась отъ стыда. И нынѣ еще видимъ философовъ Циническихъ. Ибо они

тѣ

тѣ самые, кои одѣваются епанчею и носятъ въ рукахъ жезлы: (2) однако ни одинъ уже того не дѣлаетъ. И ежели бы кто изъ нихъ отважился оное сдѣлать, то не говорю камнями заметанъ, но слюнами заплеванъ былъ бы. И такъ безъ сомнѣнія стыдится похоти человѣческая природа, и по достоинству стыдится. Ибо въ ея непокореніи, которая себѣ дѣтородные уды покорила, и исхитила изъ власти хотѣнія, довольно показывается, что за неповиновеніе оное первое человѣку воздано. Что въ той части видимо быть долженствовало, коею раждается природа, которая великимъ онымъ и первымъ грѣхомъ въ хуждшее премѣнилась.

Глава втораянадесять.

О союзѣ брачномъ отъ Бога съ начала установленномъ и благословенномъ.

Мы ни мало не сомнѣваемся, что раститься и множиться по благословенію Божію, даромъ есть браковъ, которые Богъ прежде паденія въ началѣ уставилъ, сотворивъ мужа и жену, которой полъ очевиденъ есть во плоти. Ибо къ сему дѣлу Божію приложено и благословеніе. Понеже когда сказало Писаніе: *мужа и жену сотвори ихъ*; тотчасъ приложило: *раститеся и множитеся*, и *наполняйте землю*, *и господствуйте ею*: и проч. что все хотя не непристойно можетъ

къ разуму духовному отнестись, однако подобнаго мужу и женѣ изобрѣсти нельзя: понеже въ томъ иное есть владычествующее и управляющее, иное управляемое: но какъ явственно видно, что въ тѣлахъ различнаго пола мужъ и жена такъ сотворены, дабы они, раждая, множились и наполняли землю, Которымъ словамъ толь яснымъ прекословить великимъ есть безразсудствомъ. Ибо не о духѣ, которой повелѣваетъ, и плоти, которая повинуется, или о разумѣ, который управляетъ, и вожделѣнiи, которое управляется, или о добродѣтели умозрительной, которая превосходитъ, ни дѣятельной, которая превышаема бываетъ, ни о мысли, или чувствѣ тѣлесномъ, но ясно о союзѣ брачномъ, коимъ одинъ полъ другому обязывается. Господь, вопрошенъ будучи, достоитъ ли по всякой винѣ отпущать женъ, понеже по жестокосердiю Израильтянъ Моvсей позволилъ давать книгу распустную: отвѣтствовалъ и сказалъ: *нѣсте ли чли, яко сотворивый въ началѣ человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ? и рече: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два въ плоть едину. И тако уже не суть два, но плоть едина. Еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ.* И такъ нѣтъ сомнѣнiя, что мужа и жену сначала такъ Богъ сотворилъ, какъ нынѣ видимъ двухъ человѣкъ различныхъ поломъ.

Едино

Едино же они называются или по союзу, или по началу жены, которая отъ ребра мужа сотворена. Ибо и Апостолъ тѣмъ каждаго убѣждаетъ любить своихъ женъ; понеже союзъ сей самъ Богъ уставилъ.

Глава третінадесять.

Раждалиль бы люди въ раи дѣтей, естьливъ не согрѣшили?

И такъ кто говоритъ, что люди въ раи не имѣли бы совокуплятьси и раждать, естьлибъ не согрѣшили, что иное говоритъ, какъ только, что ради многочисленности Святыхъ необходимымъ былъ перваго человѣка грѣхъ? Ибо ежели бы не согрѣшая одни пребывали: понеже, какъ думаютъ, естьлибъ не согрѣшили, раждать не могли бы; то конечно, чтобъ имъ быть не однимъ праведнымъ, но многимъ, необходимымъ былъ грѣхъ. Чему вѣрить ежели безумно, то оному наипаче вѣрить надлежитъ, что Святыхъ число, которое довольно для наполненія преблаженнаго онаго града, толикое было бы, естьлибъ никто не согрѣшалъ, коликое нынѣ благодатію Божіею собирается изъ множества грѣшниковъ, *дондеже сынове вѣка сего раждаютъ и раждаются.* И потому оные браки достойными были бы благополучія райскаго, естьлибъ грѣха не было, и дѣтей люди раждалибъ, и заэрительной похоти не имѣлибъ.

либѣ. Но какимъ бы-то образомъ быть могло, не достаетъ нынѣ примѣра, которымъ бы оное объяснить и доказать. Однако ради того не должно невѣроятнымъ казаться, что уды безъ похоти могли служить хотѣнія, которому столь многіе члены работаютъ. Или только руки и ноги движемъ, когда хощемъ, къ дѣланію имъ должнаго, безъ противленія и удобно, какъ сколько въ насъ самихъ видимыхъ, столько или болѣе въ художникахъ, которые упражненіемъ пріобрѣли проворство: а потому и вѣрить не хощемъ, что къ дѣлу дѣторожденія, естьлибъ похоти не было, которая въ наказаніе намъ за непослушаніе воздана, по воли и хотѣнію подобно какъ прочіе члены, дѣтородные уды служить могли бы? Хотѣлъ бы я тщательнѣе о сихъ удахъ поговорить, но стыдъ возбраняетъ, и понуждаетъ просить извиненія у цѣломудреннаго слуха, а для чего, вины тому нѣтъ никакой. Рѣчь наша стремилась бы безъ всякаго сквернословія, но чтобъ нисказано было, столь же было бы честно, какъ и о прочихъ тѣла частяхъ когда говоримъ. И такъ кто сіе сочиненіе изъ нецѣломудренныхъ читать приступитъ, тотъ убѣгалъ бы вины, а не природы; замѣчалъ бы дѣла свои мерскія, а не слова наши, естьли гдѣ по нуждѣ употреблены: цѣломудренный же и благочестивый читатель удобно мнѣ проститъ, когда я опро-

вергаю

вергаю невѣріе. Онъ будетъ читать сіе сочиненіе безъ огорченія, когда не оскорбляется слухъ его словами Апостола, предлагающаго и охуждающаго беззаконія женъ, которыя измѣнили естественное употребленіе въ противоестественное: особливо, что мы нынѣ не проклятую мерзость воспоминаемъ и охуждаемъ, какъ онъ, но въ изъясненіи человѣческаго рожденія трудимся, однако сквернословія такъ, какъ и онъ, удаляемся.

Глава четвертаянадесять.

Что неиинные люди, и по заслугѣ послушанія въ раи пребывающіе такъ бы имѣли употреблять дѣтородныхъ удовъ, къ дѣторожденію, какъ прочихъ къ исполненію хотѣнія.

И такъ раждали бы дѣтей оные люди движимыми по изволенію удами, а не возбужденными отъ похоти. Ибо не только тѣ члены движемъ по нашему изволенію, которые составлены изъ костей, какъ то, руки и ноги и персты, но и тѣ, которые основаны на жилахъ, какъ то тѣ, которые на лицѣ и устахъ, протягая оныя, сжимая, надымая, когда намъ угодно. Легкое самое, которое изъ всѣхъ внутренностей нѣжнѣе, выключая мозгъ, и для того въ персяхъ заключенное для дыханія, для испущенія гласа, или умеренія, служитъ какъ мѣхи художниковъ или органные, по изволенію

ленію дышущаго, пріемлющаго въ себя дыханіе, разговаривающаго, вопіющаго, поющаго. Оставляю то, что нѣкоторые животные данное себѣ отъ природы имѣютъ то, что шерсть, которою все тѣло покрывается, ежели въ какомъ либо мѣстѣ оной почувствуютъ животное сидящее малое, которое согнать должно, въ томъ только мѣстѣ движутъ, гдѣ чувствуютъ: и не только такимъ образомъ сидящихъ на нихъ мухъ отгоняютъ, но дрожаніемъ симъ отражаютъ отъ себя и копья. Не ужели, поелику онаго сдѣлать человѣкъ не можетъ, для того Творецъ, коимъ животнымъ ему было угодно, даровать не могъ? Такимъ образомъ и самый человѣкъ могъ имѣть послушными свои уды. Ибо не трудно было Богу такъ его сотворить, чтобъ въ его плоти и то по изволенію было движимо, которое нынѣ неинако, какъ только похотію возбуждается. Понеже намъ извѣстно, что и люди нѣкоторые имѣютъ природы различныя отъ прочихъ, и по рѣдкости своей чудныя, дѣлающіе изъ тѣла своего по своему изволенію, чего другіе совсѣмъ сдѣлать того не могутъ, и едва вѣрятъ тому, что о другихъ имъ сказываемо бываетъ. Ибо находятся такіе люди, которые или однимъ порознь, или обѣми движутъ ушами. Есть и такіе, кои, не движа главы, кожу съ власами опущаютъ на лобъ, и паки, какъ было, на своемъ поставляютъ

мѣ

мѣстѣ, когда хотятъ. Есть и такіе, кои, пожравъ всячины множество, и прикоснувшись персямъ, что угодно изъемлютъ обратно въ цѣлости. Есть и такіе, которые голоса птицъ и скотовъ и прочихъ, также и людей такъ живо изображаютъ, что ежели будутъ не видимы, совсѣмъ различить не можно. Я самъ опытомъ дознаяъ, что люди потѣть иные такъ могутъ, какъ хотятъ. Извѣстно также, что нѣкоторые плачутъ, и проливаютъ слезы, когда угодно. А оное совсѣмъ невѣроятнѣе, что братія при нашей памяти сами видѣли. Былъ нѣкоторый пресвитеръ именемъ Реститутъ, живущій по близости Каламинской церкви, онъ по прошенію желающихъ удивительную вещь, которую о немъ слышали, видѣть, ко гласу нарочно притворившагося плачущимъ такъ лишался чувствъ и лежалъ подобнымъ мертвому, что не только терзаній и боденій, но и огня не чувствовалъ, кромѣ того, что послѣ, пришедъ въ себя, жаловался, гдѣ обожжено. И сіе онъ дѣлалъ, не упорствуя противъ тѣхъ, кои изъвѣдать старались, но не чувствуя. Сіе дознано потому, что въ немъ такъ какъ въ мертвомъ никакого не видно было дыханія. Человѣческія же голоса, ежели громко въ то время говорили, сказывалъ, что слышалъ, какъ вдали. И такъ когда тѣло и нынѣ хотя тлѣнное столь во многихъ движеніяхъ сверхъ обыкновеннаго природы образа чуднымъ

нымъ образомъ служитъ, то для чего не повѣримъ, что прежде грѣха непослушанія, и казни тлѣнія, ради дѣторожденія безъ всякой похоти человѣческому изволенію могли служить человѣческіе уды? И такъ врученъ человѣкъ самому себѣ, оставилъ Бога, угождая себѣ, и не повинувшись Богу, не могъ повинуться и себѣ. Отсюду явственнѣйшая открывается бѣдность, когда человѣкъ не живетъ такъ, какъ хочетъ. Ибо ежелибъ какъ хотѣлъ, такъ жилъ, почелъ бы себя блаженнымъ: однако и тогдабъ не былъ онъ такимъ, естьлибъ жилъ непотребно.

Глава пятаянадесять.

О истинномъ блаженствѣ, котораго временная жизнь не имѣетъ.

Но ежели тщательнѣе вникнуть, то никто не живетъ какъ хочетъ, кромѣ блаженнаго. Блаженнымъ же никто быть не можетъ, кромѣ праведнаго. Но и самый праведный не живетъ такъ, какъ хочетъ, развѣ до того достигнетъ, гдѣ умереть, обманутъ и оскорбленъ быть совсѣмъ не возможетъ; гдѣ притомъ естьли будетъ извѣстно ему, что онъ вѣчно такъ пребывать имѣетъ. Ибо сего требуетъ природа и несовершенно будетъ блаженною, естьли не получитъ, чего желаетъ. Нынѣ же кто изъ людей жить можетъ такъ, какъ хочетъ,

четъ, когда самое житіе не состоитъ во власти? Понеже жить хочетъ, умереть принуждается. Такъ какимъ же образомъ живетъ какъ хочетъ, когда не живетъ, покуда хочетъ? Естьли хочетъ умереть, то какъ можетъ жить, какъ хочетъ, который жить не хочетъ, и естьли для того умереть хочетъ, не потому что жить не хочетъ, но чтобъ по смерти лучше жить возмогъ? И такъ не живетъ еще такъ, какъ хочетъ, развѣ чрезъ смерть достигнетъ того, чего хочетъ. Но вотъ уже пускай живетъ какъ хочетъ, понеже исторгнулъ себѣ, и себѣ повелѣлъ не хотѣть, чего не можетъ, и хотѣть того, что можетъ, какъ говоритъ Теренцій: понеже не можно тому статься, чего ты хочешь, то желай того, что можетъ. Однако не блаженъ тотъ, который великодушенъ въ бѣдности. Ибо блаженной жизни ежели кто не любитъ, тотъ не имѣетъ. Естьли же любитъ и имѣетъ, то паче прочихъ вещей любить долженъ: поелику ради оной любить надлежитъ, что любимо бываетъ. Впрочемъ естьли столько любитъ, сколько она любви достойна, (ибо не блаженъ тотъ, которой блаженной жизни, какъ она достойна, не любитъ) то статься тому не можно, дабы любящій оную, не желалъ ей быть вѣчной. Слѣдовательно тогда будетъ жизнь блаженная, когда будетъ вѣчная.

Глава шестаянадесять.

Что благополучие въ раи живущихъ безъ срамнаго пожделѣнія должность дѣторожденія отправлять могло.

Жилъ человѣкъ въ раи, какъ хотѣлъ, покуда хотѣлъ того, что Богъ повелѣлъ; жилъ, наслаждаяся Богомъ, коимъ былъ благъ: жилъ безъ всякаго недостатка, имѣя во власти всегда такъ жить. Была готовою пища, дабы онъ не алкалъ: питіе, дабы жаждою не былъ изнуряемъ: древо жизни, дабы старость его не разрушила: не было тлѣнія въ тѣлѣ: и отъ тѣла никакихъ онъ не чувствовалъ прискорбностей. Никакой внутренной болѣзни, никакого удара наружнаго не страшился. Совершеннѣйшее въ тѣлѣ было здравіе, въ душѣ всецѣлое спокойствіе. Какъ въ раи нѣтъ ни зноя солнечнаго ни хлада, такъ и въ населяющемъ оной ничто по вожделѣнію и страху не приближалось оскорбляющее благоизволенія. Ничего не было прискорбнаго, ничего суетно и ложно радостнаго. Радость истинная проистекала отъ Бога, къ которому пламенѣла человѣческая любовь отъ чистаго сердца и совѣсти благой и вѣры нелицемѣрной: и между собою мужа и жены нелестное изъ частной любви общество и союзъ, согласное души и тѣла бодрствованіе, и заповѣди безъ труда храненіе. Не разслабѣвалъ отъ праздности, не отягчаемъ былъ сномъ сверхъ жела-

желанія. При такомъ удобствѣ вещей, и благополучіи человѣческомъ не должы мы сомнѣваться, аки бы не могли оные первые люди раждать дѣтей безъ недуга похоти. Но съ такимъ хотѣнія изволеніемъ движимы были бы оные уды, какъ и прочіе и безъ непозволительнаго похоти пламени, съ спокойствіемъ духа, безъ нарушенія цѣломудрія совокуплялся бы мужъ съ женою. Ибо не вѣрить тому не должно, хотя опытомъ доказать того не лзя: когда оные уды не возбуждалъ бы безпокойный жаръ, но употребляла бъ оныхъ самоизвольная власть, когда бъ потребовала того нужда. Такимъ образомъ могло тогда мужеское сѣмя входить въ ложесна жены, какъ нынѣ изъ утробы дѣвической исходятъ мѣсячные крови. Ибо тѣмъ же путемъ можно оному входить туда, коимъ оное исходитъ. Понеже какъ къ рожденію не стенание отъ болѣзни, но зрѣлость плода отверзала бы путь, такъ къ зачатію не похоть, но хотѣніе обѣ природы совокупляло бы. Мы говоримъ о зазрительныхъ дѣлахъ, и потому хотя можемъ познавать, каковыми они были прежде, нежели стыдъ вошелъ: при всемъ томъ прекратить должно наше словопреніе, и удержать по причинѣ цѣломудрія, нежели пособствовать и распространять витивство, котораго въ насъ не достаетъ. Ибо какъ то, что я говорю, ни сами первые люди опытомъ не дознали,

которымЪ то дознать надлежало, предварены бывши изгнаніемЪ изЪ рая за преступленіе, прежде нежели приступили кЪ дѣторожденію, которое нынѣ похотію единственно совершается, а не спокойнымЪ и невозмущеннымЪ хотѣніемЪ. ОтЪ сего-то происходитЪ, что стыдЪ возбраняетЪ слово, хотя разумЪ и остается вЪ своемЪ умствованіи. Однако всевышній и всемогущій БогЪ, и высочайшій всѣхЪ природЪ ТворецЪ, помощникЪ благихЪ хотѣній и мздовоздаятель, злыхЪ же оставитель и судія, и устроитель обоихЪ, имѣлЪ совѣтЪ, дабы извѣстное число гражданЪ по своей премудрости предЪуставленныхЪ изЪ осужденнаго рода человѣческаго града своего наполнить: различая уже ихЪ не по заслугамЪ ихЪ; понеже все смѣшеніе на подобіе кореня повредилось и осуждено, но по своей благодати. Ибо всякЪ тогда познаваетЪ, что онЪ не по заслугѣ, но по милости избавленЪ отЪ золЪ, когда отЪ сообщества тѣхЪ людей онЪ удаленЪ, сЪ которыми праведная казнь долженствовала бы имЪ быть общею. Для чегожЪ бы не сотворилЪ БогЪ, о которыхЪ предвѣдалЪ, что они согрѣшатЪ: когда отЪ оныхЪ и изЪ оныхЪ, и что ихЪ винность заслуживала, и что благодать Его даруетЪ, можетЪ показать: и когда при такомЪ Творцѣ и устроителѣ распустный безпорядокЪ согрѣшающихЪ прямаго порядка вещей превратить не вЪ силахЪ?

Глава

Глава седьмаянадесять.

О согрѣшающихъ Ангелахъ и людяхъ: коихъ развратность не превращаетъ промысла Божія.

По чему грѣшники и Ангели и человѣки ничего такого не дѣлаютъ, дабы могли целымъ дѣламъ Господнимъ, изысканнымъ по всѣхъ воляхъ Его, воспрепятствовать. Ибо который промыслительно, и всемощно дѣла свои устроилъ и каждому свое опредѣлилъ, не только благое, но и злое во благо употреблять умѣетъ; и чрезъ то по заслугѣ первой злой воли, осужденнаго Ангела злаго такъ, что уже благоизволенія онъ имѣть не будетъ, во благо употребляя Богъ, для чегобъ не попустилъ, дабы отъ него первый чаловѣкъ, который сотворенъ правымъ и съ благою волею, былъ искушаемъ; когда онъ такъ былъ устроенъ, что ежели онъ на помощь Божію уповать станетъ, побѣдитъ діавола или Ангела злаго, будучи благимъ человѣкомъ: естьлижъ Творца и помощника Бога надменно себѣ угождая оставитъ, то побѣжденъ будетъ: заслугу добрую имѣя въ пособствуемой Богомъ правой волѣ, злоеже въ оставляющей Бога развратномъ хотѣніи: понеже и самое упованіе на помощь Божію, безъ помощи, правда, Божіей быть не могло: однако отъ сихъ Божіихъ благодѣяній себѣ угождая имѣлъ власть отступить. Ибо какъ въ семъ тѣлѣ жить безъ пособія пищи не мо-

жно; однако въ оной жить во власти нашей не состоитъ, какъ дѣлаютъ самоубійцы: такъ жить хорошо безъ помощи Божіей и въ раи не было во власти; во власти же было худо жить, но съ тѣмъ, что блаженство таковое пребывать навсегда не имѣло, и притомъ послѣдовать долженствовало праведное наказаніе. И такъ когда Богъ вѣдалъ о будущемъ паденіи человѣческомъ, то для чего попустилъ злобѣ злаго Ангела и завистливаго искусить его? Правда вѣдалъ Богъ, что человѣкъ побѣжденъ будетъ, но вѣдалъ и то, что отъ сѣмене его, пособствуемаго благодатію, той же самъ діаволъ съ большею славою Святымъ имѣлъ быть побѣжденъ. Такимъ образомъ сдѣлалось, что и Богъ остается всевѣдущимъ, и что всевѣдѣніе Его не понуждаетъ къ грѣхопаденію: а притомъ чрезъ оное открылось, коликое есть различіе между собственнымъ каждой разумной твари предпріятіемъ, и Божіею защитою. Ибо кто дерзнетъ вѣрить или говорить, что Богъ не властенъ былъ, дабы или Ангелъ или человѣкъ не палъ? Но Богъ не хотѣлъ отъ нихъ власти отнять, и чрезъ то благоволилъ показать, сколько зла ихъ гордость, и сколько Его благодать блага въ себѣ заключаетъ.

Глава осьмаянадесять.

О качествѣ двухъ градовъ земнаго и небеснаго.

И такъ двѣ любви содѣлали два града: земный, то есть, любовь человѣка къ самому себѣ простирающаяся до пренебреженія Божія. Небесный же любовь къ Богу простирающаяся до презрѣнія самаго себя. Наконецъ земный градъ хвалится самъ собою, другій, то есть, небесный о Господѣ. Земный ищетъ славы отъ людей; небесному же Богъ совѣсти свидѣтель наивеличайшею есть славою. Земный въ славѣ своей возноситъ главу свою; небесный говоритъ Богу своему: *Ты слава моя, и возносяй главу мою.* Надъ земнымъ въ вельможахъ его, или въ тѣхъ, коихъ покаряетъ, народахъ и странахъ, желаніе къ обладанію владычествуетъ; въ небесномъ всѣ взаимно другъ другу служатъ любовію, и вельможи совѣтами, и подданные повиновеніемъ. Земный въ своихъ сильныхъ любитъ храбрость; небесный говоритъ Богу своему: *возлюблю тя Господи, крѣпосте моя*; и потому въ земномъ мудрецы его живущіе по человѣку, или тѣлесныхъ или душевныхъ своихъ благъ, или купно обоихъ искали, или которые могли *познать Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленіями своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри,* то есть

 въ

вЪ разсужденіи своей надменности, вЪ премудрости своей и превозношеніи, *обьюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога, въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицЪ, и четвероногихЪ, и гадовЪ.* Ибо кЪ почитанію кумировЪ или предводителями были народомЪ, или послѣдователями; *и почтоша и послужиша твари паче, нежели Творцу, иже есть благословенЪ во вѣки.* ВЪ небесномЪ же градѣ нѣтЪ премудрости человѣческой кромѣ благоговѣнія, которымЪ достойно истинный почитается БогЪ, ожидающаго воздаянія вЪ сообществѣ сЪ святыми, не только людьми, но и Ангелами, *да будетЪ БогЪ всяческая во всѣхЪ.*

КонецЪ четвертойнадесять книги о градѣ БожіемЪ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, четвертуюнадесять.

На главу первую.

(1) Неодолженная Божія благодать. Благодать потому въ Латинскомъ языкѣ называется gratia, понеже дается gratis, даромъ. Павелъ Апостолъ къ Римляномъ въ главѣ первойнадесять говоритъ о Богѣ: кто даде ему, и воздастся ему? И къ Титу той же Апостолъ: не отъ дѣлъ праведныхъ ихъ же сотворихомъ, но по своей милости спасе насъ.

На главу вторую.

(1) Человѣческой души не имѣлъ. Въ семъ заблужденіи были Аполлинаристы, какъ пишетъ Августинъ въ толкованіи Евангелія Іоаннова и въ словѣ противъ Арія, и въ книгѣ восемдесять третіей вопросовъ. Тогожъ мнѣнія держались Цердоніаны и Апелліане, какъ изъясняетъ Августинъ въ каталогѣ еретиковъ къ діякону Кводвултдею называемому.

На главу четвертую.

(1) *Юродство бо ему есть*, духовныя вещи людямъ, живущимъ по страстямъ своимъ, юродствомъ кажутся, такъ какъ и у язычниковъ мудрость и добродѣтели невѣжамъ богатымъ безуміемъ казались.

На главу седьмую.

(1) Въ раи тѣлесномъ и духовномъ. Рай есть удовольствіе и увеселеніе. Въ раи, въ которомъ поселенъ былъ человѣкъ, было не только великое тѣлесное, но и душевное крайнее удовольствіе, безъ котораго тѣлесное есть ничто; или лучше сказать, совершенною

горестію. Ибо отъ души проистекаетъ источникъ утѣшенія, которой ежели здѣлается горкимъ, то что въ человѣкѣ будетъ радостнымъ.

(2) Гордый оный Ангелъ и потому завистливый. Въ гордомъ природою порока возрастаетъ и умножается вскорѣ зависть. Ибо гордый такъ себя любитъ, что не только себя вышшаго, но и себѣ равнаго терпѣть не можетъ. Котораго поелику получить трудно, потому тотчасъ въ немъ раждается зависть. И отсюда-то происходитъ, что и на самыхъ высочайшихъ достоинствахъ у находящихся людей гнѣздится зависть. Повѣствуетъ Светоній, что кесарь Калигула завидовалъ и самаго нижняго состоянія людамъ: инымъ потому, что ихъ привѣтствовалъ народъ, инымъ по ихъ знатности или красотѣ лица; и такъ позавидѣлъ діаволъ человѣку, который на его опредѣленъ мѣсто и по оной зависти смерть вошла въ міръ.

На главу девятую.

(1) Какъ нѣкоторые варвары оныя тѣлесныя части. Иродотъ въ Кліѣ пишетъ, что у Лидянъ великимъ безчестіемъ поставляется, также и у прочихъ варваровъ, видѣну быть нагому. У Римлянъ, какъ Цицеронъ въ первой книгѣ о должностяхъ пишетъ, по силѣ древняго обыкновенія ни дѣти съ отцами, ни зятья съ тестями вмѣстѣ не мывались.

(2) Въ мрачныхъ Индіи пустыняхъ. Двѣ вещи здѣсь предлагаетъ, во первыхъ пустыни, во вторыхъ мрачныя или тѣнистыя; для большаго одобренія стыда и зазрѣнія: ибо кажется солнца стыдиться не нужно; колми паче въ пустынѣ лѣсистой и тѣнистой. Но какое сходство, что Августинъ здѣсь полагаетъ Имнософистовъ въ Индіи, когда Филостратъ о странствованіи Аполлонія въ Еѳіопіи оныхъ при рѣкѣ Нилѣ описываетъ живущими? Которому и Іеронимъ послѣдуетъ пиша къ Паулину. Но Плиній, Солинъ, Страбонъ, Апулій, Порфирій и другіе Имнософистовъ полагаютъ въ

Индіи,

Индіи, близъ рѣки Инда. Однако не худо и Филостратъ. Безспорно, что произошли Имнософисты изъ Индіи, гдѣ два рода мудрецовъ поставляетъ бывшими Стравонъ въ книгѣ шестойнадесять: одни обращавшіеся въ городахъ, называемые Брахманы, которые ходили въ тонкихъ полотняныхъ одеждахъ, также и кожаныхъ. Филостратъ сходно пишетъ, что они раздѣвались, дабы мыться съ Аполлоніемъ. Были тамъ же философы въ лѣсахъ живущіе нагіе, которые иногда листьями древъ и корою наготу прикрывали, которые назывались Имнософистами и отъ которыхъ произошли Имнософисты Еѳіопскіе. Ибо жившіе около Инда рѣки народы великимъ множествомъ въ Еѳіопію переселились, и жить начали подлѣ Нила, отъ коихъ оная страна названа Индіею. Діодоръ въ книгѣ третіей о обычаяхъ Еѳіоповъ говоря, повѣствуетъ, что иные изъ нихъ совсѣмъ ходятъ нагіе, другіе лисьими хвостами прикрываютъ дѣтородные уды, а иные изъ волосовъ здѣланными подвязками оныя подвязываютъ. И Стравонъ изъ Николая Дамаскина пишетъ, что восемь невольниковъ Индійскихъ подарено было послами Индійскими Августу Кесарю, которые были нагіе всѣмъ тѣломъ, выключая то, что дѣтородные уды подвязками были подвязаны.

На главу первуюнадесять.

(1) Сего оные песіи философы. То есть Циники. Антисѳенъ Сократовъ ученикъ былъ начинщикомъ сего ученія. Они обыкновеніе имѣли всѣхъ поносить, ругать, любодѣйствовать всенародно, и не въ тайнѣ то дѣлать, о чемъ каждой изъ насъ наединѣ посрамился бы помыслить. Роскоши и удовольствіе крайне любили, и презирали не только богатство, но и самую жизнь. Кромѣ Антисѳена начальниками у нихъ были Діогенъ Синопійской, Кратесъ Ѳебанскій и Мениппъ Финикійскій. Цицеронъ въ книгахъ о должностяхъ пишетъ, что ихъ безстыдные обычаи общежительному житію противны, и достойны того, дабы ихъ удаляться.

(2)

(2) Кои одѣваются епанчею и носятъ въ рукахъ жезлы. Епанча у Грековъ составляла верхнюю одежду, какъ у Римлянъ тога. Циники носили епанчи старые стертые, толстые и жезлы. Августинъ сіи жезлы называетъ дубинами; и утверждали, что они такимъ убранствомъ подобятся Геркулесу.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѢ Божіемъ.

КНИГА XV.

Глава первая.

О двухъ порядкахъ рожденія человѢческаго на различные концы простирающагося.

О благополучіи райскомъ, или лучше сказать, о самомъ раѢ, и о житіи въ ономъ первозданныхъ людей, и ихъ паденіи, равно и о наказаніи за то, многіе много думали, много говорили, много писали. И мы по Писанію Священному, или что въ ономъ читали, или что изъ онаго выразумѢть могли въ сходствіе съ онымъ о томъ въ вышеписанныхъ книгахъ разсуждали. Естьли же кто подробнѢе знать пожелаетъ, тотъ многія и многоразличныя увидитъ недоумѢнія, для рѢшенія которыхъ болѢе потребно книгъ, нежели сіе сочинеіе, и болѢе времени, нежели сколько намъ достаетъ. Мы имѢ-

имѣемъ времени мало; чего для не должно намъ тратить онаго въ томъ, о чемъ могутъ требовать отъ насъ отвѣта люди любопытные и праздные, которые готовы вопрошать, нежели способны къ разумѣнію. Однако я думаю, что довольно мы рѣшили и говорили о самыхъ наитруднѣйшихъ вопросахъ, какъ то о началѣ или міра, или души, или человѣческаго рода, которой мы раздѣлили на два рода; изъ коихъ въ одномъ состоятъ живущіе по человѣку, въ другомъ жительствующіе по Богу. Которыя мы таинственно двумя градами называемъ: то есть двумя обществами человѣческими: изъ которыхъ одно предъуставлено во вѣки царствовать съ Богомъ: другое осуждено на вѣчное мученіе съ діаволомъ. Но сіе ихъ есть концемъ, о которомъ мы послѣ говорить имѣемъ, нынѣ же поелику о началѣ ихъ или въ Ангелахъ, коихъ число намъ неизвѣстно, или въ двухъ оныхъ первыхъ людяхъ, довольно сказано: теперь потребно мнѣ предложить о предложеніи томъ, съ котораго начали оные двое раждать, до тѣхъ мѣстъ, какъ люди родитъ престанутъ. Ибо все сіе время, или вѣкъ, въ который умирающіе преселяются, и раждающіеся настаютъ, сихъ двухъ градовъ, о коихъ мы говоримъ, есть продолженіемъ. И такъ родился первый отъ оныхъ двухъ прародителей рода человѣческаго Каинъ, принадлежащій ко граду земному; потомъ Авель

при-

принадлежащїй ко граду Божїю. Ибо какЪ вЪ одномЪ человѢкѢ, какЪ сказалЪ АпостолЪ, познаваемЪ, *не прежде духовное, но душевное, потомЪ же духовное*: почему всякЪ поелику отЪ осужденнаго корене раждается, вопервыхЪ отЪ Адама потребно ему быть злымЪ и плотянымЪ: когда же во ХристѢ чрезЪ отрожденїе успѢетЪ, будетЪ благимЪ и духовнымЪ: такЪ во всемЪ человѢческомЪ родѢ, какЪ сперва начали сїи два града, раждаясь и умирая, распространяться, то во первыхЪ родился гражданинЪ вѢка сего: потомЪ же странствующїй вЪ вѢкѢ, и принадлежащїй кЪ Божїю граду, благодатїю предуставленный, благодатїю избранный, благодатїю странствующїй долѢ, благодатїю гражданинЪ горѢ. Ибо что принадлежитЪ до него, то хотя происходитЪ онЪ, вЪ разсужденїи начала отЪ тогожЪ смѢшенїя, которое вообще осуждено: но БогЪ какЪ скудельникЪ (ибо сего подобїя благоразумно употребляетЪ АпостолЪ) отЪ тогожЪ смѢшенїя творитЪ иной сосудЪ вЪ честь, другой не вЪ честь. Прежде содѢланЪ сосудЪ не вЪ честь, потомЪ другїй вЪ честь; понеже и вЪ самомЪ одномЪ человѢкѢ, какЪ уже я сказалЪ, первѢйшее есть злое, откуда по нуждѢ начинаемся и гдѢ нужды неимѢемЪ пребывать: послѢднее же лучшее, куда успѢвая приближатся и достигая пребывать долженствуемЪ. И хотя всякой человѢкЪ злый не будетЪ добрымЪ, однако

никто

никто не бываетъ добрымъ, который не былъ злымъ; но чѣмъ кто скоряе премѣняется въ лучшее, тѣмъ скоряе и имяноваться, чему прилѣпляется, можетъ и послѣднимъ именемъ покрываетъ первое. И такъ пишется о Каинѣ, что онъ создалъ градъ. Авель же, какъ странствующій и пришлецъ, не создалъ. Горній бо есть святыхъ градъ, хотя здѣсь раждаетъ гражданъ, въ коихъ странствуетъ, дондеже пріидетъ время царствія его, когда соберетъ въ собственныхъ тѣлахъ всѣхъ воскреснуть имѣющихъ, когда обѣщанное имъ дастся царство, гдѣ съ своимъ начальникомъ, Царемъ вѣковъ, безконечно царствовать будутъ.

Глава вторая.

О сынахъ плоти и чадахъ обѣтованія.

Тѣнію нѣкоторою града сего и образомъ пророческимъ знаменующимъ наипаче, нежели представляющимъ служило на земли, въ которое время открыться долженствовало, и наречена и она градомъ святымъ въ разсужденіи знаменительнаго своего образа, а не въ разсужденіи точности будущія истинны. О семъ образѣ служащемъ, и образованномъ градѣ такимъ образомъ Апостолъ къ Галатомъ говоритъ: *глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти, закона ли не слушаете? Писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ; единаго отъ рабы, а другаго отъ*

спо-

свободныя. Но иже отъ рабы, по плоти родися; а иже отъ свободныя, по обѣтованію. Яже суть иносказаема: сія бо есть два завѣта: единъ убо отъ горы Синайскія, въ работу раждаяй, иже есть Агарь: Агарь бо Сина гора есть во Аравіи, прилагается же нынѣшнему Іерусалиму, работаетъ же съ чады своими. А вышній Іерусалимъ, свободь есть, иже есть мати всѣмъ намъ: писано бо есть, возвеселися неплоды не раждающая: расторгни и возопи не болящая, яко многа чада пустыя, паче нежели имущія мужа. Мы же, братіе, по Исааку обѣтованія чада есмы. Но якоже тогда по плоти рождейся гоняше духовнаго, тако и нынѣ: но что глаголетъ писаніе, изжени рабу и сына ея, не иматъ бо наслѣдовати сынъ рабынинъ съ сыномъ свободныя. Тѣмъ же, братіе, нѣсмы рабынина чада, но свободныя. Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи. Сей образъ разумѣнія начавшійся отъ Апостола открываетъ намъ, какимъ образомъ писанія двухъ завѣтовъ ветхаго и новаго разумѣть мы должны. Ибо часть нѣкоторая земнаго града сталась образомъ небеснаго града, не себя знаменуя, но другаго, и потому работая. Ибо не ради себя самаго, но ради знаменованія инаго уставленъ, и при предшествіи другаго знаменованія, и самъ прообразующій прообразованъ. Понеже Агарь рабыня Саррина и ея сынъ образомъ были нѣкоторымъ сего образа. И поелику прейти имѣли тѣни при наступ-

ленія

ленiи свѣта; того ради сказала свободная Сарра, которая знаменовала свободный градъ: которому паки въ знаменованiи другимъ образомъ и самая тѣнь работала: *изжени рабу, и сына ея, не иматъ бо наслѣдовати сынъ рабынинъ съ сыномъ* моимъ Исаакомъ, что Апостолъ изображаетъ: съ сыномъ *свободныя.* И такъ находимъ мы въ земномъ градѣ два вида, изъ коихъ одинъ свое пребыванiе доказывающiй; другiй своимъ пребыванiемъ знаменованiю небеснаго града служащiй. Раждаетъ же гражданъ земнаго града преступленiемъ поврежденная природа; небеснаго же града гражданъ раждаетъ природу отъ грѣха избавляющая благодать: почему оные и называются сосудами гнѣва; а сiи сосудами милости. Знаменовано было сiе и въ двухъ Авраамовыхъ сынахъ, изъ коихъ одинъ отъ рабыни, называемой Агарь, по плоти родился Измаилъ: другiй же отъ Сарры свободной по обѣтованiю Исаакъ. Оба правда отъ сѣмене Авраамова: но онаго родило обыкновенiе открывающее природу: а сего даровало обѣщанiе знаменующее благодать. Тамъ человѣческое показывается употребленiе; здѣсь Божiе благодѣянiе внушается.

Глава

Глава третія.

О неплодіи Сарриномъ, которое плодоноснымъ учинила Божія благодать.

Сарра бо была неплодна, и отчаявая съ въ дѣторожденіи, желая по крайней мѣрѣ имѣть дѣтей отъ рабы, когда въ себѣ способности къ тому не примѣчала, позволила совокупиться съ нею мужу, отъ котораго желала сама имѣть дѣтей, но не могла. И такъ истребовала долгъ отъ мужа и такимъ образомъ, употребляя своего права въ чуждомъ чревѣ. Рожденъ убо Исмаилъ, какъ раждаются прочіе люди смѣшеніемъ обоихъ половъ обыкновеннымъ закономъ природы. Для того сказано по плоти, не потому аки бы сіе не было Божіимъ благодѣяніемъ, или аки бы оное не Богъ дѣйствуетъ, котораго вседѣйствующая *премудрость*, какъ пишется, *досязаетъ отъ конца даже до конца крѣпко, и управляетъ вся благо.* Но когда означить надлежало, Божій даръ, который не по заслугамъ людямъ дается, туне благодатію, то такъ долженствовало даровать сына, какъ природы не требовалъ порядокъ. Ибо не даетъ уже природа дѣтей такому смѣшенію мужа и жены, каковымъ было Авраамово и Саррино въ такой, то есть, старости; особливо при неплодіи Сарриномъ, которая и тогда раждать не могла, когда не лѣта дѣторожденію, но къ лѣтамъ чадородія или плодородія не доставало. И такъ что не

не было должнымъ плодородіе поврежденной природѣ, означаетъ, что природа рода человѣческаго, грѣхомъ поврежденная, и чрезъ то достойно осужденная, никакого истиннаго благополучія была недостойна. И такъ справедливо знаменуетъ Исаакъ, по обѣтованію рожденный, сыновъ благодати, гражданъ града свободнаго, общниковъ мира вѣчнаго, гдѣ находится не собственнаго и частнаго хотѣнія любовь, но любовь радующаяся о общемъ и неизмѣняемомъ благѣ, и дѣлающая изъ многихъ сердецъ едино, то есть, совершенно согласное повиновеніе любви.

Глава четвертая.

О брани и мирѣ земнаго града.

Земный притомъ градъ, который вѣчнымъ быть не имѣетъ: ибо тогда на послѣднее осудится мученіе, уже градомъ не будетъ; здѣсь имѣетъ свое добро, которому прилѣпляясь, радуется радостію, каковая отъ таковыхъ вещей быть можетъ. И поелику нѣтъ такова добра, которое не огорчало бы своихъ любителей; того ради градъ земный самъ на себя раздѣляется по большой части, дѣлая раздоры, брани, сраженія, и или смертоносныя, или покрайней мѣрѣ смертныя получая побѣды. Ибо съ какой бы своей части ни восталъ противъ другой воюя, ищетъ побѣдите-

лемъ

лемъ быть народовъ, когда самъ плѣненъ и побѣжденъ пороками. И естьли когда останется побѣдителемъ, то и тогда смертоносенъ и пагубенъ. Ежелижъ размышляетъ о состояніи и общихъ нещастіяхъ, то наипаче тѣмъ, что приключится имѣетъ, сокрушается, нежели гордится тѣмъ, что щастіемъ пріобрѣлъ. Толь - то временна есть и невыгодна сія побѣда! Ибо не всегда владычествовать можетъ надъ тѣми, коихъ побѣдоноснымъ оружіемъ покорить былъ въ состояніи; понеже желаетъ земнаго нѣкотораго ради послѣднихъ вещей мира; но до онаго стремится достигнуть бранію. Ибо ежели побѣдитъ и не будетъ никого противящагося, тогда будетъ миръ, котораго не имѣли обѣ страны, одна противъ другой вооружающіяся, и сражающіяся при нещастіи за тѣ вещи, которыхъ купно имѣть не могли. Сего мира ищутъ многотрудныя брани, сей получаетъ мнимая и почитаемая славною побѣда. Когда же побѣждаютъ тѣ, которые имѣли праведную воевать вину, то кто сомнѣваться будетъ, что тогда радость великая бываетъ о побѣдѣ и желанный миръ? Сіе есть добро, и безъ сомнѣнія Божіе благодѣяніе. Но ежели презрѣвъ лучшая, которыя принадлежатъ къ горнему граду, гдѣ побѣда будетъ въ вѣчномъ и высочайшемъ мирѣ, добро сіе временное такъ желаемо бываетъ, что или одно по-

читается или более, нежели лучшее любится, то по необходимости должно последовать бедности, и той, которая уже была, умножиться.

Глава пятая.

О первомъ земнаго града основателѣ братоубійцѣ, котораго злодѣянію основатель Рима убіиствомъ также брата соотвѣтствовалъ.

И такъ первымъ основателемъ и создателемъ земнаго града былъ братоубійца: ибо своего брата, гражданина града вѣчнаго, въ сей вселенной странствующаго, зависгію побѣжденъ будучи, убилъ. Почему не должно удивляться, что гораздо послѣ въ основаніи того града, который сего земнаго града, о которомъ говоримъ, главою быть имѣлъ, и толь многими народами обладать, сему первому примѣру и ἀρχετύπῳ, первообразному, нѣкоторый тогожъ рода образъ соотвѣтствовалъ. Ибо и тамъ, какъ оное злодѣяніе нѣкоторый ихъ стихотворецъ упоминаетъ: *братнею кровію первые обагрены были стѣны.* Ибо такимъ образомъ основанъ Римъ, когда свидѣтельствуетъ исторія, что Ремъ отъ брата Ромула убитъ; развѣ только, что сіи оба земнаго града были жителями и оба славы отъ основанія Римской республики искали. Но оба оныя таковою, каковою, естьлибъ былъ одинъ, имѣть не могли. Ибо который желалъ славить-

виться владычествомъ, тотъ меньшимъ бы обладателемъ былъ, естьлибъ власть его при живомъ сообщникѣ царства умалялась. И такъ дабы быть обладателемъ одному, то истребленъ общникъ и злодѣяніемъ возрасъ на хуждшее, въ чемъ по невинности меньшимъ былъ бы къ лучшему. Сіи же братія Каинъ и Авель оба не имѣли подобнаго между собою желанія земныхъ вещей: и не въ томъ одинъ другому позавидовалъ, что его владычество не столь далеко простирается, который убилъ другаго, естьлибъ оба были обладателями. Ибо Авель не желалъ владычествовать въ томъ градѣ, который созидалъ братъ. Но зависти оной діявольской, коею завидуютъ злые добрымъ, не иная есть вина, какъ только что они злы, а другіе добры. Ибо никакимъ образомъ не бываетъ владычество благости меньшимъ при сообщникѣ, но еще большимъ, чѣмъ согласнѣйшая и неразрывная общниковъ оное имѣетъ любовь. Наконецъ не будетъ имѣть онаго тотъ, который не захочетъ онаго съ прочими имѣть общимъ, и столь оное найдетъ пространнымъ, чѣмъ болѣе могъ бы имѣть и любить общниковъ. И такъ произшедшее между Ремомъ и Ромуломъ показало, какимъ образомъ земный градъ раздѣляется и востаетъ самъ на себя: произшедшее же между Каиномъ и Авелемъ открыло вражду между двумя градами, человѣческимъ и Божіимъ. И такъ сражаются

 меж-

между собою злые со злыми, также сражаются между собою добрые и злые. Добрые же съ добрыми, ежели они совершенны, сражаться между собою не могутъ. Успѣвающіе же, но въ совершенство недостигшіе могутъ такъ, что добрый каждый съ той же страны ратуетъ, съ коей и на него; ибо и во единомъ человѣкѣ плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть. Слѣдовательно желаніе одного духовное можетъ вооружаться противъ желанія другаго плотскаго; или желаніе плотское противъ желанія духовнаго, такъ какъ сражаются между собою добрые и злые: или какъ самыя желанія плотскія двухъ между собою добрыхъ, но несовершенныхъ: равно какъ между собою сражаются злые со злыми, покуда врачуемые изъ нихъ въ совершенное здравіе и побѣду приведены будутъ.

Глава шестая.

О немощахъ, которыя отъ казни за грѣхъ и граждане небеснаго Божія града въ странствованіи сея жизни претерпѣваютъ, и отъ которыхъ Божіимъ врачеваніемъ врачуются.

Немощь есть та, то есть, оное непослушаніе и непокореніе, о которомъ мы въ четвертойнадесять книгѣ говорили, казнь перваго непослушанія: и потому она не природа, но порокъ и поврежденіе. Чего ради глаголется успѣвающимъ во благомъ, и

и вѣрою въ семъ странствованіи живущимъ: *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.* И на другомъ мѣстѣ: *Вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ. Блюдите, да никто же кому зла за зло воздастъ.* Также на иномъ мѣстѣ: *Аще впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себѣ, да не и ты искушенъ будеши.* И индѣ: *Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ.* И въ Евангеліи: *Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, шедъ обличи его между имъ и тобою единымъ.* Также о грѣхахъ, въ коихъ находится опасность, дабы многіе не соблазнились, такъ говоритъ Апостолъ: *Согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, да и прочіи страхъ имутъ.* Сего ради и о прощеніи взаимномъ многократно намъ внушается, и о великомъ тщаніи для сохраненія мира, *безъ него же никто же можетъ узрѣти Бога:* гдѣ есть оный страхъ, когда повелѣвается рабу отдать десять тысячь талантовъ должныхъ, кои были ему оставлены за то, что долгъ, состоящій во стѣ динаріяхъ, Клеврету своему не оставилъ, и не простилъ. Которое уподобленіе Господь Іисусъ предложивъ, приложилъ и сказалъ: *Тако сотворитъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ.* Такимъ образомъ вручаются

граждане града Божія, въ семъ земномъ странствующіе, и къ покою горняго отечества воздыхающіе. Духъ же Святый дѣйствуетъ внутренно, дабы пользовало врачевство прилагаемое отъ внѣ. Инако хотя бы Богъ, употребляя тварь себѣ повинующуюся въ какомъ либо видѣ человѣческомъ, говорилъ человѣческимъ чувствамъ, какъ симъ тѣлеснымъ, такъ и тѣмъ, которые крайне подобными онымъ имѣемъ, въ сновидѣніяхъ, и не управлялъ и недѣйствовалъ внутренно благодатію; то нимало не пользуетъ проповѣданіе истинны. Дѣлаетъ же сіе Богъ, различая сосуды гнѣва отъ сосудовъ милости, строеніемъ, коимъ самъ онъ вѣдаетъ, сокровеннымъ, но праведнымъ. Ибо помогающу Богу чуднымъ и сокровеннымъ образомъ, грѣхъ живущій во удѣхъ нашихъ, который наипаче есть казнію за грѣхъ, какъ Апостолъ говоритъ, не царствуетъ въ мертвенномъ нашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотѣхъ его, и не представляемъ ему уды наши оружіемъ неправды, повинуется разуму не на зло при управленіи Божіемъ клонящемуся, но управляющему онымъ, покуда человѣкъ совершенно уврачевавшись и получивъ безсмертіе, безъ всякаго грѣха въ вѣчномъ мирѣ царствовать будетъ.

Глава

Глава седьмая.

О винѣ и непреклонности беззаконія Каинова, котораго отъ предпріятаго злодѣянія ни Богъ глаголавшій ему не отвратилъ.

Но сіе самое, что мы сколько могли, изъяснили, когда Богъ бесѣдовалъ къ Каину такимъ образомъ, коимъ онъ глаголалъ первымъ людямъ (1), въ видѣ людямъ пристойнымъ, какую ему принесло пользу? Не совершилъ ли онъ предпріятаго къ убіенію брата беззаконія и послѣ Божія къ нему увѣщанія? Ибо когда Богъ различилъ жертвы обоихъ, призрѣвъ на Авелевы, на Каиновы же не призрѣвъ: (сомнѣваться не должно (2), что сіе сдѣлано было чрезъ наружный и видимый какій либо знакъ): и сіе Богъ учинилъ, понеже Каиновы дѣла были злы, Авелевы же добры: *опечалися Каинъ зѣло, и испаде лице его.* Ибо такъ написано: *И рече Господь Богъ Каину: вскую прискорбенъ былъ еси? и вскую испаде лице твое? Еда аще право принеслъ еси (3), право же не раздѣлилъ еси, не согрѣшилъ ли еси? Умолкни. Къ тебѣ обращеніе его, и ты тѣмъ обладаеши.* Въ семъ увѣщаніи, которое учинилъ Богъ Каину, въ ономъ словѣ: *Еда аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси, не согрѣшилъ ли еси?* Поелику не открыто для чего, и для какой причины сказано, то скрытность онаго многія родила смыслы и разумы; когда всякой

жой Священнаго Писанія толкователь по правилу вѣры тщался оное изъяснить. Право приносится жертва, когда приносится истинному Богу, которому единственно жертвовать должно. Неправо же раздѣляется, когда право не различается или мѣсто, или время, или вещи самыя приносимыя, или приносящій, или тотъ, коему приносится, или тѣ, коимъ въ снѣдь раздѣляется принесенное: такъ, что мы чрезъ раздѣленіе разумѣемъ здѣсь различеніе, или когда приносится, гдѣ не надлежало, или что не тамъ, но индѣ надлежало: или когда приносится, когда не подобало, или что не тогда, но въ другое время долженствовало: или когда то приносится чего никогда и нигдѣ приносить не было надобно: или когда лучшія вещи для себя оставляетъ человѣкъ, а хуждшее приноситъ Богу: или когда тоя вещи, которая принесена, общникомъ бываетъ невѣрующій, или такой, которому общникомъ быть не подобало. Въ которомъ же изъ сихъ наблюденій неугоденъ былъ Каинъ Богу, трудно сказать. Но понеже Іоаннъ Апостолъ, когда о сихъ братіяхъ говорилъ, *не якоже* сказалъ, *Каинъ отъ лукаваго бѣ, и закла брата своего.* И для чегожъ онъ заклалъ его? Понеже дѣла Каиновы злы были, Авелевы же дѣла были добры, и праведны. Чрезъ сіе дается намъ разумѣть, что Богъ для того не призрѣлъ на дары Каиновы,

поне-

понеже онъ худо раздѣлялъ, то есть, принося Богу нѣчто отъ своихъ вещей, а себѣ самаго себя. Что всѣ тѣ дѣлаютъ, которые не Божіей но своей послѣдуютъ волѣ, то есть, неправымъ но лукавымъ сердцемъ живущіе, которые приносятъ Богу дары, не съ тѣмъ, дабы онъ помогъ имъ въ обузданіи и уврачеваніи злыхъ вожделѣній, но какъ бы желая закупить или подкупить Бога, дабы онъ исполнялъ ихъ прихоти. И сіе свойственно есть земному граду, почитать, то есть, Бога или боговъ съ тѣмъ, дабы пособіемъ ихъ царствовать въ побѣдахъ, и мирѣ земномъ, изъ желанія единственно владычествованія, а не изъ любви къ пользѣ. Ибо благіе для того употребляютъ Бога, дабы наслаждаться Богомъ: а злые напротивъ употребляютъ Бога, дабы наслаждаться миромъ: однако сіи изъ рода тѣхъ, кои признаваютъ, что Богъ есть, и о людяхъ промышляетъ; понеже находятся несравненно хуждшіе, которые и того не признаваютъ. И такъ познавъ то Каинъ, что Богъ призрѣлъ на жертву брата его, а не на его, конечно долженъ былъ, премѣнивъ себя, подражать своему доброму брату, а не превознесшись завидовать. Но понеже прискорбнымъ онъ сталъ, и испаде лице его, то сей грѣхъ наипаче обличалъ Богъ, что не должно въ добрѣ завидовать ближнему, а особливо брату, Ибо о томъ обличая, вопрошалъ:

вскую

вскую прискорбенъ былъ еси, и вскую испаде лице твое? понеже онъ завидовалъ брату, то Богъ видя оное обличалъ. Ибо людямъ, отъ коихъ сокровенно сердце человѣческое, могло быть сомнительнымъ, и совсѣмъ неизвѣстнымъ, отъ чего оная произошла въ Каинѣ печаль; отъ того ли, что онъ зазиралъ и раскаивался въ своей злобѣ, чрезъ которую онъ неблагоугоденъ стался Богу; или отъ того, что зависть его повергала въ печаль въ разсужденiи братниной доброты, коею угодилъ онъ Богу, когда призрѣлъ Богъ на жертву его. Но предлагая Богъ вину, для чего Каиновой жертвы принять не благоволилъ, показалъ, что онъ долженъ самъ себѣ быть противнымъ, нежели недостойно братъ ему неугоднымъ, когда самъ онъ будучи неправеднымъ, неправо раздѣлялъ, то есть неправо жизнь препровождалъ, и недостоинъ былъ того, дабы принята была его жертва, а тѣмъ еще неправеднѣе, что брата праведнаго напрасно ненавидѣлъ. Однако не отпущая его безъ *заповѣди святой, праздной и благой, умолкни*, говоритъ; *къ тебѣ обращенiе его, и ты тѣмъ обладаеши.* Не уже ли братомъ? никакъ. Кѣмъ же? не инымъ чѣмъ, какъ грѣхомъ; ибо сказалъ: *не согрѣшилъ ли еси?* Потомъ приложилъ, *Умолкни; къ тебѣ обращенiе его, и ты тѣмъ обладаеши.* Можно сiе такъ разумѣть, къ самому человѣку должно быть обращенiе

грѣха

грѣха, такъ что никому иному присвоить долженъ, что согрѣшаетъ. Ибо сіе есть спасительнымъ покаянія врачевствомъ и прошеніемъ не непристойнымъ прощенія, что когда говоритъ: *къ тебѣ обращеніе его*, не подразумѣвается, будетъ, но да будетъ; гласъ сей повелѣвающаго есть, а не предвозвѣщающаго. Ибо тогда всякъ грѣхомъ обладаетъ, естьли оной не предпочтетъ защищая, но покоритъ раскаяваяся. Въ противномъ случаѣ и ему будетъ работать обладающему, котораго защищаетъ убивающаго. Но ежели чрезъ грѣхъ разумѣть самое вожделѣніе плотское, о коемъ Апостолъ говоритъ: *плоть похотствуетъ на духъ*, въ числѣ плодовъ, которыя упоминаетъ, и зависть, коею подстрекаемъ былъ Каинъ, и воспламенялся на погубленіе брата: то не худо подъразумѣваемо быть имѣетъ слово, *будетъ*, то есть, *къ тебѣ обращеніе его будетъ и ты тѣмъ обладаеши*. Ибо когда подвигнется часть оная плотская, которую Апостолъ грѣхомъ нарицаетъ, гдѣ говоритъ: *не азъ содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ*, которую часть душевную и философы признаваютъ поврежденною, которая не разумъ должна влечь, но разумъ оною долженствуетъ обладать, и оную отъ непозволительныхъ дѣлъ отвлекать и удерживать. И такъ ежели подвигнется къ содѣланію чего либо недолжнаго, и естьли повиновеніе и послушаніе оказано будетъ,

Апо-

Апостолу глаголющему: *не представляйте уды ваши оружіемъ неправды грѣху*: тогда укрощена будучи и побѣждена, обращается, дабы надъ покорившеюся обладалъ разумъ. Сіе повелѣлъ Каину Богъ, который пламенемъ братоненавидѣнія пылалъ, и которому долженствовалъ подражать, онаго старался истребить. *Умолкни*, говорилъ Богъ, то есть, руки отъ беззаконія удержи. *Да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенномъ твоемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотѣхъ его, и не представляй уды твои оружіемъ неправды грѣху: къ тебѣ обращеніе его*, когда не пособствуется ему послабленіемъ брозды, но обуздавается, *и ты тѣмъ обладаеши*. Когда по наружности не допускается дѣйствовать, властію разума управляющаго и благоизволяющаго, то пускай приобучается и внутренно не двигаться. Сказано нѣчто таковое въ той же Богодухновенной книгѣ и о женѣ, когда по согрѣшеніи судомъ Божіимъ осужденія приговоры получили, въ зміи діяволъ, и въ себѣ самихъ мужъ и жена: ибо когда сказалъ женѣ: *умножая умножу печали твоя, и воздыханія твоя; въ болѣзнехъ родиши чада твоя*: потомъ прибавилъ: *къ мужу твоему обращеніе твое и той тобою обладати будетъ*. Что сказано Каину о беззаконіи или грѣховномъ плоти вожделѣніи, тожъ въ семъ мѣстѣ о согрѣшившей женѣ: гдѣ разумѣть надлежитъ, что мужъ въ управленіи женою подобенъ

должен быть духу управляющему плотію. Чего для говорит Апостол: *любяй жену свою, себя самаго любит. Никтоже когда плоть свою позненавидѣ.* Ибо врачевать мы должны сіе как свое, а не как чуждое охуждать. Но оную Божію заповѣдь так как преступник Каин принял: ибо как скоро усилился зависти грѣх, тотчас нападши брата умертвил. Таков был основатель земнаго града. Каким же образом знаменовал собою Каин Іудеев, которые Христа умертвили, пастыря словесных овец, прообразованнаго пастырем овец безсловесных Авелем: оное понеже состоит в иносказаніи пророческом, того ради теперь оставляю говорить; памятуя притом, что я о сем нѣсколько говорил против Манихея Фавста.

Глава осьмая.

Какая была причина, что Каин при начатках человѣческаго рода создал град.

Нынѣ защитить надлежит мнѣ повѣсть, дабы не показалось Священное Писаніе не достовѣрным, которое сказывает, что один человѣк построил город в такое время, когда не болѣе четырех или лучше сказать трех мужей было, по убіеніи Каином брата на земли: то есть первой человѣк прародитель всѣх, и сын его Каин, и сын Каинов Енох, по име-

ни котораго и градъ той названъ Енохїею. Но которыхъ сїе безпокоитъ, тѣ видно мало разсуждаютъ, что священному писателю не было нужды всѣхъ людей, которые тогда были имяновать (1); онъ упоминалъ только тѣхъ, о коихъ писать предпрїятый дѣла требовалъ порядокъ. Ибо намѣренїе писателя сего, чрезъ котораго дѣйствовалъ Духъ Святый, состояло въ томъ, чтобъ чрезъ преемства извѣстныхъ колѣнъ, отъ одного человѣка происходящихъ, достигнуть до Авраама, потомъ отъ его сѣмене до народа Божїя: въ которомъ отличенномъ, отъ прочихъ языковъ предзнаменовалось и предповѣствовалось все о градѣ Божїемъ, котораго царство будетъ вѣчное, и царѣ онаго и Творцѣ Хрїстѣ, имѣющее быть: такъ что не умолчано и о другомъ обществѣ, которое мы земнымъ называемъ градомъ, сколько было потребно, дабы градъ Божїй, въ сравненїи съ враждебнымъ себѣ градомъ, сїялъ. И такъ когда Божественное Писанїе и число лѣтъ, сколько оные люди жили, упоминаетъ, такъ заключаетъ и говоритъ о каждомъ, о коемъ писалъ: *и роди сыны и дщери, и быша вси дніе его: иже поживе лѣтъ* столько-то *и умре.* Не уже ли, поелику оныхъ сыновъ и дщерей не имянуетъ, разумѣть мы не должны, что чрезъ толико лѣтъ, коликїе жили въ первые вѣки люди, могли многїе родиться люди, коихъ обществомъ могли многїе созданы быть гра-

грады. Не благоизволилось Богу, коего вдохновенiемъ сiи повѣсти написаны, сiи два общества своими родословiями различить, дабы особенно людей, то есть по человѣку живущихъ и особенно чадъ Божiихъ, то есть людей по Богу жительствующихъ, родословные ведены были даже до потопа, гдѣ обоихъ обществъ раздѣленiе, и соединенiе показуется: раздѣленiе поелику обоихъ различныя родословныя упоминаются, одного братоубiйца Каина; другаго же нарицаемаго Сиѳа. Ибо и онъ родился отъ Адама вмѣсто убитаго братомъ Авеля; соединенiе же, понеже по уклоненiи ко злу добрыхъ таковыми всѣ стались, что достойны были потопомъ потреблены быть, выключая одного праведнаго, коему имя было Ной, и его жену и трехъ сыновей съ женами ихъ, которые, числомъ восемь, отъ оной погибели смертныхъ достойными были въ ковчегѣ спасены быть. Чтоже написано: *и позна Каинъ жену свою, и зачентши роди Еноха, и бѣ зиждяй градъ* (2), *иименова градъ по имя сына своего Енохiею:* изъ того не слѣдуетъ вѣрить, аки бы онъ сего перваго родилъ сына. Не можножъ сего заключить изъ того, понеже пишется о немъ, что позналъ жену свою, какъ будто бы тогда во первыхъ совокупился съ нею. Ибо и о самомъ всѣхъ праотцѣ Адамѣ не только тогда пишется, когда зачатъ былъ Каинъ, которой по видимому былъ первенцомъ, но и послѣ того

употребляетъ тогожъ слова Писаніе, говоря: *позна Адамъ жену свою, и зачениш роди сына, и именова имя ему Сиѳъ.* Откуда разумѣть можно, что Писаніе обыкновенно такъ говоритъ, хотя не всегда, когда въ ономъ читаемъ зачавшихся людей, которые однако не въ первые половъ смѣшеніе имѣли. И онымъ доказать не можно, акибы первородный сынъ былъ Енохъ, когда градъ во имя его построенъ; ибо не удивительно, что можетъ статься по какой либо причинѣ, хотя и другихъ имѣлъ дѣтей, его паче прочихъ любилъ. Ибо и Іуда не былъ первенцомъ (3), отъ котораго и Іудея и Іудеи наречены. Но хотя бы основателю града онаго Енохъ былъ первенцемъ, однако потому думать не можно, аки бы тогда созданному граду имя его наложено, когда родился; понеже тогда одинъ не могъ созидать града, понеже градъ не что другое есть, какъ множество людей, нѣкоторымъ союзомъ общества связанное; но когда онаго человѣка сѣмейство до толикаго степени расплодилось, что имѣло уже народа великое количество, тогда могло статься, чтобъ и создать и назвать, по имени первороднаго своего сына, городъ. Ибо толь долговѣчна жизнь оныхъ людей была, что самаго послѣдняго, о коихъ лѣтахъ не умолчано, которой менѣе всѣхъ жилъ, до потопа до седми сотъ седмидесяти трехъ лѣтъ (4) житія считается. Ибо многіе болѣе девяти

ти сотЪ лѣтЪ жили, хотя до тысячи ни одинЪ не достигнулЪ. И такЪ кто усумнится, что вЪ толь долгій вѣкЪ одного человѣка (5) могли разумножиться люди, и вЪ состояніи были построить не только одинЪ но и многія города? Сіе изЪ того познать можно, понеже отЪ одного Авраама сЪ небольшимЪ чрезЪ четыре ста лѣтЪ Еврейскій народЪ до такого множества расплодился, что во время исхода его изЪ Египта болѣе шести сотЪ тысячь было однихЪ способныхЪ кЪ брани, выключая притомЪ народЪ Идумейской, непринадлежащій кЪ народу Израильскому, которой произшелЪ рожденіемЪ отЪ брата Іяковлева Исава внука Авраамова, и другіе народы хотя не отЪ Сарры жены Авраамовой, однако отЪ Авраамова сѣмене рожденныхЪ.

Глава девятая.

О долговѣчной жизни тѣхЪ людей, кои жили до потопа, и о большемЪ возрастѣ человѣческихЪ тѣлЪ.

Чего для никто изЪ благоразумно разсуждающихЪ сомнѣваться не долженЪ, что КаинЪ не только какой либо, но и великій могЪ создать градЪ, когда до толикой долговѣчности простиралась жизнь смертныхЪ: развѣ кто изЪ невѣрныхЪ, изЪ многихЪ лѣтЪ, которыхЪ житіемЪ тогда люди достигали, какЪ пишется вЪ нашихЪ

 свя-

священныхЪ книгахЪ, предложивЪ, скажетЪ, что вѣрить тому со всѣмЪ не можно. Ибо они также не вѣрятЪ, что и тѣла человѣческія ростомЪ и великостію не были болѣе нынѣшнихЪ. Однако и знаменитый языческій стихотворецЪ (1) пишетЪ, что огромный камень, вросшій на полѣ, на межѣ, сильный одинЪ мужЪ ихЪ тогдашняго времени, сражаясь сЪ непріятелями, и восхитилЪ, и сЪ нимЪ бѣжалЪ, и намѣтилЪ и пустилЪ: *котораго*, говоритЪ, *двенатцать человѣкЪ отборныхЪ едва могли поднять. ТаковыхЪ нынѣ людей земля производитЪ.* Означая, что прежде огромнѣе тѣла (2) земля производила. Кольми паче во времена прежде славнаго и извѣстнаго всѣмЪ потопа. Но о великости тѣлЪ сомнѣвающихся довольно обличаютЪ или быстриною рѣкЪ, или другими различными приключеніями обнажившіяся и открывшіяся гробницы: гдѣ найдены, или изЪ которыхЪ испали невѣроятной величины кости умерщихЪ. ВидѣлЪ я самЪ, но притомЪ не одинЪ, а со многими на УтиценскомЪ берегу коренной человѣческій зубЪ (3) толь великій, что ежелибЪ его раздробить вЪ мѣрѣ нашихЪ зубовЪ, то оной сто составить могЪ бы. Но я не сомнѣваюсь, что оный былЪ какого либо исполина. Ибо выключая то, что всѣхЪ вЪ тогдашнія времена были тѣла несравненно болѣе, нежели нынѣ наши: исполины всѣхЪ прочихЪ тогда превосходили.

КакЪ

Какъ и въ прочія, такъ и въ наши времена, хотя рѣдко, однако всегда почти были люди, которые мѣру прочихъ несравненно превосходили. Плиній Секундъ наиученнѣйшій мужъ (4) свидѣтельствуетъ, что чѣмъ болѣе проходитъ вѣковъ, тѣмъ менѣе природа тѣла производитъ. Онъ упоминаетъ также, что и Омиръ часто въ стихахъ своихъ жаловался о томъ. И сіе писалъ онъ не осмѣхая, какъ бы вымыслы стихотворческія, но въ историческую истинну, такъ какъ чудесъ природныхъ писатель, вводя. Но какъ я сказалъ, великость древнихъ тѣлъ найденныя по большой части кости, поелику они долговѣчны, и поздымъ вѣковъ людямъ доказываютъ. долговѣчность же жизни или многочисленность лѣтъ всякаго человѣка, въ тогдашнія времена бывшую, ни какимъ доводомъ доказать прямо не можно. Однако потому невѣроятнымъ повѣствованія священныхъ книхъ признавать не должно. Ибо крайняго безстыдства знакомъ, онымъ книгамъ въ прошедшемъ не вѣрить, когда видимъ множество предвозвѣщеннаго ясно исполняющимся. Пишетъ однако Плиній (5), что находятся еще народы, гдѣ живутъ подвѣсти лѣтъ. И такъ ежели долговѣчность человѣческую, коей мы опытомъ не дознали, нынѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя мѣста: то для чего бы не вѣрить, что имѣли нѣкогда оную и времена? Не

ужели то вѣроятнѣе, что то нѣгдѣ находится, чего здѣсь нѣтъ; нежели то, что чего нынѣ нѣтъ, оное нѣкогда было?

Глава десятая.

О различіи между Еврейскими и нашими священными книгами въ численіи лѣтъ.

По чему хотя между Еврейскими и нашими книгами въ самомъ лѣточисленіи и кажется нѣкоторое различіе, которое не вѣдаю, отъ чего произошла; однако различіе оное не таково, дабы въ долговѣчности тѣхъ люди противорѣчили. Ибо первый человѣкъ Адамъ, прежде нежели родилъ сына, нареченнаго Сиѳомъ, двѣсти тритцать лѣтъ жившимъ описывается въ нашихъ книгахъ: въ Еврейскихъ же пишется сто и тритцать. Но по рожденіи онаго Адамъ въ нашихъ книгахъ описывается жившимъ восемь сотъ лѣтъ; въ Еврейскихъ же девять сотъ лѣтъ. И такимъ образомъ общее число въ обоихъ сходствуетъ. Въ шестомъ же родѣ наши и Еврейскія книги согласны. Въ седьмомъ же, когда родился оный Енохъ, который не умеръ, но по благоизволенію Божію преселенъ и преложенъ, таковое же находится несогласіе, каковое въ вышеписанныхъ пяти отъ ста лѣтъ, прежде, нежели родилъ упомянутаго сына. Въ численіи же общемъ лѣтъ согласны. Ибо жилъ, прежде нежели преложенъ,

по

по сказанію обоихъ книгъ, триста шестьдесятъ пять лѣтъ. Осьмый родъ имѣетъ правда нѣкоторое различіе, но меньшее, и съ прочими несходственное. То есть, Маѳусалъ, когда родилъ Еноха, прежде нежели родилъ того, который въ самомъ порядкѣ слѣдуетъ по Еврейскимъ не менѣе ста, но выше двадцати лѣтъ. Но сіи лѣта въ нашихъ по рожденіи прибавлены, и такъ паки общее счисленіе лѣтъ между собою сходствуетъ. Въ одномъ девятомъ родѣ, въ лѣтахъ Ламеха сына Маѳусалова, отца Ноева общее счисленіе несходствуетъ, но не чрезмѣрно. Ибо въ Еврейскихъ книгахъ пишется, что онъ жилъ болѣе двадцатью четырью годами, нежели въ нашихъ книгахъ описывается. Ибо прежде нежели родилъ сына, нареченнаго Ноемъ, въ Еврейскихъ шестью годами онъ описанъ младшимъ, нежели въ нашихъ; по рожденіи же прибавлено ему болѣе тритцати лѣтъ, нежели въ нашихъ. Чего для по исключеніи оныхъ шести, какъ сказано, остаются двадцать четыре.

Глава первая надесять.

О лѣтахъ Мафусалопыхъ, которые, кажется, далѣе потопа простираются четырнатцатью годами.

Чрезъ сіе Еврейскихъ и нашихъ книгъ несогласіе выходитъ главный оный во-

просЪ (1), акибы МаѳусалЪ жилЪ еще послѣ потопа четырнатцать лѣтЪ, когда Священное Писаніе изЪ всѣхЪ тѣхЪ, кои жили на земли, восемь человѣкЪ описываетЪ избавившимися отЪ оной погибели вЪ ковчегѣ, между коими Маѳусала не было. Ибо по нашимЪ книгамЪ МаѳусалЪ, прежде нежели родилЪ сына, нарицаемаго Ламеха, жилЪ сто шестьдесятЪ семь лѣтЪ: потомЪ самЪ ЛамехЪ, прежде нежели родилЪ Ноя, жилЪ сто восемдесятЪ восемь, которые совокуплены будучи, составляютЪ триста пятдесятЪ пять. КЪ симЪ ежели приложить шесть сотЪ лѣтЪ НоевыхЪ; ибо вЪ оной годЪ наведенЪ потопЪ: то всѣ оныя годы составляютЪ девять сотЪ пятьдесятЪ пять, сЪ того времени какЪ МаѳусалЪ родился, до самаго года потопа. ВсѣхЪ же житія Маѳусалова лѣтЪ считается девять сотЪ шестьдесятЪ девять. Понеже живши онЪ сто шестьдесятЪ семь лѣтЪ, родилЪ сына, называемаго Ламеха, по рожденіи же онаго жилЪ восемь сотЪ два года: которые всѣ, какЪ мы сказали, совокупно составляютЪ девять сотЪ шестьдесятЪ девять. ИзЪ которой суммы ежели выключить девять сотЪ пятдесятЪ пять, отЪ рожденія Маѳусалова до потопа, то остаются четырнатцать лѣтЪ, кои акибы онЪ жилЪ послѣ потопа. Почему нѣкоторые думаютЪ, что МаѳусалЪ, хотя не на земли, гдѣ всякая плоть, которая вЪ водахЪ жить

отЪ

отъ природы свойства не получила, истреблена, но со отцемъ своимъ, которой преложенъ, нѣсколько времени былъ, покуда минулъ потопъ, не хотя недостовѣрными тѣ книги сдѣлать, которыя торжественно приняла церковь и почитая, что въ Еврейскихъ удобнѣе, нежели въ сихъ можетъ быть несправедливость. Ибо они не признаютъ, что въ сихъ наипаче отъ переводчиковъ могли произойти погрѣшности, нежели въ томъ діалектѣ, съ котораго по Гречески сіи книги переведены. Невѣроятно, де, говорятъ они, чтобъ семдесятъ переводчиковъ, которые въ одно время купно и однимъ смысломъ переводили, погрѣшить могли; или, гдѣ никакой имъ не было нужды, солгали: но Іудеи завидуя намъ, что законъ и пророки чрезъ переводъ оный до насъ дошли, перемѣнили нѣсколько въ своихъ книгахъ, дабы уменьшить чрезъ то достовѣрности въ нашихъ книгахъ. Сіе мнѣніе, или лучше сказать, подозрѣніе, пускай почитаетъ кто, какъ хочетъ, однако извѣстно, что Маѳусалъ не жилъ послѣ потопа, но въ тотъ же годъ, ежели справедливо счисленіе лѣтъ въ Еврейскихъ книгахъ, скончался. О семидесяти же переводчикахъ какихъ я съ своей стороны мыслей, о томъ я говорить буду на иномъ мѣстѣ обстоятельнѣе, когда къ изъясненію временъ, какъ порядокъ сего сочиненія потребуетъ, помощію Божіею приступимъ. Те-

перь

перь съ насъ довольно, что по обѣимъ книгамъ открывается, что первые люди толь долговѣчную имѣли жизнь, что въ лѣта одного, который отъ двухъ единственно, тогда на земли жившихъ, родителей рожденъ, могъ человѣческій родъ размножится такъ, дабы довольному ему быть къ построенію града.

Глава вторая надесять.

О мнѣніи тѣхъ, которые не вѣрятъ Писанію, что столь долговѣчны были первыхъ времянъ люди.

Не должно же внимать тѣмъ людямъ, которые думаютъ, что инаково въ тогдашнія времена считалися лѣта, которыя толь были кратки и малы, что въ нашемъ одномъ годѣ десять тогдашнихъ заключалось. Чего для говорятъ, что ежели кто услышитъ, или читаетъ повѣсть описывающую жившимъ кого либо девять сотъ лѣтъ, долженъ разумѣть девяносто. Ибо десять древнихъ лѣтъ составляютъ одинъ нашъ годъ, и десять нашихъ лѣтъ, сто годовъ составляютъ древнихъ; и потому заключаютъ что Адамъ былъ двадцати трехъ лѣтъ, когда родилъ Сиѳа, и самъ Сиѳъ имѣлъ двадцать лѣтъ и шесть мѣсяцовъ, когда родился отъ него Еносъ, которые годы Писаніе считаетъ двумя стами и пятьми лѣтами. Понеже какъ думаютъ

ютъ тѣ, коихъ мнѣніе предлагаемъ, древніе оные люди одинъ годъ, каковой нынѣ мы имѣемъ, на десять частей раздѣляли, и оныя части годами называли. Изъ которыхъ частей каждая имѣетъ квадратное шестеричное число, потому что Богъ въ шесть дней совершилъ свои дѣла, дабы въ седмый опочить. Шестью же шесть, которое число составляетъ квадратное шестеричное, дѣлаютъ тритцать шесть дней: которые умножены будучи десять кратъ, составляютъ триста шестьдесятъ, то есть, двѣнатцать мѣсяцовъ лунныхъ. Ибо ради пяти дней, которыми дополняется солнечный годъ; и четверти дня, которую четырежди умноживъ, прилагали тому году, который называютъ високомъ; прибавляли древніе день, дабы составилось число лѣтъ, которые дни Римляне прикладными или прибавочными называли. И потому Еносъ, котораго родилъ Сиѳъ, имѣя осмнатцать лѣтъ, родилъ сына Каинана, которые годы называетъ Писаніе сто осмьюдесятью лѣтами. И наконецъ во всѣ роды, въ которыхъ описываются лѣта людей прежде потопа, почти ни одного нѣтъ въ нашихъ книгахъ, который бы, будучи ста лѣтъ или меньше, или ста двадцати, или нѣсколько болѣе родилъ сына: но изъ самыхъ тѣхъ, кои ранѣе прочихъ раждали, имѣя до ста шестидесяти лѣтъ и болѣе, раждали: понеже, говорятъ, никто изъ людей, десятилѣтнимъ

бу-

будучи, не можетъ рождать дѣтей, которые десять лѣтъ сто годами называютъ оные люди. Но на шестнатцатомъ году совершенная зрѣлость въ человѣкѣ способная къ рожденію дѣтей, которые годы сто шестьюдесятью оныя времена нарицали. Но чтобъ не почтено было невѣроятнымъ, что въ тогдашнія времена такимъ образомъ считали годы, то прилагаютъ, что у многихъ, де, писателей исторіи находится, что Египтяне имѣли годъ, состоящей изъ четырехъ мѣсяцовъ; Акарнаняне изъ шести; *Лавинійцы* изъ тринатцати. Плиній Секундъ когда напомянулъ, что написано въ повѣстяхъ, что нѣкоторой жилъ сто пятдесятъ два года, иной сто шестьдесятъ, нѣкоторые двѣсти лѣтъ продолжали жизни; иные до трехъ сотъ, другіе до пяти сотъ, третьи до шести сотъ, а иные до осми сотъ достигли; почелъ, что сіе не знаніемъ временъ написано. Ибо иные, говоритъ, лѣтомъ однимъ годъ опредѣляли; другіе зимою, иные четверочастными временами года, какъ то Аркадяне, у которыхъ годъ состоялъ изъ трехъ мѣсяцовъ. Прибавилъ также, что Египтяне, о которыхъ мы выше сказали, что имѣли годъ состоящій изъ четырехъ мѣсяцовъ, нѣкогда опредѣляли годъ однимъ мѣсяцомъ. Для того то, говоритъ, у нихъ написано о нѣкоторыхъ, что по тысячи лѣтъ жили. Сими какъ бы вѣроятными доводами нѣкоторые не нарушая достовѣрности С. Писанія, но

под-

подкрѣпить стараясь, дабы не показалось кому невѣроятнымъ, что древніе оные люди столь многіе жили лѣта, увѣрили себя, и не почитають за неблагоразуміе увѣряться въ томъ, что толь малое время тогда называлось годомъ, такъ что десять ихъ лѣтъ составляютъ нашъ одинъ, и десять нашихъ составляютъ ихъ сто годовъ. Но что ложно сіе, оное яснымъ доводомъ показуется. Можемъ мы подлинно сіе мнѣніе изъ Еврейскихъ книгъ обличить и отразить, гдѣ Адамъ не двухъ сотъ тритцати, но ста тритцати лѣтъ описывается бывшимъ, когда третьяго родилъ сына, которыя лѣта, ежели составляютъ нашихъ тритцать, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ перваго родилъ, будучи лѣтъ одиннадцати. Кто можетъ въ такомъ возрастѣ обыкновеннымъ и всѣмъ извѣстнымъ природы закономъ раждать дѣтей? Но оставя Адама, который можетъ статься когда сотворенъ, могъ родить. Ибо не вѣроятно, чтобъ онъ столь малымъ былъ сотворенъ, какъ наши младенцы. Но сынъ его не двухъ сотъ пяти, какъ мы читаемъ, но ста пяти лѣтъ былъ, когда родилъ Еноса: и потому по мнѣнію сихъ людей не имѣлъ отъ роду одиннадцати лѣтъ. Что сказать о Каинѣ его сынѣ, который у насъ ста седмидесяти описывается лѣтъ отъ рожденія, а у Евреевъ седмидесяти, когда родилъ Малереила? Какой человѣкъ будучи семи лѣтъ отъ рожденія раждаетъ дѣтей, естьли нынѣш-

нія наши седмь лѣтъ, были тогдашними седмьюдесятью?

Глава третіянадесять.

Въ счисленіи лѣтъ Еврейскимъ ли послѣдовать подлинникамъ, или переводу седмидесяти переводчиковъ должно?

Но какъ только начинаю о томъ говорить, то тотчасъ всѣ вопреки предлагаютъ мнѣ, что въ томъ солгали Іудеи, о чемъ я выше довольно говорилъ. Ибо, де, не возможно седмидесяти переводчикамъ, мужамъ хвалою превозносимымъ, солгать. Здѣсь ежели я вопрошу, что вѣроятнѣйшимъ кажется, то ли, чтобъ Іудейской народъ, разсѣянный по всѣмъ странамъ, ради написанія сея несправедливости единодушно согласился, и желая отъ зависти Писаніе у другихъ недостовѣрнымъ, истребилъ изъ своихъ книгъ истинну: или то, что семдесятъ человѣкъ, которые также были Іудеи, совокуплены будучи во единомъ мѣстѣ, понеже царь Египетскій Птоломей ихъ на то дѣло призвалъ, изъ зависти согласясь скрыли отъ языковъ истинну? Кто невидитъ, чему легче вѣрить можно? Но не дай Богъ, дабы кто изъ благоразумныхъ повѣрилъ, что Іудеи изъ злобы и зависти могли оное сдѣлать во всѣхъ книгахъ, которыя во всѣхъ странахъ находились: или думалъ, что семдесятъ оные достопамятные

ные мужи согласились изъ зависти скрыть истинну отъ языковъ. И такъ вѣроятнѣе сказать, что когда сіи книги начали сперва изъ библіотеки Птоломеевой списывать, тогда нѣчто таковое могло учинено быть въ одной книгѣ, прежде всѣхъ списанной, а отъ оной происходитъ далѣе, гдѣ также могла здѣлать оное перепищикова ошибка. Но сіе въ томъ только случаѣ подозрѣвать можно, гдѣ рѣчь о Маѳусалѣ; и въ другомъ, гдѣ за превосходствомъ двадцати четырехъ лѣтъ общее счисленіе не сходствуетъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ продолжается сходство сея несправедливости, такъ, что прежде рожденія сына, въ иныхъ мѣстахъ излишнихъ находится сто лѣтъ, въ другихъ не достаетъ оныхъ; по рожденіи же гдѣ недоставало, тамъ прибавлены лишнія; и гдѣ были лишнія, тамъ уменьшены, дабы сходствовало общее счисленіе. И сіе находится, въ первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ, седьмомъ родахъ. Кажется сія погрѣшность имѣетъ нѣкоторую неизмѣнность, и не показываетъ случайности, но какъ бы дѣлано оное было нарочно. И такъ онаго различія лѣтъ инако считающихся въ подлинникахъ Греческихъ, инако въ Латинскихъ, инако въ Еврейскихъ, гдѣ нѣтъ о ста годахъ, прежде отъятыхъ и потомъ приложенныхъ, чрезъ толико родовъ продолжаемаго равенства: не можно приписать ни

злобѣ Іудейской, ни намѣренію седмидесяти переводчиковъ, но погрѣшности переписщика, который изъ библіотеки вышепомянутаго царя взялъ книгу первый для переписки. Ибо и нынѣ числа, которыя не клонятся къ какому либо намѣренію, которое можно бы было познать, или знать съ пользою, нерадиво переписываемы бываютъ, а того еще нерадивѣе поправляемы; ибо кто почитаетъ достойнымъ знанія, сколько тысячь человѣкъ каждое колѣно Израилево могло имѣть: понеже почитается безполезнымъ: и сколь мало такихъ людей, которымъ польза происходящая отъ того извѣстна? Здѣсь же чрезъ толико описанныхъ родовъ въ иныхъ мѣстахъ сто лѣтъ находятся, въ иныхъ нѣтъ; и по рожденіи, котораго нужда была упомянуть, сына, не достаетъ, гдѣ находились и находятся, гдѣ недоставало, дабы общее счисленіе согласовало. То есть когда желалъ внушить сдѣлавшій оное, что для того многіе годы жившими описываются люди, понеже годы оные были краткіе; и хотѣлъ показать отъ зрѣлой юности, когда она способна къ дѣторожденію: и потому намѣревая изобразить, что во сто ихъ лѣтахъ, нашихъ заключается десять, дабы люди не невѣрили, что прежніе столь долговѣчно жили, прилижилъ сто лѣтъ тамъ, гдѣ находилъ состояніе людей не способнымъ къ дѣторорожденію: и оныя

по

по рожденіи дѣтей, дабы сходствовало общее счисленіе, уменшилъ. Ибо такимъ образомъ хотѣлъ вѣроятными сдѣлать способныя къ рожденію дѣтей сходства лѣтъ; однако совсѣмъ не умаляя у каждаго всѣхъ лѣтъ. Что же въ шестомъ родѣ того не учинилъ, сіе то самое подаетъ поводъ думать, что онъ для того сдѣлалъ, когда вещь, о которой говоримъ, требовала; поелику не сдѣлалъ того, гдѣ не требовала. Ибо онъ нашелъ въономъ родѣ у Евреевъ, что Іаредъ, прежде нежели родилъ Еноха, жилъ сто шестьдесятъ два года, которые въ разсужденіи оныхъ малыхъ лѣтъ составляютъ шестьнатцать, и сверхъ того менѣе, нежели два мѣсяца: который возрастъ уже способенъ къ дѣторожденію: и для того прибавлять сто лѣтъ краткихъ, дабы нашихъ составилось двадцать шесть, не было нужды: ни по рожденіи Еноха оныхъ уменшать, поелику неприбавлялъ прежде. Такимъ образомъ эдѣлалось, что въ обоихъ подлинникахъ нѣтъ никакого различія. Но паки наводитъ сомнѣніе, для чего въ осмомъ родѣ, прежде нежели отъ Маѳусала родился Ламехъ, когда у Евреевъ пишется сто восемдесятъ два года; въ нашихъ книгахъ находится оное число двадцатью годами меньше: а по рожденіи Ламеховомъ для дополненія общаго числа прилагаются, которое и во обоихъ книгахъ не различествуетъ. Ибо ежели сто

семдесятЪ лѣтЪ для зрѣлости юношества хотѣлЪ разумѣть семнадцатью годами; то ничего ни прибавлять, ни уменьшать уже не надлежало: понеже находилЪ способный возрастЪ кЪ рожденію дѣтей, ради которой причины вЪ другихЪ родахЪ сто лѣтЪ, которыхЪ не было, прилагалЪ. Сіе же о двадцати лѣтахЪ подлинно подумали бы мы, что случаемЪ погрѣшность сія вошла, естьлибЪ онЪ ихЪ, какЪ прежде отнялЪ, послѣ не приложилЪ, дабы сходствовало общее число. Или сЪ умысла оное сдѣлано, дабы скрыть то, что сто лѣтЪ прежде обыкновенно прилагаются, потомЪ отъемлются; когда и тамЪ, гдѣ нужды не примѣчается, хотя не сто лѣтЪ, но сколько ни есть отнимая, и потомЪ прилагая, нѣчто таковое учинить? Но как бы кто сіе ни принималЪ, хотябЪ вѣрил, что оно такЪ здѣлалось, хотябЪ тому не вѣрилЪ, или наконецЪ почиталЪ такЪ или инако: однако я не сомнѣваюсь, чтобЪ оное было здѣлано правильно. Ибо когда различное нѣчто находится вЪ двухЪ подлинникахЪ, то поелику, вЪ обоихЪ достовѣрнымЪ быть оное не можетЪ; слѣдовательно вЪ истиннѣ повѣствуемой вѣрить наипаче должно тому подлиннику, сЪ котораго на другой діалектЪ переводЪ здѣланЪ. Ибо вЪ нѣкоторыхЪ подлинникахЪ трехЪ ГреческихЪ, одномЪ ЛатинскомЪ и одномЪ СирскомЪ по сличеніи оныхЪ между собою, найдено что МаѳусалЪ за шесть лѣтЪ прежде потопа скончался.

Гла-

Глава четвертаянадесять.

О сходствѣ и равенствѣ лѣтъ, которые также размѣряемы и опредѣляемы были въ первые вѣки, какъ и нынѣ.

Теперь уже посмотримъ, какимъ образомъ яснѣе доказать можно, что не столь малы были въ древности годы, чтобъ десять ихъ составляли нашъ одинъ; но что оные столь же были велики, какъ нынѣ наши, которые опредѣляютъ обращеніе солнечное; и которые въ долговѣчной прежнихъ людей жизни равномѣрно считаемы были. Ибо пишется, что въ шестьсотое лѣто житія Ноева здѣлался потопъ. Для чегожъ тамъ читаемъ: *И вода потопная бысть на земли въ шестьсотное лѣто житія Ноева, втораго мѣсяца, въ двадесять седмый день мѣсяца*; естьли оный малый годъ, которыхъ десять составляютъ нашъ одинъ, тритцать только имѣлъ дней? Ибо таковый годъ, естьли онъ издревле имя получилъ, то или не имѣлъ мѣсяцовъ, или мѣсяцъ его состоялъ изъ трехъ дней, дабы имѣть ему двенадцать мѣсяцовъ. Для чегожъ пишется здѣсь: *въ шестьсотное лѣто втораго мѣсяца, въ двадесять седьмый день*? конечно не для чего, какъ только, что и тогда таковыежъ были мѣсяцы какъ и нынѣ. Ибо какимъ бы образомъ сказать можно было: *въ двадесять седьмый день втораго мѣсяца*? Потомъ при окончаніи повѣсти о

потопѣ такѣ пишется: *и сѣде ковчегѣ вѣ мѣсяцѣ седьмый, вѣ двадесять седьмый день мѣсяца на горахѣ Араратскихѣ. Вода же уходящи умаляшеся даже до десятаго мѣсяца; и вѣ десятый мѣсяцѣ, вѣ первый день мѣсяца явишася верси горѣ.* И такѣ ежели таковыми были мѣсяцы, то таковымижѣ были и годы, каковые мы нынѣ имѣемѣ. Ибо тридневные оные мѣсяцы двадцати семи дней имѣть не могли; или естьли часть тридесятая тогда называлась днемѣ, дабы все равномѣрно было уменшаемо; слѣдовательно меньше четырехѣ дней пріумножился оный потопѣ; о которомѣ однако пишется, что онѣ пріумножался четыредесять дней, и четыредесять нощей. Кто таковую безсмѣстность и пустословіе стерпитѣ? И такѣ да отринется сіе заблужденіе, которое ложною догадкою хочетѣ доказать достовѣрность нашего С. Писанія, дабы оную вѣ другомѣ мѣстѣ разрушить. Совсѣмѣ тогда такой же день былѣ, какой и нынѣ, которой сѣ нощію опредѣляемѣ былѣ двадцатью четырьмя часами. Таковымѣ мѣсяцѣ, каковой есть нынѣ, которой рожденіемѣ и ущербомѣ ограничивается. Таковымѣ годѣ, каковымѣ есть нынѣ, которой состоитѣ изѣ двенатцати мѣсяцовѣ лунныхѣ сѣ приложеніемѣ, ради теченія солнечнаго, пяти дней и шести часовѣ. Таковѣ шестьсотнаго года жизни Ноевой второй былѣ мѣсяцѣ, и онаго мѣсяца двадцать седьмый день, когда на-

начался потопѣ: во время котораго четыредесять дней продолжался дождь; которой день не два или нѣсколько болѣе часовѣ имѣлѣ, но двадцать четыре часа съ нощїю. И потому столь многочисленные годы жили оные древнїе люди, простираясь жизнїю до девяти сотѣ и болѣе такжe, какѣ послѣ жилѣ Авраамѣ сто седмьдесятѣ пять, и потомѣ сынѣ его Исаакѣ сто восемдесятѣ; и сынѣ сего Їяковѣ до ста пятидесяти; и какѣ нѣсколько времени спустя Моусей сто двадцать; и какѣ и нынѣ люди живутѣ семдесятѣ, восемдесятѣ лѣтѣ и болѣе; о которыхѣ сказано: *и множаѣ ихѣ трудѣ и болѣзнь.* Оное же вѣ счисленїи различїе, которое находится между Еврейскими подлинниками и нашими книгами, не вѣ разсужденїи сея долговѣчности не согласуютѣ; и ежели что примѣчается столь не сходное, что обое справедливымѣ быть не можетѣ: то истинну заимствовать отѣ того языка надлежитѣ, съ котораго переводѣ мы имѣемѣ. Что здѣлать вездѣ удобно; при всемѣ томѣ по нынѣ еще никто тѣхѣ несогласїй, которыя учинили семдесятѣ переводчиковѣ съ Еврейскихѣ подлинниковѣ исправить не осмѣлился. Ибо оное различїе не почтено ложностїю, и я ни подѣ какимѣ видомѣ не почитаю. Но гдѣ нѣтѣ погрѣшности переписчиковой, и примѣчается различїе, то думать должно, что оные переводчики Ду-

жомъ Божіимъ, гдѣ смыслъ сходствуетъ съ истинною, и предвозвѣщаетъ истинну, не по обыкновенію переводчиковъ, но на подобіе пророковъ инако написать благоволили. Почему не только Еврейскихъ, но и оныхъ, приведеніемъ изъ Писанія свидѣтельствъ, переведенныхъ ими, Апостоли употребляли. Но я о семъ, какъ обѣщался, ежели поможетъ Богъ, тщательнѣе поговорю въ пристойномъ тому мѣстѣ; теперь предлежащее разсмотрю. Сомнѣваться не должно, что человѣкъ, которой родился отъ перваго человѣка, первый, когда толь долговѣчно жили люди, могъ построить градъ но только земной, а не оной, который называется градомъ Божіимъ: о которомъ писать толь великій предпріяли трудъ.

Глава пятаянадесять.

Можноль тому вѣрить, что мужи перваго онаго вѣка до такихъ лѣтъ, въ которыя дѣтей родившими описываются, отъ совокупленія съ женами воздержались.

Скажетъ кто либо: можноль тому повѣрить, что человѣкъ, расположенный къ чадородію, и не имѣющій намѣренія воздержаться, чрезъ сто лѣтъ и болѣе, или по книгамъ Еврейскимъ восемдесятъ, семдесятъ и шестьдесятъ, не совокуплялся; или ежели совокуплялся, аки бы дѣтей родить не могъ? Сей вопросъ двоякимъ обра-

зомъ

зомъ разрѣшается. Ибо или тѣмъ поздняе была зрѣлость юности, чѣмъ жизнь была долговѣчнѣе: или, что мнѣ вѣроятнѣйшимъ кажется, не первенцы дѣти здѣсь упоминаются, но тѣ, коихъ преемства порядокъ требовалъ, дабы достигнуть до Ноя, и отъ онаго паки до Авраама, и потомъ до извѣстнаго времени, сколько надлежало, означать упомянутыми родами происхожденіе и продолженіе преславнаго града въ семъ мірѣ странствующаго, и горняго отечества ищущаго. Прекословить не можно, что первый изъ всѣхъ отъ совокупленія мужа и жены рожденъ Каинъ. Ибо не сказалъ бы по рожденіи его Адамъ: *стяжахъ человѣка Богомъ*, естьли бы къ двумъ не родился первымъ. За нимъ родился Авель, котораго старшій братъ убилъ, въ прознаменованіе нѣкоторое странствующаго града Божія, что онъ отъ нечестивыхъ и земнородныхъ, то есть, земный начатокъ любящихъ, и земнаго града земнымъ благополучіемъ наслаждающихся, гоненія неправедныя претерпѣвать имѣетъ. Но колихихъ лѣтъ былъ Адамъ, когда ихъ родилъ, не извѣстно. Оттуда раздѣляются роды, иные отъ Каина, другіе отъ того, котораго родилъ Адамъ вмѣсто братомъ убитаго, котораго нарекъ Сиѳомъ, *глаголя*, какъ пишется: *воскреси бо ми Богъ сѣмя другое вмѣсто Авеля, его же уби Каинъ.* И такъ когда сіи два порядка родословныхъ, одинъ

 отъ

отъ Сиѳа, другій отъ Каина, сіи два, о которыхъ мы говоримъ различнымъ поколѣніемъ и порядкомъ, представляютъ града; одинъ небесный на земли странствующій; другій земный прилѣпившійся къ земной, какъ будто бы она одна была, радости, и къ снисканію удовольствія. Ни объ одномъ изъ поколѣнія Каинова сочисляемаго съ причисленіемъ Адама до осьмаго рода не объявлено, коликихъ лѣтъ кто былъ, когда родилъ того, который упоминается послѣ его. Ибо не благоволилъ Духъ Святый въ родословіи земнаго града прежде потопа означать времена; но благоволилъ означить оныя въ родословіи града небеснаго, какъ будто были бы они достойнѣйшими. Впрочемъ когда родился Сиѳъ, тогда не умолчаны лѣта отца его, но уже родилъ онъ иныхъ, и кто отважится сказать, однихъ ли Каина и Авеля? Ибо изъ того не слѣдуетъ заключать, что единственно они одни родились отъ Адама; когда одни они имянуются ради порядка родовъ, которыя воспомянуть была нужда. Понеже когда умолчавъ всѣхъ прочихъ имена, пишется, что онъ родилъ сыновъ и дщерей, то какими по порядку почитать ихъ надлежитъ, кто осмѣлится сказать, естьли не хочетъ быть безразсуднымъ? Ибо могъ Адамъ по внушенію Божію сказать, по рожденіи Сиѳа: *Воскреси бо ми Богъ сѣмя другое вмѣсто Авеля:* когда онъ таковымъ

имѣлъ

имѣлъ быть, который исполнитъ его святыню: а не для того, акибы онъ первый по немъ по порядку родился. Потомъ когда написано: *Пожипе же Сиѳъ лѣтъ двѣсте пять*, или по Еврейскимъ книгамъ, сто и пять, *и роди Еноса*: кто можетъ кромѣ безразсуднаго утверждать, что сей сынъ есть его первенцемъ, такъ что мы удивляясь разсуждаемъ, какимъ образомъ чрезъ толико лѣтъ не совокупился онъ бракомъ безъ намѣренія воздержанія, или совокупившись бракомъ не раждалъ: когда и о немъ читаемъ: и роди сыны и дщери: и быша вси дніе Сиѳовы девять сотъ и дванадесять и умре? И прочихъ подобно, коихъ лѣта не умолчаны, также и то изъяснено, что они родили сыны и дщери. И чрезъ сіе ни мало не открывается, что тотъ есть первороженнымъ, который описывается рожденнымъ: но еще поелику невѣроятно, дабы родители оные толь долговѣчно живучи, были или несовершенными, или холостыми и неимѣющими дѣтей: такъ невѣроятно, чтобъ оные дѣти были имъ первенцами. Но когда священный писатель до начала и житія Ноева, во время котораго былъ потопъ, чрезъ преемства родовъ съ означеніемъ временъ намѣревалъ достигнуть, то тѣхъ только упомянулъ, которые къ порядку его принадлежали, а не тѣхъ, которые первыми родились отъ родителей. Но чтобъ то, о чемъ я говорю, явствен-

но,

но, и для всѢхЪ безсомнительно, то предложу тому примѢрЪ: ЕвангелистЪ Матөей, желая представить родословную Христову по плоти, по порядку его родителей, начиная отЪ Авраама до Давида, и намѢревая до того достигнуть, *АвраамЪ*, говоритЪ, *роди Исаака*: для чего не сказалЪ Исмаила, котораго онЪ родилЪ прежде? *Исаакъ же роди Іякова*: для чего не сказалЪ Исава, который ему былЪ первороднымЪ? Понеже ими до Давида достигнуть немогЪ бы. ПотомЪ продолжаетЪ: *ІяковЪ же роди Іуду, и братію его*: не уже ли Іуда былЪ первенцомЪ? *Іуда же роди Фареса и Зара.* Но и изЪ сихЪ двухЪ первенцомЪ ІудинымЪ ни одинЪ не былЪ: ибо онЪ прежде ихЪ родилЪ уже троихЪ. И такЪ тѢхЪ держался вЪ порядкѢ родословій, коимибЪ кЪ Давиду, куда намѢревалЪ, достигнуть. ИзЪ чего выразумѢть можно, что и древніе оные люди неперворожденными были, которые упоминаются прежде потопа: но тѢ упоминаются, коими чрезЪ преемства родовЪ кЪ Ною Патріарху порядокЪ довести можно было: дабы намЪ не скучали оныхЪ людей поздою зрѢлостію кЪ дѢторожденію, по причинѢ неизвѢстности оной а особливо, что она и не нужна.

Глава

Глава шестаянадесять.

О древнихъ бракахъ, которые совсѣмъ были не подобны бракамъ послѣдующихъ временъ.

И такъ когда родъ человѣческій послѣ перваго союза мужа, сотвореннаго отъ земли, и жены, созданной отъ его ребра, имѣлъ нужду вступать въ бракъ съ женами, дабы раждая умножиться: и не было другихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые отъ оныхъ двухъ родились; то братья сестръ своихъ въ замужство за себя брали; что чѣмъ было древнее по нуждѣ, тѣмъ послѣ стало болѣе охужденія достойнымъ по возбраненію благочестія: ибо наконецъ за благоразсудили, дабы люди, коимъ должно быть честнымъ и полезнымъ, согласіемъ между собою въ союзъ вступали съ женами различныхъ поколѣній; и каждой не многихъ бы имѣлъ вкупѣ, но всякій по одной; и такимъ образомъ къ союзной жизни многіе многихъ обязывали. Ибо отецъ и тесть суть имена двухъ сродствъ, и такъ, дабы всякъ имѣлъ инаго отцемъ, инаго тестемъ, и чрезъ то пространнѣе разширялась бы любовь и соединялись союзомъ различныя семьи. Обоимъ же тѣмъ быть Адамъ принужденъ былъ по нуждѣ, и сынамъ и дочерямъ своимъ, когда братья съ сестрами браками сочетавались. Такъ и Ева жена его обоего пола дѣтямъ и тещею была и матерью; которыми, ежели бы двѣ были женщины, одна матерью, а другая тещею; то болѣе бы людей любовь соеди-

соединила. И самая сестра, когда становилась женою брату, два родства на себѣ имѣла, которыя ежелибы раздѣлить на двухъ, изъ коихъ одна была бы сестрою, другая женою, то болѣе бы между людьми родства и союза умножилось. Но сего здѣлать тогда было не можно, когда кромѣ братьевъ и сестръ, отъ двухъ первыхъ людей рожденныхъ, никакихъ другихъ людей не было. И такъ надлежало тому тогда быть, когда было можно, когда по разумноженіи людей понимаемы будутъ жены, которые уже не сестры: и когда сестръ брать въ замужство не только не будетъ нужды, но и почтется за беззаконіе. Ибо хотя внуки первыхъ людей могли брать за себя двоюродныхъ сестръ, однако тогда уже не два, но три родства въ человѣкѣ были, которыя, ради соединенія болѣе семей любовію, распространяться долженствовали. Ибо былъ всякой человѣкъ дѣтямъ своимъ, брату то есть и сестрѣ, супругамъ, и отцемъ и тестемъ и дядею: такъ и жена его тѣмъ же общимъ дѣтямъ, и матерью, и тещею и теткою. Подобно и дѣти ихъ между собою не только братьями и супружниками но и двоюродными, поелику они братьевъ дѣти. Сіи же всѣ родства, которыя одному человѣку трехъ человѣкъ соединяли, естьлибъ на каждаго особо раздѣлены были, такъ чтобъ одинъ человѣкъ имѣлъ одну сестрою, другую женою, третью племянницею по сестрѣ;

одно-

одного отцемЪ, другаго дядею, третьяго тестемЪ; иную матерью, другую тещею, третью племянницею отЪ брата: то такимЪ образомЪ пространнѣе союзЪ родства разширился бы. Что по разумноженіи человѣческаго рода и между нечестивыми и многихЪ ложныхЪ боговЪ почитателями наблюдаемымЪ видимЪ: такЪ, что хотя развращенными законами и попускается бракосочетаніе братій сЪ сестрами, однако лучшимЪ почитается обыкновеніе отвращаться отЪ таковой вольности: и хотя вЪ первые вѣки позволительнымЪ было дѣломЪ брать вЪ замужство сестрЪ, такЪ удаляется, какЪ бы никогда того позволеннымЪ не было. Ибо или кЪ привлеченію или отвращенію разума человѣческаго обыкновеніе великую имѣетЪ силу. Которое когда вЪ разсужденіи сихЪ случаевЪ обуздоваетЪ вожделѣніе, то нарушать оный не несправедливо почитается не должнымЪ. Ибо ежели неправеднымЪ дѣломЪ поставляется преходить изЪ желанія кЪ любостяжанію и преступать предѣлы полей: то кольми паче неправедно изЪ вожделѣнія и любострастія нарушать положенія обычаевЪ. Мы изведали вЪ бракахЪ вЪ наши времена, состоящихЪ изЪ двоюродныхЪ, что ради близости родства рѣдко оныя совершались, чего однако законы не возбраняли: понеже ни Божій законЪ того не запрещалЪ, кольми паче человѣческой. Однако и позволяемое

мое дѣйствіе ради ближняго сродства оставляемо было: и казалось, что вступленіе въ бракъ съ двоюродными, было какъ бы съ родными сестрами: понеже и оные по близости родства братьями называются, и почти какъ бы родными. Тщались же древніе прародители, дабы родство простираясь разными путями, не удалилось, и престало быть родствомъ, не попуская оному далеко удаляться, паки новымъ браковъ оное связывали союзомъ, и какъ бы возвращали удаляющееся. Почему по наполненіи вселенной человѣческимъ родомъ, хотя уже не сестръ отъ отца или матери или обоихъ рожденныхъ, однако изъ своего рода любили брать въ замужство женъ. При всемъ томъ кто усумнится, что въ нынѣшнее время честнѣе здѣлано, когда возбранены браки съ двоюродными: не только для того, дабы умножать, какъ мы говорили, новое родство, то есть, дабы одно лице не имѣло на себѣ многочисленнаго родства, когда оное могутъ носить двое и распространять родство; но также что, не знаю какое то, находится въ человѣкѣ зазрѣніе природное и похвальное, дабы къ кому долженъ имѣть зазрѣніе и стыдъ по родству, отъ онаго воздержался: ибо похоти и въ совокупленіи съ женою, хотя ради дѣторожденія побуждающейся, стыдимся. И такъ сопряженіе мужа и жены, что касается до рода человѣческаго, есть сѣменоплодствомъ града: но

но земный градъ имѣетъ только нужду въ дѣторожденiи, небесный же и во отрожденiи, дабы вреда рожденiя свободиться. Былъ ли же какой, и естьли былъ, въ чемъ состоялъ тѣлесный и видимый знакъ отъ-рожденiя прежде потопа, такъ какъ повелѣнное Аврааму обрѣзанiе, о томъ Священное Писанiе не упоминаетъ. Однако о томъ не умолчало, что оные древнѣйшiе люди жертвы приносили, какъ видно на двухъ первыхъ братьяхъ, и на Нов, который по потопѣ вышедъ изъ ковчега, жертвы Богу приносилъ. О чемъ въ преждеписанныхъ книгахъ мы говорили: то есть, что гордeливые демоны, присвояющiе себѣ Божество, и желающiе, дабы люди почитали ихъ за боговъ, не для чего инаго требовали себѣ жертвъ, и старались исторгнуть отъ людей себѣ ту честь; какъ только, что истинная жертва должна приносима быть одному истинному Богу.

Глава седьмаянадесять.

О двухъ отъ одного родителя произшедшихъ отцахъ и начальникахъ.

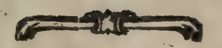
И такъ когда Адамъ былъ обоего рода отцемъ, то есть и того, котораго порядокъ къ земному, и того, котораго къ небесному простирается граду: то по убiенiи Авеля, и по внушенiи намъ чрезъ его убiенiе чуднаго таинства, стались роди-

телями обоихъ родовъ Каинъ и Сиѳъ: коихъ въ дѣтяхъ, которыхъ упомянуть надлежало, двухъ сихъ градовъ въ родѣ человѣческомъ яснѣе знаки открываться начали. Ибо Каинъ родилъ Еноха, по имяни котораго построилъ городъ, то есть, не странствующій въ семъ мірѣ, но покоящійся въ временномъ благополучіи и спокойствіи. Каинъ же толкуется, стяжаніе: почему и сказано, когда онъ родился, или отцемъ или матерью: *Стяжахъ человѣка Богомъ*. Енохъ же толкуется; освященъ: ибо тамъ освящается земный градъ, гдѣ созидается: понеже имѣетъ здѣсь той, которой намѣреваетъ, и къ которому стремится, конецъ. Далѣе: Сиѳъ толкуется, воскресеніе, и Еносъ сынъ его толкуется, человѣкъ не якоже Адамъ. И самое бо имя толкуется человѣкъ, но общимъ есть на Еврейскомъ языкѣ мужу и женѣ. Еносъ же толкуется человѣкомъ, какъ сынъ воскресенія, гдѣ не будутъ ни жениться, ни посягать. Не будетъ тамъ рожденія, когда приведетъ туда отрожденіе. Почему не напрасно почиталъ я примѣчанія достойнымъ, что въ тѣхъ родахъ, которые простираются отъ называемаго Сиѳомъ, когда пишется о немъ, что родилъ сыны и дщери, ни одной отъ него рожденной жены имя не воспоминается; въ тѣхъ же родахъ, которые простираются отъ Каина, на самомъ концѣ жены рожденныя упоминаются. Ибо такъ пи-

шетъ.

тется: *Маѳусалъ же роди Ламеха. И пэя себѣ Ламехъ двѣ жены: имя единой Ада: и имя второй, Селла: и роди Ада Іовила: сей бяше отецъ живущихъ въ селеніихъ скотопитателей: и имя брату его Іувалъ; сей бяше показавый пѣвницу и гусли. Селла же и тая роди Ѳовела: сей бяше млатовіецъ, ковачь мѣди и желѣза. Сестра же Ѳовелова Ноема.* Доселѣ простираются роды Каиновы всѣ, которыхъ отъ Адама считается съ причисленіемъ самаго Адама восемь, семь то есть до Ламеха, который двухъ женъ былъ мужемъ: и восьмой родъ въ дѣтяхъ его, въ коихъ упоминается и жена. Чрезъ сіе изрядно означено, что земный градъ даже до конца своего плотское имѣть будетъ рожденіе, которое бываетъ мужей и женъ совокупленіемъ. Почему и самыя жены, чего кромѣ Евы прежде потопа не находится, собственными умоминаются имянами онаго человѣка, который здѣсь нарицается послѣднимъ отцемъ. А какъ Каинъ, который толкуется, стяжаніе, земнаго основатель града, и сынъ его Енохъ, коего именемъ оный градъ названъ, толкуется, освященіе; показываетъ, что сей градъ и начало и конецъ земный имѣетъ: гдѣ никакой болѣе нѣтъ надежды, кромѣ видимаго въ вѣкѣ семъ: такъ Сиѳъ имянуется воскресеніемъ, которой, когда есть упомянутыхъ особо родовъ отецъ, то, что о сынѣ его священная предлагаетъ повѣсть, посмотримъ.

 Глава

Глава осьмагнадесять.

Что предзнаменовано было въ Авелѣ и Сиѳѣ и Еносѣ, которое ко Христу и Его тѣлу, то есть, церкви принадлежитъ.

И Сиѳу, говоритъ, *бысть сынъ, именова же имя ему Еносъ. сей упова призывати имя Господа Бога.* Истинны вопіетъ свидѣтельство. И такъ въ упованіи живетъ человѣкъ, сынъ воскресенія: во упованіи живетъ, дондеже странствуетъ здѣсь градъ Божій, который раждается отъ вѣры воскресенія Христова. Ибо изъ двухъ оныхъ людей, Авеля, который толкуется плачь или сѣтованіе; и брата его Сиѳа, который толкуется воскресеніе, смерть Христова и воскресеніе Его изъ мертвыхъ прообразуется. Изъ которой вѣры раждается здѣсь градъ Божій, то есть человѣкъ, который *упова призывати имя Господа Бога. Упованіемъ* во *спасохомся*, говоритъ Апостолъ. *Видимое же упованіе нѣсть упованіе. Еже во видитъ человѣкъ, что и уповаетъ. Аще же его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ.* Кто подумаетъ, что въ семъ не заключается высокой тайны? Не уже ли Авель не уповалъ призывать имя Господа Бога, котораго жертву толь благоугодною Богу описываетъ Писаніе? Не уже ли Сиѳъ не уповалъ призывать имя Господа Бога, о которомъ сказано: *воскреси во ми Богъ сѣмя другое вмѣсто Авеля.* И такъ

для

для чегожъ сему особенно приписывается, что общимъ всѣмъ святымъ разумѣется? Не для чего инаго, какъ только, что въ немъ, который отъ отца раждающаго въ лучшую часть, то есть, въ отечество горняго града, первый упоминается рожденнымъ; прообразуется человѣкъ, то есть человѣческое общество, не по человѣку въ земномъ благоденствіи, но по Богу въ надеждѣ блаженства вѣчнаго живущее. И не сказано: сей упова на Господа Бога, или, сей призывалъ имя Господа Бога; но *сей* говоритъ, *упова призывати имя Господа Бога.* Что сіе означаетъ: *упова призывати?* Не иное что, какъ пророчество, то есть, что произойдетъ отъ него такой народъ, которой по избранію благодати призывать будетъ имя Господа Бога. Сіе самое, чрезъ другаго пророка сказанное, Апостолъ о семъ народѣ разумѣетъ, говоря: *и будетъ всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется.* Ибо сіе самое есть реченное: *имянова же имя ему Еносъ*; и потомъ прилагаемое: *сей упова призывати имя Господа Бога.* Довольно чрезъ сіе означается, что не на себя человѣкъ уповать долженъ. *Проклятъ бо всякъ*, какъ въ другомъ мѣстѣ пишется, *уповаяй на человѣка.* И по тому ни на себя надѣяться долженъ, дабы быть гражданиномъ другаго града, который не по сыну Каинову посвящается симъ временемъ, то есть смертнаго сего вѣ-

ка, но въ ономъ безсмертіи вѣчнаго блаженства.

Глава девятаянадесять.

О прообразовании, которое въ преложеній Енохомъ открывается.

Ибо и сего племени, котораго есть отцемъ Сиѳъ, въ томъ родѣ имѣетъ имя освященія, который есть седьмымъ отъ Адама съ причисленіемъ Адама: ибо седьмый отъ него родился Енохъ, который толкуется освященіе: но сей самый есть преложенный, который угодилъ Богу, и въ знаменитомъ числѣ въ порядкѣ родовъ, которымъ освящена суббота, то есть седьмомъ отъ Адама. Отъ самаго же отца сихъ родовъ, которыя различаются отъ поколѣнія Каинова, то есть отъ Сиѳа шестый: въ который день сотворенъ человѣкъ, и совершилъ Богъ всѣ дѣла свои. Но сего Еноха преложеніе нашего освященія есть отложеніемъ; которое уже и содѣлалось на Христѣ, главѣ нашей, который такъ воскресъ, что *уже къ тому не умираетъ*; но и онъ преложенъ. Остается же другое освященіе всего дома, котораго самъ Христосъ есть основаніемъ, которое отлагается наконецъ, когда будетъ всѣхъ воскресеніе людей, которые къ тому уже не умрутъ. Но хотя домомъ сіе назвать, хотя храмомъ Божіимъ, хотя градомъ Божіимъ, есть все одно, и отъ употребленія

Ла-

Латинскаго діалекта не удалено. Ибо и Виргилій державный городъ домомъ называетъ Ассараковымъ, давая знать о Римлянахъ, которые отъ Ассарака чрезъ Троянъ происходятъ; и домомъ Енеевымъ тѣхъ же самыхъ; понеже за предводительствомъ его Трояне, пришедъ въ Италію, создали Римъ. Ибо послѣдовалъ оный стихотворецъ Священному Писанію, въ которомъ толь многочисленный народъ Еврейскій называется домомъ Іяковлевымъ.

Глава двадесятая.

Для чего по воспоминовеніи Еноха, который былъ сыномъ Каиновымъ, вся родословная до самаго доведена потопа; по воспоминовеніи же Еноса, который былъ сыномъ Сиѳовымъ, возвратилось повѣствованіе къ началу сотворенія человѣческаго.

Вопервыхъ разсмотрѣть надлежитъ, для чего при исчисленіи родовъ, происходящихъ отъ Каина, по упомянутіи прежде всѣхъ потомковъ, того, въ чье имя построенъ градъ, Еноха доведены оныя до своего конца, о которомъ я выше говорилъ, покуда оный родъ весь истребленъ потопомъ: когда же упомянуто о сынѣ Сиѳовомъ Еносѣ, то не простирая родословія до потопа, включено нѣчто и пресѣчено, когда пишется такъ: *Сія книга бытія че-*

лопѣчя, въ онъ же день сотвори Богъ Адама по образу Божію сотвори его; мужа и жену сотвори ихъ, и благослови ихъ, и нарече имя ему Адамъ, въ онъ же день сотвори ихъ. Я думаю, что сіе для того вложено, дабы паки начать счисленіе временъ отъ самаго Адама, котораго не хотѣлъ оставить писавшій сіе въ земномъ градѣ, будто бы Богъ такъ упоминалъ, что не счислялъ. Но для чего возвратилась сія повѣсть къ началу послѣ, нежели упомянутъ сынъ Сиѳовъ, *который упова призывати имя Господа Бога?* Не ради чего инаго, какъ, что надлежало такимъ образомъ предложить два града: одинъ отъ человѣкоубійцы до человѣкоубійцы; ибо и Ламехъ двумъ своимъ женамъ признается, что онъ убилъ человѣка: другой чрезъ того, *который упова призывати имя Господа Бога.* Сей долгъ странствующаго въ семъ мірѣ града Божія наивысочайшій и главнѣйшій, которой чрезъ одного человѣка умещвленнаго отрожденіе и воскресеніе породило, внушить надлежало. Ибо человѣкъ оный единъ всего града горняго есть единствомъ: хотя не исполненнымъ, но пророчески предъобразованнымъ. И такъ сынъ Каиновъ, то есть, сынъ стяжанія, гдѣ имянуется, какъ не въ земномъ градѣ, который во имя его построенъ? Ибо о сихъ поется во псалмѣ: *Нарекоша имена своя на земли:* за что послѣдуетъ имъ то, что пищется въ другомъ

томъ псалмѣ: *Господи, по градѣ твоемъ образъ ихъ уничижиши.* Сынъ же Сиѳовъ, то есть, сынъ воскресенія уповаетъ призывать имя Господа Бога. Ибо прообразуетъ то общество людей, которое говоритъ: *Азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи, уповахъ на милость Божію*; пустой же славы или тщеславія на земли не ищетъ. *Блаженъ во мужъ, ему же имя Господне упованіе его, и не призрѣ въ суеты, и неистовленія ложная.* И такъ по предложеніи двухъ градовъ, изъ коихъ одинъ въ вещахъ вѣка сего, другой въ Богѣ уповаетъ, дабы по изшествіи они изъ своихъ, какъ бы вратъ смертности, текли и стремились къ должнымъ имъ концамъ; начинаетъ счисленіе временъ: въ которомъ иные роды придаются по начатіи отъ Адама, отъ котораго по осужденіи сотворилъ Богъ, какъ бы отъ одного смѣшенія, достойному наказанію преданнаго, иныя сосуды гнѣва не въ честь, иныя въ честь сосуды милости: однимъ воздая, что долженствуетъ въ казни, другимъ даруя, что не долженствовало въ благодати: дабы изъ самаго сравненія сосудовъ гнѣва горній градъ научился и позналъ странствующій на земли, что не должно надѣяться на свободное свое произволеніе, но уповать призывати имя Господа Бога: понеже воля въ природѣ, которая сотворена доброю отъ благаго Бога, но измѣняемою отъ неизмѣннаго,

отъ присносущнаго изъ ничего; и отъ добра можетъ уклониться, дабы сдѣлать злое, которое бываетъ отъ свободнаго произволенія: и отъ зла отвратиться, дабы содѣлать доброе, которое не инако бываетъ, какъ помощію Божіею.

Глава двадесять первая.

О паденіи сыновъ Божіихъ, плѣнившихся любовію женъ, почему всѣ, выключая восемь человѣкъ, потопомъ потреблены.

И такъ при умноженіи по свободному произволенію человѣческаго рода здѣлалось смѣшеніе не безъ нечестія обоихъ градовъ; которое зло паки отъ женскаго пола воспріяло начало, хотя не такъ, какъ въ началѣ. Ибо тогда непрельщены оныя будучи, мужей ввели въ грѣхъ, но которыя были сперва развращенныхъ нравовъ въ земномъ градѣ, возлюблены отъ сыновъ Божіихъ, то есть, отъ гражданъ странствующаго въ вѣкѣ семъ другаго града, по красотѣ тѣлесной. Которое добро хотя дарованіемъ есть Божіимъ, но того ради даруетъ оную и злымъ, дабы добрымъ не показалось добромъ. И такъ по оставленіи высочайшаго добра, и свойственнаго добрымъ, учинено паденіе къ малому добру, не добрымъ свойственному, но добрымъ и злымъ общему: и такимъ образомъ сынове Божіи

плѣ-

плѣнились любовію къ дщерямъ человѣческимъ, и дабы наслаждаться оныхъ любовію, въ союзъ вступили общества земнаго, оставивъ благоговѣніе, которое въ святомъ обществѣ хранили. Ибо такимъ образомъ хотя красота есть отъ Бога сотвореннымъ, но временнымъ плотскимъ, нижнимъ добромъ, которая неправильно любима бываетъ, когда предпочитается Богу, вѣчному, внутреннему и неизмѣняемому благу: какъ по оставленіи правды злато любимо бываетъ отъ любостяжателей; въ чемъ не злато, но человѣкъ виновенъ: такъ и всякая тварь. Ибо когда она добра, то и хорошо любима быть можетъ и худо; хорошо, когда наблюдается порядокъ; худо же, когда порядокъ превращается. Что въ похвалу нѣкто Творцу кратко сказалъ и изобразилъ стихами: сіе, поелику есть твое, добро; понеже ты, благій, оное содѣлалъ; нѣтъ въ томъ ничего нашего, кромѣ грѣха, когда презрѣвъ порядокъ любимъ то, что сотворено тобою. Создатель же, естьли не ложно любимъ бываетъ, не можетъ худо любимъ быть. Ибо и любитель самъ любви достоинъ, который любитъ то, что любить надлежитъ, дабы была въ насъ добродѣтель, коею хорошо жизнь препровождается. Чего для мнѣ кажется краткимъ и истиннымъ опредѣленіемъ добродѣтели, когда опредѣляется она порядкомъ любви. Почему въ пѣсняхъ пѣсней поетъ

не

невѣста Христова, градъ Божій: *пчините ко мнѣ любовь.* И такъ сея любви превративъ порядокъ, сыны Божіи презрѣли Бога, и возлюбили дщерей человѣческихъ. Которыми двумя именами довольно оба града различаются. Ибо и оные не не были по природѣ сынами человѣческими, но они уже другое начали имѣть имя по благодати. Ибо въ томъ же Писаніи, гдѣ о нихъ написано, что возлюбили дщерей человѣческихъ сынове Божіи, наречены они и Ангелами Божіими. Почему не благоразумно тѣ думаютъ, которые не почитаютъ сихъ сыновъ Божіихъ людьми, но поставляютъ Ангелами.

Глава двадесять вторая.

Какимъ образомъ разумѣть должно оное, что сказано тѣмъ, кои потопомъ погублены быть имѣли: будутъ дніе ихъ сто двадесять лѣтъ.

Что же сказалъ Богъ: *будутъ дніе ихъ сто двадесять лѣтъ* (1), оное не такъ разумѣть надлежитъ, аки бы предвозвѣщено было, что послѣ сего житіемъ не будутъ превышать ста двадцати лѣтъ, когда и послѣ потопа находимъ до пяти сотъ жившими. Но разумѣть должно, что Богъ сказалъ, когда Ной имѣлъ четыреста восемдесятъ лѣтъ отъ рожденія, которыя Писаніе, по своему обыкновенію, пятью стами

ми называетъ, именемъ цѣлаго большую часть означая: ибо въ шестьсотное лѣто жизни Ноевой во вторый мѣсяцъ здѣлался потопъ; что будутъ дніе ихъ сто двадесять лѣтъ, то есть остаются сто дватцать лѣтъ жизни тѣхъ людей, которые потреблены быть имѣютъ потопомъ, по прошествіи оныхъ. И не напрасно такъ приключившимся потопъ признавается, когда уже не было никого въ живыхъ недостойнаго таковой смерти, которою потреблены нечестивые. Не потому якибы добрымъ людямъ таковаго рода смерть могла вредъ причинить по смерти. При всемъ томъ ни одинъ изъ тѣхъ, которыхъ родившимися отъ Сиѳа описываетъ священная исторія, потопомъ не потребленъ. Такимъ же образомъ вина потопа повѣствуется. Видѣвъ же Господь Богъ, яко умножишася злобы человѣкъ на земли; и всякъ помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилѣжно на злая во вся дни. И помысли Богъ, яко сотвори человѣка на земли; и размысли. И рече Богъ: потреблю человѣка, его же сотворихъ, отъ лица земли, отъ человѣка даже до скота, и отъ гадъ даже до птицъ небесныхъ, зане размыслихъ, яко сотворихъ я.

Глава двадесять третія.

Что ковчегъ, которой повелѣлъ Богъ здѣлать Ною, по всемъ Христа и церковь знаменуетъ.

Чтоже о Ноѣ человѣкѣ *праведномъ*, и какъ о немъ Писаніе неложное свидѣтельствуетъ, *совершенномъ въ родѣ своемъ*, говорится; то не въ такомъ совершенствѣ почитать должно, въ какомъ имѣютъ быть граждане града Божія въ ономъ безсмертіи, коимъ будутъ они равными Ангеламъ, но сколь могутъ быть совершенны въ семъ странствованіи. Ему повелѣваетъ Богъ построить ковчегъ, въ которой во время потопа со всею своею семьею и животными вошелъ. Сіе прообразованіемъ есть странствующаго въ семъ вѣкѣ града Божія, то есть церкви, которая спасается древомъ, на которомъ повѣшенъ былъ *ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ.* Ибо и размѣръ самой долготы, высоты и широты означаетъ тѣло человѣческое; въ неложности котораго предвозвѣщено было пришествіе того, который уже и пришелъ. Понеже человѣческаго тѣла долгота, отъ верха главы до стопъ, шесть кратъ болѣе, нежели широта, которая отъ одного бока простирается до другаго: и высота отъ хребта до чрева десятью краты меньше. Какъ естьли человѣка навзничь лежащаго измѣрить, то онъ шестью краты отъ главы

вы

вы до стопЪ длиннѣе, нежели имѣетЪ широты отЪ одного бока до другаго, и десятью имѣетЪ меньше высоты считая отЪ земли. Почему здѣланЪ ковчегЪ трехЪ сотЪ локтей долготы, пятдесятЪ широты, и тритцать высоты. И что отверстіе онаго было вЪ боку, конечно оное знакомЪ было той язвы, которая содѣлана вЪ ребрахЪ распятаго копіемЪ. Сею приходящіе кЪ нему достигаютЪ; понеже оттуда проистекли тайны, которыми вѣрующіе освящаются. И что отЪ древЪ четвероугольныхЪ повелѣвается Ною ковчегЪ здѣлать, тѣмЪ означается постоянная жизнь праведныхЪ. Ибо четвероугольное, куда ни поворотишЪ, стоять будетЪ. И прочее о построеніи онаго ковчега сказуемое знаменіемЪ есть церковныхЪ вещей. Но я о томЪ не имѣю времени теперь говорить: а притомЪ сіе самое мы учинили вЪ томЪ сочиненіи, которое издано противЪ Фавста Манихея, которой утверждалЪ, что вЪ книгахЪ ЕврейскихЪ никакого о Христѣ пророчества не находится. И статься правда тому не трудно, что другой кто либо изъяснитЪ приличнѣе, сЪ тѣмЪ однако, что все будетЪ относиться кЪ тому, о которомЪ мы говоримЪ, Божіему граду, странствующему вЪ семЪ злобномЪ вѣкѣ, какЪ вЪ потопѣ, естьли изъяснитель сего не восхощетЪ удалиться отЪ смысла писателева. НапримѣрЪ, естьлибЪ кто оное написанное слово: *двокровна и трекровна*

на сотпорищи обиталища; не такЪ разумѢлЪ, какЪ я вЪ ономЪ сочиненіи; понеже отЪ всѢхЪ языковЪ церковь собирается, которая двокровною наречена потому, что два рода людей вЪ нея вступаютЪ, обрѢзанные и необрѢзанные, которыя АпостолЪ инымЪ образомЪ нарекЪ: Іудеями и Еллинами. Трекровною же потому что всѢ языки отЪ трехЪ сыновЪ НоевыхЪ по потопѢ произошли: но иное пускай нѢчто говоритЪ, которое бы отЪ правила вѢры удалено не было; ибо повелѢлЪ, дабы не только вЪ нижнихЪ мѢстахЪ были обиталища вЪ ковчегѢ, но и вЪ вышнихЪ, и сіе назвалЪ двокровнымЪ; и наконецЪ вЪ самой высотѢ, и сіе трекровнымЪ, дабы отЪ низу до верха были обиталища. Можно чрезЪ сіе разумѢть и оныя Апостольскія три добродѢтели, вѢру, надежду и любовь. Можно еще приличнѢе разумѢть и оныя Евангельскія три приплодствованія, *на тридесять, и на шестьдесять и на сто*: дабы вЪ низу жило цѢломудріе супружеское, выше цѢломудріе вдовическое, вЪ самой высотѢ цѢломудріе дѢвственное. И другое лучшее по вѢрѢ града сего понимать и говорить можно. ТожЪ самое и о прочихЪ вещахЪ, которыя здѢсь изЪяснять бы надлежало, сказать могу. Ибо хотя неодинакимЪ оныя изЪясняемы бываютЪ образомЪ, однако кЪ одному православной вѢры согласію наклонять должно.

Глава

Глава двадесять четвертая.

О ковчегѣ и потопѣ ни тѣхъ слушать не должно, которые одну повѣсть принимаютъ безъ иносказательнаго знаменованія, ни тѣхъ, кои одни образованія защищаютъ, не принимая истинны исторической.

Однако никто не долженъ думать, что или напрасно сіе написано, или что только истинны повѣствованія безъ всякихъ иносказательныхъ знаменованій искать въ семъ надлежитъ: или вопреки, что ничего того не было въ дѣйствіи, но что одни словѣ образы въ томъ заключаются; или чтобъ оно такое ни было, однако къ церкви такъ какъ предвозвѣстіе ни мало не принадлежитъ. Ибо кто не лишившись здраваго разума станетъ прекословить, что по напрасну писаны оные книги, которые чрезъ толико тысячь лѣтъ съ благоговѣніемъ хранимы были; или сказать, что одни примѣчать надлежитъ содѣланныя дѣла, гдѣ, дабы иное оставить, естьли многочисленность животныхъ понуждала дѣлать ковчегъ толь огромный; то что нужды было впускать въ оный по два нечистыхъ и чистыхъ по семи, когда въ равномъ числѣ сохранены быть могли? Не уже ли Богъ, которой повелѣлъ сохранить животныхъ для размноженія по потопѣ ихъ рода, не могъ также ихъ какъ прежде произвесть? А которые

утверждаютъ, что ничего такого не было, но что употреблены одни слова для прообразованія вещей, тѣ думаютъ, что потопъ толь великій не могъ быть, дабы возмогъ покрыть верьхи наивысочайшихъ горъ на пятнатцать локтей выше оныхъ. Сіе говорятъ они особливо разсуждая о высотѣ горы Олимпа (1), на верьхъ которой, сказываютъ, не могутъ подыматься облака понеже она толь высока, какъ самое небо, и что тамъ нѣтъ густаго воздуха, въ которомъ туманъ и дожди раждаются. Таковые люди не чувствуютъ того, что тягчайшая изъ всѣхъ стихія земля тамъ быть можетъ. Развѣ они скажутъ, что верьхъ оной горы не состоитъ изъ земли. Для чего же до толикой высоты землѣ возвыситься было можно, а водамъ туда вознестись и возвыситься они не позволяютъ, когда сами сіи люди, которые вѣсили и размѣряли стихіи, признаются что вода легче и выше земли? Какую во отвѣтъ причину предложатъ, для чего земля тягчайшая и долняя возвысилась въ мѣсто небесное тишайшее столько уже вѣковъ тому, а водѣ легчайшей и вышшей не попускается туда подняться хотя на нѣкоторое время? Говорятъ они также, что таковой ковчегъ не могъ вмѣстить столько родовъ животныхъ обоего пола, изъ нечистыхъ по два, и изъ чистыхъ по семи. Таковые люди по видимому считаютъ только

ко три ста локтей долготы, пятьдесятъ широты, тритцать высоты, и не помышляютъ, что столькожъ таковыхъ же локтей въ другомъ обиталищѣ, и столькожъ въ третьемъ. Которые ежели сложить, то выдетъ девять сотъ долготы, сто пятдесять широты. Естьлижъ подумать, какъ примѣтилъ Оригенъ, что Моусей человѣкъ Божій, будучи наученъ, какъ пишется о немъ, всей премудрости Египетской, гдѣ Геометріа была въ славѣ, написалъ локти Геометрическія, изъ коихъ каждой составляется изъ нашихъ шести; то кто не выразумѣетъ, сколько вмѣстить могла оная величина? Ибо которые говорятъ, что толь огромнаго ковчега построить не можно, оное составляетъ безразсудство и клевету, когда извѣстно, что безмѣрные были города тогда построены, и не видятъ того, что оный ковчегъ строенъ былъ сто лѣтъ. Не уже ли камень къ камню прилѣпиться можетъ посредствомъ одной извѣсти, дабы стѣна на многія простиралась мили, а дерево дереву присоединить не льзя, шипами, шпонками, гвоздми и клеемъ, дабы построить ковчегъ не изъ кривыхъ, но изъ прямыхъ деревъ долго и широко протягающихся: котораго никакимъ образомъ сила человѣческая не можетъ двигнуть, но поднять одна вода пришедъ природною тягостей соразмѣрностію въ силахъ; которой управляемъ былъ бы

не человѣческимъ искуствомъ, но Божіимъ промысломъ, дабы не претерпѣлъ гдѣ либо сокрушенія. Чтоже любопытно нѣкоторые обыкновенно вопрошаютъ о наималѣйшихъ животныхъ, не только, каковы напримѣръ мыши и ящерицы, но и каковы напримѣръ саранчи, жуки, мухи и проч. не болѣе ли ихъ въ ковчегѣ было, нежели назначенное число, когда Богъ то повелѣлъ. Но вопервыхъ внушить таковымъ людямъ надлежитъ, что такимъ образомъ разумѣть сказанное должно, *пресмыкающіеся по земли.* Не было нужды сохранять въ ковчегѣ тѣхъ, которые могутъ жить въ водахъ, не только скрываясь навсегда въ оныхъ, какъ-то рыбы и проч. но и плавающихъ по водѣ, какъ то безчисленные роды птицъ. Потомъ когда пишется два два, мужеска и женска пола, конечно разумѣется, для возобновленія рода: и потому не было нужды сохранять тѣхъ, которые могутъ безъ совокупленія отъ другихъ вещей или ихъ тлѣнія родиться: или ежели были, то такъ какъ въ домахъ безъ опредѣленнаго числа были. Или естьли сокровенная тайна совершалась, и толикой вещи образованіе инако не могло быть полнымъ, естьли все не будетъ учреждено опредѣленнымъ числомъ, то конечно должно быть такъ: и сіе дѣлалось не тщаніемъ человѣческимъ, но промысломъ Божіимъ. Ибо Ной не ловивъ животныхъ по-

посаждалъ въ ковчегъ, но приходящихъ и входящихъ пускалъ. Понеже къ сему служитъ оное слово: *пидутъ къ тебѣ*, то есть, не твоимъ стараніемъ, но изволеніемъ Божіимъ. Такъ подлинно, развѣ тѣ только не были, которые пола не имѣютъ. Ибо предписано и опредѣлено: *мужескій полъ и женскій.* Понеже находятся нѣкоторые, которые раждаются безъ совокупленія, и послѣ раждаютъ совокупляясь, какъ то мухи. Другіе же, которые ни мужеска ни женска пола не имѣютъ, какъ то пчелы. А тѣ которые изъ смѣшенія происходятъ различныхъ родовъ, какъ то лошаки, тѣхъ вѣроятно начала, состоящія изъ разныхъ родовъ, въ своихъ родахъ сохранены были, то есть, и они и ослы. И другіе подобные роды, происходящіе отъ смѣшенія разныхъ родовъ, въ своихъ началахъ сохранены. Но ежели и сіе къ тайнѣ принадлежало, то были тамъ. Ибо и сей родъ имѣетъ и мужескій полъ и женскій. Пища также многихъ безпокоитъ, особливо тѣхъ животныхъ, которые питаются мясами: то есть, былиль тамъ лишніе сверьхъ числа животные, служащіе въ пищу другимъ безъ нарушенія повелѣнія Божія, которыхъ нужда, дабы прокормить другихъ, туда заключила? Или что вѣроятнѣе, вмѣсто мясъ могла служить всѣмъ особая пища? Ибо извѣстно намъ, что многіе животные

 пи-

питающїеся мясами, питаются плодами, особливо смоквами и каштанами. Такъ удивительно ли, что оный премудрый мужъ и праведный, получивъ отъ Бога наставленїе, приготовилъ и запасъ такой пищи различной, которая всякому въ пищу годна, безъ мясъ. Но чего бы гладъ въ пищу употреблять не принудилъ? Или чего Богъ прїятнымъ и здравїю служащимъ не сдѣлалъ, который могъ и безъ пищи оныхъ сохранить въ живыхъ: развѣ только и сїе, дабы они питаемы были, принадлежитъ къ образованїю толикой тайны? Не можно же думать, развѣ только тому, который прекословить любитъ, что толикїя знаменїя не служатъ къ прообразованїю церкви. Ибо такъ языки наполнили церковь чистые и нечистые, покуда до опредѣленнаго конца достигнетъ, такъ въ ея единствѣ объемлются, что изъ сего одного явнѣйшаго и яснѣйшаго и о прочихъ, которыя нѣсколько темно предложены, сомнѣваться не можно. Когда же оно такъ, то есть, естьли думать никто и изъ самыхъ грубыхъ не можетъ, что сїе написано напрасно, или ничего не значитъ, хотя въ самомъ дѣлѣ было; или, что одни слова значатъ, а не дѣло: или что оное не знаменовало церковь: но когда наипаче вѣрить должно, что оное и благоразумно и премудро написано, и въ самомъ было дѣлѣ, и

нѣчто

нѣчшо означаетъ, и то самое къ прообразованію церкви принадлежитъ: то уже до того достигла книга, дабы ея окончать, чтобъ наконецъ обоихъ градовъ продолженіе, то есть земнаго по человѣку живущаго, и небеснаго по Богу, послѣ потопа и далѣе въ вещахъ послѣдующихъ искать.

Конецъ пятойнадесять книги о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, пятуюнадесять.

На главу седьмую.

(1) Такимъ образомъ, коимъ Онъ глаголалъ людемъ. Августинъ на бытейскія книги о толкованіи вопрошаетъ, какимъ образомъ говорилъ Богъ Адаму, духовно или тѣлесно. И отвѣтствуетъ, что такъ Богъ говорилъ въ раи Адаму, какъ послѣ Аврааму и Моисею, то есть, во образѣ тѣлесномъ. Для того то сказано, что Адамъ и Евва услышали гласъ Бога ходяща въ раи.

(2) Сомнѣваться не должно. Іеронимъ въ толкованіи на бытейскія книги: откуда бы могъ узнать Каинъ, что дары брата его Богъ принялъ, а его отвергнулъ, естьлибъ не справадливо перевелъ оное мѣсто Θеодоціонъ: и облисталъ Господь Авеля, и жертву его огнемъ полизалъ; Каина же не облисталъ, и жертвы его огнемъ не полизалъ. А что обыкновенно пожигалъ огнь сходящій съ неба, оное не рѣдко случалось, какъ то во время освященія Соломонова храма, и когда Илія на горѣ Кармилѣ поставилъ жертвенникъ. До сихъ мѣстъ Іеронимъ.

(3) *Право принеслъ еси.* Іеронимъ: и рече Господь Каину: почто гнѣваешися, и почто премѣнилось лице твое? Когда право ты приносишь, неправо же раздѣляешь, не согрѣшилъ ли ты чрезъ то? Умолкни; къ тебѣ обращеніе его, и ты имъ обладаеши. Необходимость доводитъ насъ на каждомъ словѣ мѣдлить; понеже и теперь совсѣмъ инаковъ смыслъ у седмидесяти переводчиковъ, нежели въ подлинникѣ Еврей-

Еврейскомъ. Ибо говоритъ Господь Каину: почто гнѣваешся, и почто измѣнилось лице твое? Когда хорошо ты будешь дѣлать, не оставитсяль тебѣ? И когда зло будешь дѣлать, не при дверехъ ли твоихъ грѣхъ присидѣть будетъ, и не будетъ ли спутствовать тебѣ таковый придверникъ? Но понеже ты имѣешь свободное произволенie, то наставляю тебя, дабы не грѣхъ тобою, но ты грѣхомъ обладалъ. До сихъ мѣстъ Iеронимъ.

На главу осьмую.

(1) Не было нужды всѣхъ людей, которые тогда были, именовать. Повѣствуютъ, что Ноевъ сынъ Iоникъ искусенъ былъ въ звѣздочетствѣ, о которомъ Моисей не упоминаетъ.

(2) *И въ зиждяй градъ.* Языческie писатели въ томъ, кто первый построилъ городъ, несогласны. Плинiй увѣряетъ, что Цекропъ первый построилъ, городъ, которой и назвалъ Цекропieю. Стравонъ пишетъ, что первый городъ построенъ Аргосъ отъ Форонея. Египтяне тщеславяся говорятъ, что у нихъ первый городъ построенъ Дiосполь, или Ѳивы. При всемъ томъ Енохiя сiя, какъ Iосифъ пишетъ, есть изъ всѣхъ древнѣйшая, которую Каинъ, мучимъ будучи Фурiями и поставляя, что нѣтъ нигдѣ безопаснаго мѣста, построилъ и обнесъ стѣнами. Чрезъ которой городъ градъ мiрскiй и дiавольскiй означается, какъ свидѣтельствуетъ Iеронимъ.

(3) Ибо и Iуда не былъ первенцемъ. Онъ былъ четвертый сынъ Iяковлевъ отъ Лiи.

(4) До седми сотъ седмидесяти трехъ лѣтъ. О Ламехѣ отцѣ Ноевомъ разумѣется, о которомъ въ Еврейскихъ подлинникахъ пишется, что жилъ пять сотъ семдесятъ семь лѣтъ. Семдесятъ же переводчиковъ написали семь сотъ пятьдесятъ три.

(5) И такъ кто усомниться можетъ, что въ толь долгiй вѣкъ одного человѣка предки наши помнятъ,

 что

что въ Испаніи было селеніе, заключающее въ себѣ до ста домовъ, которые произошли отъ одного старика, тогда еще въ живыхъ находившагося.

На главу девятую.

(1) Однако и знаменитый языческій стихотворецъ. Виргилій въ девнатцат. Енейд. о Турнѣ, что онъ взялъ изъ Оміра Иліад. шестой; которой пишетъ, что Діомидъ, сражаясь съ Енеемъ, камень огромный похитилъ, котораго четырнатцать человѣкъ поднять не могли, и похитивъ вергнулъ на Енея, отъ котораго удара упалъ; но защищенъ матерью своею *Венерою*.

(2) Означая, *что прежде огромнѣе тѣла*. Виргилій въ первой книгѣ земледѣл: и въ ископанныхъ гробницахъ почудится огромнымъ костямъ потомство.

(3) Коренной человѣческой зубъ. Въ праздникъ Святаго Христофора, когда мы (Вывесъ, и Іеровимъ Бургаринъ) шли въ храмъ главный въ нашемъ городѣ, тогда показывали намъ зубъ, величиною съ кулакъ, и коемъ сказывали, что онъ Святаго Христофора.

(4) Пливій Секундъ наиученѣйшій мужъ. Онъ въ книгѣ седьмой пишетъ такъ: примѣчается, что всегда умаляется возрастъ человѣческаго рода, и становится меньше. Въ Критѣ когда землетрясеніемъ разрушило гору, тогда найденъ трупъ, стоящій сорока пести локтей, который иные поставляли Супоновымъ, иные Отовымъ. Но что болѣе? За тысячу почти лѣтъ прежде сего Оміръ не преставалъ жаловаться, что тѣла человѣческія умаляются. Орестовъ трупъ, по отвѣту боговъ отрытый, былъ длиною семи лактей.

(5) Пишетъ однако Пливій въ той же книгѣ седьмой въ главѣ сорокъ осьмой: Елланикъ, говоритъ, пишетъ, что нѣкотрые въ Етоліи живутъ по двѣсти лѣтъ: котораго въ неложности свидѣтельствуетъ Да-

Дамастъ, который увѣряетъ, что Никторей, изъ оныхъ отмѣнный и тѣломъ и силою, жилъ три ста лѣтъ.

На главу первуюнадесять.

(1) Славный оный вопросъ. Іеронимъ говоритъ, что семьдесятъ переводчиковъ въ числѣ погрѣшили, какъ и во многомъ другомъ, и доказываетъ изъ книгъ Еврейскихъ и Самарійскихъ, что Маѳусалъ скончался въ тотъ годъ, въ которой сдѣлался потопъ. И здѣсь Августинъ достойно осмѣваетъ тѣхъ, кои вѣрятъ болѣе переводамъ, нежели подлиннику.

На главу двадесять вторую.

(1) *Сто двадесять лѣтъ.* Лактанцій думалъ, написавъ въ книгѣ второй, въ главѣ четвертой надесять, что Богъ опредѣлилъ, дабы по потопѣ люди не болѣе ста дватцати лѣтъ жили: ибо такъ говоритъ: потомъ, когда высохла земля, возненавидѣвши Богъ неправду перваго вѣка, дабы паки долговѣчность житія не была виною къ изобрѣтенію зла, по малу во всякомъ поколѣніи умалилъ человѣческій вѣкъ, и во стѣ дватцати годахъ предѣлъ поставилъ, котораго прейти не можно. Іеронимъ же такимъ образомъ пишетъ: и будутъ дніе ихъ сто двадесять лѣтъ. То есть назначается имъ сто дватцать лѣтъ на принесеніе покаянія; слѣдовательно не жизнь человѣческая во сто дватцать лѣтъ сокращена. Ибо находимъ въ Писаніи, что и послѣ потопа Авраамъ жилъ сто семьдесятъ пять лѣтъ, другіе же болѣе двухъ сотъ и трехъ сотъ.

На главу двадесять четвертую.

(1) Горы Олимпа. Горъ Олимповъ не одну описываютъ Географы. Сія гора, о коей говоритъ, находится въ Ѳессаліи вышиною десять стадій, какъ пишетъ Плутархъ въ Емими Павлѣ. Верьхъ оныя, то самое мѣсто, гдѣ бываютъ облака и вѣтры, превышаетъ. Доказывали сіе древніе тѣмъ, что пепелъ

жертвъ

жертвЪ чрезЪ цѢлый годЪ не разнесенЪ бываетЪ вѢтромЪ, какЪ пишетЪ СолинЪ. Однако оное баснословнымЪ показываетЪ ФранцискЪ ФилелфЪ, который повѢствуетЪ о себѢ, что онЪ на гору оную восходилЪ, дабы неложность того извѢдать. И подлинно трудно кажется вѢрить, дабы или ОлимпЪ, или АѳонЪ Македонская гора, или другая какая либо превосходила то мѢсто, гдѢ вѢтры и облака бываютЪ, когда и пары на вершинѢ горЪ случаются, и источники протекаютЪ, которые составляютЪ вещество дождей и вѢтровЪ.

(2) Стелліоны. Сіи животные изЪ роду ящерицЪ, которые угрызеніемЪ приводятЪ вЪ изумленіе.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА XVI.

Глава первая.

Находятся ли послѣ потопа отъ Ноя до Авраама нѣкоторыя семѣйства по Богу живущихъ людей.

После потопа продолжались ли слѣды святаго града, или нечестивыхъ пресѣчены были временами, такъ что ни одного неоставалось изъ людей почитателемъ единаго истиннаго Бога; яснаго на то свидѣтельства въ Священномъ Писаніи найти трудно: понеже въ священныхъ правильныхъ книгахъ послѣ Ноя, который съ женою, тремя сынами, и тремя невѣстками удостоился отъ потопа въ ковчегѣ спасенъ быть, не находимъ когол‌ибо благочестивымъ, котораго бы благочестіе прославляемо было словомъ Божіимъ, даже до Авраама, кромѣ Ноевыхъ двухъ сыновъ Сима и Іаѳета,

Яфета, которыхъ отецъ пророческимъ благословенiемъ намъ одобряетъ, взирая и предвидя изъ далеча имѣющее быть. Откуда воспослѣдовало и то, что средняго своего сына, согрѣшившаго противъ отца не въ немъ самомъ, но въ его сынѣ, проклялъ сими словами: *проклятъ буди Ханаанъ отрокъ, рабъ будетъ братiямъ своимъ.* Ханаанъ же родился отъ Хама, которой не покрылъ, но открылъ наготу отца своего спящаго. Почему продолжая приложилъ благословенiе двумъ своимъ сыновьямъ, большему и малому, говоря: *благословенъ Господь Богъ Симовъ, и будетъ Ханаанъ отрокъ, рабъ ему. Да распространитъ Богъ Iафета, и да вселится въ селенiихъ Симовыхъ:* (ї) какъ тогожъ Ноя насажденiе винограда, и упiвство отъ тогожъ плода, и спящаго обнаженiе и прочiя описанiя и дѣла пророческими наполнены разумами и смыслами, и прикрыты покровами.

Глава вторая.

Что въ сынахъ Ноевыхъ пророчески было преобразовано?

Но нынѣ по событiи вещей сокровенное довольно стало быть яснымъ. Ибо кто изъ примѣчающихъ разумно и тщательно не признаетъ всего сего на Христѣ? Понеже симъ, отъ котораго во плоти Христосъ родился, толкуется имянованный или имени-

нитый. Что же именитѣе Христа, котораго имя вездѣ уже благоухаетъ, такъ, что въ пѣсняхъ пѣсней по предвозвѣщенію пророческому уподобляется муру изліянному, въ домахъ и селеніяхъ котораго, то есть, церквахъ обитаетъ языковъ пространство и обширность. Ибо Іафетъ толкуется широта. Хамъ же, который толкуется горячій, средній сынъ Ноевъ, какъ бы отъ обоихъ различаясь и между обѣми пребывая, то есть ни въ исполненіи языковъ, ни въ начаткахъ Израилевыхъ, что иное означаетъ, какъ горячій родъ еретиковъ, то есть, пламенѣющій не Духомъ Святымъ, но духомъ лукавства, которымъ обыкновенно еретическія сердца горятъ, и возмущаютъ покой Святыхъ? Но сіе поспѣшествуетъ въ пользу благоуспѣвающихъ, по оному Апостольскому слову: *подобаетъ ересемъ быти, да искусни явлени будутъ.* Чего для написано: *сынъ наказанъ премудръ будетъ, неразумнаго же употребитъ въ раба.* Ибо много принадлежащаго къ православной вѣрѣ, когда лукавство еретиковъ предлагаетъ, дабы можно было защитить противъ ихъ, и разсуждается тщательнѣе, и выразумѣвается яснѣе, и неусыпнѣе проповѣдается: почему отъ соперника предложенный вопросъ случаемъ и поводомъ бываетъ каждому къ наученію себя. Хотя не только явственно отдѣлившіеся, но и всѣ Христіанскимъ именемъ славящіеся и худо живу-

живущіе, не неприлично могутЪ казаться среднимЪ Ноевымъ сыномЪ прообразованными. Ибо страданіе Христово, которое знаменовано было наготою онаго человѣка, и проповѣдаютЪ, и худо живучи безчестятЪ. И такЪ о таковыхЪ сказано: *отЪ плодовЪ ихЪ познайте ихЪ.* Того ради ХамЪ вЪ сынѣ своемЪ проклятЪ, какЪ вЪ плодѣ своемЪ, то есть вЪ дѣлѣ своемЪ. Чего для и сынЪ его ХанаанЪ прилично толкуется движеніе ихЪ, которое не что ино есть, какЪ дѣло ихЪ. СимЪ же и ІафетЪ какЪ бы обрѣзаніе и не обрѣзаніе, или какЪ инымЪ именемЪ ихЪ АпостолЪ называетЪ Іудеями и Еллинами, но званные и оправданные, которые, узнавЪ о наготѣ отца, коею означалось страданіе Искупителя, взявЪ одежду и возложивЪ оную на рамы свои, шли зря вспять, и покрыли наготу отца своего, и не видѣли, что изЪ зазрѣнія покрыли. Ибо нѣкоторымЪ образомЪ вЪ страданіи ХристовомЪ, и что насЪ ради содѣлано, почитаемЪ, и Іудейскаго злодѣянія отвращаемся Риза же значитЪ таинство, хребты память прошедшаго, понеже страданіе Христово вЪ то, то есть, время, вЪ которое живетЪ ІафетЪ вЪ селеніяхЪ СимовыхЪ, и злый братЪ посредѣ ихЪ, совершившееся празднуетЪ церковь, а не будущее зритЪ. Но злый братЪ вЪ сынѣ своемЪ, то есть, вЪ дѣлѣ своемЪ, отрокомЪ, то есть, рабомЪ есть братій добрыхЪ, когда кЪ терпѣнію или ко успѣху вЪ премудрости

благо-

благоразумно употребляютъ злыхъ добрые. Ибо они суть по свидѣтельству Апостола *не чисто провоповѣдающими Христа. Но аще виною, аще истинною Христосъ провоповѣдаемъ есть, и о семъ радуюся, но и возрадуюся.* Ибо онъ насадилъ виноградъ, о которомъ говоритъ пророкъ: *виноградъ Господа Саваоѳа домъ Израилевъ и піетъ отъ вина его.* Или оную чашу здѣсь разумѣть должно, о которой говоритъ: *можете ли пити чашу, юже азъ пію?* И, *отче, аще возможно есть, да идетъ отъ мене чаша сія*; которою безъ сомнѣнія означаетъ свое страданіе. Или поелику вино плодъ есть винограда, то сіе наипаче онымъ означено, что отъ самаго винограда, то есть отъ рода Израильтянъ плоть за насъ и кровь, дабы могъ пострадать, воспріялъ; и упился, то есть пострадалъ будучи обнаженъ. Ибо тамъ обнажилась, то есть открылась Христовой плоти немощь; о которой Апостолъ говоритъ: *аще и распятъ бысть отъ немощи.* Почему паки пишетъ: *немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть, и буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть.* Чтоже написано, *и обнажися*, и приложено, *въ дому своемъ*, оное изрядно показываетъ, что отъ народа своея плоти и домашнихъ своея крови, то есть, отъ Іудеевъ имѣлъ претерпѣть крестъ и смерть. Сіе страданіе Христово внѣ однимъ гласомъ проповѣдуютъ нечестивые. Ибо не разумѣютъ, что возвѣщаютъ. Благочести-

вые же во внутреннемъ человѣкѣ имѣютъ толь великое таинство, и почитаютъ внутрь въ сердцѣ своемъ немощное и буее Божіе, понеже оно крѣпчае и премудрѣе человѣкъ есть. Прообразованіемъ сему то, что Хамъ изшедъ внѣ возвѣстилъ: Симъ же и Іафетъ, дабы то покрыть, то есть почтить, вошли, то есть внутрь оное дѣлали. Сіи Писанія тайны изъясняемъ сколько можемъ, другой пускай или меньше или болѣе изображаетъ, да только вѣрно: за несомнѣнное почитая, что все дѣлано и писано не безъ нѣкотораго предъзнаменованія будущихъ вещей, и что все оное не инако какъ только ко Христу и его Церкви, которая есть градъ Божій, относить надлежитъ, который отъ начала человѣческаго рода былъ проповѣданъ, когда на немъ все исполняющимся по всему видимъ. И такъ по благословеніи двухъ сыновъ Ноевыхъ, и по проклятіи одного среди ихъ, даже до Авраама умолчано о тѣхъ, кои будучи праведными благочестно почитали Бога, чрезъ тысячу и болѣе лѣтъ. Я не думаю, чтобъ оныхъ не было, но естьлибъ всѣхъ упоминать, то весьма была бы продолжительною повѣсть: и сіе было бы знакомъ тщанія историческаго, нежели пророческаго провидѣнія. И такъ то только описывано писателемъ священнымъ, или лучше сказать, чрезъ него Божіимъ Духомъ, которымъ не только повѣствуется прошедшее,

шее, но и предвозвѣщается будущее, которое однако принадлежитъ къ граду Божію: понеже и о людяхъ, кои не сутъ онагѡ гражданами, что ни пишется, для того пишется, дабы оный отъ сравненія съ ними болѣе блисталъ. Ибо не все повѣствуемое прознаменующимъ что либо почитать должно, но ради прознаменующихъ и ничего незнаменующее присовокупляется. Понеже однимъ сошникомъ воздѣлывается земля, но чтобъ оное могло быть, то и прочія части плуга потребными поставляются. Не одни струны въ гусляхъ и другихъ музыкальныхъ орудіяхъ издаютъ гласъ; но чтобъ оные издавать оный могли, то прилагаются и другія къ тому вещи въ составѣ оныхъ орудій, которыхъ не ударяютъ поющіе, но кои ударяемы будучи издаютъ гласъ, съ оными соединяются. Такъ въ пророческой повѣсти описываются и такія вещи, которыя ничего не значатъ, но оныя соединены съ тѣми, и какъ бы связаны, которыя означаютъ.

Глава третія.

О родословной трехъ сыновъ Ноевыхъ.

И такъ разсмотрѣть должно Ноевыхъ сыновъ родословныя, и что о нихъ сказать можно, присоединить къ сему сочиненію, которымъ обоего града, земнаго то есть и небеснаго, чрезъ времена показывается про-

долженіе. Начались же оные упоминаться отъ меньшаго сына нареченнаго Іафетомъ, котораго восемь сыновъ упомянуты и имянованы; внуковъ же семь отъ двухъ его сыновъ, отъ одного три, и отъ другаго четыре: которые всѣ совокупно составляютъ пятнатцать. Дѣтей же Хамовыхъ, то есть средняго сына Ноева, четыре, и внуковъ пять отъ одного сына, правнуковъ два отъ внука одного: которые составляютъ одиннатцать. По исчисленіи которыхъ возвращается повѣсть какъ бы къ главѣ, и пишется: *Хусъ же роди Неврода: сей начатъ быти исполинъ на земли. Сей бѣ исполинъ ловецъ противъ Господа Бога. И бысть начало царства его Вавилонъ, и Орехъ, и Архадъ и Халанни на земли Сеннааръ. Отъ земли тоя изыде Ассуръ; и созда Ниневію* (1) *и Рооповъ градъ, и Халахъ и Дасемъ между Ниневіею и между Халахомъ. Сей есть градъ великій.* Сей Хусъ отецъ исполина Неврода первымъ имянованъ въ сынахъ Хамовыхъ, котораго пять сыновъ уже были изочтены, и внука два. Но сего исполина или уже послѣ внуковъ своихъ родилъ; или, что вѣроятнѣе, особенно о немъ по его знатности Писаніе объявило, когда и царство его упомянуло. Котораго началомъ былъ оный знаменитый градъ Вавилонъ, и которые приономъ упомянуты или города или страны. А что сказано: *Отъ земли оной*, то есть Сеннаарской, принадле-

жа-

жащей къ царству Невродову, *изыде Ассуръ, и созда Ниневію*, и другіе упомянутые города; оное гораздо было послѣ, что и написано по знатности царства Ассирійскаго, которое удивительно распространилъ Нинъ, сынъ Виловъ (2), основатель Ниневіи града великаго, котораго града имя отъ онаго произведено, дабы оный отъ Нина назывался Ниневіею. Ассуръ же, откуда происходятъ Ассиріане, не былъ изъ числа сыновъ Хама средняго Ноева сына; но Симовыхъ, который былъ старшимъ Ноевымъ сыномъ. Откуда видно, что отъ рода Симова произошли, которые послѣ царствомъ исполиновымъ обладали, и оттуда простираясь, другіе построили города, изъ коихъ первымъ есть отъ Нина названный Ниневіею. Отсюда возвращается повѣсть къ иному сыну Хамову, который назывался Месраимъ, и упоминаетъ родившихся отъ него: не особенно о нѣсколькихъ человѣкахъ, но о странахъ седми. И отъ шестой, какъ бы отъ шестаго сына, пишется произшедшимъ народъ называемый Филистіимъ. И такъ стало ихъ восемь. Послѣ того паки возвращается къ Ханаану, въ которомъ сынѣ проклятъ Хамъ, и имянуетъ родившихся отъ него одиннатцать. Наконецъ упомянувъ нѣкоторые города, повѣствуется, до какихъ оные предѣловъ достигли. И потому по исчисленіи сыновъ и внуковъ Хамовыхъ явствуетъ, что отъ Хама родились

лись тритцать одинъ человѣкъ. Остается предложить о дѣтяхъ Сима старшаго Ноева сына. Ибо начавшееся отъ меньшаго родословій повѣствованіе постепенно до него дошло. Но откуда начинаютъ упоминаться дѣти Симовы, имѣетъ нѣчто темноты, которую толкованіемъ объяснить надлежитъ: понеже оное много служитъ къ тому, къ чему наше стремится намѣреніе. Ибо такимъ образомъ пишется: *И Симу, родися и тому, отцу всѣхъ сыновъ Еверовыхъ, брату Іафета старѣйшему.* Порядокъ словъ есть сей: *и Симу родился* Еверъ, *и тому*, то есть самому Симу родился Еверъ, который Симъ есть отцемъ всѣхъ сыновъ. И такъ хотѣлъ писатель изобразить, что самъ Патріархъ есть всѣхъ, которые отъ поколѣнія его родились, и которыхъ исчислять намѣренъ, хотябъ они были дѣти, хотя внуки, хотя правнуки и далѣе. Ибо Евера не самъ родилъ, но Еверъ въ пятомъ колѣнѣ находится рожденныхъ отъ него. Понеже Симъ между прочими дѣтьми родилъ Арфаксада, Арфаксадъ Каинана, Каинанъ Салу, Сала родилъ Евера. И такъ не напрасно онъ именованъ въ нисходящемъ поколѣніи Симовомъ, и предпочтенъ и дѣтямъ, будучи внукомъ въ пятомъ колѣнѣ: понеже не ложно то, что написано, то есть, что отъ него Евреи названы Евреями, какъ бы Евереями, хотя можно думать, что они и отъ Авраама имя сіе приняли.

Но

Но сіе не ложно, что Евреями отъ Евера именованы, которые свой единственно языкъ удержали: въ которыхъ градъ Божій и во Святыхъ странствовалъ, и во всемъ таинствомъ предзнаменованъ. И такъ дѣти Симовы вопервыхъ шесть имянуются, потомъ отъ одного сына его родились четыре внука. Также другой Симовъ сынъ родилъ ему внука, и оной внукъ родилъ ему правнука, потомъ сей праправнука, который есть самой тотъ Еверъ. Родилъ же Еверъ двухъ сыновъ, изъ коихъ однаго нарекъ Фалекомъ, который толкуется раздѣляющій. Потомъ Писаніе прилагая, и предлагая вину сего имени, говоритъ; *по дни его раздѣлися земля.* Чтожъ сіе значитъ, послѣ покажемъ. Другой же который родился отъ Евера родилъ двенатцать сыновъ, и потому всѣ рожденные отъ Сима составляютъ дватцать семь человѣкъ. И такъ всѣ рожденные отъ трехъ сыновъ Ноевыхъ, то есть пятнатцать отъ Іафета, тритцать одинъ отъ Хама, дватцать семь отъ Сима, составляютъ семьдесятъ три. Потомъ продолжаетъ Писаніе говоря: *сіи сынове Симовы въ племенехъ своихъ, по языкомъ ихъ, въ странахъ ихъ, и въ народѣхъ ихъ.* Наконецъ о всѣхъ. Сія племена сыновъ Ноевыхъ по родомъ ихъ, по языкомъ ихъ; отъ сихъ разсѣяшася острова языковъ на земли по потопѣ. Изъ чего видно, что семьдесятъ три, или лучше ска-

 зать

зать, семьдесятъ два, какъ ниже показано будетъ, не люди просто были, но народы или языки; ибо упомянувъ сыновъ Хамовыхъ, явственно Писаніе открываетъ, что имянованные суть языки или народы. Месраимъ родилъ тѣхъ, которые называются Лудіимлянами, и прочихъ до седьми народовъ. И по исчисленіи всѣхъ наконецъ заключаетъ: *сіи* говоритъ, *сынове Хамовы въ племенехъ своихъ, по языкомъ своимъ, въ странахъ своихъ, и въ народѣхъ своихъ.* И потому-то многихъ дѣти не упомянуты, понеже къ народамъ другимъ причтены, а сами собою составить народовъ въ состояніи не были. Ибо какаябъ была причина, что когда сыновъ Іафетовыхъ считается восемь, родившими же дѣтей только двое описываются: и когда у Хама четыре именуются сына, трое только родившими дѣтей представляются: и когда дѣти Симовы считаются шестеро: при всемъ томъ потомство только описывается двухъ? Не уже ли прочіе были безъ дѣтей? Никакъ не можно тому вѣрить, но что оные не могли составить народовъ, ради которыхъ достойны были бы упомянуты быть. Ибо какъ раждались, такъ къ другимъ народамъ причитались.

Глава

Глава четвертая.

О различіи языковъ и началѣ Вавилона.

И такъ когда повѣствовано, что были народы въ своихъ языкахъ, то возвращается къ тому времени писатель, когда былъ одинъ у всѣхъ языкъ, и потомъ изъясняетъ, что такое приключилось, что языки на различные раздѣлились. *И бѣ*, говоритъ, *вся земля устнѣ едины, и гласъ единъ всѣмъ. И бысть, егда двигнутися имъ отъ востокъ, обрѣтоша поле въ земли Сеннаарстей, и вселишася тамо. И рече человѣкъ ближнему своему, пріидите сотворимъ плинвы, и испечемъ ихъ огнемъ, и бысть имъ плинва въ камень, и брепіе вмѣсто мѣлы. И рекоша: пріидите, созиждемъ себѣ градъ и столпъ, егоже верьхъ будетъ даже до небесе: и сотворимъ себѣ имя, прежде неже разсѣятися намъ по лицу всея земли. И сниде Господь видѣти градъ и столпъ, его же созидаша сынове человѣчестіи. И рече господь: се родъ единъ, и устнѣ единѣ всѣхъ, и сіе начаша творити; и нынѣ не оскудѣютъ отъ нихъ вся, елика аще восхотятъ творити. Пріидите, и сошедше, смѣсимъ тамо языки ихъ, да не услышатъ кійждо гласа ближняго своего. И разсѣя ихъ оттуда Господь по лицу всея земли. И престаша зиждуще градъ и столпъ. Сего ради наречеся имя его смѣшеніе, яко тамо смѣси Господь устна всея земли: и оттуда разсѣя ихъ Господь по лицу всея*

 земли

земли. Сей градЪ, который нареченЪ смѢшенiемЪ, есть самый ВавилонЪ, котораго удивительное зданiе и языческiе выхваляютЪ историки. ИзЪ чего видно, что исполинЪ оный НевродЪ былЪ его созидателемЪ, о чемЪ и выше внушено, когда о немЪ Писанiе сказало *и бысть начало царства его ВавилонЪ.* То есть который градЪ надЪ прочими имѢлЪ владычество, такЪ какЪ царская столица, хотя не совершенЪ онЪ до такой мѢры, которую помышляло нечестiе; ибо безмѢрная намѢреваема была высота, которая и названа даже до небеси: или одного столпа или башни онаго, которую хотѢли выше всѢхЪ построить; или всѢхЪ, которыя чрезЪ единственное число равно означены, какЪ говоримЪ, воинЪ, и разумѢются воиновЪ тысячи; также какЪ говоримЪ жаба и саранча. Ибо такимЪ образомЪ упомянуто множество жабЪ и саранчи между казньми Египетскими, которыми отЪ Моvсея поражены были Египтяне. ЧтожЪ такое намѢревало учинить безумное предпрiятiе человѢческое? Пускай высоту онаго воздвигли бы до неба, пускай оная превзошла бы всѢхЪ горЪ высоту, пускай была бы оная выше мрачнаго сего воздуха: какой могли причинить вредЪ толь безмѢрнымЪ превозношенiемЪ или духовнымЪ или тѢлеснымЪ? Прямый и безопасный путь на небо себѢ устрояетЪ едино смиренiе, возносящее сердце ко Господу, а не противЪ Господа, какЪ сказано о исполи-

полинѣ Неврodѣ, и ловцѣ противъ Господа. Чего нѣкоторые не разумѣя обманулись словомъ Греческимъ двознаменательнымъ и перевели не противъ Господа, но предъ Господемъ. Ибо εναντιον и предъ и противъ означаетъ. Ибо сїе слово есть и во псалмѣ: *и восплачемся предъ Господемъ сотворшимъ насъ.* Сїе слово и въ книгѣ Іовлевой положено: *на гнѣвъ и ярость подвигся противъ Господа.* И такъ такимъ образомъ разумѣть должно о исполинѣ ономъ, что онъ былъ противъ Господа. Строилъ убо съ своими народами столпъ противъ Господа, которымъ означалась нечестивая его гордость. Достойно же наказуема бываетъ страсть злая, хотя не послѣдовало бы совершенїе оныя. Казни же родъ какой былъ; ибо поелику владычество повелѣвающаго состоитъ въ языкѣ, то тамъ и наказана гордость, дабы люди не могли понимать и разумѣвать повелѣвающаго, который не хотѣлъ повиноваться и слушать Бога повелѣвающаго. Такимъ образомъ разрушилось ихъ согласїе, когда каждой удалялся отъ того, котораго не разумѣлъ, и присоединялся къ тѣмъ, съ коими говорить могъ, и по языкамъ раздѣлились народы и разсѣялись по земли: какъ Богу было угодно, который сокровеннымъ и непостижимымъ образомъ оное учинилъ.

Глава пятая.

О сошествіи Господни ради смѣшенія языков зиждущихъ столпъ.

Что же написано, что снисшелъ Господь видѣть градъ и столпъ, которой созидали сынове человѣчестіи, то есть, не сынове Божіи, но оное общество живущее по человѣку, которое мы земнымъ градомъ называемъ: оное такимъ образомъ разумѣть должно, что Богъ не преходитъ отъ мѣста на мѣсто, который есть весь вездѣ: но тогда почитается снисшедшимъ, когда творитъ нѣчто на земли, которое будучи не по порядку природы содѣлано, показываетъ нѣкоторымъ образомъ присутствіе его. И не зрѣніемъ удостовѣряется, который ничего не можетъ не знать, но говорится о немъ, что онъ временно видитъ и познаваетъ, когда даетъ людямъ видѣть и знать. И такъ не таковымъ образомъ видимъ былъ оный градъ, какъ Богъ восхотѣлъ ему видѣну быть когда, сколь ему не былъ угоденъ, показалъ.

Глава шестая.

Безсловесные животные отъ тогожъ ли числа во всѣхъ наиотдаленнѣйшихъ отъ матерой земли островахъ, которое отъ потопа сохранено въ ковчегѣ.

Но вопросъ рѣшить предложитъ намъ о всякомъ родѣ безсловесныхъ дикихъ, которые

рые отъ смѣшенія мужеска и женска пола единственно раждаются, какимъ образомъ оныя по истребленіи всѣхъ тѣхъ, кои не были въ ковчегѣ, потопомъ, явились и на островахъ, естьли они отъ сохраненныхъ въ ковчегѣ родовъ произошли? Можно правда думать, что оные на острова съ матерой земли переплывали; но сіе сказать можно объ островахъ близкихъ. Нѣкоторые же острова толь удалены отъ матерой земли, что никакое безсловесное животное переплыть туда не могло. Естьли сказать, что люди, поймавъ оныхъ, перевезли и здѣлали, что оные, дабы людямъ послѣ упражняться въ ловлѣ, развелися, то не весьма сіе вѣроятно: хотя прекословить не можно, что Ангельскою силою принесены быть могли. Естьли же отъ земли произошли по подобію перваго своего начала, когда сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живу, то яснѣе открывается, что безсловесные животные не съ тѣмъ сохранены въ ковчегѣ, дабы отъ нихъ возобновился всякой родъ, но ради прообразованія языковъ различныхъ, и ради тайны церкви въ ковчегѣ были, естьли на островахъ, куда животные переплыть не могли, отъ земли произведены.

Глава

Глава седьмая.

Чудовищные людей роды отъ Адама ли, и отъ сыновъ ли Ноевыхъ произошли.

Вопрошаютъ также, можноль де тому вѣрить, что отъ сыновъ Ноевыхъ, или лучше сказать, отъ одного онаго человѣка, отъ котораго и они произошли, родились нѣкоторые чудовищные роды людей (1), какъ языческая повѣствуетъ исторія (2); каковы то суть, напримѣръ люди, имѣющіе одинъ глазъ среди лба: или стопы ногъ превращенные назадъ, и полы въ мужескомъ и женскомъ родѣ смѣшанные: и правые сосцы мужескіе, а лѣвые женскіе, которые попеременно совокупляются и раждаютъ: иные неимѣющіе рта, но чрезъ ноздри только привлекаемымъ воздухомъ живущіе: другіе возрастомъ въ лакоть, которые называются Пигмеями. Въ иныхъ мѣстахъ пяти лѣтъ отъ рожденія будучи, жены раждать начинаютъ. и болѣе осми лѣтъ не живутъ: также сказываютъ, что находится народъ, который, не сгибая колѣнъ, чрезвычайно бѣгаетъ проворно и быстро, которыхъ Скіоподами имянуютъ, потому что во время солнечнаго жара, лежа на взничь, тѣнію ногъ себя покрываютъ. Нѣкоторые же глаза имѣютъ въ раменахъ безъ шеи, и прочіе людей, или какъ бы людей роды, которые въ Карѳагенѣ Мусіею изображены, взяты будучи изъ книгъ какъ бы любопытныхъ повѣстей.

Что

Что сказать о Кинокефалахъ (3), коихъ песіи главы, и самый лай болѣе доказываютъ, что они звѣри а не люди? Но неможно вѣрить, чтобъ всѣ описываемые людми почитать за людей. Но никто сомнѣваться не можетъ, что раждаемый отъ людей, хотябъ необыкновенный чувствамъ нашимъ имѣлъ тѣла видъ, или цвѣтъ, или движеніе, или голосъ, или силу въ какой либо части тѣла, или качество природы, конечно отъ онаго одного прародителя имѣетъ начало. Однако видно, что природа во многихъ удержала, и что есть въ разсужденіи самой рѣдкости удивительно. И такъ какую мы вину полагаемъ уродамъ, тужъ самую сказать можемъ и о чудовищныхъ родахъ людей. Ибо Богъ, Творецъ всѣхъ, вѣдаетъ, гдѣ и когда что сотворить надлежало или надлежитъ, и зная, вселенныя красоту или сходствомъ оныя частей, или различіемъ составляетъ. Но который всего усмотрѣть не можетъ, какъ бы безобразіемъ части трогаемъ бываетъ, понеже къ чему оная относится не знаетъ. Извѣстно намъ, что родятся люди, имѣющіе на рукахъ и на ногахъ болѣе, нежели по пяти на каждой перстовъ; но сіе есть малое различіе, нежели оное: при всемъ томъ, кто сыщется столь безуменъ, который бы подумалъ, что Богъ въ твореніи перстовъ ошибся, хотя и не знаетъ причины, для чего Богъ такъ сотворилъ? Такимъ образомъ хотя бу-

будетЪ наивеличайшее различіе, однако вѣдаетЪ БогЪ, что дѣлаетЪ, и дѣлЪ Его никто справедливо уничижать не можетЪ. Не далеко отЪ Иппона родился человѣкЪ, имѣющій стопы ногЪ подобящіяся лунѣ, и на ногахЪ по два перста, также и на рукахЪ. Ежели бы цѣлой народЪ такой былЪ, то причисленЪ былЪ бы онЪ кЪ той любопытной исторіи. ТакЪ не уже ли будемЪ говорить, что таковой не отЪ перваго онаго человѣка произошелЪ? Рѣдко бываютЪ таковые, которые имѣютЪ и мужескій и женскій вкупѣ полЪ, однако бываютЪ временемЪ. Нѣсколько лѣтЪ тому прошло на нашей памяти, на востокѣ родился человѣкЪ о двухЪ головахЪ и прочихЪ вышшихЪ членахЪ, и обЪ однихЪ ногахЪ. Ибо двѣ были головы, двѣ груди, четыре руки, чрево одно, и двѣ ноги, какЪ обыкновенно у одного человѣка, и столь долго живЪ былЪ, что многіе сЪѣжжались его смотрѣть. Кто же изчислить можетЪ различія раждающихся, которые совсѣмЪ отмѣнны отЪ тѣхЪ, кои ихЪ родили? И какЪ не можно утверждать, аки бы сіи не отЪ оныхЪ родились: такЪ признавать должно, что отЪ одного перваго человѣка произошли тѣ народы, которые отЪ обыкновеннаго вида природы различны, естьли только заключаются вЪ ономЪ опредѣленіи, чтобЪ быть имЪ разумными и словесными животными, и естьли при томЪ не-

неложно и то, что они толико различны отъ насъ. Ибо естьлибъ мы не знали, что пиѳики или обезьяны, и кочкоданы (4) суть звѣри, то моглибъ историки, хвастая своимъ любопытствомъ, безстыднымъ образомъ описывать намъ ихъ вмѣсто людей. Но ежели таковые люди есть, о которыхъ толикія удивленія написаны, то можетъ статься, что Богъ содѣлалъ таковые народы для того, дабы не подумали мы, смотря на случающихся у насъ уродовъ, что Божія премудрость, созидающая природу человѣческую, ошиблась. И такъ не должно намъ казаться неприличнымъ, что какъ частно въ людяхъ случаются уроды, такъ въ человѣческомъ родѣ чудовищные народы. Почему дабы не безъ осторожности о сей матеріи заключить, то сказать долженъ, что оное, которое пишутъ о нѣкоторыхъ народахъ, со всѣмъ несправедливо; или ежели справедливо, то таковыя чудовища не люди: или ежели люди, то конечно произошли отъ Адама.

Глава осьмая.

О родословной Сима, котораго въ поколѣніи, шедомомъ до Авраама, града Божія представляется порядокъ.

И такъ держаться надлежитъ порядка родословной отъ самаго Сима, дабы оный показалъ градъ Божій, какъ показывалъ

оный порядокъ родословной, веденный прежде потопа отъ того, который называется Сиѳомъ. И для того-то Писаніе Божественное, показавъ земный градъ въ Вавилонѣ, то есть въ смѣшеніи, возвратилось къ Патріарху Симу, и начинаетъ исчислять роды отъ онаго до Авраама, съ означеніемъ лѣтъ, въ коемъ каждой принадлежащаго къ сему граду сына родилъ, и сколько жилъ. Изъ сего выразумѣть надлежитъ то, что я прежде обѣщалъ, дабы видно было и извѣстно, для чего объ одномъ изъ сыновъ Еверовыхъ Фалекѣ сказано, что во дни его раздѣлилась земля. Ибо что иное чрезъ раздѣленіе земли разумѣть должно, какъ раздѣленіе языковъ? Чего для, оставивъ прочихъ дѣтей Симовыхъ, къ сему дѣлу не принадлежащихъ, тѣхъ только исчислять должно, въ порядкѣ родословной, чрезъ которыхъ можно дойти до Авраама: такъ какъ прежде потопа тѣ исчисляемы были, которые отъ сына Адамова Сиѳа вели до Ноя. Такимъ убо образомъ начинается родословная. И сія бытія Симова. Симъ больше ста лѣтъ, егда роди Арфаксада, во второе лѣто по потопѣ. И поживе Симъ, по внегда родити ему Арфаксада, лѣтъ пять сотъ, и роди сыны, и дщери и умре. Такъ продолжаетъ описывать прочихъ, сказывая, на которомъ году жизни своей который родилъ сына, принадлежащаго къ сему порядку, которой идетъ

ко

ко Аврааму, и сколько кто лѣтъ жилъ по рожденіи, внушая кто, что каждой родилъ сыны и дщери, дабы мы познали, откуда могли умножиться народы, и дабы въ малочисленныхъ упоминаемыхъ людяхъ разсужденіемъ упражняясь на подобіе малыхъ отроковъ, не подумали, откуда толикое пространство земель и странъ наполниться могло людьми отъ рода Симова, особливо въ разсужденіи Ассирійскаго государства, которое Нинъ побѣдитель востока распространивъ крайнѣ, своимъ оставилъ потомкамъ. Но мы болѣе, нежели нужда требуетъ, не станемъ мѣдлить, и не будемъ описывать, сколько кто въ семъ родословій порядкѣ жилъ лѣтъ, но только въ которой годъ жизни своей родилъ сына въ семъ порядкѣ упоминаемаго, дабы изъяснить и число лѣтъ отъ потопа до Авраама, и притомъ кратко, и какъ бы мимоходомъ коснуться и другихъ вещей. И такъ во второе лѣто послѣ потопа Симъ, будучи ста лѣтъ, родилъ Арфаксада, Арфаксадъ же, будучи ста тритцати пяти лѣтъ, родилъ Каинана, которой, имѣя отъ роду сто тритцать лѣтъ, родилъ Салу; и самъ Сала толикихъ же будучи лѣтъ родилъ Евера. Еверъ же, имѣя сто тритцать четыре года отъ роду, родилъ Фалека, во дняхъ котораго раздѣлилась земля. Фалекъ же, живши сто тритцать лѣтъ, родилъ Рагава, и Рагавъ, живъ сто тритцать два года, родилъ Серуха, и

Серухъ живши сто и тритцать лѣтъ, родилъ Нахора. И Нахоръ, будучи седмидесяти девяти, родилъ Фару; Фара же, имѣя седмьдесятъ лѣтъ отрожденія, родилъ Аврама, котораго послѣ Богъ, перемѣнивъ ему имя, нарекъ Авраамомъ. И такъ отъ потопа до Авраама выходитъ лѣтъ, тысяча семьдесятъ и два, по переводу седмидесяти; въ Еврейскихъ же подлинникахъ меньше гораздо находится лѣтъ; о чемъ или съ трудностію или и никакой причины дать не можно: и такъ когда мы ищемъ въ оныхъ седмидесяти двухъ народахъ града Божія, то не можемъ утвердить, что во оное время, въ которое были устнѣ всѣмъ едины, то есть одинъ языкъ, родъ человѣческій удалился отъ почитанія Божія, такъ что только въ сихъ родахъ находилось благочестіе, которые происходятъ отъ сѣмене Симова чрезъ Арфаксада, и простираются до Авраама. Но чрезъ оную гордость въ созиданіи столпа до небесъ, которою означается нечестивое превозношеніе, земный явился градъ, то есть общество нечестивыхъ. Разобрать не можно, былъ ли тогда градъ Божій; или былъ, но сокровенно, или лучше сказать пребывали оба, Божій то есть, въ двухъ сынахъ Ноевыхъ, которые благословлены, и въ ихъ потомкахъ: общество же нечестивыхъ въ проклятомъ, и въ его поколѣніи, отъ котораго произошелъ и исполинъ ловецъ противу

тиву Господа. Ибо можетъ статься, что гораздо вѣроятнѣе, и въ двухъ оныхъ сынахъ, прежде нежели Вавилонъ созидаться началъ, были нѣкоторые презрители Божіи, и въ дѣтяхъ Хамовыхъ были нѣкоторые почитателями Божіими: однако вѣрить надлежитъ, что обоего рода люди были на земли. Понеже и когда сказано: *вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша, нѣсть творяй благое, нѣсть даже до единаго*, въ обоихъ псалмахъ, гдѣ сіи слова находятся, тамъ читается и сіе: *ни ли уразумѣютъ вси дѣлающіи беззаконіе, снѣдающіи люди моя въ снѣдь хлѣба?* И такъ былъ и тогда народъ Божій, почему оное слово: *нѣсть творяй благое, нѣсть даже до единаго*, о сынахъ человѣческихъ сказано, а не о сынахъ Божіихъ. Ибо прежде того написано: *Богъ съ небесе приниче на сыны человѣческія видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога.* И наконецъ приложенныя слова показываютъ, что всѣ сыны человѣческіе, то есть къ земному граду принадлежащіе, которые живутъ по человѣку, а не по Богу, стали непотребными.

Глава девятая.

О времени Авраамовомъ, отъ котораго святаго преемства порядокъ продолжается.

Теперь уже посмотримъ продолженіе града Божія отъ времени Авраамова, отъ ко-

котораго видимъ мы его яснѣе, гдѣ явственнѣйшія читаемъ обѣщанія Божія, которыя нынѣ во Христѣ исполняются. Священное Писаніе такъ намъ о томъ открываетъ: въ странѣ Халдейской родился Авраамъ, которая земля принадлежала къ государству Ассирійскому (1). У Халдеевъ же уже въ тогдашнее время нечестивыя суевѣрія усиливались, такъ какъ и у прочихъ народовъ. И такъ одинъ былъ домъ Ѳаринъ, отъ коего родился Авраамъ, въ которомъ содержалось почитаніе единаго истиннаго Бога, и какъ вѣроятно, въ которомъ и Еврейской языкъ единственно оставался; хотя по повѣствованію Іисуса Навина служилъ и онъ инымъ богамъ: ибо какъ отъ потопа одинъ домъ Ноевъ остался ради возобновленія рода человѣческаго: такъ въ потопѣ многихъ суевѣрій по всей вселенной одинъ остался домъ Ѳарры, въ которомъ хранено было насажденіе града Божія. Наконецъ какъ тамъ по исчисленіи родовъ отъ Адама до Ноя, и лѣтъ, и по предложеніи вины потопа, прежде нежели началъ Богъ говорить о ковчегѣ, пишется о Ноѣ: *сія бытія Ноева*: такъ и здѣсь по исчисленіи родословій отъ того, который называется Симомъ, сына Ноева до Авраама, также прилагается: *сія бытія Фаррина, Ѳарра роди Авраама и Нахора и Арама, и Арамъ роди Лота; и умре Аранъ предъ отцемъ своимъ Ѳаррою (2) въ земли, въ ней же*

же родися, въ странѣ Халдейстѣй. И пояста Апраимъ и Нахоръ себѣ жены, и имя женѣ Апраамли Сара, и имя женѣ Нахоропѣ Мелха, дщи Арраня. Сей есть отецъ Мелхинъ и отецъ Есхинъ, которую Есху почитаютъ Сарою женою Авраамовою.

Глава десятая.

Какая причина была, что въ преселенiи Өарры, когда онъ преселился въ Месопотамiю, ни мало о сынѣ его Нахорѣ не упоминается.

Потомъ повѣствуется, какимъ образомъ Өарра съ своими домочадцами оставилъ страну Халдейскую и пришелъ въ Месопотамiю, и вселился въ Харрани; умалчивается же объ одномъ сынѣ, его называемомъ Нахорѣ, какъ будто бы онъ его съ собою не взялъ. Ибо такъ пишется: и поятъ Өарра Авраама сына своего и *Лота* сына Арраня сына сына своего, и Сарру сноху свою, жену Авраама сына своего, и изведе я изъ земли Халдейскiя ити на землю Ханаанску, и прiидоша даже до Харрана и вселишася тамо. Здѣсь нимало не упоминается о Нахорѣ и женѣ его Мелхѣ, но находимъ послѣ, когда Аврамъ посылалъ раба своего для приведенiя невѣсты сыну своему Исааку, такъ написано: *и взя рабъ десять верблюдъ господина своего и отъ всѣхъ благъ господина своего съ собою, и воставъ иде въ Месопотамiю во градъ Нахоровъ.* Изъ сего и другихъ Священ-

щеннаго Писанія свидѣтельствѣ открываетъ ся, что и Нахорѣ братѣ Авраамовѣ, и вышелѣ изѣ страны Халдейской, и вселился вѣ Месопотаміи, гдѣ со отцемѣ своимѣ жилѣ Авраамѣ. Для чегожѣ не упомянуло его Писаніе, когда отѣ народа Халдейскаго вышелѣ сѣ домочадцами своими Өарра и поселился вѣ Месопотаміи, гдѣ не только Авраамѣ сынѣ его, но и невѣстка его Сарра, и Лотѣ племянникѣ его упоминаются, что онѣ ихѣ вывелѣ сѣ собою? Для чего? Думаю не ради иной причины, какѣ только, что онѣ можетѣ статься отѣ благочестія родителей своихѣ удалился и прилѣпился кѣ суевѣріямѣ Халдейскимѣ; а послѣ того или раскаявшись, или претерпѣвѣ гоненіе, своимѣ Халдеемѣ подозрительнымѣ оттуда вышелѣ. Ибо вѣ книгѣ надписываемой Юдиѳь, когда вопрошалѣ Олофернѣ непріятель Израильской о Іудеяхѣ, какой бы онѣ народѣ былѣ и надлежитѣ ли противѣ его воевать, отвѣтствовалѣ ему на то *Ахіорѣ полководецѣ Аммонитскій: послушай убо, господине мой, слова отѣ устѣ раба твоего, и повѣщу тебѣ истину о людехѣ сихѣ, иже обитаютѣ вѣ горней сей, и не изыдетѣ слово лживо изѣ устѣ раба твоего. Людіе сіи суть исчадія Халдеовѣ, и вселишася первѣе вѣ Месопотаміи, понеже не восхотѣша послѣдовати Богомѣ отецѣ своихѣ, иже бѣша вѣ земли Халдейстѣй. И отвратишася отѣ пути отецѣ своихѣ, и поклонишася Богу небесе, Богу, егоже*

же познаша; и изгнаша ихъ отъ лица боговъ своихъ, и повѣгоша въ Месопотамію, и обиташа тамо дни многи. И рече Богъ ихъ, да изыдутъ отъ пришельствія своего, и идутъ въ землю Ханааню: и вселишася тамо: и проч. которое разсказываетъ Ахіоръ Аммонитскій. Изъ чего видно, что домъ Ѳарринъ гоненіе терпѣлъ отъ Халдеевъ за истинное благочестіе, коимъ одинъ истинный Богъ отъ онаго былъ почитаемъ.

Глава перваянадесять.

О лѣтахъ Ѳарры, который въ Харрани исполнилъ лѣта жизни.

По смерти Ѳарры въ Месопотаміи, гдѣ по сказанію священныхъ книгъ, жилъ двѣсти и пять лѣтъ, уже начинаются открываться здѣланныя Аврааму Божія обѣщанія; о чемъ такъ пишется: *и быша вси дніе Ѳаррины въ земли Харрани лѣтъ двѣсти пять, и умре Ѳарра въ Харрани.* Но не такъ сіе разумѣть должно, аки бы онъ всѣ сіи лѣта жилъ въ Харрани, то есть двѣсти пять но что оныя лѣта довершилъ въ Харрани. Въ противномъ случаѣ не можно знать, сколько лѣтъ жилъ Ѳарра; понеже не пишется, на которомъ году житія своего пришелъ онъ въ Харрань; да и непристойно думать, аки бы въ семъ лѣточисленіи, въ которомъ тщательно описывается, сколько каждой лѣтъ жилъ, пропущены были лѣта Ѳаррины.

ны.

мы. Ибо что нѣкоторыхъ въ священномъ повѣствованіи лѣта не исчисляются, оные не принадлежатъ къ тому порядку, въ которомъ чрезъ рожденныхъ и умершихъ лѣточисленіе ведется. Сей же порядокъ, который простирается отъ Адама до Ноя, и отъ онаго до Авраама, ни одного человѣка не содержитъ безъ означенія лѣтъ его жизни.

Глава втораянадесять.

О времени обѣщанія Божія, ради котораго по силѣ заповѣданія Божія, вышелъ Авраамъ изъ Харрани.

Что же пишется послѣ воспомянутой смерти Ѳарры отца Авраамова: и рече Господь ко Аврааму: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и проч.* не должно о семъ думать, аки бы оно временемъ было послѣ, когда по порядку повѣствованія полагается послѣ. Ибо такимъ образомъ будетъ вопросъ нерѣшимый. Понеже послѣ сихъ словъ Божіихъ, бывшихъ ко Аврааму, Писаніе такъ говоритъ: *и иде Авраамъ, якоже глагола ему Господь, и идяше съ нимъ Лотъ. Аврамъ же бѣ лѣтъ седьмидесяти пяти, егда изыде отъ земли Харрань.* Какимъ же образомъ будетъ сіе справедливо, ежели онъ вышелъ изъ Харрани по смерти отца своего? Ибо Ѳарра будучи седмидесяти лѣтъ,

какъ

какъ выше показано, родилъ Авраама. Къ которымъ лѣтамъ ежели приложить семьдесятъ пять лѣтъ Авраамовой жизни до того времени, какъ онъ вышелъ изъ Харрани, то будетъ лѣтъ сто сорокъ пять. И такъ толикихъ будетъ лѣтъ Ѳарра, когда вышелъ Авраамъ отъ онаго Месопотамскаго града. Ибо Авраамъ препровождалъ семьдесятъ пятый годъ своей жизни, и потому отецъ его, который родилъ Авраама на семьдесятомъ году своей жизни, жилъ тогда сто сорокъ пятой годъ. И такъ не по смерти отца, жившаго двѣсти пять лѣтъ, вышелъ Авраамъ, но годъ изшествія Авраамова безъ сомнѣнія былъ годомъ отца его сто сорокъ пятымъ. Изъ чего разумѣть должно, что Писаніе по своему обыкновенію возвратилось къ тому времени, которое, мимо повѣствуя о другомъ, прошло: какъ прежде, когда описывало сыновъ Ноевыхъ, сказало, что они были въ народахъ своихъ и въ языкахъ своихъ: однако послѣ, какъ бы оно слѣдовало по порядку; *и вѣ*, говоритъ, *вся земля устнѣ единѣ, и гласъ единъ всѣмъ.* Какимъ же образомъ въ народахъ своихъ, и въ языкахъ своихъ они были, естьли языкъ у всѣхъ былъ одинъ? Не инако, какъ только, что повѣствованіе возвратилось къ началу, которое было обошло. Такъ и здѣсь, когда сказано: *и быша дніе Ѳаррины въ Харрани двѣсти пять лѣтъ, и умре Ѳарра въ Харрани.* Потомъ возвратясь

тясь Писаніе къ тому, что было пропустило, дабы докончать начатое о Ѳаррѣ: *и рече*, говоритъ, *Господь Авраамѹ: изыди отъ земли твоей* и проч. послѣ коихъ словъ Божіихъ прилагается: *и иде Авраамъ, якоже глагола ему Господь, и идяше съ нимъ Лотъ. Авраамъ же вѣ лѣтъ седмидесяти пяти, егда изыде отъ земли Харранъ.* Слѣдовательно тогда сіе было, когда отецъ его сто сорокъ пятой годъ жизни своей препровождалъ. Ибо тогда Авраамъ имѣлъ отрожденія своего седмьдесятъ пятый годъ. Рѣшенъ сей вопросъ и другимъ способомъ, считая семьдесятъ пять лѣтъ отъ того времени, въ которое свободился Авраамъ отъ огня Халдейскаго, а не отъ времени рожденія, такъ какъ бы тогда почитать надлежало его родившимся. Но святый Стефанъ въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, когда о семъ говорилъ, *Богъ*, сказалъ, *славы явися отцу нашему Аврааму, сущу въ Месопотаміи, прежде даже не вселитися ему въ Харранъ. И рече къ нему: изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и пріиди въ землю, юже аще ти покажу.* Изъ сихъ словъ Стефановыхъ видно, что Богъ говорилъ Аврааму не по смерти отца его, который умеръ въ Харрани, гдѣ жилъ съ нимъ вкупѣ и сынъ, но прежде нежели вселился въ оный градъ, однако когда уже былъ въ Месопотаміи. Уже бо вышелъ отъ Халдеевъ. Что же при-

прилагаетЪ СтефанЪ: *тогда Авраамъ изшедъ отъ земли Халдейскія, вселися въ Харрань*, не показываетЪ, что послѣдовало послѣ сихЪ словЪ Божіихъ кЪ нему. Ибо не послѣ оныхЪ словЪ вышелЪ онЪ изЪ земли Халдейскія, когда говоритЪ, что БогЪ бесѣдовалЪ кЪ нему вЪ Месопотаміи, но сіе слово *тогда* ко всему времени надлежитЪ, о которомЪ говоритЪ, то есть сЪ котораго времени вышелЪ онЪ отЪ ХалдеевЪ, и вселился вЪ Харрани. Также что продолжаетЪ СтефанЪ: *и оттуду по умертвіи отца его, пресели его въ землю сію, на ней же вы нынѣ живете* Не говоритЪ по смерти отца его вышелЪ онЪ изЪ Харрани, но оттуду по смерти отца его пресели его вЪ землю сію. И такЪ разумѣть должно, что БогЪ говорилЪ Аврааму находящемуся вЪ Месопотаміи, прежде нежели началЪ онЪ жить вЪ Харрани, но что онЪ пришелЪ сЪ отцемЪ вЪ Харрань, удержавЪ вЪ сердцѣ своемЪ заповѣдь Божію, и оттуда на семьдесятЪ пятомЪ году, отца же своего на сто сорокЪ пятомЪ году, вышелЪ. Преселеніе же его вЪ землю Ханаанскую не означаетЪ отшествія его изЪ Харрани по смерти отца его, но что послѣ смерти отца своего купилЪ землю вЪ Ханаанѣ, и началЪ какЪ господинЪ обладать оною. Что же уже живущему ему вЪ Месопотаміи, то есть уже изшедшему отЪ земли Халдейской говоритЪ БогЪ: *изыди отъ земли*

тво-

твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отцы твоего, оное не для того говоритъ, дабы преселить его тѣло, которое было уже и здѣлано, но чтобъ и изъ сердца память о томъ истребилъ Авраамъ. Ибо не изшелъ Авраамъ оттуда духомъ, но желанiе имѣлъ возвратиться, которое при Божiей помощи и повелѣнiи надлежало отринуть. И такъ не безъосновательно думать можно, что когда послѣ того Нахоръ пришелъ къ отцу изъ земли Халдейской, тогда Авраамъ, исполняя повелѣнiе Господне, съ Саррою женою своею, и Лотомъ племянникомъ своимъ вышелъ изъ Харрани.

Глава третiянадесять.

О порядкѣ и качествѣ обѣщанiй Божiихъ учиненныхъ Аврааму.

Уже разсмотрѣть надлежитъ обѣщанiя Божiя учиненныя Аврааму. Ибо въ нихъ открываться явственнѣе начали Господа нашего Iисуса Христа, истиннаго Бога, о людяхъ благочестивыхъ провозвѣщенiя, коихъ предсказали пророки. Изъ коихъ первое такимъ образомъ описывается: *и рече Господь Аврааму: изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже аще ти покажу. И сотворю тя въ языкъ велiй, и благословлю тя и возвеличу имя твое, и будеши благословенъ. И благословлю благословящiя*

щія тя, и кленущія тя прокляну. И благословятся о тебѣ вся племена земная. Здѣсь примѣчать должно, что двѣ Аврааму обѣщаны вещи: первая, что землею Ханаанскою обладаетъ сѣмя его, которое означается онымъ словомъ: *иди въ землю, юже ти покажу, и сотворю тя въ языкъ велій.* Другая лучшая несравненно, не о плотскомъ сѣмени, но о духовномъ. Чрезъ что онъ не Израилѣскаго одного народа отцемъ есть, но всѣхъ языковъ, которые стопамъ вѣры его послѣдуютъ; которое обѣщается сими словами: *и благословятся о тебѣ вся племена земная.* Сіе обѣщаніе по мнѣнію Евсевіеву было на семьдесятъ пятомъ году жизни Авраамовой вскорѣ, какъ онъ вышелъ изъ Харрани: понеже Писанію противорѣчить не можно, въ которомъ пишется: *Авраамъ же бяше седмидесяти пяти лѣтъ, егда изыде отъ Харрани.* Но ежели въ томъ годъ сіе было обѣщаніе, то онъ уже былъ въ Харрани съ отцемъ своимъ. Ибо онъ не могъ бы выйти, ежели бы прежде не жилъ въ ней. Такъ чтожъ? не уже ли чрезъ сіе противорѣчится Стефану, который говоритъ: *Богъ славы явися отцу нашему Аврааму, сущу ему въ Месопотаміи, прежде нежели вселитися ему въ Харрани?* Но разумѣть надлежитъ, что въ одинъ годъ все сіе было, и Божіе обѣщаніе, прежде нежели вселился Авраамъ въ Харрани, и житіе въ Харрани, и изшествіе его оттуда.

туда: не только для того, что Евсевій въ Хронике отъ года сего, въ коемъ было обещаніе Божіе, считаетъ и показываетъ четыреста и тритцать летъ до исхода изъ Египта, когда законъ данъ, но и что о томъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ.

Глава четвертаянадесять.

О трехъ знаменитыхъ царствахъ языковъ, изъ коихъ Ассирійское во время Авраамово было блистательнее другихъ.

Въ оное время знаменитыя были государства, въ которыхъ земнородныхъ градъ, то есть общество людей по человеку живущихъ, подъ владычествомъ Ангеловъ отпадшихъ блистало; три то есть государства, Сиціонское (1), Египетское и Ассирійское. Но Ассирійское несравненно было выше прочихъ и сильнее. Ибо царь оный Нинъ Виловъ сынъ, выключая Индію, всея Азіи народы покорилъ. Азіею же называю не ту часть, которая большой Азіи одну составляетъ провинцію, но оную, которая вообще Азіею нарицается; которую некоторые другою частью света, другіе же третіею полагали, чтобъ было ихъ три; Азія, Европа и Африка, которыя некоторые равномерно разделяли. Ибо сія, которая называется Азіею, отъ полудня чрезъ востокъ до полунощныхъ странъ достигаетъ: Европа же отъ полунощныхъ

мѣстъ до запада: отъ западаже до полудни Африка. Изъ чего видно, что Европа и Африка вообще полъсвѣта занимаютъ: Азія же одна половину вселенной. Но для того оныя двѣ части полагаются, понеже между ими и нами раздѣляютъ моря. Чего для ежели раздѣлить свѣтъ на двѣ части, то есть на востокъ и западъ, то Азія будетъ содержать одна половину, а Европа и Африка другую. Изъ сего явствуетъ, что изъ трехъ тогдашнихъ государствъ знаменитыхъ, одно, то есть, Сиціонское не было подъ державою Ассирійскою, понеже состояло въ Европѣ. Египетское же какимъ образомъ не было подвластно Ассиріанамъ, которые всею Азіею обладали, выключая одну Индію, не извѣстно. И такъ въ Ассиріи владычествовалъ нечестивый градъ, котораго главою былъ Вавилонъ, нареченный наипристойнѣйшимъ именемъ, смѣшеніе. Въ немъ царствовалъ Нинъ по смерти отца своего Вила, который первый тамъ царствовалъ шестьдесятъ пять лѣтъ. Сынъ же его Нинъ, который въ царствованіи былъ ему преемникомъ, царствовалъ пятдесятъ два года, и имѣлъ отъ вступленія на царство сороковой годъ, когда родился Авраамъ; сей годъ до основанія Рима, такъ какъ втораго Вавилона, былъ около тысячи двухъ сотъ лѣтъ.

Глава пятаянадесять.

О вторичной бесѣдѣ Божiей съ Авраамомъ, въ которой ему и сѣмени его обѣщается земля Ханаанская.

И такъ вышелъ Авраамъ изъ Харрани на семьдесятъ пятомъ году своея жизни, отца же своего на сто сорокъ пятомъ, съ Лотомъ сыномъ брата своего, и Саррою женою своею, и пришелъ въ землю Ханаанскую и достигъ даже до Сихема (1), гдѣ паки удостоился Божiей бесѣды, о чемъ такимъ образомъ написано: *и явися Господь Авраааму, и рече ему: сѣмени твоему дамъ землю сiю.* Ничего здѣсь не обѣщано, чрезъ что онъ сталъ отцемъ всѣхъ языковъ, но единственно то, чрезъ что онъ есть отцемъ одного Израильскаго народа. Ибо отъ онаго сѣмене обладаема была земля оная.

Глава шестаянадесять.

О цѣломудрiи Сарриномъ отъ Господа въ Египтѣ сохраненномъ, которую Авраамъ не женою своею, но сестрою назвалъ.

Потомъ поставивъ тамъ жертвенникъ, и призвавъ Бога Авраамъ, вышелъ оттуда и вселился въ пустыни, и оттуда гладомъ принужденъ будучи, прешелъ въ Египетъ. Гдѣ ни мало не солгалъ, назвавъ жену своею сестрою. Ибо было сiе не ложно, понеже она родствомъ была близка ему. Лотъ также

же

же потому родству будучи сыномъ брата Авраамова, братомъ нареченъ. И такъ о томъ, что Сарра ему жена, умолчалъ, а не отрекся, препоручая цѣломудріе своей жены въ покровительство Богу, и опасаясь человѣческихъ козней, какъ человѣкъ. Ибо естьлибъ онъ не охранялъ себя отъ бѣдствій, сколько могъ, то болѣе бы искушалъ онъ Бога, нежели на него уповалъ. О чемъ мы противъ клеветъ Фавста Манихея много говорили. Наконецъ здѣлалось то, какъ онъ на Господа уповалъ; понеже Фараонъ царь Египетскій, который взялъ было Сарру себѣ въ жену, казньми мученъ бывши отъ Бога, Аврааму ее возвратилъ. Здѣсь не должны мы думать, аки бы она совокупилась съ Фараономъ, и себя осквернила: ибо вѣроятнѣе то, что Фараонъ, мучимъ будучи отъ Бога казньми великими, не попущенъ былъ онаго учинить.

Глава седьмаянадесять.

О томъ, что Авраамъ и Лотъ, не нарушивъ любви между собою, разлучились и раздѣлились.

И такъ по возвращеніи Авраамовъ изъ Египта на то мѣсто, откуда пошелъ въ Египетъ, Лотъ племянникъ его, безъ нарушенія любви къ Аврааму, отлучился въ землю Содомскую. Ибо они, будучи богаты скотомъ, многихъ пастуховъ имѣть начали,

 ко-

которыхЪ ссору между собою чувствуя АвраамЪ и ЛотЪ, безЪ ссоры разошлися; ибо могла, поелику они люди, и между ими произойти ссора нѣкоторая; и потому предупреждая АвраамЪ зло сіе, говоритЪ Лоту: *Да не будетЪ распря между мною и тобою, и между пастухи моими, и между пастухи твоими, яко человѣцы братія есмы. Не се ли вся земля предЪ тобою есть? Отлучися ты отЪ мене: аще ты на лѣво, азЪ на десно: аще же ты на десно; азЪ на лѣво.* Отсюда можетЪ статься произошло миролюбное обыкновеніе, что когда земныя вещи дѣлимы бываютЪ, то старшей раздѣляетЪ, младшей избираетЪ.

Глава осьмаянадесять.

О третьемЪ обѣщаніи БожіемЪ, коимЪ землю Ханаанскую Авраму и сѣмени его вѣчно обѣщаетЪ.

Когда разошлися и вЪ раздѣлѣ жить начали АвраамЪ и ЛотЪ ради прокормленія своихЪ семей, а не изЪ раздоровЪ, АвраамЪ вЪ земли Ханаанской, ЛотЪ же у СодомлянЪ, тогда вЪ третій разЪ БогЪ бесѣдовалЪ кЪ Аврааму: *воззри*, говорилЪ онЪ, *очима твоима, и виждь отЪ мѣста, идѣже ты нынѣ еси, кЪ сѣверу и Липѣ или югу, и кЪ востоку и морю; яко всю землю, юже ты видиши, тебѣ дамЪ ю, и сѣмени твоему во вѣки. И сотворю сѣмя твое, яко песокЪ*

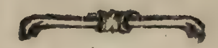
сокъ земный: аще кто можетъ изчести песокъ земный, то и сѣмя твое изочтетъ. Востапъ пройди землю по долготу ея и по широту, яко тебѣ дамъ ю. Въ семъ обѣщаніи заключается ли и то, почему онъ есть отцемъ всѣхъ языковъ, не явственно: кажется къ семужъ принадлежитъ: *и сотворю сѣмя твое яко песокъ земный*, которое сказано иперволически чрезъ возвышеніе, а не собственно. Ибо никто изъ знающихъ Священное Писаніе не сомнѣвается, что какъ другихъ преношеній, такъ и сего употребляетъ. Сіе преношеніе или образъ рѣчи тогда бываетъ, когда сказующее есть болѣе, нежели сказуемымъ означаемое. Ибо кто не видитъ, что число песка несравненно болѣе, нежели всѣхъ людей отъ самаго Адама до скончанія вѣка? Кольми же паче сѣмени Авраамова, не только, что касается до Израильскаго народа, но и всѣхъ вѣровавшихъ, вѣрующихъ, и имѣющихъ вѣровать въ подражаніе ему во всемъ свѣтѣ языковъ. Которое сѣмя въ разсужденіи множества нечестивыхъ есть малочисленно, хотя они и малочисленны будучи, составляютъ безчисленное множество, которое означено, чрезъ возвышеніе пескомъ земнымъ. Впрочемъ сіе множество, которое обѣщается Аврааму, не въ разсужденіи Бога неизчислимо, но въ разсужденіи людей. Ибо Богу и песка число не неизвѣстно. И потому, поелику не только народъ Израиль-

ской, но все сѣмя Авраамово, когда изображено обѣщаніе не по плоти, но по духу многихъ чадъ, приличнѣе множеству песка уподобляется: то можно разумѣть, что и того и другаго учинено обѣщаніе. Но мы потому только такъ сказали, понеже не ясно оное открыто, а притомъ и одного народа множество, отъ Авраама чрезъ внука его Іякова, до толикой степени достигло, что почти всѣ части свѣта наполнило. И для того и оное по плоти Авраамово сѣмя чрезъ возвышеніе множеству песка уподобляется: понеже и одно оно въ разсужденіи человѣка неизчислимо. Того ради никто не сомнѣвается, что въ семъ обѣщаніи означена единственно земля называемая Ханаанскою. Но сказано: *тебѣ дамъ ю и сѣмени твоему по вѣки*; можетъ быть въ сомнѣніе кого приводитъ, ежели разумѣетъ во вѣки, тожъ, что вѣчно. Ежелижъ въ семъ мѣстѣ вѣкъ разумѣть будетъ такъ, какъ мы содержимъ, то есть до начала будущаго вѣка, то сомнѣнія не останется никакого: понеже хотя изгнаны Израильтяне изъ Іерусалима: однако многіе живутъ въ городахъ земли Ханаанской, и жить будутъ до конца: и когда Христіане оную землю населяютъ, то и они суть сѣмя Авраамово.

Глава девятаянадесять.

О повѣжденныхъ отъ Авраама непріятеляхъ Содомлянамъ, когда Лота свободилъ отъ плѣна, и самъ благословенъ отъ священника Мелхиседека.

По полученіи сего обѣщанія пришелъ Авраамъ, и поселился на другомъ тоя же земли мѣстѣ у дуба Мавріиіскаго, находившагося въ Хевронѣ. Потомъ когда четыре царя напали на Содомлянъ и побѣдивъ пять царей, защищающихъ Содомъ, плѣнили и Лота, тогда Авраамъ, собравъ своихъ домочадцевъ триста восмнатцать, и побѣдивъ царей, одержавшихъ побѣду, свободилъ Лота, и за оное подносимыхъ отъ царей Содомскихъ не принялъ. Но тогда благословенъ Авраамъ отъ Мелхиседека, который былъ священникомъ Бога вышняго; о которомъ въ посланіи къ Евреемъ, многими Павлу приписываемомъ, другими же неприсвоенемомъ оному, много написано. Ибо тамъ вопервыхъ явилась жертва, которая нынѣ отъ Христіанъ во всемъ свѣтѣ приносится, и исполняется оное, что долго спустя пророки о Христѣ предвозвѣстили, который имѣлъ прійти во плоти: *ты еси Іерей по вѣкъ по чину Мелхиседекову.* То есть, не по чину Ааронову; который чинъ при наступленіи самихъ вещей, кои тѣньми оными были прообразованны, долженствовалъ уничтожиться.



Глава двадесятая.

О глаголѣ Божіемъ ко Авраamу, коимъ ему объщается, что потомство его разумножится наподобіе звѣздъ; чему онъ вѣруя, оправдался, будучи еще въ необрѣзаніи.

Бысть и тогда слово Господне ко Аврааму въ видѣніи, въ которомъ когда ему покровительство и мзда великая обѣщаема была, то Авраамъ, печась о наслѣдникѣ и преемникѣ, сказалъ, что нѣкоторый Емезеръ изъ его домочадцевъ имѣетъ быть наслѣдникомъ: и въ то же время обѣщанъ ему наслѣдникъ, не оный изъ его домочадцевъ, но который отъ самаго Авраама имѣлъ произойти: не какъ песокъ земный, но какъ звѣзды небесныя: гдѣ, кажется мнѣ, обѣщано ему потомство въ разсужденіи небеснаго благополучія высочайшее. Ибо что касается до многочисленности, то что множество звѣздъ въ сравненіи съ пескомъ земнымъ? Развѣ кто скажетъ, что сіе сравненіе подобно оному въ томъ, что и звѣздъ небесныхъ исчислять не возможно. Понеже думать можно, что и не всѣ онѣ видимы. Ибо чѣмъ кто зрѣніе имѣетъ лучшее, тѣмъ болѣе оныхъ видитъ, да и острое зрѣніе имѣющіе нѣкоторыхъ звѣздъ не видятъ, выключая притомъ тѣхъ, которыя въ другихъ частяхъ свѣта, отъ насъ удаленныхъ, восходятъ и скрываются. Наконецъ которые тщеславятся, аки бы изочли всѣ звѣзды и опи-

описали, какъ то Аратъ (1), или Евдоксъ (2), или подобные имъ, тѣхъ всѣхъ ни во-что ставитъ важность сея книги. Здѣсь слово Апостольское полагается, коимъ внушаетъ намъ Божію благодать: *вѣрова Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду*, дабы не величалось обрѣзаніе и не утверждало бы, что языковъ необрѣзанныхъ къ вѣрѣ допускать не должно. Ибо когда сіе эдѣлалось, дабы вѣра вѣрующему Аврааму вмѣнилась въ правду, еще Авраамъ обрѣзанъ не былъ.

Глава двадесять первая.

О знаменованіи жертвы, которую Аврааму повелѣно было принесть когда онъ просилъ, дабы наученъ былъ тому, чему вѣруетъ.

Въ томъ же видѣніи, въ которомъ говорилъ ему Богъ, сказалъ: *Азъ есмь Богъ, изведый тя отъ страны Халдейскія, яко дати тебѣ землю сію наслѣдовати.* Гдѣ когда вопросилъ Авраамъ, почемубъ онъ увѣриться могъ, что имѣетъ наслѣдовать землю оную: тогда сказалъ Богъ: *возми мнѣ юницу трилѣтну, и козу трилѣтну, и овна трилѣтна, и горлицу и голубя. Взя же онъ вся сія, и раздѣли я на полы и положи я противолична едина къ другому: птицы же не раздѣли. Слѣтеша же птицы на тѣлеса растесачая ихъ, и сѣде Авраамъ близъ ихъ. Заходящу же солнцу, ужасъ нападе на Авраама,*

и се страхъ теменъ велій нападе нань, и речено бысть ко Авраамѹ: вѣдый увѣси, яко преселено будетъ сѣмя твое въ земли не своей, и поработятъ я, и озлобятъ я и смирятъ я лѣтъ четыреста. Языку же, ему же поработаютъ, сужду азъ: по сихъ же изыдутъ сѣмо со имѣніемъ многимъ. Ты же отыдеши ко отцемъ твоимъ въ миръ, препитанъ въ старости добрѣй. Въ четвертомъ же родѣ возвратятся сѣмо: не бо исполнишася грѣси Аммореевъ до нынѣ. Егда же бысть солнце на западѣ, пламень бысть: и се пещь дымящися, и свѣщи огненны, яже проидоша между растесаніи сими. Въ той день завѣща Господь Авраамѹ завѣтъ, глаголя: сѣмени твоему дамъ землю сію, отъ рѣки Египетскія, даже до рѣки великія Евфрата: Кенеовъ и Кенезеовъ, и Кедмонеовъ, и Хеттеовъ, и Ферезеовъ, и Рафаиновъ, и Аморреовъ, и Хананеовъ, и Евеовъ, и Гергесеовъ и Іевусеовъ. Сіе все въ видѣніи было дѣлаемо и говорено, о чемъ порознь изъяснять долго; потому что оно превосходитъ планъ сего сочиненія. И такъ довольно съ насъ то знать, что вѣдать надлежитъ: послѣ того, когда сказано: *вѣрова Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду*: не должны мы думать, акибы Авраамъ въ вѣрѣ изнемогъ когда сказалъ: *Владыко Господи, по чесому уразумѣю, яко имамъ наслѣдити ю?* Ибо земли оной обѣщано ему наслѣдіе. Понеже не говоритъ: откуда узнаю, какъ будто бы не вѣрилъ, но изъясняется

такъ:

такъ: *по чесому уразумѣю*; дабы, то есть вещи вѣруемой приложено было подобіе, чрезъ чтобы познать можно было образъ. Ибо не есть невѣріемъ Маріи то, когда сказала: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Ибо она, что то имѣатъ быть, вѣровала, но вопрощала о образѣ. И когда она о томъ вопросила, то услышала: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила вышняго осѣнитъ тя.* Такъ и здѣсь дано подобіе отъ трехъ животныхъ, юницы, козы, и овна, и двухъ птицъ, горлицы и голубя, дабы о будущемъ по сему зналъ, о которомъ, что оно имѣетъ быть, не сомнѣвался. И такъ чрезъ юницу означаемъ былъ ими народъ, находящійся подъ игомъ закона, и чрезъ козу народъ, въ грѣхѣ остаться имѣющій: чрезъ овна той же народъ царствовать имущій. Которые животные для того три, понеже знатныхъ періодовъ временъ есть три, отъ Адама до Ноя; отъ Ноя до Авраама, и потомъ даже до Давида, который по отверженіи Саула первый на царскомъ достоинствѣ въ Израильскомъ народѣ изволеніемъ Господнимъ поставленъ. Въ семъ третьемъ порядкѣ, который простирается отъ Авраама до Давида, такъ какъ бы въ третьемъ возраста времени бывши, народъ возмужалъ. Или хотябъ другое что либо приличнѣйшее разумѣваемо было, однако я несомнѣваюсь, что приложеніемъ горлицы и голубя прообразованы духов-

духовные. И для того-то сказано: *птицъ же не раздѣлилъ*. Понеже плотскіе между собою раздѣляются, духовные же ни какимъ образомъ: хотя отъ многопопечительныхъ людскихъ обращеній себя удаляютъ, наподобіе горлицы: или живутъ между оными, наподобіе голубей: однако обѣ сіи птицы просты и не причиняютъ вреда; означая тѣмъ, что и въ ономъ народѣ, которому землю оную имѣлъ Богъ дать въ наслѣдіе, будутъ нераздѣльны сыны обѣтованія и наслѣдники царства въ вѣчномъ блаженствѣ. Птицы же налетѣвшія на мяса раздѣленныя, означали не добро нѣкое, но духовъ воздушныхъ, довольствующихся и ищущихъ утѣшенія отъ раздѣленій плотскихъ. Что же Авраамъ сѣлъ близъ ихъ, означаетъ, что между раздѣленіями плотскими, прямо вѣрующіе пребудутъ до конца вѣка неизмѣнны. Что же около захожденія солнечнаго напалъ страхъ на Авраама, и ужасъ темный великій, означаетъ, что на концѣ вѣка сего будетъ возмущеніе и скорбь вѣрнымъ, о которой Господь во Евангеліи сказалъ: *будетъ скорбь велія, какова не бысть отъ начала*. Что же сказано Аврааму: *вѣдый увѣси, яко преселено будетъ сѣмя твое въ земли не своей, и поработятъ я, и озлобятъ я, лѣтъ четыреста*: оное пророчествовано ясно о народѣ Израильскомъ, который имѣлъ порабощенъ быть во Египтѣ. Не потому, аки бы оный въ порабощеніи

Еги-

Египетскомъ будетъ четыреста лѣтъ, но что, съ предсказанія сего щитая, до исхода пройдетъ четыреста лѣтъ. Ибо какъ пишется о Ѳарѣ отцѣ Авраамовомъ: *и быша дніе Ѳарины въ Харрани двѣстѣ пять лѣтъ*; не для того, аки бы онъ всѣ сіи лѣта препровождалъ въ Харрани, но понеже оныя тамъ дополнены и совершены. *И поработятъ я, и озловятъ я лѣтъ четыреста*, сказано съ тѣмъ, что сіе число они въ озлобленіи исполнятъ, а не съ тѣмъ, что въономъ столько лѣтъ препроводить будутъ. Четырьмя стами называются сіи лѣта ради полноты числа, хотя оныхъ нѣсколько и болѣе: хотя щитать оныя отъ времени, въ которое учинено сіе обѣщаніе, хотя съ того, когда родился Исаакъ ради сѣмене Авраамова, о коемъ сіе предсказывается. Ибо щитается лѣтъ, какъ мы выше сказали, отъ семьдесятъ пятаго года Авраамова, когда ему было первое обѣщаніе, до исхода Израильскаго изъ Египта, четыреста и тритцать, о коихъ Апостолъ такъ воспоминаетъ: *сіе же глаголю завѣта предъутвержденнаго отъ Бога во Христа, бывый по лѣтехъ четыреста и тридесятихъ законъ не отметаетъ, во еже разорити обѣтованіе.* И такъ сіи четыреста и тритцать лѣтъ могли названы быть четырьми стами; понеже за четыреста простирается не много лѣтъ, а особливо, что уже нѣсколько изъ того числа прошло, когда сіе въ видѣніи сказа-

сказано Аврааму: или отъ рожденія Исаакова, который родился, когда уже отецъ его имѣлъ сто лѣтъ, а отъ перваго Божія обѣщанія по прошествіи двагцати пяти лѣтъ; сверьхъ которыхъ по елику только оставалось четыре ста и пять лѣтъ, то могъ Богъ назвать оныя четырью стами. И въ прочихъ слѣдующихъ словахъ предвозвѣщающаго Бога никто несомнѣвается, что содержащееся въ оныхъ принадлежитъ къ народу Израильскому Что же прилагается: *егда же бысть солнце на западѣ, пламень бысть, и се пещь дымящеся, и свѣщи огненны, яже произоша между растесаніи сими:* означаетъ, что уже при концѣ вѣка огнемъ судимы будутъ плотскіе. Ибо какъ оскорбленіе града Божія, каковаго никогда не было, при Антихристѣ быть имѣющее, означается мрачнымъ страхомъ Авраамовымъ предъ захожденіемъ солнца, то есть во время приближенія кончины вѣка: такъ въ захожденіи солнца, въ самомъ, то есть, концѣ означается чрезъ огнь сей, день суда, осуждающій во огнь плотскихъ. Потомъ учиненный завѣтъ съ Авраамомъ, означаетъ землю Ханаанскую, въ которой исчисляетъ двенадцать народовъ отъ рѣки Египетской до рѣки великой Еуфрата. И такъ отъ рѣки Египетской, то есть не отъ Нила, но отъ малой рѣки, которая раздѣляетъ Египетъ отъ Палестины, гдѣ находится городъ Ринокорура, здѣсь разумѣется.

Глава

Глава двадесять вторая.

О Агарѣ рабыни Сарриной, которой Сарра наложницею Авраамовою быть позволила.

Отсюда уже начинаются времена сыновъ Авраамовыхъ, одного отъ Агари рабыни, другаго отъ Сарры свободныя, о которыхъ въ преждеписанной книгѣ мы говорили. Что же касается до самаго бытія дѣла, то ни мало порочить не можно Авраама наложничествомъ съ рабынею. Ибо онъ употребилъ ее къ дѣторожденію, а не ради исполненія похоти, и не въ обиду женѣ своей, но изъ послушанія ей, которая почла неплодству своему утѣшеніемъ, естьли будетъ имѣть плодоноснымъ чрево рабыни, и котораго по природѣ не могла, изволеніемъ содѣлаетъ своимъ, потому праву, о которомъ Апостолъ говоритъ: *подобно и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена*. То есть она употребила къ дѣторожденію другую, когда не въ состояніи была сама родить. Нѣтъ здѣсь никакого вожделѣнія сладострастія, никакой непотребства мерзости. Жена ради дѣторожденія рабыню мужу отдаетъ; мужъ оную ради дѣторожденія пріемлетъ, и отъ обоихъ отъ нихъ требуется природы плодъ. Наконецъ когда рабыня непраздная начала гордиться предъ безплодною госпожею, и Сарра сіе по ревнивости женской и подозрѣнію приписывала въ вину мужу, то Авраамъ

раамъ показалъ ей, что онъ не рабъ любви, но свободный родитель, и имѣвъ дѣло съ Агарью, цѣломудріе къ женѣ хранилъ, и что не удовольствіе себѣ отъ того получалъ, но ея (жены) исполнялъ хотѣніе; что онъ не желалъ и не искалъ, воспріялъ, преступилъ, не пребылъ, сѣменоплодилъ, не любилъ. Ибо говоритъ: *Се раба твоя въ руку твоею, твори ей, яко же ти есть угодно.* О мужъ съ мужественнымъ духомъ употребляющій женѣ! жену съ воздержаніемъ, рабыню изъ послушанія, но невоздержно ни единыя.

Глава двадесять третія.

О завѣщаніи къ Авррааму, въ которомъ престарѣлому отъ неплодной Сарры сынъ обѣщается, и поставляется отцемъ языковъ, и вѣра обѣтованія таинствомъ обрѣзанія печатлѣется.

По семъ родился отъ Агари Исмаилъ, на которомъ почесть бы надлежало исполнившимся оное, что ему было обѣщано, когда Авраамъ изъ домочадцевъ своихъ одного хотѣлъ усыновить, онымъ словомъ Божіимъ: *не будетъ сей наслѣдникъ твой, но иже изыдетъ изъ тебе, той будетъ наслѣдникомъ тебѣ.* И такъ дабы не подумалъ Авраамъ, что на сынѣ рабыниномъ исполнилось оное, то уже девяти десяти и девяти лѣтъ сущему Аврааму, явился Богъ и ска-

сказалъ ему: *Азъ есмь Богъ твой, благоугождай предо мною, и буди непороченъ. И положу завѣтъ мой между мною и тобою: и умножу тя зѣло. И паде Аврамъ на лицѣ своемъ: и рече ему Богъ, глаголя: и азъ, се завѣтъ мой съ тобою, и будешь отецъ множества языковъ: и не наречется ктому имя твое Аврамъ, но будетъ имя твое Авраамъ: яко отца многихъ языковъ положихъ тя. И возращу тя зѣло зѣло, и положу тя въ народы, и царіе изъ тебе изыдутъ и поставлю завѣтъ мой между мною и тобою, и между сѣменемъ твоимъ по тебѣ въ роды ихъ, въ завѣтъ вѣченъ, да буду тебѣ Богъ, и сѣмени твоему по тебѣ: и дамъ тебѣ и сѣмени твоему по тебѣ землю, на ней же обитаеши, всю землю Ханааню во одержаніе вѣчное, и буду имъ Богъ. И рече Богъ ко Аврааму: ты же завѣтъ мой соблюдеши, ты и сѣмя твое въ роды ихъ по тебѣ. И сей завѣтъ, егоже соблюдеши между мною и вами и между сѣменемъ твоимъ по тебѣ въ роды ихъ: обрѣжется отъ васъ всякъ мужескъ полъ, и обрѣжите плоть крайнюю вашу, и будетъ знаменіе завѣта между мною и вами, И младенецъ осми дней обрѣжется вамъ, всякъ мужескій полъ въ родѣхъ вашихъ и домочадецъ и купленый отъ всякаго сына чуждаго, иже нѣсть отъ сѣмене твоего: обрѣзаніемъ обрѣжется домочадецъ дому твоего, и купленый И будетъ завѣтъ мой на плоти вашей въ завѣтъ вѣченъ. Необрѣзанный же муже-*

скій полъ, иже не обрѣжетъ плоти крайнія своея въ день осьмый, погубится душа та отъ рода своего, яко завѣтъ мой разори. И рече Богъ Авраамy: Сара жена твоя не наречется имя ей Сара, но Сарра будетъ имя ей. Благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо; и благословлю е, и будетъ въ языки, и цари языковъ изъ него будутъ. И паде Авраамъ на лице свое и посмѣяся, и рече въ мысли своей глаголя: еда столѣтну мужу родится сынъ? еда и Сарра девятидесяти лѣтъ сущи родитъ? Рече же Авраамъ къ Богу: Исмаилъ сей да живетъ предъ тобою. Рече же Богъ ко Аврааму: по истинну се Сарра жена твоя родитъ тебѣ сына, и наречеши имя ему Исаакъ: и поставлю завѣтъ мой съ нимъ въ завѣтъ вѣченъ, да буду ему въ Бога, и сѣмени его по немъ. О Исмаилѣ же се послушахъ тебе: и се благословихъ его, и возращу его, и умножу его зѣло: дванадесять языки родитъ, и дамъ его въ языкъ велій. Завѣтъ же мой поставлю со Исаакомъ, егоже родитъ тебѣ Сарра во время сіе въ лѣто второе. Здѣсь явственнѣйшими суть обѣщанія о званіи языковъ въ Исаакѣ, то есть въ сынѣ обѣтованія, коимъ означается благодать а не природа: понеже отъ престарѣлой и неплодной обѣщается сынъ. Ибо хотя и въ природномъ чадородіи Богъ дѣйствуетъ, но при поврежденіи природы и немощи гдѣ однако яснѣйшимъ есть дѣло Божіе, тамъ несравненно яснѣе открывается благо-

благодать. И поелику сіе не чрезъ рожденіе, но отърожденіе имѣло быть, для того тогда заповѣдано обрѣзаніе, когда обѣщанъ отъ Сарры сынъ. И поелику всѣхъ не только дѣтей, но и рабовъ, домочадцевъ и купленныхъ обрѣзывать повелѣлъ Богъ, то тѣмъ самимъ показываетъ, что сія благодать ко всѣмъ принадлежитъ. Ибо что иное означаетъ обрѣзаніе, какъ только вообновленіе природы по совлеченіи ветхой? И что иное осмый день, какъ Христа, который по исполненіи недѣльномъ, то есть послѣ субботы воскресъ. Перемѣняются родителямъ имена, все являетъ новость, и въ завѣтѣ ветхомъ образуется новой. Понеже что иное есть завѣтъ ветхій, какъ только сокровеніе новаго? И что иное новый, какъ только откровеніе ветхаго? Смѣхъ Авраамовъ есть знакомъ радости, а не посмѣяніемъ недовѣрчиваго. И слова его самыя въ сердцѣ изглаголанныя: *еда столѣтну мужу родится сынъ; еда и Сарра девятидесяти лѣтъ сущи родитъ*: не означаютъ сомнящагося, но удивляющагося. Естьлижъ кому сомнительнымъ кажется сказанное: *и дамъ тебѣ и сѣмени твоему по тебѣ землю, въ ней же обитаеши, всю землю Ханааню, во одержаніе вѣчное*: исполнилось ли оно или исполниться имѣетъ, когда всякое владѣніе какого либо народа не можетъ быть вѣчнымъ: тотъ пускай вѣдаетъ, что наши толкуютъ сіе чрезъ оное слово, которое

 Греки

Греки говорятъ, αἰώνιον, которое слово производится отъ вѣка. Ибо Греки, αἰών, вѣкъ называютъ. Но Латинщики не осмѣлились написать вѣчное, seculare, дабы не изобразить чрезъ то другаго смысла. Понеже secularia, то есть въ вѣкѣ бывающая, въ семъ вѣкѣ такимъ образомъ дѣлаемы бываютъ, что въ скоромъ времени преходятъ: называемое же вѣчнымъ по силѣ, αἰώνιον, или не имѣетъ конца, или до кончины вѣка сего простирается.

Глава двадесять четвертая.

О мужескомъ полѣ, который, ежели въ осмый день не будетъ обрѣзанъ, потребится душа его: понеже разорилъ завѣтъ Божій.

Можетъ также въ сомнѣніе привесть кого либо, какимъ образомъ разумѣть должно сказанное: *необрѣзанный же мужескій полъ, иже не обрѣжетъ плоти крайнія своея въ день осмый, погубится душа та отъ рода своего, яко завѣтъ мой разори*: когда виною въ томъ не младенецъ, о коемъ сказалъ, что погубится душа его, и не онъ разорилъ завѣтъ Божій, но его родители, которые его не обрѣзали: развѣ что и младенцы не по собственной своей жизни, но по общему рода человѣческаго началу, всѣ въ немъ одномъ разорили завѣтъ Божій, въ которомъ всѣ согрѣшили. Ибо много завѣтовъ Божіихъ исчисляется, выключая два

великія

великія завѣта, ветхій и новый, о которыхъ изъ чтенія С. Писанія всякъ познать можетъ. Завѣтъ же первый положенный первому человѣку былъ оный; *въ онъ же денъ снѣсте, смертію умрете.* Почему написано въ книгѣ называемой Сирахомъ: *вся-ка плоть яко риза обетшаетъ: завѣтъ во отъ вѣка смертію умреши.* Ибо когда откровеннѣе законъ данъ, и говоритъ Апостолъ: *идѣже нѣсть закона, тамъ нѣтъ и преступленія*: то какимъ образомъ будетъ справедливо написанное во псалмѣ: *преступающія непщевахъ вся грѣшныя земли*: развѣ что всѣ въ преступленіи какого либо закона виновны, которые связали себя какимъ либо грѣхомъ. Чего для ежели, какъ содержитъ истинная вѣра, не сами чрезъ себя, но первородно раждаются грѣшниками; почему и признаваемъ, что имъ благодать оставленія грѣховъ потребна: то конечно онымъ образомъ, коимъ суть грѣшниками, суть преступниками закона онаго, который данъ былъ въ раи, дабы неложны были оныя свидѣтельства обоихъ священныхъ писателей: *преступающія непщевахъ вся грѣшныя земли*: и, *идѣже нѣсть закона, тамъ ни преступленія.* И потому понеже обрѣзаніе знаменіемъ было отрожденія, то не неправедно рожденіе по причинѣ прародительнаго грѣха, коимъ разоренъ былъ Божій завѣтъ, погубитъ младенца, естьли не избавитъ отрожденіе. Но разумѣть

надлежитъ сіи божественныя слова, какъ бы такъ оныя были сказаны: кто не будетъ отрожденнымъ, потребится душа того отъ рода своего, понеже завѣтъ мой разорилъ, когда во Адамѣ со всѣми согрѣшилъ. Ибо естьлибъ сказалъ Богъ: понеже сей завѣтъ мой разорилъ, то не инакова разумѣть принуждены мы были бы, какъ только о обрѣзаніи семъ. Но нынѣ поелику не изъяснено, какой завѣтъ младенецъ разорилъ, то можно разумѣть, что сказано объ ономъ завѣтѣ, котораго разореніе принадлежать можетъ и къ младенцамъ. Естьлижъ кто либо станетъ прекословить что не объ иномъ чемъ, какъ только о обрѣзаніи сіе говорится; понеже въ ономъ завѣтѣ Божій необрѣзанный разорилъ младенецъ; то пускай таковый ищетъ образа рѣчи, чрезъ который разумѣть можно было бы прилично, что младенецъ для того разорилъ завѣтъ; понеже хотя не отъ него, но въ немъ оный разоренъ. Но знать должно, что не инаково праведно потребляется душа младенца необрѣзаннаго, какъ только, что онъ первороднымъ грѣхомъ связанъ.

Глава

Глава двадесять пятая.

О трехъ мужахъ или Ангелахъ, въ которыхъ у дуба Мамрійскаго явился Господь Авраму.

Потомъ Богъ явился Аврааму у дуба Маврійскаго во образѣ трехъ мужей, о которыхъ сомнѣваться не можно, что были Ангели, хотя нѣкоторые думаютъ, что одинъ изъ оныхъ былъ Христосъ, утверждая, что онъ и прежде воспріятія плоти въ видимомъ образѣ являлся. Правда, Божіе естество невидимое, безплотное и неизмѣняемое имѣетъ власть безъ всякаго измѣненія смертныхъ зрѣнію являться, не въ своемъ существѣ, но во иномъ: но ежели для того они утверждаютъ, что одинъ изъ нихъ былъ Христосъ, понеже Авраамъ, видя трехъ, въ единственномъ числѣ говорилъ Господу; ибо такъ пишется: *и се тріе мужи стояху предъ нимъ, и видѣвъ притече въ срѣтеніе имъ отъ дверей сѣни своея, и поклонися до земли, и рече, Господи! аще обрѣтохъ благодать предъ тобою,* и проч. то для чего не примѣчаютъ и онаго, что двое изъ нихъ пошли въ Содомъ ради погубленія Содомлянъ, когда Авраамъ съ однимъ бесѣдовалъ, Господомъ его нарицая, и ходатайствуя, дабы праведный купно съ неправеднымъ въ Содомѣ не былъ погубленъ? А оныхъ двухъ такъ принялъ Лотъ, что, бесѣдуя съ ними, въ единственномъ числѣ

Господомъ ихъ нарицалъ. Ибо сказавъ во множественномъ числѣ: *се Господіе уклонитеся въ домъ раба вашего* и проч. что тамъ написано; потомъ говорилъ въ единственномъ. Ибо такъ пишется: *и взяша Ангели за руку его, и за руку жену его, и за руки двухъ дщерей его; понеже пощадѣ ихъ Господь; и бысть егда изведоша я вонъ и рѣша: спасая спасай твою душу: не озирайся вспять, ниже постой во всемъ предѣлѣ семъ; въ горѣ спасайся, да не когда вкупѣ ять будеши. Рече же Лотъ къ нимъ: молюся Господи; понеже обрѣте рабъ твой милость предъ тобою* и проч. слѣдующее. Послѣ сего на сіи слова въ единственномъ числѣ отвѣтствуетъ ему Господь, въ двухъ Ангелахъ сущій, глаголя: *се удивихся лицу твоему*; въ Латинскомъ: *се пощадѣлъ лице твое*, и проч. Чего для несравненно вѣроятнѣйшимъ кажется, что и Авраамъ въ трехъ, и Лотъ въ двухъ мужахъ Господа признавали, которому въ единственномъ числѣ говорили, при всемъ томъ, что ихъ людьми видѣли. Ибо не для какой иной причины ихъ такъ принимали, что наподобіе требующихъ человѣческаго угощенія имъ оказывали услуги: но конечно было нѣчто такое, которымъ они подобясь человѣкамъ, толь казались изящными, что сомнѣваться не могли, признавать въ тѣхъ Господа, которыхъ угощали; и для того то иногда Господами, иногда Господемъ нарицали. Но что оные были Ангели, о томъ

не

не только бытейская книга, гдѣ дѣйствіе описывается, но и посланіе къ Евреемъ свидѣтельствуетъ, гдѣ Апостолъ, похваляя страннопріимство говоритъ: *страннолюбія не забывайте: тѣмъ бо не вѣдяще нѣцыи страннопріяша Ангелы.* И такъ чрезъ оныхъ трехъ мужей, когда паки обѣщанъ Аврааму отъ Сарры сынъ, тогда сказано: *будетъ въ языкъ великъ и многъ, и благословятся о немъ вси языцы земніи.* И здѣсь по краткю и полно двѣ вещи обѣщаны, народъ Израильскій по плоти, и всѣ языки по вѣрѣ.

Глава двадесять шестая.

О Лотѣ отъ Содомлянъ избавленномъ, и о Содомлянахъ, небеснымъ огнемъ истребленныхъ, и о Авимелехѣ, котораго сладострастіе непорочности Сарриной вреда причинить не могло.

Послѣ сего обѣщанія и по избавленіи Лота отъ Содомлянъ, ниспосланнымъ огненнымъ дождемъ съ неба вся оная страна нечестиваго града въ пепелъ обращена, въ которомъ мужеложство въ такомъ было употребленіи и обыкновеніи, какъ въ другихъ мѣстахъ дѣла позволяемыя законами. Но и сей учиненный надъ Содомлянами примѣръ образомъ есть будущаго Божія суда. Ибо къ чему клонится, что запрещено тѣмъ, кои избавляемы были Ангелами, зрѣть назадъ, какъ только, дабы не возвращался ни-

кто духомъ на прежнюю жизнь, которой мы чрезъ отрожденіе совлекаемся, естьли желаемъ избавиться послѣдняго суда? Притомъ Лотова жена, какъ скоро озрѣлась, то превратилась въ соль, и подала собою примѣръ, дабы люди поступали благоразумно, и опасались онаго. Послѣ сего Авраамъ въ Герарѣхъ здѣлалъ тожъ, и поступилъ съ женою своею также; какъ и въ Египтѣ, чего для она ему подобнымъ образомъ и возвращена. При которомъ случаѣ Авраамъ гнѣвающемуся, для чего онъ скрылъ, что Сарра ему жена, и сказалъ, что сестра, открывая, чего онъ убоялся, приложилъ и сіе: ибо истинно сестра ми есть по отцу а не по матери. Толикой же была Сарра красоты, что и въ такихъ уже лѣтахъ могла быть любима.

Глава двадесять седьмая.

О Исаакѣ по обѣтованію рожденномъ, которому имя наречено отъ смѣха обоихъ родителей.

По семъ родился Аврааму по обѣтованію Божію сынъ отъ Сарры, которой и нареченъ былъ Исаакомъ, который толкуется, смѣхъ. Ибо смѣялся и отецъ, когда ему обѣщанъ сынъ, удивляясь отъ радости; смѣялась и мать, когда паки оные три мужа обѣщали, сомнѣваясь въ радости: понеже въ разсужденіи выговора учиненнаго ей Ан-

ге-

геломъ, хотя и открывается, что оной смѣхъ происходилъ отъ радости, однако былъ и знакомъ несовершенной вѣры. Послѣ сего тѣмъ же Ангеломъ въ вѣрѣ она утверждена. И такъ отъ сего Исаакъ получилъ имя; ибо, что оный смѣхъ не къ посмѣянію и поношенію, но къ радости принадлежалъ, оное, по рожденіи Исаака и нареченіи его онымъ именемъ, Сарра показала. Понеже говоритъ: *смѣхъ мнѣ сотвори Господь: иже бо аще услышитъ, обрадуется со мною.* По прошествіи нѣсколько времени, рабыня изъ дому съ сыномъ своимъ изгоняется, и по Апостолу, знаменуются два завѣта вѣтхій и новый: гдѣ Сарра образъноситъ горняго Іерусалима, то есть Божія града.

Глава двадесять осьмая.

О послушаніи и вѣрѣ Авраамовой, когда искушаемъ былъ принесеніемъ сына въ жертву, и о смерти Сарриной.

Между тѣмъ, что обстоятельно упоминать продолжительно, искушается Авраамъ, дабы принесъ на жертву сына своего Исаака, съ тѣмъ, дабы будущіе роды вѣдали о его послушаніи, а не дабы Богу о томъ извѣститься. Понеже не всякое искушеніе охужденія достойно, которымъ бываетъ откровеніе, и испытаніе. Ибо инако духъ человѣческій рѣдко самому себѣ быва-

бываетъ свѣдомъ, какъ только естьли силы его не словами, но опытомъ искушенія ему соотвѣтствуютъ: въ которомъ ежели дарованіе Божіе познаетъ, тогда есть благоговѣйнымъ, тогда утверждается крѣпче въ благодати, а не надмѣвается суетнымъ превозношеніемъ. Никогдабъ подлинно Авраамъ не повѣрилъ, что Богъ увеселяется принесеніемъ ему въ жертву людей, хотя повелѣнію Божію повиноваться должно, а не стязаться съ Богомъ: однако Авраамъ за то похвалы достоинъ, поелику вѣрилъ, что сынъ его и на жертву принесенный воскреснетъ. Ибо сказалъ ему Богъ, когда онъ не хотѣлъ исполнить хотѣнія своея жены о изгнаніи изъ дому рабыни съ ея сыномъ: *по Исаацѣ наречеттися сѣмя*: потомъ продолжаетъ, и говоритъ: *сына же рабыни сея въ языкъ великъ сотворю его, яко сѣмя твое есть.* Какимъ же образомъ сказано: *по Исаацѣ наречется ти сѣмя*: когда и Исмаила сѣменемъ его назвалъ? Изъясняя же Апостолъ, чтобъ оное было: *по Исаацѣ наречеттися сѣмя*; то есть, говоритъ, *не чада плотская, сія чада Божія, но чада обѣтованія причитаются въ сѣмя.* И потому чада обѣтованія, дабы могли быть сѣменемъ Авраамовымъ, во Исаакѣ нарицаются, то есть во Христѣ зовущемъ благодатію собираются. И такъ отецъ благочестивый содержалъ сіе обѣтованіе: поелику чрезъ того долженствовало исполниться, ко-

котораго повелѣваетъ Богъ умертвить, не сомнѣвался, что и на жертву принесенъ бывши, могъ возвращенъ быть, который дарованъ сверьхъ чаянія. Также разумѣется сіе и въ посланіи къ Евреемъ, гдѣ таким образомъ изъяснено: *вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемъ, и единороднаго приношаше обѣтованія пріемый: къ нему же глаголано бысть: яко о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя; помысливъ, яко изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ.* И потомъ приложилъ: *тѣмъ же того и въ притчи пріятъ.* Въ какой притчи или подобіи, какъ только въ подобіи того, о которомъ говоритъ той же Апостолъ: *иже убо сына своего непощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его?* Того ради и Исаакъ, какъ Господь крестъ свой, дрова, на коихъ возложенъ быть имѣлъ, до мѣста, жертвѣ назначеннаго, несъ. Наконецъ поелику Исааку умерщвлену быть не надлежало, по запрещеніи и возбраненіи въ томъ отцу: что былъ овенъ, по принесеніи котораго въ жертву совершилась знаменательною кровію жертва, то есть когда видѣлъ его Авраамъ запутаннаго рогами въ лозахъ? Кто имъ былъ прообразованъ, какъ не Іисусъ Христосъ, который прежде, нежели вознесенъ былъ на жертву терніемъ увѣнчанъ отъ Іудеевъ. Но послушаемъ наипаче божественныхъ словъ отъ Ангела реченныхъ: ибо говоритъ Писаніе: *и простре Авраамъ руку свою, взяти ножъ*

за-

заклати сына своего. И воззва к Ангел Господень съ небесе, и рече: Авраме, Аврааме. Онъ же рече: се азъ. И рече: да не возложиши руки твоея на отрочища, ниже да сотвориши ему что: нынѣ бо познахъ, яко боишися ты Бога, и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго мене ради. Сказано: нынѣ познахъ, то есть учинилъ, дабы то было всѣмъ извѣстно. Ибо не не зналъ того Богъ. Потомъ по принесеніи вмѣсто Исаака сына своего овна онаго, назвалъ оное мѣсто, какъ пишется: *Господь видѣ. Да рекутъ днесь: на горѣ Господь явися.* И какъ, *нынѣ познахъ*, сказано вмѣсто того, что учинилъ, дабы люди знали: такъ и здѣсь: *Господь видѣ*, сказано вмѣсто того, что Господь явися, то есть, видимымъ себя показалъ. *И воззва Ангелъ Господень вторицею съ небесе, глаголя: мною самѣмъ кляхся, глаголетъ Господь, его же ради сотворилъ еси глаголъ сей, и не пощадѣлъ еси сына твоего возлюбленнаго мене ради. Во истинну благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря: и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ: и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи: занеже послушалъ еси гласа моего.* Такимъ то образомъ о званіи языковъ въ сѣмени Авраамовомъ послѣ жертвы, коею образуемъ былъ Христосъ, клятвою Божіею утверждено было обѣщаніе. Ибо неодно-

кран-

кратно Богъ обѣщалъ, но никогда не клялся. Чтоже есть истиннаго и не ложнаго Бога клятва, какъ только утвержденіе обѣщаннаго, и поношеніе нѣкоторое невѣрныхъ? Послѣ сего скончалась Сарра, на сто двадцать седьмомъ году своей жизни: на сто же тритцать седмомъ году своего мужа. Ибо онъ старше ея былъ десятью годами: какъ самъ, когда ему обѣщанъ былъ отъ нея сынъ, сказалъ: *еда столѣтну мужу родится сынъ? Еда Сарра родитъ девятидесяти лѣтъ?* Тогда купилъ поле Авраамъ, на которомъ погребенію предалъ тѣло жены своей. И тогда-то, по сказанію Стефанову, въ землю оную преселенъ: понеже началъ быть обладателемъ тамъ, то есть по смерти отца своего, который по счисленію времени за два года до того умеръ.

Глава двадесять девятая.

О Ревеккѣ внукѣ Нахоровой, которую Исаакъ взялъ себѣ въ жену.

Потомъ Ревекку, внуку дяди своего Нахора, на четыредесятомъ году своей жизни Исаакъ взялъ себѣ въ жену, то есть на сто четыредесятомъ году житія отца своего, но прошествіи трехъ лѣтъ послѣ смерти матери своей. Но чтобъ ее взять, когда отъ отца Исаакова въ Месопотамію рабъ посланъ, что иное означало, когда томужъ рабу сказалъ Авраамъ: *положи руку твою подъ стегно мое, и заклену тя Господемъ*

Бо-

Богомъ небесе, и Богомъ земли, да непоймеши сыну моему Исааку жены отъ дщерей Хананейскихъ, съ ними же азъ живу въ нихъ: какъ только, что Господь Богъ неба, и Господь земли, во плоти, которая отъ Авраама происходитъ, имѣлъ прійти? Не уже ли сія малый составляютъ знакъ предвозвѣщанной истинны, которую видимъ исполняющуюся на Христѣ?

Глава тридесятая.

Что разумѣть должно поономъ, что Авраамъ по смерти Сарры взялъ въ жену себѣ Хеттуру.

Что же бы означало, что Авраамъ по смерти Сарры Хеттуру взялъ въ жену. Не должны мы подозрѣвать Авраама въ не воздержаніи, особливо въ такихъ уже лѣтахъ, и въ таковой святости вѣры. Не уже ли онъ еще желалъ родить дѣтей, когда уже по обѣщанію Божію не сомнѣнно увѣренъ былъ, что сѣмя Исааково умножится столь, что подобиться будетъ безчисленностію звѣздамъ небеснымъ, и песку земному? Но по истиннѣ, естьли Агарь и Исмаилъ по ученію Апостола знаменовали плотскихъ ветхаго завѣта: то для чего бы и Хеттура и дѣти ея не означали плотскихъ, которые почитаютъ себя принадлежащими къ новому завѣту? Ибо обѣ онѣ и женами Авраамовыми и наложница-

ми

жи называются: Сарра же ни гдѣ и ни когда наложницею не нарицается, но только женою. Понеже и когда дана Агарь Аврааму, такъ пишется: *и поимши Сарра жена Авраамля Агарь Египтяныню рабу свою по десяти лѣтѣхъ вселенія Авраамля въ земли Ханаани, и даде ю въ жену мужу своему Аврааму.* О Хеттурѣ же, которую по смерти Сарры взялъ, такъ читаемъ: *приложивъ же Авраамъ, поя жену, ей же имя Хеттура.* Вотъ обѣ называются женами Авраамовыми: называются же обѣ и наложницами, какъ послѣ говоритъ Писаніе: *даде же Авраамъ все свое имѣніе Исааку сыну своему, сыномъ же наложницъ своихъ даде Авраамъ дары, и отпусти я отъ Исаака сына своего, еще живъ сый, къ востоку на землю восточную.* И такъ имѣютъ нѣкоторыя дары и дѣти наложницъ; но не достигаютъ къ обѣщанному царству, ни еретики, ни Іудеи плотскіе: понеже кромѣ Исаака нѣтъ наслѣдника, и не *вся чада плотскія сія чада Божія, но чада обѣтованія причитаются въ сѣмя*; о которомъ речено: *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя.* Ибо я не вижу, для чего бы Хеттура взята была; развѣ для сея тайны наречена наложницею. Но естьли кто не хощетъ въ такихъ знаменованіяхъ сего разумѣть, то пускай не поноситъ Авраама. Ибо можетъ статься промысломъ сіе для того устроено, дабы доводомъ служило противъ будущихъ ере-

тиковъ, которые отвергаютъ нынѣ вторые браки, то есть, дабы показать имъ, что таковые браки безгрѣшны, когда увидятъ, что отецъ всѣхъ языковъ по смерти первой жены взялъ другую. И умеръ Авраамъ ста седмитесяти пяти лѣтъ. Слѣдовательно оставилъ Исаака сына своего седмидесяти пяти лѣтъ, котораго родилъ будучи столѣтенъ.

Глава тридесять первая.

О близнятахъ или двойняхъ во чревѣ Ревекхиномъ сущихъ, что предвозвѣстилъ Божескій отвѣтъ.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ чрезъ потомство Авраамово продолжались времена Божія града. И такъ отъ перваго года жизни Исааковой до шестидесятаго, въ которое время начали раждаться ему дѣти, оное есть достопамятнымъ, что когда даровалъ Богъ по прошенію его, что безплодная его жена раждала, и когда она въ утробѣ имѣла уже плодъ, играли близнецы заключенные въ утробѣ ея. Которое поелику причиняло ей безпокойство и огорченіе, то вопросила она Господа, и получила отвѣтъ: *два языка въ утробѣ твоей суть, и двои людіе отъ утробы твоея разлучатся: и людіе людей превзыдутъ, и большій поработаетъ меньшему.* Чрезъ что разумѣетъ Апостолъ Павелъ великій знакъ благо-

благодати. Понеже еще не родившимся имЪ, и не содѣлавшимЪ что либо благо или зло, безЪ всякихЪ заслугЪ избирается меньшій, а отвергается большій: понеже что касается до первороднаго грѣха, оба были равны: что же принадлежитЪ до собственнаго, то никакого ни у одного не было. Но теперь о семЪ пространнѣе говорить предпріятаго сочиненія планЪ не позволяетЪ, а притомЪ и вЪ другихЪ мѣстахЪ мы о семЪ уже говорили. Сказанное же: *большій поработаетЪ меньшему*, никто почти изЪ нашихЪ инаково не разумѣлЪ, какЪ только, что большій народЪ, или старшій Іудейскій народу Христіянскому работать будетЪ. И подлинно хотя надЪ родомЪ Идумейским, рожденнымЪ отЪ большаго, которому два было имя, (ибо и ИсавомЪ назывался, и ЕдомомЪ, откуда Идумеи имя получили) по видимому сіе исполнилось; понеже послѣ преодолѣнЪ имѣлЪ быть отЪ народа произшедшаго отЪ меньшаго, то есть Израильскаго, и покоренЪ: однако кЪ большему чему-то клонилось оное пророчество, коимЪ сказано: людіе людей превзыдутЪ, и большій поработаетЪ меньшему. И чтожЪ бы сіе было, естьли не то, что на ІудеяхЪ и ХристіянахЪ ясно исполняется?

Глава тридесять вторая.

О благословеніи, которое Исаакъ не инаково, какъ отецъ его за заслуги и любовь онаго, получилъ.

Удостоился и Исаакъ бесѣды съ Богомъ таковой же, каковой отецъ его нѣсколько кратъ сподобленъ былъ. О которой бесѣдѣ такимъ образомъ повѣствуется: *бысть же гладъ на земли, кромѣ глада, бывшаго прежде во время Авраамле: отъиде же Исаакъ ко Авимелеху царю Филистимску и Герарску. Явися же ему Господь, и рече: не ходи во Египетъ, вселися же въ земли, въ ней же ти реку, и обитай въ земли той, и буду съ тобою, и благословлю тя: тебѣ бо и сѣмени твоему дамъ всю землю сію: и поставлю клятву мою, еюже кляхся Аврааму отцу твоему, и умножу сѣмя твое яко звѣзды небесныя, и дамъ сѣмени твоему всю землю сію: и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи: понеже послуша отецъ твой Авраамъ моего гласа, и соблюде заповѣди моя, и повелѣнія моя, и оправданія моя, и законы моя.* Сей Патріархъ не имѣлъ ни другой жены, ни наложницы, но потомствомъ и преемствомъ двухъ сыновъ близнецовъ, отъ одного совокупленія рожденныхъ, доволенъ былъ. Боялся также бѣдствія произойти имѣющаго отъ красоты его жены, когда жилъ между чуждыми, и учинилъ тожъ, что и его отецъ, наз-

назвавъ ее сестрою, а на противъ умолчавъ о томъ, что она ему жена. Ибо она была ему въ родствѣ, и по отцѣ и по матери: но какъ и о ней познали, что жена ему, то оставили неприкосновенною. Привсемъ томъ недолжны мы предпочесть его отцу: поелику онъ иной, кромѣ одной своей, не позналъ жены. Ибо безъ сомнѣнія заслуги отцовской вѣры и послушанія были вящшими столь, что Богъ объявляетъ, что добро, дѣлаемое Исааку, дѣлаетъ ради Авраама: *благословятся*, говоритъ Богъ, *о сѣмени твоемъ вси языцы земные, понеже послуша Авраамъ отецъ твой гласа моего, и сохранилъ заповѣди моя, и повелѣнія моя и оправданія моя, и законы моя.* И на другомъ мѣстѣ: *азъ есмь Богъ Авраама отца твоего не бойся, съ тобою во есмь и благословлю тя, и умножу сѣмя твое Авраама ради отца твоего.* Дабы разумѣли мы, сколь непорочно дѣлалъ Авраамъ, что по мнѣнію безстыдныхъ, и своему непотребству въ Священномъ Писаніи одобренія ищущихъ, дѣлалъ изъ любострастрія. Потомъ, дабы познали мы не по одному доброму дѣлу сравнивать людей между собою, но разсматривать всѣ дѣла вообще въ одномъ. Ибо можно тому статься, что одинъ однимъ чемъ либо превосходитъ другаго, которое гораздо меньше, нежели прочія добрыя дѣла въ томъ, коего превосходитъ. И потому по силѣ здраваго и не ложнаго разсужденія, когда воздержа-

 ніе

кіе предпочитается брачной жизни; при всемъ томъ лучшимъ есть человѣкъ вѣрующій, живущій въ бракѣ, нежели воздержный невѣрный. Но воздержный невѣрный человѣкъ не только малой похвалы недостоинъ, понеже воздержится не вѣруя: но и крайняго охужденія достоинъ, поелику не вѣруетъ, когда воздержится. Положилъ напримѣръ, что оба они хороши, то и такимъ образомъ лучшимъ будетъ въ бракѣ живущій вѣрный и послушный Богу, нежели воздержный недовѣрчивый и менѣе повинующійся. Но ежели они будутъ равными, то кто усумнится, что воздержнаго живущему въ брачномъ союзѣ предпочесть надлежитъ?

Глава тридесять третія.

О томъ, что въ Исавѣ и Іаковѣ таинственно было прообразовано.

И такъ двое Исааковы дѣти Исавъ и Іаковъ возрастали равно. Первенство старшаго преносится къ меньшему по договору между ими, когда Исавъ варенія сочивнаго, изготовленнаго меньшимъ, неумѣренно пожелалъ, и за оное первенство свое съ клятвою продалъ. Изъ сего познаемъ мы и научаемся, что въ разсужденіи пищи не родъ оныя, но непомѣрное желаніе и употребленіе охужденія достойно. Состарѣлся Исаакъ, и лишился зрѣнія очей; хотѣлъ благословить старшаго сына, но по невѣдѣнію благословилъ

вилъ меньшаго, вмѣсто большаго косматаго, одѣтаго въ козію кожу, такъ какъ чужія грѣхи носящаго. Сія хитрость Іяковлева, дабы не была почтена коварствомъ и обманомъ, но чтобъ означить въ томъ тайну великую, то предварительно Писаніе объявило: *бысть Исавъ человѣкъ вѣдый ловити, сельный: Іяковъ же бысть человѣкъ не лукавъ, живый въ дому.* И такъ хотя назвать Іякова простымъ, хотя нелукавымъ или не вымышленникомъ, то какое можетъ быть лукавство въ пріятіи благословенія такого, который коварства не имѣетъ? Какое лукавство простосердечнаго? Какой вымыселъ обманывать не старающагося, кромѣ высокія истинны тайны? Самое же благословеніе есть каково? *Се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь, и да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесныя, и отъ тука земли, множество пшеницы и вина: и да поработаютъ тебѣ языцы, и да поклонятся тебѣ князи, и буди господинъ брату твоему, и поклонятся тебѣ сынове отца твоего: проклинаяй тя проклятъ, благословляяй же тя, благословенъ.* И такъ благословеніе Іяковлево, есть проповѣдь Христова во всѣхъ языкахъ. Сіе творится, сіе дѣйствуется. Законъ и пророчество въ Исаакѣ. Устами Іудейскими Христосъ благословляется. Благоуханіемъ имени Христова, какъ поле, міръ наполняется, его есть благословеніе отъ росы небесной, то есть отъ

 дож-

дождя Божественныхъ словесъ: и отъ изобилія земли, то есть отъ собранія народовъ: его есть множество пшеницы и вина, въ таинствѣ тѣла и крови его. Онъ господинъ брата своего, понеже люди его обладаютъ Іудеями: ему народы работаютъ, ему покланяются князи. Ему покланяются сынове отца его, то есть дѣти Аврамовы по вѣрѣ: понеже и онъ есть сынъ Авраамовъ по плоти. Его кленущій проклятъ: и благословляющій благословенъ. Христосъ, говорю, нашъ и устами Іудеевъ, хотя заблуждающихъ, однако законъ и пророковъ чтущихъ, благословляется, то есть неложно нарицается, хотя подъ именемъ его благословляется той, котораго, заблуждая, ожидаютъ. Но какъ благословенія даннаго уже сталъ требовать старшій, тогда ужаснулся Исаакъ, и познаетъ, что онъ другаго вмѣсто инаго благословилъ. Удивляется, и ктобъ онъ таковъ былъ вопрошаетъ; однако не жалуется, что обманутъ, но тотчасъ по откровенію въ сердцѣ его великой тайны удаляется отъ негодованія, и подтверждаетъ благословеніе. *Кто убо*, говоритъ, *уловивый мнѣ ловъ, и принесый ми, и ядохъ отъ всѣхъ, прежде неже пріити тебѣ? И благослових его, и благословенъ будетъ.* Кто бы не ожидалъ наипаче проклятія отъ раздраженнаго, естьлибъ сіе не отъ внушенія Божія, но по обыкновенію человѣческому дѣлаемо было?

было? О дѣла, но дѣла пророческія! на земли, но небесныя; чрезъ людей, но Богомъ. Естьлибъ изъяснять каждое порознь заключающееся въ тайнахъ, то многія книги написать бы надлежало, но краткость сего сочиненія устремляетъ насъ къ другому.

Глава тридесять четвертая.

О посланіи Іякова въ Месопотамію для взятія себѣ жены, и о видѣніи видѣнномъ имъ на пути по снѣ, и о четырехъ его женахъ, когда онъ требовалъ одной.

Посылается Іяковъ отъ родителей въ Месопотамію, дабы онъ тамъ взялъ себѣ жену. Отецъ посылая его такъ говоритъ: да *не поймеши себѣ жены отъ дщерей Хананейскихъ. Воставъ отбѣжи въ Месопотамію въ домъ Ваѳуила отца матере твоея: и пойми себѣ оттуду жену отъ дщерей Лавана, брата матере твоея. Богъ же мой да благословитъ тя, и возраститъ тя, и умножитъ тя, и будеши въ собранія языковъ. И да дастъ тебѣ благословеніе Авраама отца моего, тебѣ и сѣмени твоему по тебѣ, наслѣдити землю обитанія твоего, юже даде Богъ Аврааму.* Здѣсь познаваемъ, что раздѣлено сѣмя Іяковлево, отъ другаго сѣмене Исаакова, происходящаго отъ Исава. Ибо когда сказано: *по Исаацѣ наречется ти сѣмя*: принадлежащее по истиннѣ къ граду

Божію: то отдѣлено сѣмя другое Авраамово, происходящее отъ сына рабынина: и отъ того, которое имѣло произойти отъ дѣтей Хеттуры. Но еще оставалось сомнѣніе въ разсужденіи близнецовъ Исааковыхъ, то есть, къ обоимъ ли онымъ, или къ одному принадлежитъ оное благословеніе. И естьли къ одному, то которой былъ бы изъ нихъ. Что нынѣ объяснено, когда пророчески отъ отца благословенъ Іяковъ, и когда ему сказано: *и будеши въ собранія языковъ: и да дастъ тебѣ Богъ благословеніе Авраама отца моего.* И такъ идучи Іяковъ въ Месопотамію, въ сновидѣніи удостоился Божіей бесѣды, о чемъ такимъ образомъ пишется: *отъиде Іяковъ отъ кладезя клятвеннаго, и иде въ Харранъ и обрѣте мѣсто, и успе тамо; зайде бо солнце, и взя отъ каменія мѣста того, и положи въ возглавіе себѣ, и спа на мѣстѣ ономъ. И сонъ видѣ, и се лѣствица утверждена на земли, ея же глава досязаше до небесе: и Ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней. Господь же утверждашеся на ней, и рече: азъ есмъ Богъ Авраама отца твоего, и Богъ Исаака, не бойся: земля, идѣже ты спиши на ней, тебѣ дамъ ю, и сѣмени твоему. И будетъ сѣмя твое; яко песокъ земный, и распространится на море и липу и сѣверъ и на востоки; и благословятся о тебѣ вся колѣна земная, и о сѣмени твоемъ. И се азъ есмь съ тобою, сохраняяй*

тя на всякомъ пути, аможе аще пойдеши, и возвращу тя въ землю сію, яко не имамъ тебе оставити, дондеже сотворити ми вся, елика глаголахъ тебѣ. И воста Іяковъ отъ сна своего и рече: яко есть Господь на мѣстѣ семъ, азъ же не вѣдахъ. И убояся и рече: яко страшно мѣсто сіе, нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная. И воста Іяковъ заутра и взя камень, его же положи тамо въ возглавіе себѣ, и постави его въ столпъ, и возлія елей верху его. И прозва Іяковъ имя мѣсту тому, домъ Божій. Сіе къ пророчеству принадлежитъ: и Іяковъ не по обычаю идолопоклонниковъ камень полилъ елемъ, какъ бы боготворя оный; ибо онъ не покланялся оному камню, и не приносилъ ему жертвы: но поелику имя Христово отъ χρῖσμα, помазанія, происходитъ: то конечно прообразовано было нѣчто касающееся къ великой тайнѣ. О лѣствицѣ же сей, какъ разумѣть можно, воспоминаетъ самъ Спаситель во Евангеліи, въ которомъ сказавъ Наѳанаилу: *се по истинну Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть:* понеже Израиль видѣлъ сіе видѣніе, который той же есть Іяковъ: то въ томъ же мѣстѣ говоритъ: *аминь аминь глаголю вамъ, отъ селѣ узрите небо отверсто, и Ангелы Божіи восходящя и нисходящя надъ сына человѣческаго.* Пошелъ же Іяковъ въ Месопотамію, дабы оттуда взять себѣ жену. Откуда же ему приключилось, что онъ четыре-

тыре имѣлъ жены, отъ которыхъ родилъ двенатцать сыновъ, и одну дщерь, когда любострастно ни одной не употреблялъ, священное о томъ открываетъ Писаніе. Ибо онъ для взятія одной пришелъ, но какъ ему одну вмѣсто другой дали, то ни оной не отпустилъ отъ себя, которую дали ему нощію, дабы не почла она, что онъ ей наругался; но съ того времени, поелику ради размноженія потомства, многихъ женъ имѣть никакой законъ не возбранялъ, то взялъ и оную, съ которою былъ обрученъ. Которая будучи неплодною, рабыню свою, дабы имѣть дѣтей, мужу дала. Чему послѣдуя и большая сестра, понеже желала разумножить потомство Іяковлево, хотя и сама раждала, тожъ учинила. Іяковъ, какъ изъ Писанія видно, кромѣ одной не требовалъ, и не употреблялъ многихъ инаково, кромѣ рожденія отъ нихъ дѣтей, сохраняя супружеское право: да и не сдѣлалъ бы онъ того, естьлибъ не требовали того жены, которыя въ тѣлѣ мужа своего имѣли власть.

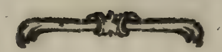
Глава тридесять пятая.

Какая была причина, что Іяковъ названъ Израилемъ.

И такъ родилъ двенатцать сыновъ, и одну дщерь отъ четырехъ женъ. Потомъ вшелъ во Египетъ, вызванъ будучи сыномъ Іоси-

Іосифомъ, который изъ зависти отъ братьевъ былъ проданъ, и въ Египетъ приведенъ, въ великій произошелъ чинъ. Іяковъ же и Израилемъ, какъ выше я сказалъ, назывался: которое имя наипаче народъ отъ него произшедшій удержалъ. Симъ же именемъ нарекъ его Ангелъ, который на пути съ возвращающимся Іяковомъ изъ Месопотаміи боролся, образъ Христовъ явственно носящій. Ибо что его превозмогъ Іяковъ, конечно не безъ соизволенія онаго Ангела, дабы прообразовать тайну: значитъ страданіе Христово, въ которомъ повидимому превозмогли надъ нимъ Іудеи. Однако благословеніе отъ тогожъ Ангела, котораго преодолѣлъ, сподобился: и такимъ образомъ наложеніемъ сего имени было благословеніемъ. Толкуется же Израиль, видящимъ Бога, которое будетъ возмездіемъ по кончинѣ вѣка всѣмъ Святымъ. Прикоснулся притомъ Ангелъ какъ премогающаго, широтѣ стегна Іяковлева, и отъ того Іяковъ здѣлался хромымъ. И такъ былъ той же Іяковъ и благословенъ, и охромѣвшій: благословенъ въ тѣхъ, которые во Христа увѣровали изъ тогожъ народа; и хромъ въ невѣрныхъ. Ибо широта стегна, есть множество рода. Понеже многіе отъ его рода суть таковыми, о которыхъ пророчески сказано: *и охромоша отъ стезъ своихъ.*

Глава

Глава тридесять шестая.

Какимъ образомъ Іяковъ описывается пшедшимъ въ Египетъ съ семъюдесятью пятью душами, когда многіе изъ упоминаемыхъ послѣ того времени родились.

И такъ повѣствуется, что въ Египетъ съ Іяковомъ вошло седмьдесятъ пять человѣкъ, считая купно и его съ дѣтьми. Въ которомъ двѣ только особы женскаго пола полагаются, одна дочь, другая внука. Но разсмотрѣвъ обстоятельно, открывается, что не было толикаго числа въ родѣ Іяковлевомъ въ тотъ день или въ тотъ годъ, въ которой пришелъ онъ въ Египетъ. Ибо упоминаются въ томъ же числѣ и внучата Іосифовы, которыхъ дѣйствительно и точно тогда не было. Понеже Іяковъ тогда былъ ста тритцати лѣтъ: а Іосифъ тритцати девяти, о которомъ когда извѣстно, что взялъ за себя жену на тритцатомъ году своей жизни, или болѣе: то какимъ образомъ чрезъ девять лѣтъ могъ имѣть внуковъ отъ дѣтей, коихъ родилъ отъ той же жены? И такъ когда и дѣтей не имѣли Ефремъ и Манассій дѣти Іосифовы, но малыми дѣтьми ихъ самихъ, имѣющими ниже девяти лѣтъ отъ рожденія, Іяковъ пришедъ во Египетъ засталъ; то какимъ образомъ не только Іосифовы дѣти, но и внуки въ числѣ седмидесяти пяти душъ считаются, которые вошли съ Іяковомъ во Египетъ?

Ибо

Ибо упоминается тамъ Махиръ, сынъ Манассіевъ внукъ Іосифовъ, и тогожъ Махира сынъ Галаадъ внукъ Манассіевъ, правнукъ Іосифовъ: тамъ же полагается и рожденный отъ Ефрема другаго сына Іосифова, внукъ Іосифовъ Суталаамъ, и Едомъ сынъ Суталаама, внукъ Ефремовъ, правнукъ Іосифовъ, которые никакимъ образомъ быть не могли, когда Іяковъ пришелъ во Египетъ, который нашелъ сихъ, почитаемыхъ дѣдами, малолѣтными отроками. Но пришествіе Іяковлево во Египетъ, когда Писаніе съ седмьюдесятью пятью душами воспоминаетъ, не днемъ однимъ или годомъ разумѣетъ, но почитаетъ все оное время, покуда Іосифъ въ живыхъ находился, которой Іякова призвалъ во Египетъ. Ибо о самомъ Іосифѣ Писаніе такъ говоритъ: *и вселися Іосифъ во Египтѣ самъ и братія его и весь домъ отца его: и поживе Іосифъ лѣтъ сто десять; и виде Іосифъ дѣти Ефремли до третіяго рода: и сынове Махира сына Манассіи народишася при бедрѣхъ Іосифовыхъ.* Родомъ третьимъ называетъ сына, внука, правнука. И какъ щастіемъ Іосифовымъ почитается, что онъ могъ видѣть правнуковъ своихъ, то не должно думать, акибы правнуки его были тогда, когда Іосифъ имѣлъ отъ рожденія своего тритцать девять лѣтъ, и когда отецъ Іосифовъ Іяковъ пришелъ во Египетъ. Обманываются же не тщательно внимающіе тому, что написано: *сія имена сы-*

новъ

нов Израилевыхъ пшедшихъ въ Египетъ вкупѣ со Іяковомъ отцемъ ихъ. Ибо сіе сказано для того, понеже всѣ оные щитаются въ числѣ седмидесяти пяти душъ. Не потому, акибы они были тогда, когда Іяковъ пришелъ во Египетъ: но, какъ я сказалъ, что все оное время почитается временемъ его прихода, въ которое жилъ Іосифъ, которой его вызвалъ въ Египетъ.

Глава тридесять седьмая.

О благословеніи, которое далъ Іяковъ Іудѣ своему сыну.

И такъ естьли ради народа Христіанскаго, въ коемъ градъ Божій странствуетъ на земли, плоти Христовой въ сѣмени Аврамовомъ искать будемъ, отвергнувъ и изключивъ дѣтей наложницъ, то первый встрѣчается Исаакъ: естьли въ сѣмени Исааковомъ, изключивъ Исава или Едома, то встрѣчается Іяковъ или Израиль: ежели въ сѣмени самаго Израиля, то представляется по изключеніи прочихъ Іуда, отъ колѣна коего Христосъ родился. И потому, когда во Египтѣ умирая Іяковъ, благословлялъ своихъ дѣтей, какимъ образомъ пророчески благословилъ Іуду, послушаемъ: *Іудо*, говоритъ, *тебѣ похвалятъ братія твоя: руцѣ твои на плещу врагъ твоихъ: поклонятся тебѣ сынове отца твоего: Скименъ львовъ Іуда; отъ лѣторасли сыне мой возшелъ еси; возлегъ уснулъ еси*

еси яко левъ, и яко скименъ, кто возбудитъ его? Не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождъ отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложеная ему: и той чаяніе языковъ: привязуяй къ лозѣ жребя свое, и къ виннпчію жребца осляте своего: исперетъ виномъ одежду свою и кровію грозділ одѣяніе свое. Радостотворны очи его, паче вина; и бѣлы зубы его паче млека. Сіе изъяснилъ я, противъ Фавста Манихея говоря, и кажется довольно сколько требуетъ неложность пророчества сего; гдѣ и смерть Христова предвозвѣщена словомъ сна, и не нужда, но власть въ смерти именемъ льва. Которую власть въ Евангеліи самъ Христосъ открываетъ, говоря: *власть имамъ положити душу мою, и власть имамъ паки пріяти ю. Никто же возметъ ю отъ мене, но азъ полагаю ю о себѣ, область имамъ паки пріяти ю.* Ибо ко оной области принадлежитъ, что о воскресеніи его приложено: *кто позбудитъ его?* То есть никто отъ человѣкъ возбудилъ его, но самъ онъ воскресъ, который и о тѣлѣ своемъ сказалъ: *разорите церковь сію, и тремя днями воздвигну ю.* Самый же родъ смерти, то есть, высота крестная въ одномъ словѣ разумѣется: *возшелъ еси.* Что же приложено: *возлегъ уснулъ еси,* оное изъясняетъ Евангелистъ, когда говоритъ: *и преклонь главу, предаде духъ,* или погребеніе Христово разумѣется, въ которомъ возлегъ уснулъ: откуда его никто отъ человѣкъ, такъ какъ проро-

пророки нѣкоторыхъ, или, какъ онъ самъ другихъ, не воскресилъ, но самъ какъ отъ сна всталъ. Одежда также его, которую измываетъ въ винѣ, то есть очищаетъ отъ грѣховъ кровію своею, которой крови тайну крестившіеся знаютъ; чего ради и прилагаетъ: *и въ крови гроздія одѣяніе свое:* что иное есть, какъ церковь? *И радостотворны очи его отъ вина:* не иное что разумѣется, какъ духовные люди, напоенные чашею его. О которой поетъ псаломникъ: *и чаша твоя упоевающая мя сколь державна. И бѣлы зубы его паче млека,* которое піютъ у Апостола младенцы, то есть, питательная словеса, кои не могутъ пріимать твердыя пищи. И такъ онъ есть, въ которомъ отложено было обѣщанное Іудѣ, которое покуда не пришло, то не оскудѣвали цари и князи отъ Израиля. *И той чаяніе языковъ,* которое очевиднѣе, нежели изъяснить можно.

Глава тридесять осьмая.

О сынахъ Іосифовыхъ, которыхъ Іяковъ пророчески, премѣняя руки свои, благословилъ.

Но какъ два сына Исааковы, Исавъ и Іяковъ образомъ были двухъ народовъ въ Іудеяхъ и Христіанахъ: хотя, что касается до происхожденія по плоти, ни Іудеи родились отъ сѣмене Исавова, но Идумеи: ни Христіанскіе народы отъ Іякова, но наипаче Іудеи: ибо къ тому только служилъ

жилъ образъ, что сказано: *большій поработаетъ меньшему:* такъ сдѣлалось и въ двухъ сынахъ Іосифовыхъ. Ибо большій былъ образомъ Іудеевъ, а меньшій Христіанъ. Которыхъ когда благословлялъ Іяковъ, то правую руку положилъ на меньшаго, которой стоялъ у него подъ лѣвою рукою, а лѣвую на большаго, которой стоялъ подъ правою. Огорчительнымъ сіе показалось для Іосифа; онъ, желая поправить ошибку своего отца, совѣтовалъ въ благословеніи поступить инаково, показывая, кто изъ нихъ старшій. Однако Іяковъ рукъ перемѣнить не согласился, но сказалъ: *вѣмъ, чадо, вѣмъ. И сей будетъ въ люди, и сей вознесется: но братъ его меньшій болій его будетъ, и сѣмя его будетъ во множество языковъ.* И здѣсь также двѣ вещи обѣщанныя показываютъ: ибо оный въ люди, а сей во множество языковъ. Что можетъ быть явственнѣйшимъ, какъ что сими двумя обѣщаніями содержится народъ Израильской, и вселенная въ сѣмени Авраамовомъ: Іудейской народъ по плоти, а языки по вѣрѣ?

Глава тридесять девятая.

О временахъ Моисеевыхъ и Іисуса Навина, и судей и потомъ царей, изъ коихъ первый Саулъ, но Давидъ изящнѣе его и по тайнѣ и по заслугѣ.

По смерти Іякова и Іосифа въ послѣднія сто сорокъ лѣтъ, прежде нежели вышли Іудеи изъ земли Египетской, невѣроятнымъ образомъ умножился Израильской народъ, хотя и притѣсняемъ былъ такъ, что убиваемы были младенцы мужеска пола, когда удивляющихся Египтянъ умноженіе Израильскаго народа приводило въ ужасъ. Тогда Моvсей скрытъ матерію отъ убійцъ младенцевъ, и взятъ въ царскіе чертоги, поелику Богъ великія дѣла чрезъ него имѣлъ содѣлать; воспитанъ и усыновленъ дщерію Фараоновою, которое имя общее было въ Египтѣ всѣмъ царямъ. Достигши въ мужа совершенна чуднымъ образомъ размножившийся народъ отъ тяжкаго и несноснаго рабства ига, коимъ былъ обременяемъ, свободилъ, или лучше сказать, Богъ чрезъ него, который оное Авраама обѣщалъ. Ибо повѣствуется, что онъ сперьва бѣжалъ въ землю Мадіамскую, понеже, защищая Израилтянина, убилъ Египтянина, и отъ страха туда убѣжалъ. Наконецъ посланъ будучи отъ Бога въ силѣ духа Божія, преодолѣлъ волхвовъ Фараоновыхъ, противящихся ему. Тогда какъ Египтяне не хотѣли отпу-

пустить Божія народа, то Моѵсей навелъ на Египтянъ достопамятныхъ десять казней. Воду въ кровь преложилъ; жабами, скнипами, песіими мухами наполнилъ землю, умертвилъ скотовъ, поразихъ людей струпами, навелъ ужасный градъ, саранчу, тьму, и смерть перворожденнымъ. Напослѣдокъ убѣждены бывши Египтяне, народъ отпустили; но сожалѣя послѣ и догоняя Израилтянъ, въ чермномъ морѣ потопли. Ибо какъ Израильтяне шли, то вода, разступившись, дала чрезъ себя имъ путь, Египтянъ же гонящихъ, совокупившись, потопила. Потомъ четыредесять лѣтъ народъ водимъ былъ въ пустыни Моѵсеемъ, когда Скинія свидѣнія наречена, въ которой Богъ жертвами, будущее предвѣщающими, былъ почитаемъ, когда то есть данъ законъ на горѣ образомъ страшнымъ. Ибо засвидѣтельствовалъ Богъ явственно чудесными знаменіями и гласомъ. Вскорѣ по изшествіи изъ Египта, какъ скоро вошли въ пустыню по прошествіи пятидесяти дней, праздновали Пасху принесеніемъ въ жертву агнца, который образовалъ Христа, предзнаменуя, что онъ чрезъ жертву страданія отъ сего міра имѣлъ прейти къ Отцу. Ибо Пасха на Еврейскомъ языкѣ толкуется прехожденіе, дабы когда открылся завѣтъ новый по пожертіи нашей Пасхи, то есть Христа, въ пятдесятный день сошелъ съ небесъ Духъ Святый, на-

реченный въ Евангеліи перстомъ Божіимъ, чтобы въ память намъ привесть прежде образованное. Понеже повѣствуется, что и законъ оный на скрыжалѣхъ написанъ перстомъ Божіимъ. По смерти Моvсеевой управлялъ народомъ Іисусъ Навинъ, и ввелъ оный въ землю обѣтованную, и раздѣлилъ ее народу. Сіи два чудные предводители побѣждали враговъ счастливо: однако Богъ засвидѣтельствовалъ, что не ради заслугъ Еврейскаго народа, но за грѣхи побѣжденныхъ ими народовъ, побѣды получены Израильтянами. Послѣ сихъ, какъ уже народъ Израильской поселился въ земли обѣтованной, управляемъ былъ судіями, И такимъ образомъ начало исполняться первое обѣщаніе, учиненное Аврааму, то есть о народѣ Еврейскомъ и о земли Ханаанской, а не о всѣхъ языкахъ во всей вселенной, что пришествіе Христово во плоти, и не храненіе ветхаго закона, но вѣра Евангельская имѣла исполнить. Чему прообразованіемъ было, что не Моисей, который законъ народу принялъ на горѣ Синайской, но Іисусъ, которому и имя по Божію повелѣнію премѣнено, что онъ названъ Іисусомъ, народъ въ землю обѣтованную ввелъ. Во время же судей, поелику грѣхи народа, то гнѣвъ наводили, то раскаяніе милосердія Божія удостоивалось, потому и брани иногда щастливо Іудеями были окончиваемы, иногда Израильтяне были побѣждены.

По-

Потомъ дошло до временъ царей, изъ коихъ первый царствовалъ Саулъ, по отверженіи котораго Богомъ, и пораженіи на сраженіи, и по отрѣшеніи его дѣтей отъ царства, Давидъ вступилъ на престолъ, котораго Христосъ сыномъ нареченъ. Въ которое время какъ бы начатокъ нѣкоторый юности народа Божія показался, котораго отъ Авраама до Давида простиралось какъ отрочество. Ибо не напрасно Евангелистъ Матѳей такъ описываетъ роды, что отъ Авраама до Давида полагаетъ четырнатцать родовъ. Понеже отъ юношества начинаетъ человѣкъ имѣть способность раждать; того ради порядокъ родовъ отъ Авраама воспріялъ начало, который и отцемъ многихъ языковъ поставленъ, когда перемѣнено ему имя. Почему въ продолженіи града Божія, какъ выше оконченная книга содержитъ первый и одинъ, такъ сія вторая два, второй и третій пускай содержитъ вѣкъ, въ которомъ третьемъ ради юницы трилѣтной, козы трилѣтной, и овна трилѣтнаго возложено иго закона, и явился избытокъ грѣховъ, и царства земнаго возникло начало: причемъ не не было и духовныхъ, коихъ въ горлицѣ и голубѣ предзнаменована тайна.

Конецъ книги шестойнадесять о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, шестуюнадесять.

На главу первую.

(1) *И да вселится въ селеніихъ Симовыхъ.* Іеронимъ слово сіе разумѣетъ о Христіанахъ, которые по изгнаніи Іудеевъ наслѣдили знаніе Писанія.

На главу третію.

(1) *И созда Ниневію.* Сія есть Ниневія Ассирійская. Ибо есть другая Ниневія Іудейская въ углѣ Аравіи. Оную Ассирійскую Плиній называетъ Ниномъ.

(2) Нинъ, сынъ Виловъ. Санхуніафонъ между Сатурновыми дѣтьми считаетъ изъ богословіи Финикійской: для того и Юпитеромъ Виломъ нареченъ. Былъ и другій Вилъ внукъ Юпитеровъ отъ Епафа царя Египетскаго, которой родилъ отъ Изиды сего Вила. Хотя Евсевій Телегона отцемъ ему поставляетъ, за котораго по смерти Аписовой Изида въ замужество вышла, въ то время, когда Цекропъ въ Аттикѣ царствовалъ. А Вилъ сей, который Нина родилъ, царемъ былъ Ассирійскимъ, который доволенъ былъ малыми предѣлами своего государства, и который славенъ сталъ чрезъ сына, отъ котораго онъ почитаемъ былъ вмѣсто Бога, и нареченъ Юпитеромъ Вавилонскимъ. Египтяне признаваютъ его своимъ и говорятъ, что отъ него родился Египетъ, который былъ Нептуновъ и Ливіинъ сынъ.

На главу седьмую.

(1) Чудовищные роды людей. О коихъ смотри Плинія книгу седьмую.

(2)

(2) Какъ языческая повѣствуетъ исторія. Я не думаю, чтобъ Пигмеи заключались въ одномъ мѣстѣ. Ибо писатели между собою не согласуютъ. Плиній въ книгѣ четвертой во Θракіи полагаетъ. Тойже Плиній въ книгѣ пятой предлагаетъ мнѣніе тѣхъ, кои повѣствуютъ, что Пигмеи живутъ при Еудонѣ Карійской рѣкѣ. И въ шестой по преданію иныхъ пишетъ, что Пигмеи въ Празійскихъ нагорныхъ мѣстахъ въ Индіи живутъ.

(3) О Кинокефалахъ. Съ головами пессіими. Солинъ говоритъ, что они суть изъ рода обезьянъ. Діодоръ тожъ дикими звѣрями ихъ почитаетъ.

(4) Кочкоданы. Родъ долгохвостой обезьяны.

На главу девятую.

(1) Которая земля принадлежала къ государству Ассирійскому. Ибо въ Ассиріи есть Халдея, какъ пишутъ Мела, Плиній, Страбонъ и проч.

(2) *Предъ отцемъ своимъ Θаррою.* Бытія глава перваянадесять.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Сиціонское. Сиціонъ есть городъ въ Пелопонисѣ, въ которомъ первый царствовалъ Егмалей, какъ пишутъ Павзаній и Евсевій.

На главу пятуюнадесять.

(1) До Сихема. Сей городъ построенъ былъ на предѣлахъ Ефраима, которой разорилъ Авимелехъ, какъ видно судей изъ главы девятой. Іеронимъ о мѣстахъ Еврейскихъ пишетъ, что сей городъ назывался Сикимою, котораго знаки описываетъ близъ города Неаполя, гдѣ Іосифова гробница.

На главу двадесятую.

(1) Аратъ. Аратовъ было двое. Одинъ полководецъ, который Сиціонъ отечество свое отъ тиран-

ства Никоилова избавилЪ. Другой стихотворецЪ Помпеополитанской, которой городЪ состоялЪ вЪ Киликіи, близЪ коего показываютЪ малую гробницу сего стихотворца Арата, на которую поверженные камни отбрасываемы бываютЪ, какою силою не извѢстно. ЖилЪ во времени Антигона Македонскаго царя. ПисалЪ какЪ другаго много, такЪ о явленіяхЪ воздушныхЪ.

(2) ЕвдоксЪ. ИзЪ Гнида Карійскаго, философЪ МатематикЪ и лѢкарь; писалЪ стихи обЪ Астрологіи.

На главу тридесять девятую.

(1) ВолхвовЪ ФараоновыхЪ. Кто имянно ФараонЪ тогда былЪ, писатели вЪ томЪ не согласны. Евсевій свидѢтельствуетЪ, что АпіонЪ ПолигисторЪ пишетЪ, акибы вЪ то время царствовалЪ вЪ ЕгиптѢ АмазисЪ: но тому статься не можно. Ибо АмазисЪ былЪ послѢ, во времена Пиѳагоровы. ІосифЪ говоритЪ, что тогда царствовалЪ ТекмозисЪ, по свидѢтельству Манеѳанову. Иные говорятЪ, что АменоѳисЪ; вЪ хроникахЪ же Евсевій полагаетЪ Кенхрея.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, КЪ МАРКЕЛЛИНУ О градѣ Божіемъ.

КНИГА XVII.

Глава первая.

О временахъ пророковъ.

Обѣщанія Божія, учиненныя Аврааму, котораго къ сѣмени какъ народъ Израильской по плоти, такъ и всѣ языки по вѣрѣ принадлежатъ по Божію обѣщанію, какимъ образомъ исполняются, оное по порядку продолжающійся градъ Божій открываетъ. И такъ поелику въ вышеокончанной книгѣ показали мы продолженіе града Божія до царства Давидова; теперь отъ онаго, сколько потребно къ настоящему сочиненію, разсмотримъ слѣдующее потомъ. И такъ сіе время, съ котораго святый Самуилъ пророчествовать началъ, покуда народъ Іудейскій въ Вавилонъ отведенъ, и оттуда по пророчеству Іереміи пророка, попрошествіи седмидесяти лѣтъ, возвратился,

и

и возобновилЪ домЪ Божій; все, говорю, сіе время есть временемЪ пророковЪ. Ибо хотя и самаго Патріарха Ноя, котораго во дни вся земля истреблена потопомЪ, и другихЪ, какЪ прежде, такЪ и послѣ его, даже до того времени, какЪ цари вЪ народѣ Божіемъ быть начали, ради нѣкоторыхЪ вещей ими прообразованныхЪ, или предвозвѣщенныхЪ, которыя принадлежатЪ кЪ граду Божіему и царствію небесному, справедливо можно назвать пророками, особливо, что нѣкоторыхЪ изЪ нихЪ явственно пророками нареченныхЪ вЪ Писаніи видимЪ; какЪ-то Авраама, Моѵсея, и проч: однако временемЪ пророковЪ наипаче то называется, сЪ котораго началЪ пророчествовать СамуилЪ, который и Саула прежде, и по отверженіи онаго по повелѣнію Божію Давида помазалЪ вЪ цари, дабы отЪ его рода были преемниками, покуда преемству оному продолжаться надлежало. Что же пророки предвозвѣстили о Христѣ, когда градЪ Божій, вЪ разсужденіи умирающихЪ и раждающихся своихЪ членовЪ, вЪ сіи продолжался времена, естьлибЪ я восхотѣлЪ все изЪяснить, то безмѣрное предпринялЪ бы дѣло. ВоперьвыхЪ поелику самое Писаніе, по порядку царей и ихЪ дѣла и приключенія описывая, представляетЪ все наподобіе историческаго тщательнаго повѣствованія, то естьли сЪ помощію Духа Божія вЪ него вникнуть, откроется, что оно не менѣе пред-

предвозвѣщаетъ о будущемъ, какъ предлагаетъ о прошедшемъ. Но до всего разсужденіемъ доходить, и предлагать, сколь есть невмѣстительно и продолжительно, и сколь многихъ требуетъ книгъ, кто не знаетъ, которой хотя мало о томъ помышляетъ? Вовторыхъ понеже то самое, которое безъ сомнѣнія принадлежитъ, столь многочисленно о Христѣ и царствѣ небесномъ, что составляетъ градъ Божій, что къ изъясненію того болѣе разсужденій потребно, нежели сколько планъ сего сочиненія позволяетъ. Однако я такъ въ семъ сочиненіи поступить намѣренъ, чтобъ ни излишняго, ни недостатка въ немъ не было.

Глава вторая.

Въ которое время исполнилось обѣщаніе Божіе о землѣ Ханаанской, которую по владѣніе получилъ Израилъ плотскій.

Въ вышеоконченной книгѣ сказали мы, что Аврааму сперва двѣ обѣщаны вещи, изъ коихъ первая, что сѣмя его обладать имѣетъ землею Ханаанскою, которое означается, когда сказано: *иди въ землю, юже аще ти покажу, и сотворю тя въ языкъ велій.* Вторая же несравненно изящнѣйшая, не о плотскомъ, но о духовномъ сѣмени, по которому онъ отцемъ не одного народа Израильскаго, но всѣхъ языковъ, стопамъ вѣ-

вѣры его послѣдующихъ. Которое обѣщаемо быть начало сими словами: *и благословятся о тебѣ вся колѣна земная.* Потомъ другими многими свидѣтельствами показали мы, что сіи двѣ вещи обѣщаны. И такъ было уже сѣмя обѣтованія на земли, то есть народъ Израильской по плоти, и царствовать уже начало, не только обладая городами враговъ своихъ, но и имѣя царей, по исполненіи уже большой части обѣщаній Божіихъ о народѣ; не только тѣхъ, которыя учинены были тремъ онымъ праотцамъ Аврааму, Исааку, и Іякову или на словахъ или знаменіяхъ или образахъ въ ихъ времена, но и тѣхъ, которыя чрезъ Моvсея, коимъ народъ отъ Египетской работы свободился, и коимъ открыто все прежде бывшее и прошедшее, когда народъ извелъ въ пустыню, учинены. Однако ни при знаменитомъ предводителѣ Іисусѣ Навинѣ, который ввелъ народъ въ обѣтованную землю, который, побѣдивъ народы, землю оную двенатцати колѣнамъ, коимъ повелѣлъ Богъ, раздѣлилъ и умеръ: ни послѣ его во времена судей исполнено не было обѣщаніе Божіе о земли Ханаанской, дабы отъ рѣки Египетской до великой рѣки Еvфрата народъ Іудейскій обладалъ оною; при всемъ томъ не пророчески тогда, какъ о будущемъ еще предвозвѣщалось, но ожидаемо было скорое того исполненіе. Исполнилось же оное во времена Давидовы и Соломоновы, котораго

(Соло-

(Соломона) царство до толикаго пространства было разширено. Ибо какЪ отецЪ, такЪ и онЪ всѣхЪ тамо живущихЪ народовЪ покорили, и данниками сдѣлали. ТакимЪ убо образомЪ вЪ земли обѣтованія по плоти, то есть вЪ земли Ханаанской при сихЪ царяхЪ сѣмя Авраамово было расположено, что ничего болѣе не доставало, которое бы показало, что обѣщаніе Божіе вЪ разсужденіи Палестинской земли не исполнилось: кромѣ того только, дабы вЪ земли оной, что касается до временнаго благополучія, чрезЪ преемство потомства неизмѣнно до кончины смертнаго сего вѣка народЪ пребывалЪ Іудейскій, естьлибЪ повиновался Господа своего закономЪ. Но поелику БогЪ зналЪ, что народЪ Іудейскій исполнять закона не будетЪ, то употреблялЪ временныхЪ казней кЪ обученію малочисленныхЪ своихЪ вѣрныхЪ, которые послѣ имѣли быть во всѣхЪ языкахЪ, которымЪ надлежало чрезЪ нихЪ дать наставленіе, надЪ которыми БогЪ второе обѣщаніе, по откровеніи новаго завѣта, чрезЪ воплощеніе Христово, имѣлЪ исполнить.

Глава

Глава третія.

О троечастныхъ пророческихъ знаменованіяхъ, изъ коихъ иныя относятся къ земному, другія къ невесному Іерусалиму, а иныя и къ тому и другому.

Чего для всѣ предвозвѣщенія Божія, бывшія къ Аврааму, Исааку и Іякову, и прочія прежнія пророчества и знаменія: подобно и другія отъ времени царей предсказанія частію принадлежатъ къ народу по плоти, отъ Авраама происходящему; частію же къ тому сѣмени, о которомъ благословляются всѣ языки, сонаслѣдники Христовы чрезъ новый завѣтъ къ наслѣдію живота вѣчнаго и царствія небеснаго. Частію къ рабыни раждающей въ работу, то есть земному Іерусалиму, которой работаетъ съ чады своими; частію же къ свободному граду Божію, то есть истинному Іерусалиму вѣчному на небеси, коего чада, всѣ по Богу живущіе, странствуютъ на земли: находятся же нѣкоторыя, кои къ обоимъ принадлежатъ, къ рабыни собственно, къ свободной образовательно. И такъ троечастныя суть изреченія пророковъ; ибо иныя касаются земнаго Іерусалима, другія принадлежатъ къ небесному, а нѣкоторыя ко обоимъ. Мнѣ кажется примѣрами объяснить мои мысли должно. Посланъ Пророкъ Наѳанъ, дабы обличить Давида въ тяжкомъ согрѣшеніи, и предвозвѣстить о тѣхъ злахъ, кото-

которыя ему послѣдовали за то. Сіе и подобное или въ пользу народа всего, или въ пользу частныхъ людей сказанное отъ Бога съ тѣмъ, дабы было знаемо впредь ради выгодъ временной жизни, кто сомнѣвается, что принадлежитъ къ земному граду. Когда же пишется: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ ихъ, въ день, въ онь же емшу ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія, яко тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и азъ небрегохъ ихъ, глаголетъ Господь, яко сей завѣтъ, его же завѣщаю дому Израилеву; по днехъ онѣхъ, глаголетъ Господь, дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ ми въ люди:* то безъ сомнѣнія о горнемъ Іерусалимѣ пророчествуется, которому мздою есть самъ Богъ, и которому имѣть Бога всецѣлымъ и наивысочайшимъ есть добромъ. Къ обоимъ же принадлежитъ то самое, что Іерусалимъ называется градомъ Божіимъ, и пророчествуется, что въ немъ имѣетъ быть домъ Божій, которое пророчество по видимому исполнялось, когда Соломонъ создалъ знаменитый храмъ. Ибо сіе и въ земномъ Іерусалимѣ было, и небеснаго Іерусалима составляло образъ. Которой родъ пророчества изъ обоихъ соединеннаго въ книгахъ древнихъ правильныхъ, описывающихъ древ-

нія дѣла, содержится, много имѣетъ важности и занимаетъ разумы, испытывающія Священное Писаніе, когда предсказанное и исполнившееся исторически читается на сѣмени Авраамовомъ по плоти, и изслѣдывается, что иносказательно исполниться имѣетъ въ сѣмени Авраамовомъ по вѣрѣ; такъ, что нѣкоторые почли, что во оныхъ книгахъ ничего ни предсказано, ни сдѣлано, или сдѣлано, хотя не предсказано, которое бы не внушало нѣчто, кое къ горнему граду Божію и его чадамъ, въ сей жизни странствующимъ, образовательнымъ знаменованіемъ отнести было бы не можно. Но естьли оно такъ, то уже двоечастными, а не троечастными будутъ изреченія пророковъ, или лучше сказать, всего онаго писанія, которое именемъ ветхаго завѣта называется. Ибо ничего уже не будетъ въ немъ, которое бы единственно къ земному принадлежало Іерусалиму, естьли все ради онаго или объ ономъ сказуется, и исполняется, означаетъ нѣчто, которое и къ Іерусалиму небесному иносказательнымъ прообразованіемъ относится: но будетъ только два рода, изъ коихъ одинъ къ Іерусалиму свободному, другой, которой ко обоимъ будетъ принадлежать. Но что касается до меня, то я какъ тѣхъ почитаю заблуждающими, которые думаютъ, что въ священныхъ книгахъ все описываемое, кромѣ исторіи ничего инаго знаменующаго

въ

въ себѣ не заключаетъ: такъ напротивъ тѣхъ поставляю дерзновенными, которые утверждаютъ, что все написанное въ священныхъ книгахъ содержитъ въ себѣ иносказательныя знаменованія. И для того я сказалъ, что изреченія пророковъ и проч. троечастны. Сіе однако думая, не охуждаю тѣхъ, которые во всякомъ дѣйствіи и словѣ могли найти разумъ духовный, естьли только невредиму оставили повѣствованія истинну. Впрочемъ когда говорится иное такъ, что дѣламъ человѣческимъ или божественнымъ не сообразно, то кто изъ вѣрныхъ почтетъ, аки бы напрасно то сказано? Кто духовнымъ образомъ толковать того не станетъ, естьли можетъ, или не признается, что тотъ духовно толковать долженъ, который можетъ?

Глава четвертая.

О прообразованномъ измѣненіи Израильскаго царства и священства; и о томъ, что прежде мать Самуилова въ лицѣ церкви пророчествовала.

И такъ продолженіе Божія града, когда достигло до временъ царей, въ которые по отверженіи Саула Давидъ первый такъ воцарился, что послѣ того всегда изъ его потомства въ земномъ Іерусалимѣ царствовали преемники: показало образъ, знача

чая и предвозвѣщая, чего умолчать не должно, перемѣну будущихъ вещей, касательно до двухъ завѣтовъ, древняго и новаго: когда священство и царство премѣнено священникомъ и купно царемъ новымъ и вѣчнымъ, Христомъ Iисусомъ. Ибо и по отверженiи жреца Илiи, поставленъ въ его мѣсто въ служенiе Богу Самуилъ, которой, будучи жрецомъ, правилъ должность и судiи. И по отверженiи Саула царь Давидъ утвердился на царствѣ; и прообразовали собою то, о чемъ я говорю. И мать самая Самуилова Анна, которая была прежде неплодною, и послѣ обрадована будучи дѣторожденiемъ, по видимому не о иномъ пророчествуетъ, когда благодаренiе свое отъ радости приносила Господу; и когда отрока рожденнаго и отдоеннаго съ таковымъ же усердiемъ отдала Богу, съ каковымъ прежде обѣщала. Ибо говоритъ: *утвердися сердце мое во Господѣ, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ, разширишася на враги моя уста моя, возвеселихся о спасенiи моемъ. Яко нѣсть святъ, яко Господь, и нѣсть праведенъ яко Богъ нашъ, и нѣсть святъ паче Тебе. Не хвалитеся и не глаголите высокая въ гордыни: ниже да изыдетъ велерѣчiе изъ устъ вашихъ: яко Богъ разумовъ Господь, и Богъ уготовляяй начинанiя своя. Лукъ сильныхъ изнеможе, и немощствующiи препоясашася силою: исполненнiи хлѣба лишишася, и алчущiи пришельства-*

стропаша землю: яко неплоды роди седмь и многая въ чадѣхъ изнеможе. Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ: Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ. Возставляетъ отъ земли убога, и отъ гноища воздвизаетъ нища, посадити его съ могущими людей, и престолъ славы дая въ наслѣдіе имъ. Даяй молитву молящемуся, и благослови лѣта праведнаго: яко не въ крѣпости силенъ мужъ. Господь немощна сотвори супостата его: Господь святъ. Да не хвалится премудрый премудростію своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати Господа, и творити судъ и правду посредѣ земли. Господь взыде на небеса и возгремѣ: той судитъ концемъ земли, праведенъ сый: и дастъ крѣпость царемъ нашимъ, и вознесетъ рогъ Христа своего. Не уже ли кто почтетъ слова сіи жены одной, которая радовалась о рожденіи себѣ сына? Не уже ли столь ослѣпленъ, или отъ свѣта истинны удаленъ разумъ человѣческій, которой бы не видѣлъ, что сіи слова превосходятъ жену, которыя она произноситъ? Притомъ есть ли кто въ самыхъ вещахъ, которыя уже въ семъ земномъ странствованіи начали исполняться, не непристойно смущается, тотъ не уже ли не внимаетъ, не видитъ, и не познаваетъ, что въ лицѣ сей жены, кото-

рая называется Анна, то есть благодатная, самое благочестіе Христіанское, самый градъ Божій, котораго царь и зиждитель Христосъ, самая наконецъ Божія благодать пророчески такъ говорила, которой гордые удаляются, дабы пасть, и которою смиренные исполняются, дабы востать, что особенно въ пѣсни сей изображается? Развѣ можетъ быть кто скажетъ, что она ничего не пророчествовала, но только за сына, котораго молитвою испросила, радостнымъ проповѣданіемъ Бога восхваляла. Такъ чтожъ бы такое значило, что говоритъ: *лукъ сильныхъ изнеможе, и немощствующіи препоясашася силою; исполненіи хлѣба лишишася, и алчущіи пришельствоваша землю; яко не плоды роди седмь, и многая въ чадѣхъ изнеможе?* Не уже ли она родила седмь, хотя и была безплодною? Одного имѣла, когда сіе говорила. Но и послѣ не родила седмь или шесть, къ которымъ причисленный Самуилъ былъ бы седмымъ, но только трехъ мужеска пола, и двухъ женска. Притомъ когда въ Іудейскомъ народѣ никакого царя не было, когда она говорила, то въ концѣ своея пѣсни положивъ: *и дастъ крѣпость царемъ нашимъ, и вознесетъ рогъ Христа своего*: откуда могла сказать, ежели не пророчествовала? И такъ пускай возглашаетъ церковь Христова, градъ царя великаго, исполненный благодати, избыточествующій чадами; пускай, говорю, возглашаетъ, что

уста-

устами сея святыя жены пророчествованнымЪ признаваетЪ: *утвердися сердце мое вЪ Господѣ, вознесеся рогЪ мой вЪ Бозѣ моемЪ*; по истиннѣ утвердилось сердце, и вознесся рогЪ, понеже не вЪ себѣ, но вЪ Господѣ Богѣ своемЪ. *Разширишася на враги моя уста моя*: понеже и вЪ притѣсненіи и бѣдствіи слово Божіе не бываетЪ связуемо, хотя проповѣдающій и связанЪ. *Возвеселихся* говоритЪ, *о спасеніи твоемЪ.* ХристосЪ есть ІисусЪ, котораго СимеонЪ, какЪ вЪ Евангеліи пишется, вЪ старости принимая на руки, и великимЪ признавая: *нынѣ*, говоритЪ, *отпущаеши раба твоего Владыко сЪ миромЪ, яко видѣста очи мои спасеніе твое.* И такЪ пускай говоритЪ церковь: *возвеселихся о спасеніи твоемЪ, яко нѣсть святЪ яко Господь, и нѣсть праведенЪ яко БогЪ нашЪ*, такЪ какЪ святый и освящающій, праведный и оправдающій. Нѣсть святЪ кромѣ Тебя, понеже никто бытія не имѣетЪ, какЪ только отЪ Тебя. ПотомЪ продолжаетЪ: *не хвалитеся и не глаголите высокая вЪ гордыни, и да не изыдетЪ велерѣчіе отЪ устЪ вашихЪ: яко БогЪ разумовЪ Господь той*: и никто того не знаетЪ, что ОнЪ знаетЪ, ибо *мнящіи видѣти что либо, ничтоже суще, себе прельщаютЪ.* Сіе говорится врагамЪ и противникамЪ града Божія, принадлежащимЪ кЪ Вавилону, надѣющимся на свою силу, собою, а не ГосподомЪ хвалящимся, изЪ кохЪ числа суть и Израильтяне по плоти,

 земна-

земнаго Іерусалима земные жители, которые, какъ говоритъ Апостолъ, *не вѣдуще Божія правды*, то есть, которую Богъ даруетъ людямъ, будучи праведный и оправдающій; *и свою правду ищуще поставити*, то есть, какъ бы собою уготованную, а не отъ Бога дарованную, *правды Божіей отпадоша.* И такъ поелику надменно думали, что они сами отъ себя, а не отъ Бога могутъ угодить Богу, который есть Богомъ разумовъ, а потому и судія совѣстей, видящій помышленія человѣческія, что они суетны; понеже суть человѣческія, а не отъ него: то и отпали. *И Богъ*, говоритъ, *уготовляяй начинанія своя.* Какія разумѣетъ начинанія, кромѣ оныхъ, дабы гордые пали, и кроткіе востали? Ибо о сихъ начинаніяхъ продолжаетъ: *Лукъ сильныхъ изнеможе, и немощствующіи препоясашася силою.* Изнеможе лукъ, то есть, намѣреніе тѣхъ, которые сами себѣ кажутся сильными столь, что безъ Божія дарованія и помощи, человѣческимъ единственно довольствомъ поставляютъ дѣломъ возможнымъ, исполнить Божія повелѣнія: и препоясуются силою, которые внутренно вопіютъ: *помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь. Исполненніи*, говоритъ, *хлѣбовъ лишишася, и алчущіи пришельствоваша землю.* Кого здѣсь исполненными хлѣбами разумѣть должно, кромѣ тѣхъ, которые, будучи какъ бы сильные, имѣютъ ввѣренные себѣ Божіи глаголы? то есть,

Изра-

Израильтянъ. Но въ ономъ народѣ рабынина чада лишившася, то есть изъ большихъ меньшими сдѣлались: понеже и въ самыхъ хлѣбахъ, то есть, божественныхъ изреченіяхъ, которыя въ тогдашнее время одни Израильтяне изъ всѣхъ языковъ получили, мудрствуютъ земное. Языки же коимъ законъ данъ не былъ, какъ скоро приступили чрезъ новый завѣтъ къ изреченіямъ Божіимъ, и крайне алчя, пришельствовали землю, не земная въ нихъ, но небесная мудрствовали. И какъ бы требовано было причины, для чего сіе такъ сдѣлалось, отвѣтствуетъ: *яко неплоды роди седмь, и многая въ чадѣхъ изнеможе.* Здѣсь все что пророчествовано было, открылось признавающимъ седмеричное число; коимъ означено церкви всей совершенство. Чего для и Іоаннъ Апостолъ пишетъ къ семи церквамъ, показывая, что онъ пишетъ къ полнотѣ всея. И въ притчахъ Соломонъ напредъ сіе прообразуя; *премудрость, говоритъ, созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь.* Ибо безплоднымъ былъ во всѣхъ языкахъ Божій градъ, прежде нежели произошелъ плодъ, коимъ онъ сталъ многоплоднымъ. Видимъ также, что многій въ чадѣхъ изнемогъ Іерусалимъ земный: понеже чада свободные, въ немъ бывшіе, силою его были. Нынѣ же поелику тамъ осталось писмя, духа же нѣтъ, то по потеряніи силы изнемогла. *Господь мертвитъ и живитъ.* Умер-

твилъ оную, которая многа была въ чадѣхъ, и оживилъ неплодную, которая родила седмь. Хотя приличнѣе разумѣть можно, что онъ тѣхъ же оживляетъ, которыхъ умертвилъ. И тожъ самое какъ бы повторилъ, прилагая: *низводить во адъ, и возводитъ.* Которымъ также говоритъ и Апостолъ: *аще умросте со Христомъ, то ищите горнихъ, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдяй.* Спасительно умерщвляются отъ Господа, коимъ прилагаетъ: *Горняя мудрствуйте, а не земная,* дабы они были тѣ самые, кои *пришельствовали землю. Умросте во,* говоритъ. Вотъ сколь спасительно умерщвляетъ Богъ. Потомъ продолжаетъ: *и животъ вашъ сокровенъ со Христомъ въ Богѣ.* Вотъ какимъ образомъ тѣхъ же самыхъ оживотворяетъ Богъ. Но не уже ли низвелъ насъ во адъ и возвелъ? Конечно: ибо обое то видимъ исполнившимся въ главѣ нашей, съ коимъ, по слову Апостольскому, жизнь наша сокровенна въ Богѣ. *Иже во сына своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ естъ его;* такъ умертвилъ его. И поелику воскресилъ его отъ мертвыхъ, паки тогожде оживотворилъ. И понеже въ пророчествѣ гласъ его признавается: *не оставиши душу мою во адѣ:* то его низвелъ во адъ и возвелъ. Сею его *нищетою мы обогатилися. Господь во убожитъ и богатитъ.* Ибо, чтобъ намъ выразумѣть то, послушаемъ слѣдующаго: *смира-*

ряетъ и пысить; то есть, гордыхъ смиряетъ, а смиренныхъ возвышаетъ. Понеже, что на другомъ мѣстѣ пишется: *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать*: сіе все содержитъ слово сея, которыя имя толкуется, благодатная, (то есть Анны). Что же присовокупляется: *воздвизаетъ отъ земли нища*: ни окомъ я лучше сего не разумѣю, какъ о томъ, который *насъ ради обнищалъ, богатъ сый, да мы*, какъ выше сказано, *нищетою его обогатимся*. Ибо его отъ земли столь скоро воздвигнулъ, что *плоть его не видѣла истлѣнія*. И сего отъ него не удалю, что прилагается: *и отъ гноища возставляетъ убога*. Ибо нищій и убогій тожъ значитъ. Чрезъ гноище же, отъ котораго воздвигнутъ, справедливо разумѣются гонители Іудеи, въ коихъ числѣ будучи Апостолъ, когда сказалъ, что гналъ церковь, прибавилъ: *вся пріобрѣтенія для Христа имѣнихъ тщету быти*, и не только *тщету*, *но исчелъ за уметы, да Христа пріобрящу*. Отъ земли убо воставленъ выше всѣхъ богатыхъ убогій, и отъ гноища воздвигнутъ выше всѣхъ достаточныхъ нищій, посадити его съ могущими людей, коимъ говоритъ: *сядете на двоюнадесяте престолахъ. И престолъ славы дая въ наслѣдіе имъ*. Ибо сказали оные могущіе: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ тебѣ идохомъ*. Таковой обѣтъ положили могущіе. Но откуда

куда имъ сіе, какъ не отъ того, о чемъ здѣсь непосредственно пишется: *даяй молитву молящемуся*; въ Латинскомъ: *даяй обѣты обѣщавающимъ*? Въ противномъ случаѣ они были бы изъ числа тѣхъ сильныхъ, коихъ лукъ изнеможе: ибо никто ничего Господу обѣщать не можетъ, естьли не получитъ того отъ него, что обѣщаетъ. Продолжаетъ: *и благослови лѣта праведнаго*. Дабы, то есть, жилъ онъ безконечно съ тѣмъ, о коемъ речено: *и лѣта твоя не оскудѣютъ*. Ибо тамъ лѣта пребываютъ, здѣсь протекаютъ, или лучше сказать, погибаютъ: понеже прежде нежели настанутъ, нѣтъ оныхъ; когдаже пріидутъ, то не будутъ, понеже приходятъ съ своимъ концемъ. Изъ сихъ же двухъ, то есть *даяй обѣты обѣщавающему*, *и благослови лѣта праведнаго*, одно, которое мы дѣлаемъ, другое, которое пріемлемъ. Но сіе второе по щедротѣ Божіей не пріемлется, но только помоществованіемъ его первое оное дѣлается: *яко не въ крѣпости силенъ мужъ. Господь немощна сотвори супостата его*. То есть того, который завидитъ обѣщавающему человѣку и противится, дабы онъ не возмогъ исполнить, что обѣщалъ. Можно сіе заключить изъ сомнительнаго слова, супостатъ. Ибо когда Господь обладать нами начинаетъ, то всенепремѣнно бывшій нашимъ супостатомъ, становится ему противникомъ, и побѣждается отъ насъ, но не

не нашими силами; понеже *не въ крѣпости силенъ мужъ. Господь убо сотпоритъ немощна супостата своего, Господь Святый;* дабы онъ побѣждаемъ былъ отъ Святыхъ, которыхъ Господь Святый Святыхъ содѣлалъ Святыми. И потому *да не хвалится премудрый премудростію своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати Господа, и творити судъ и правду посредѣ земли.* Не мало разумѣетъ и знаетъ той Господа, который разумѣетъ и знаетъ, что и то Господь ему даруетъ, что онъ разумѣетъ и знаетъ Господа. *Что во имаши,* говоритъ Апостолъ, *его же нѣси пріялъ? Аще же пріялъ еси, что хвалишися, аки не пріемый,* какъ будто бы то самое отъ себя ты имѣешъ, чѣмъ хвалишся. Творитъ же судъ и правду, который благонравно живетъ, который повинуется повелѣнію Божію, и имѣетъ *кончиною заповѣди,* то есть, къ которой клонится заповѣдь, *любовь отъ чиста сердца, и совѣсти благи, и вѣры не лицемѣрныя.* Любовь же сія, какъ Іоаннъ Апостолъ свидѣтельствуетъ, отъ Бога есть. Слѣдовательно творить судъ и правду отъ Бога есть. Но что есть *посредѣ земли?* Ибо никто сказать не можетъ, что тѣ не должны творить суда и правды, которые живутъ въ концахъ земли. Для чего же приложено, *посредѣ земли?* Естьли бы прибавлено

не

не было, и толькобъ просто сказано было, творить судъ и правду, то сія заповѣдь къ обоимъ наипаче принадлежала бы, какъ средиземнымъ, такъ въ концахъ вселенныя живущимъ людямъ. Но чтобъ кто не подумалъ, что по кончинѣ сея жизни, препровождаемой въ тѣлѣ, остается время творить судъ и правду, которыя будучи въ тѣлѣ не творилъ, и такимъ образомъ не почелъ, что можно избѣжать Божія суда: того ради по мнѣнію моему сказано, *посредѣ земли*, когда всякъ живетъ въ тѣлѣ. Ибо въ сей жизни всякъ землю свою носитъ, которую по смерти человѣка воспринимаетъ общая земля, которая воскреснуть имѣющему оную возвратитъ. И потому *посредѣ земли*, то есть, когда душа въ земномъ семъ заключается тѣлѣ, творить должно судъ и правду, которыя великой намъ принесутъ прибытокъ, когда *воспріиметъ кійждо по псему, еже съ тѣломъ содѣла, или благо, или зло.* Чрезъ тѣло здѣсь разумѣетъ Апостолъ время, въ которое жилъ въ тѣлѣ. Ибо не льзя сказать, что тотъ не виновенъ, который по злобѣ ума, или нечестію мысли хулитъ; поелику не движеніемъ тѣлеснымъ оное дѣлалъ: когда дѣлалъ оное въ то время, въ которое носилъ тѣло. Симъ образомъ разумѣть можно и оное, что пишется во псалмѣ: *Богъ же царь нашъ прежде вѣкъ содѣла спасеніе посредѣ земли.* Дабы разумѣли мы, что Господь Іисусъ Богъ нашъ,

сущій

сущій прежде вѣкъ, понеже имъ и вѣки сотворены, содѣлалъ спасеніе наше посредѣ земли, когда *Слово плоть бысть*, и въ земномъ вселился тѣлѣ. Потомъ по пророчествѣ, въ сихъ Анниныхъ словахъ состоящемъ, какимъ образомъ хвалиться долженъ хваляйся, то есть не въ себѣ, но въ Господѣ, ради воздаянія имѣющаго быть въ день суда: *Господь, говоритъ, взыде на небеса и возгремѣ, той судитъ концемъ земли, праведенъ сый.* Сохранила порядокъ исповѣданія вѣрующихъ. Ибо взошелъ на небеса Господь Христосъ, и оттуда имѣетъ *пріити судити живымъ и мертвымъ.* Ибо *кто есть возшедый*, какъ говоритъ Апостолъ, *кромѣ того, который сошелъ въ дольнія страны земли? Снисшедый той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ вся̂ческая.* И такъ облаками своими возгремѣлъ, которые по возшествіи своемъ Духа Святаго исполнилъ. Коими работающему Іерусалиму, то есть неблагодарному винограду грозилъ чрезъ Исаію пророка, что не одождятъ на оный. Реченное же: *той судитъ концемъ земли*, какъ бы такъ сказано было: той судитъ и концемъ земли. Ибо онъ будетъ судить и прочія всѣ страны, когда всѣхъ людей судить будетъ. Но лучше разумѣется чрезъ концы земные послѣднее состояніе человѣка; понеже перемѣны въ лучшее и хуждшее прежде кончины судимы не будутъ, но послѣдняя судимы быть имѣютъ, въ коихъ

ихъ обрѣтенъ и постиженъ будетъ человѣкъ. Чего для сказано: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.* И такъ кто неизмѣнно творитъ судъ и правду посреди земли, не будетъ осужденъ, когда имѣютъ быть суждены концы земли. *И дастъ*, говоритъ, *крѣпость царемъ нашимъ*: не дабы судомъ ихъ осудить. Даетъ имъ силу, коею бы они какъ цари управляли плотію, и побѣждали міръ тѣмъ, который за нихъ изліялъ свою кровь. *И вознесетъ рогъ Христа своего.* Какимъ образомъ Христосъ вознесетъ рогъ Христа своего. Ибо какъ выше сказанное: *Господь взыде на небеса*, разумѣли мы о Христѣ Господѣ; такъ и здѣсь Христосъ *вознесетъ рогъ Христа своего*, который есть Христосъ. И такъ Христосъ Христа своего рогъ вознесетъ, то есть, каждаго вѣрующаго въ него, какъ и Анна въ началѣ пѣсни сея говоритъ: *вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ.* Ибо всѣхъ помазанныхъ помазаніемъ его справедливо можемъ имяновать Христами, которые однако, какъ тѣло съ главою, составляютъ одного Христа. Сіе пророчествовала святаго мужа Самуила и хвалами превозносимаго мать Анна. Въ чемъ прообразовано измѣненіе ветхозавѣтнаго священства, и нынѣ исполнилось, когда изнеможе многая въ чадѣхъ, дабы возмогла имѣть во Христѣ новое священство неплодная родившая седмь.

Глава

Глава пятая.

О томъ, что человѣкъ Божій пророчески говорилъ жрецу Иліи, означая, что священство, по Ааронову чину установленное, премѣниться имѣетъ.

Но о семъ яснѣе къ самому Иліи жрецу посланный говоритъ человѣкъ Божій, котораго хотя имя и умолчано, однако выразумѣть можно, что онъ по должности и служенію безъ сомнѣнія былъ пророкъ. Ибо такимъ образомъ пишется: *и пріиде человѣкъ Божій ко Иліи, и рече: сія глаголетъ Господь; открываяся открыхся въ дому отца твоего, сущимъ имъ въ земли Египетстѣй рабомъ въ дому Фараона: и избрахъ домъ отца твоего отъ всѣхъ домовъ Израилевыхъ мнѣ служити, еже восходити ко олтарю моему, и кадити кадиломъ, и носити Ефудъ: и далъ дому отца твоего вся, яже огня жертвенная сыновъ Израилевыхъ, въ снѣдь. И во что ты позрѣлъ еси на ѳиміамъ мой, и на жертву мою безстуднымъ окомъ? И прославилъ сыны твоя паче мене, еже благословляти начатокъ всякія жертвы Израилевы предо мною? Сего ради сія глаголетъ Господь Богъ Израилевъ, глаголя: рекохъ, домъ твой, и домъ отца твоего пройдетъ предо мною во вѣки: а нынѣ глаголетъ Господь: никако же мнѣ: зане токмо прославляющія мя прославлю, и уничижаяй мене безчестенъ будетъ. Се дніе*

идутъ, и потребяю сѣмя твое, и сѣмя дому отца твоего, и не будетъ старца въ дому твоемъ во вся дни. И узриши державу мою во всѣхъ, ими же разблажаетъ Израиля, и не будетъ старца въ дому твоемъ во вся дни. И мужа не истребяю тебѣ отъ олтаря моего, во еже оскудѣти очесемъ его, и истаяти души его: и вси прочіи дому твоего падутъ оружіемъ мужескимъ. И сіе тебѣ знаменіе, еже пріидетъ на оба сыны твоя сія, Офни и Финееса: въ день единъ умрутъ оба. И возставлю себѣ жреца вѣрна, иже вся, яже въ сердцѣ моемъ, и яже въ души моей сотворитъ: и созижду ему домъ вѣренъ, и предъидетъ предъ Христомъ моимъ во вся дни. И будетъ всякъ оставшійся въ дому твоемъ, пріидетъ поклонитися ему съ цатою сребра и хлѣбомъ единымъ, глаголя: пріими мя къ единому отъ священнослуженій твоихъ, еже ясти хлѣбъ. Не можно сказать, акибы сіе пророчество, въ которомъ премѣненіе священства древняго столъ ясно предвозвѣщено, исполнилось на Самуилѣ. Ибо хотя онъ и не былъ отъ инаго колѣна, а отъ того, которое поставлено отъ Господа служить олтарю; однако не былъ онъ отъ дѣтей Аароновыхъ, котораго потомство на то было избрано, дабы отъ онаго избираемы были жрецы: и потому и въономъ тожъ премѣненіе, которое чрезъ Христа Іисуса быть имѣло, прознаменовано: и собственно принадлежало

къ

къ ветхому завѣту, образовательно же къ новому оное пророчество какъ дѣломъ, такъ и словомъ; дѣломъ, то есть прообразуя то, что словомъ къ Илію жрецу сказано было пророчески. Ибо были послѣ жрецы отъ рода Ааронова, какъ-то Садокъ, и Авіаѳаръ въ царство Давидово, и по нихъ прочіе, прежде нежели пришло время, въ которое по древнему прореченію о премѣненіи священства уставъ Божій исполниться чрезъ Христа долженствовалъ. Кто нынѣ взирая окомъ вѣры не видитъ исполнившимся того, когда ни скиніи, ни храма, ни жертвенника, ни жертвы, ни жреца не осталось у Іудеевъ, о коихъ Божіимъ закономъ было повелѣно, дабы отъ сѣмене Ааронова избираемы были. Что и здѣсь упомянуто, когда сказалъ оный пророкъ: *сія глаголетъ Господь: домъ твой и домъ отца твоего пройдетъ предо мною во вѣки: а нынѣ глаголетъ Богъ: никако же мнѣ; зане прославляющія мя прославлю, и уничтожаяй мя безчестенъ будетъ.* Когда же говоритъ домъ отца твоего, разумѣетъ не отца ближайшаго, но Аарона, который первымъ былъ поставленъ священникомъ, отъ коего рода прочіе ему послѣдовали. Сіе доказываетъ выше реченное: *открылъ въ дому отца твоего сущимъ имъ въ земли Египетской работъ въ дому Фараони: и избрахъ домъ отца твоего отъ всѣхъ домовъ Израилевыхъ мнѣ служити.* Какой отецъ Иліевъ въ

ономЪ рабствѣ ЕгипетскомЪ былЪ, и откуда по освобожденіи избранЪ вЪ священники кромѣ Аарона? И такЪ о его родѣ говоритЪ вЪ семЪ мѣстѣ, что отЪ него уже не будетЪ священниковЪ. Что уже исполнившееся и видимЪ. Да не изнемогаетЪ вѣра; вещи явны, видимы, осязаемы и сЪ взоромЪ хотящихЪ видѣть встрѣчаются. *Се,* говоритЪ, *дніе идутЪ, и потреблю сѣмя твое и сѣмя дому отца твоего, и не будетЪ старца вЪ дому твоемЪ во вся дни: и мужа не истреблю тебѣ отЪ олтаря моего, во еже оскудѣти очесемЪ его, и истаяти души его.* ВотЪ уже предвозвѣщенные дни пришли. НѣтЪ священника по чину Ааронову. И всякаго изЪ того рода человѣка, которой видитЪ жертву ХристіанЪ, во всей вселенной сіяющую, и себя лишенна великой чести, оскудѣваютЪ очеса, и истаеваетЪ душа отЪ скорби. Особенно же кЪ дому Иліи, кому сіе говорено было, принадлежитЪ слѣдующее: *и вси прочіи дому твоего падутЪ оружіемЪ мужескимЪ. И се тебѣ знаменіе, еже пріидетЪ на оба сыны твоя Офни и Финееса: вЪ единЪ день умрутЪ оба.* Сіе убо знаменіе было перемѣны священства отЪ дому Иліева, коимЪ знаменуемо было, что священство дому Ааронова премѣниться имѣетЪ. Ибо смерть сыновЪ ИліевыхЪ значила не смерть людей, но самаго священства отЪ сыновЪ АароновыхЪ. Слѣдующее же кЪ оному уже принадлежитЪ священнику, котораго образЪ носилЪ преемникЪ ИліевЪ СамуилЪ. И такЪ слѣдующее

ющее все о Іисусѣ Христѣ, Іереѣ новаго завѣта, сказуется: *и возстаплю себѣ жреца вѣрна, иже вся яже во сердцѣ моемъ, и яже во душѣ моей сотворитъ. И созижду ему домъ вѣренъ*, которымъ есть вѣчный и горній Іерусалимъ. *И предъидетъ предъ Христомъ моимъ во вся дни.* Прейдетъ, сказалъ, то есть обращаться будетъ, какъ и выше сказалъ о домѣ Аароновомъ: *рѣхъ, домъ твой, и домъ отца твоего предо мною во вѣки прейдетъ.* Что же говоритъ *предъидетъ предъ Христомъ моимъ*, о самомъ домѣ разумѣть надлежитъ, а не о Іереѣ, которымъ есть Христосъ самъ Ходатай и Спаситель. И такъ домъ его предъ нимъ предъидетъ. Можно разумѣть сіе и о смерти къ животу, которая продолжается во вся дни до кончины вѣка сего, покуда продолжается смертность. Что же говоритъ Богъ: *иже вся, яже во сердцѣ моемъ, и яже во душѣ моей сотворитъ*; не должны мы почитать, аки бы Богъ имѣетъ душу, который есть Творецъ души, но что сіе преносительно о Богѣ говорится, а не собственно, такъ какъ присвояются ему руки и ноги и прочія тѣлесныя части. И дабы не подумалъ кто, что человѣкъ по такому образу созданъ, то Богу приписываются и крилѣ, которыхъ человѣкъ не имѣетъ, такъ какъ говорится Богу: *кровомъ крилу твоею покрыеши мя*: дабы разумѣли люди, что таковое все приписывается Богу, какъ не-

неизреченному Существу, несобственно, но преносительно. Что же прилагается: *и будетъ всякъ оставшійся въ дому твоемъ пріидетъ поклонитися ему*: несобственно о домѣ Иліевомъ говорится, но Аароновомъ, отъ котораго даже до пришествія Христова люди пребыли, и нынѣ отъ тогожъ рода пребываютъ. Ибо объ ономъ домѣ сего Иліи уже выше сказано было: *и вси прочіи дому твоего падутъ оружіемъ мужескимъ*. Какимъ же образомъ справедливо можно было сказать здѣсь: *и будетъ всякъ оставшійся въ дому твоемъ пріидетъ поклонитися ему*, естьли оное не ложно, что никого не останется отъ мстящаго меча? Не инако, какъ только, что онъ разумѣетъ тѣхъ, кои принадлежатъ къ поколѣнію, но въ разсужденіи всего священства по чину Ааронову. Слѣдовательно о тѣхъ предуставленныхъ останкахъ сіе говорится, о которыхъ и другій пророкъ сказалъ: *останокъ спасется*. И Апостолъ: *тако убо*, говоритъ, *въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть*. Ибо о таковыхъ останкахъ изрядно разумѣется сказанное: *всякъ оставшійся въ дому твоемъ*. Ибо таковый вѣрующій есть, какъ и во времена Апостольскіе изъ онаго рода многіе увѣровали, и нынѣ, хотя рѣдко, обращаются въ вѣру, и исполняется приложенное человѣкомъ Божіимъ; *пріидетъ поклонитися ему съ цатою сребра*: кому поклониться, кромѣ того, который

есть

есть верховный Первосвященникъ и Богъ? Ибо въ ономъ священствѣ, по чину Ааронову, не для того къ храму приходили, или олтарю люди, дабы священнику поклоняться. Чтоже значитъ, *съ цатою сребра?* Не иное что, какъ съ краткостію слова вѣры, о которомъ по свидѣтельству Апостола сказано: *слово скончавая и сокращая въ правдѣ, яко слово сокращено сотворитъ Господь на земли.* Сребро же за изреченіе Божіе полагается, какъ пишется во псалмѣ: *словеса Господня, словеса чиста, сребро ражжено.* Что же говоритъ тотъ, который пришелъ поклониться Іерею Божію, и Іерею Богу? *Пріими мя къ единому отъ священнослуженій твоихъ, еже ясти хлѣбъ.* Не хочу я почитаемъ быть въ чести родителей моихъ, которая есть ничто: пріими мя къ единому отъ священнослуженій твоихъ. Я избралъ послѣднимъ быть въ дому Господнемъ, какимъ бы то ни было, желаю участникомъ быть твоего священства. Священствомъ здѣсь называетъ самый народъ, котораго Іереемъ есть *Ходатай Бога и человѣковъ человѣкъ Христосъ Іисусъ.* Которому народу говоритъ Апостолъ Петръ: *языкъ святъ, царское священіе.* Хотя нѣкоторые и положили *жертвы твоея*, а не *священнослуженій твоихъ*, однако и то и другое означаетъ той же народъ Христіанскій. Почему Апостолъ Павелъ говоритъ: *единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози.* И паки: *представите*,

 пи-

пишетЪ, *тѣлеса ваша жертву живу.* Что же прибавилЪ: *во еже ясти хлѣбЪ.* Изрядно и самый родЪ изобразилЪ жертвы, о которомЪ говоритЪ самЪ первосвященникЪ: *хлѣбЪ, его же азЪ дамЪ, плоть моя есть за животЪ міра.* Самая жертва, есть не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседекову; *чтый да разумѣетЪ.* И такЪ краткое есть сіе исповѣданіе, и спасительно смиренное, когда говорится: *пріими мя кЪ единому священнослуженій твоихЪ, во еже ясти хлѣбЪ.* ОнЪ есть и цата сребра, поелику кратко, и изреченіе Господне живущее вЪ сердцѣ вѣрующаго. Понеже сказалЪ выше, что онЪ далЪ отЪ жертвы пищу Аарону: *дахЪ,* говоритЪ, *дому отца твоего вся, яже огня жертвенная сыновЪ ИзраилевыхЪ, вЪ снѣдь.* Того ради здѣсь глаголетЪ: *во еже ясти хлѣбЪ,* что самое вЪ новомЪ завѣтѣ Христіанскою жертвою.

Глава шестая.

О ІудейскомЪ священствѣ и царствѣ, о коихЪ когда сказуется, что оныя имѣютЪ пребывать вѣчно, однако не пребываютЪ, тѣмЪ дается знать, что иное разумѣть надлежитЪ, которое обѣщается.

И такЪ, хотя сіе толь высоко предвозвѣщено, сколь нынѣ откровенно: при всемЪ томЪ усомниться кто либо можетЪ не безЪ основанія, и сказать: какЪ можно вѣрить, что предреченное вЪ священныхЪ книгахЪ

испол-

исполнится, естьли обѣщанное Богомъ: *домъ твой и домъ отца твоего прейдутъ предо мною по вѣки*: исполниться не могло? Ибо видимъ, что священство оное измѣнилось, и исполненія обѣщаннаго его дому ожидать никакъ не можно; поелику то, что на мѣсто его вступило, наипаче проповѣдается вѣчнымъ. Сіе кто говоритъ, тотъ не воображаетъ и не разумѣетъ, что священство по чину Ааронову, какъ тѣнь будущаго вѣчнаго священства уставлено: и потому, когда оному обѣщана вѣчность, то не тѣни обѣщается и образу, но прообразуемому и прознаменуемому. Но чтобъ не подумали люди, что и самая тѣнь имѣетъ пребывать вѣчно, то должно было предвозвѣстить о ея перемѣнѣ: и царство самое Саулово, который отъ Бога отверженъ, будущаго царства было тѣнію, которое имѣло пребывать вѣчно. Ибо елей тотъ, коимъ онъ помазанъ, и отъ того нареченъ Христомъ, таинственно понимать должно, и великое разумѣть таинство, которое въ немъ и самый Давидъ уважалъ столь, что ужаснулся и воспрепеталъ сердцемъ, когда въ темной пещерѣ, куда Саулъ ради нужды природной вошелъ, отрѣзалъ воскриліе ризы его, дабы имѣть, чрезъ что показать, какъ онъ пощадѣлъ его, хотя и могъ умертвить; и чрезъ то истребить подозрѣніе изъ мысли Сауловой, который святаго Давида почитая врагомъ, жестоко гналъ. И такъ,

дабы не показаться виновнымъ въ нарушеніи таковой тайны, поелику прикоснулся его одеждѣ, ужаснулся. Ибо такъ пишется: *и потрепета Давиду сердце его; яко отрѣза воскриліе одежды Саули.* Мужамъ же, которые были съ нимъ, и совѣтовали, дабы Саула преданнаго въ руки его умертвилъ, отвѣтствовалъ: *нинако же ми отъ Господа, аще сотворю глаголъ сей господину моему Христу Господню, еже нанести руку мою нань, яко Христосъ Господенъ есть сей.* И такъ сей тѣни будущаго, не ради оной, но ради того, что она прообразовала, толикое отдаваемо было почтеніе. Чего для и оное, что говоритъ Саулу Самуилъ: *понеже не сохранилъ еси заповѣди моея, юже заповѣда ти Господь; яко нынѣ уготовалъ бы Господь царство твое по Израили до вѣка; и нынѣ царство твое не станетъ тебѣ, и изыщетъ себѣ Господь человѣка по сердцу своему, и повелитъ ему Господь властелину быти надъ людми своими, яко не сохранилъ еси, елика заповѣда тебѣ Господь:* Не такъ разумѣть надлежитъ, аки бы Богъ благоволилъ, дабы Саулъ царствовалъ вѣчно, и послѣ благоволеніе свое премѣнилъ по его согрѣшеніи: ибо не невѣдалъ Богъ, что онъ согрѣшитъ, но уготовалъ было царство его, въ которомъ бы состоялъ образъ вѣчнаго царства. Того ради и приложилъ: *и нынѣ царство твое не станетъ тебѣ:* станетъ убо, что въ немъ было означаемо, но станетъ

нетъ не ему, понеже не вѣчно имѣлъ царствовать, ни родъ его, дабы по крайней мѣрѣ чрезъ потомство его исполнилось оное, *до вѣка. И изыщетъ*, говоритъ, *Господь себѣ человѣка*: или Давида, или самаго Ходатая новаго завѣта, означая, который образуемъ былъ въ помазаніи, которымъ Давидъ и потомки его помазаны. Не незналъ же Богъ, гдѣ оный человѣкъ, что какъ бы ищетъ, но чрезъ человѣка по обыкновенію говоритъ человѣческому; понеже говоря такъ насъ пріобрѣтаетъ. Ибо какъ Богу Отцу, такъ и единородному его Сыну, который пришелъ взыскать погибшее, столь были мы извѣстны, что въ немъ были избраны прежде сложенія міра. И такъ *изыщетъ*, написано вмѣсто того, какъ бы сказалъ: Богъ, который есть его, зная, покажетъ людямъ, что той ему благоугоденъ.

Глава седьмая.

О раздѣленіи царства Израильскаго, которымъ прообразовано раздѣленіе Израиля духовнаго отъ Израиля плотскаго вѣчное.

Паки согрѣшилъ Саулъ непослушаніемъ, и паки Самуилъ говоритъ ему словомъ Господнимъ: *понеже уничижилъ еси глаголъ Господенъ, и уничижитъ тя Господь не быти тебѣ царемъ по Израили.* И вторично, когда Саулъ признавался въ согрѣшеніи, и про-

просилъ прощенія, и молилъ Самуила, дабы возвратился съ нимъ ради умилостивленія Бога: *не возвращуся, сказалъ, съ тобою, яко уничижилъ еси глаголъ Господенъ; и уничижитъ тя Господь не быти тебѣ царемъ по Израили. И отврати Самуилъ лице свое еже отъити, и ятъ Саулъ за воскриліе ризы его, и раздра е. И рече ему Самуилъ: раздра Господь царство Израилево отъ руку твоею днесь, и дастъ е ближнему твоему лучшему паче тебе. И раздѣлится Израилъ на двое, и не обратится, ниже раскается святый Израилевъ: занеже не яко человѣкъ есть, еже раскаятися ему, запретитъ и не пребудетъ.* Сей, которому было сказано оное: *уничижитъ тя Господь не быти тебѣ царемъ по Израили: и раздра Господь царство отъ руку твоею днесь;* четыредесять лѣтъ царствовалъ во Израили, то есть столькожъ, сколько и самый Давидъ, и услышалъ сіе въ началѣ своего царствованія, дабы выразумѣли мы, что для того сіе сказано, что ни одинъ отъ его рода царствовать не будетъ: и взирали на родъ Давидовъ, отъ котораго произошелъ по плоти *Ходатай Бога и человѣковъ человѣкъ Христосъ Іисусъ.* Не пишется же въ Писаніи, какъ во многихъ Латинскихъ Библіяхъ читаемъ: *раздеретъ Господь царство Израилево отъ руку твоею,* но какъ въ Греческихъ пишется: *раздра Господь царство Израилево отъ руку твоею.* Дабы разумѣли,

ли, что отъ руку твоею тожъ, что отъ Израиля. И такъ человѣкъ сей носилъ образъ народа Израильскаго, которой царства имѣлъ лишиться, и знаменовалъ, что Христосъ Іисусъ Господь нашъ чрезъ новый завѣтъ не плотски, но духовно имѣлъ царствовать. О которомъ когда сказуется: *и дастъ е ближнему твоему*; къ сродству плотскому сіе относится. Отъ Израиля бо Христосъ по плоти, откуда и Саулъ, приложенное же: *лучшему паче тебе*; можно разумѣть: лучшему нежели ты. Ибо нѣкоторые такъ сіе и перевели: но лучше такъ разумѣется: *лучшему паче тебе*: что поелику онъ лучшій, то должно быть другому въ томъ пророчеству: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*. Въ числѣ коихъ и Израиль, котораго такъ, какъ врага своего и гонителя лишилъ Христосъ царства. Хотя былъ въ немъ и Израиль, *въ немъ же лсти нѣсть*, какъ бы нѣкая пшеница въ оныхъ плевахъ. Ибо отъ Израиля были Апостоли, многочисленные мученики, изъ коихъ первый есть Стефанъ: многія церкви, о коихъ Апостолъ Павелъ воспоминаетъ, въ обращеніи его прославляющія Бога. О чемъ не сомнѣваюсь я разумѣть то, что слѣдуетъ въ ономъ словѣ Божіемъ: *и раздѣлится Израиль на двое*. На Израиля, то есть, враждебнаго Христу, и на Израиля прилѣпляющагося Христу: на Израиля къ рабынѣ, и Израиля къ свободной принадлежащаго. Понеже сіи два

рода

рода въ началѣ были купно, какъ бы Аврамъ прилѣплялся къ рабыни, покуда неплодная Божіею благодатію многоплодною ставши, не возопила: *изжени раву и сына ея.* Правда знаемъ, что за грѣхъ во время царствованія сына Соломонова Ровоама Израиль раздѣлился на двое, и пребывалъ такъ, имѣя съ обоихъ сторонъ своихъ царей, покуда весь оный народъ отъ Халдеевъ крайне разоренъ и преселенъ. Но сіе что къ Саулу, когда ежели бы надлежало таковымъ чѣмъ либо угрожать, то наипаче самому Давиду угрожать было должно, котораго Соломонъ былъ сыномъ? Наконецъ нынѣ народъ Еврейскій между собою не раздѣленъ, но безъ различія въ томъ же заблужденія обществѣ разсѣянъ по землямъ. Раздѣленіе же оное, которое въ лицѣ Сауловомъ, носящемъ образъ всего царства и народа, томужъ царству и народу грозилъ, означается вѣчнымъ и неизмѣннымъ, что доказывается прилагаемымъ: *и не обратится, ниже раскается святый Израилевъ, зане не яко человѣкъ есть, еже раскаятися ему, запретитъ, и не пребудетъ.* То есть человѣкъ угрожаетъ, и не пребываетъ, а не Богъ, который не раскаевается, какъ человѣкъ. Ибо гдѣ пишется о раскаяніи Божіемъ, тамъ означается перемѣна вещей, а не неизмѣняемаго Божія предвѣденія. И такъ гдѣ пишется о нераскаяніи Божіемъ, тамъ разумѣется неизмѣняемость. Почему видимъ, что неизмѣнный

ный Божій учиненъ приговоръ, о раздѣленіи народа Израильскаго, и вѣчный. Ибо которые ко Христу пришли, преходятъ, и имѣютъ прейти, по предвѣденію Божію были оттуда, а не по одной и той же природѣ человѣческаго рода. Всѣ отъ Израильтянъ прилѣпляющіеся Христу, и пребывающіе въ немъ, никогда не будутъ съ тѣми Израильтянами, которые врагами его до кончины жизни пребываютъ: но въ раздѣленіи семъ, которое предвозвѣщено, вѣчно будутъ. Ибо ни мало не пользуетъ завѣтъ ветхій, данный на горѣ Синайской, раждающій въ работу, кромѣ того, что подаетъ свидѣтельство завѣту новому. *Но дондеже чтется Мѵсей, покрывало на сердцахъ Іудейскихъ лежитъ*[1]: когда же пріидетъ кто ко Христу, отъемлется тогда покрывало. Ибо преходящихъ намѣреніе премѣняется отъ ветхаго къ новому. Тогда уже всякой намѣреваетъ пріобрѣтать не плотское, но духовное благополучіе. Чего для самъ великій пророкъ Самуилъ, прежде нежели помазалъ Саула на царство, когда возопилъ ко Господу о Израили, и услышалъ его, и когда приносилъ жертву во время самаго сраженія иноплеменниковъ съ народомъ Божіимъ, возгремѣлъ Господь на нихъ, и смятошася, и побѣжденными остались, и пали предъ Израилемъ. Самуилъ *взялъ каменъ, и поставилъ его между Массифаѳомъ, и между ветхимъ, и на рече имя ему Авензеръ, сирѣчь,*

каменъ

камень помощи: и рече: до здѣ поможе намъ Господь. Массифаѳъ толкуется намѣреніе, камень помощи есть ходатайство Спасителя, чрезъ котораго преходить должно отъ Массифаѳа древняго къ новому, то есть отъ намѣренія, коимъ ожидаемо было въ плотскомъ царствіи блаженство плотское ложное, къ намѣренію, коимъ ожидается чрезъ новой завѣтъ въ царствѣ небесномъ истинное блаженство духовное, котораго поелику нѣтъ ничего лучшаго, то доселѣ помогаетъ Богъ.

Глава осьмая.

О обѣщаніяхъ Давиду въ разсужденіи сына его, которыя ни мало не сходствуютъ съ Соломономъ, но совершенно находятся и исполняются на Христѣ.

Теперь за нужное почитаю показать, что самому Давиду, который въ царствованіи былъ Саулу преемникомъ, перемѣною котораго (Саула) конечное и послѣднее оное премѣненіе прообразовано, ради котораго все изречено, и написано: Богъ обѣщалъ: что къ настоящей, о которой мы говоримъ, матеріи принадлежитъ. Когда поспѣшествовало благополучіе Давиду, то онъ вознамѣрился создать храмъ Богу, оной говорю храмъ крайне прославленной, которой послѣ того сынъ его Соломонъ царь построилъ. Когда онъ о томъ помышлялъ, тогда бысть слово Госпо-

Господне къ Naѳану пророку, дабы оное внушилъ онъ Давиду. И когда Богъ сказалъ, что не онъ ему созиждетъ домъ, и что чрезъ столько вѣковъ Богъ никому не повелѣвалъ создать себѣ домъ кедровый; и нынѣ, говоритъ, *тако рцы рабу моему Давиду: сія рече Господь Вседержитель: азъ изъяхъ тя отъ пастбы, егда послѣдовалъ еси стаду, еже быти тебѣ вождемъ надъ людми моими Израилемъ. И выхъ съ тобою во всѣхъ, идѣже ходилъ еси, и потребихъ вся враги твоя отъ лица твоего, и сотворихъ тебѣ имя, яко имя великихъ, иже на земли. И дахъ мѣсто людемъ моимъ Израилю, и насадилъ я, и обитаютъ въ немъ, и не возскорбятъ ктому, ни сынове беззаконія приложатъ смирити ихъ, якоже отъ начала и отъ дней, въ няже дахъ судіи людемъ моимъ Израилю, и смирихъ вся враги твоя, и возращу тя; и домъ созиждетъ ти Господь. И будетъ, егда исполнятся дніе твои, и почіеши со отцы твоими, и воздвигну сѣмя твое по тебѣ, еже будетъ отъ чрева твоего, и возставлю царство его. Той созиждетъ мнѣ домъ, и укрѣплю престолъ его даже до вѣка. Азъ буду ему во отца, и той будетъ мнѣ въ сына, и милость мою не отиму отъ него, якоже отъяхъ отъ бывшихъ прежде тебѣ. И увѣрю его въ дому моемъ, и во царствіи его даже до вѣка:* (въ Латинскомъ: и вѣренъ будетъ домъ его, и царство его будетъ предо мною даже до вѣка.) *И пре-*

столъ его будетъ исправленъ до вѣка. Сіе толь великое обѣщаніе кто почитаетъ исполнившимся на Соломонѣ, тотъ крайне заблуждаетъ. Ибо таковой внимаетъ только тому, что сказано: *той созиждетъ мнѣ домъ*: понеже Соломонъ создалъ оный знаменитый храмъ: а не внимаетъ тому, что далѣе слѣдуетъ: *и вѣренъ будетъ домъ его, и царство его будетъ даже до вѣка предо мною.* И такъ пускай вникнетъ и узритъ, что Соломоновъ домъ наполненъ былъ женами иноплеменническими, почитающими ложныхъ Боговъ, и что самъ царь, нѣкогда премудрый, ими въ тожъ идолопоклонство совращенъ и приведенъ: и пускай не думаетъ, что или Богъ ложно то обѣщалъ, или что не зналъ, что домъ Соломоновъ таковымъ быть имѣетъ. Не должны же мы сомнѣваться, хотябы на Христѣ Господѣ нашемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти, сбывающимся онаго не видѣли: и искать суетно другаго какого либо, какъ плотскіе Іудеи. Ибо и сами Іудеи, читая въ семъ мѣстѣ о обѣщанномъ царю Давиду сынѣ, признаются, что о Соломонѣ сіе не разумѣется, но по явленіи уже обѣщаннаго, по крайней своей слѣпотѣ еще инаго ожидаютъ. Правда, составлялъ собою и Соломонъ образъ будущаго тѣмъ, что соорудилъ храмъ, и имѣлъ тишину по имени своему: (ибо Соломонъ на Латинскомъ діалектѣ, pacificus, мирный толкуется) и въ началѣ своего государ-

сударствованія былЪ похвальнымЪ. Но тѣмЪ же самымЪ лицемЪ чрезЪ тѣнь будущаго предвозвѣщалЪ Христа Господа нашего, а не изображалЪ или представлялЪ. Чего для иное о немЪ такЪ писано, какЪ бы о немЪ было предвозвѣщаемо, когда Священное Писаніе, отЪ дѣлЪ пророчествуя, нѣкоторымЪ образомЪ вЪ немЪ начертаваетЪ образЪ будущихЪ. Ибо кромѣ книгЪ священной исторіи, вЪ коихЪ царствованіе его описывается, и псаломЪ семьдесятЪ первой надписанЪ его именемЪ. ВЪ которомЪ толь много написано, что совсѣмЪ сЪ СоломономЪ не сходствуетЪ: Господу же Христу явственно приличествуетЪ, такЪ, что вЪ Соломонѣ нѣкоторымЪ образомЪ начертано было прообразованіе, а во Христѣ самая представлена истинна. Ибо извѣстно, вЪ какихЪ предѣлахЪ заключалось Соломоново царство; однако вЪономЪ псалмѣ пишется, дабы о другомЪ умолчать; *обладаетЪ отЪ моря до моря, и отЪ рѣки до конецЪ вселенныя.* Что на Христѣ исполняющимся видимЪ. Ибо отЪ рѣки владычества своего взялЪ начало, вЪ которой крещенЪ будучи ІоанномЪ, по свидѣтельству его началЪ познаваемЪ быть учениками, которые не только его учителемЪ, но и ГосподомЪ имяновали. И не другой ради причины, при жизни еще Давидовой, началЪ СоломонЪ царствовать, какЪ только, дабы и отЪ сего было очевидно, что не онЪ тотЪ самый есть, о которомЪ пророчество

Ф 2 пред-

предвозвѣщаетъ, которое отцу его говоритъ: *и будетъ, егда исполнятся дніе твои, и почіеши со отцы твоими, и воздвигну сѣмя твое по тебѣ, еже будетъ отъ чрева твоего, и возставлю царство его.* Какимъ же образомъ ради слѣдующаго: *той созиждетъ мнѣ домъ;* почесть можно, акибы о Соломонѣ то было пророчествовано; а не наипаче ради вышеположеннаго: *и будетъ, егда исполнятся дніе твои, и почіеши со отцы твоими, и воздвигну сѣмя твое по тебѣ:* разумѣть, что иный мирный обѣщанъ, который не прежде, какъ Соломонъ, но послѣ смерти Давидовой воздвигнутъ быть имѣлъ? Ибо хотя много лѣтъ спустя Іисусъ Христосъ родился, однако безъ сомнѣнія по смерти царя Давида: которому, какъ обѣщанъ, пріити надлежало, дабы создать храмъ Господу, не отъ древъ или камней, но изъ людей соорудить, каковымъ сооруженіемъ его мы хвалимся. Сему бо храму говоритъ Апостолъ, то есть, вѣрующимъ во Христа: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы.*

Глава девятая.

Что подобное положено пророчество во псаломѣ восемдесятъ восьмомъ, тому, что въ книгахъ царствъ Наѳанъ пророкъ обѣщаетъ.

Чего для и во псаломѣ восемдесятъ восьмомъ, который надписывается такъ: *ра-*

зума Еѳана Израильтянина; упоминаются обѣщанія Божія, учиненныя царю Давиду, и подобное тому, что въ книгахъ царствѣ положено, пишется, какъ то: *кляхся Давиду рабу моему, во вѣкъ уготоваю сѣмя твое.* И паки: *тогда глаголалъ еси въ видѣніи сыновомъ твоимъ, и реклъ еси: положихъ помощь на сильнаго, вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ. Обрѣтохъ Давида раба моего, елеемъ святымъ моимъ помазахъ его; ибо рука моя заступитъ его, и мышца моя укрѣпитъ его. Ничто же успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія неприложитъ озлобити его. Иссѣку отъ лица его враги его, и ненавидящія его побѣжду. И истинна моя и милость моя съ нимъ, и о имени моемъ вознесется рогъ его. И положу на мори руку его, и на рѣкахъ десницу его. Той призоветъ мя: отецъ мой еси ты, Богъ мой и заступникъ спасенія моего. И азъ первенца положу его, высока паче царей земныхъ. Въ вѣкъ сохраню ему милость мою, и завѣтъ мой вѣренъ ему. И положу въ вѣкъ вѣка сѣмя его, и престолъ его, яко дніе неба.* Которое все разумѣется о Господѣ Іисусѣ подъ именемъ Давида, ради рабія зрака, который отъ сѣмене Давидова той же Ходатай воспріялъ отъ дѣвы. Потомъ въ слѣдующихъ псалма того продолжаетъ: *Ни вопреждю по истиннѣ моей. Ниже оскверню завѣта моего, и исходящихъ отъ устъ моихъ не отвергуся. Единою*

нею кляхся о святѣмъ моемъ, аще Давиду солжу: то есть, никакъ *Давиду не солгу.* Ибо Писаніе обычай имѣетъ такъ говорить. Въ чемъ же не солжетъ, оное прилагаетъ, и говоритъ: *сѣмя его въ вѣкъ пребудетъ, и престолъ его яко солнце предо мною, и яко луна совершенна въ вѣкъ, и свидѣтель на небеси вѣренъ.*

Глава десятая.

Сколь различно дѣлалось въ царствѣ земнаго Іерусалима и отмѣнно отъ того, что обѣщалъ Богъ, дабы позналъ всякъ, что истинна обѣщанія принадлежитъ къ славѣ инаго царя и царства.

Послѣ сихъ сильныхъ обѣщанія подтвержденій, дабы не подумалъ кто, что оное на Соломонѣ исполнилось: *ты же,* говоритъ, *отринулъ еси и уничижилъ.* Сіе послѣдовало съ царствомъ Соломоновымъ въ потомкахъ его, даже до разоренія самаго земнаго Іерусалима, который столицею былъ государства, а особливо разрушенія самаго храма Соломономъ сооруженнаго. Но чтобъ кто не почелъ, аки бы Богъ сдѣлалъ сіе въ противность своихъ обѣщаній, немѣдленно присовокупилъ: *отложилъ еси Христа твоего.* Слѣдовательно не Соломонъ оный, ниже самъ Давидъ здѣсь разумѣется, когда отложенъ Христосъ Господень. Ибо когда Христами его назывались не только

цари

цари таинственнымЪ онымЪ помазаніемЪ помазанные, не только считая отЪ царя Давида и послѣ его бывшихЪ, но и отЪ Саула, который первымЪ вЪ цари помазанЪ: понеже самЪ ДавидЪ его ХристомЪ ГосподнимЪ нарицаетЪ; однако былЪ одинЪ истинный ХристосЪ, котораго они образЪ пророческимЪ помазаніемЪ носили: который хотя по мнѣнію людей отлагаемЪ былЪ на долго, по Божію однако строенію имѣлЪ пріити вЪ свое время. Между тѣмЪ, покуда отлагаемо было пришествіе его, что здѣлалось сЪ царствомЪ земнаго Іерусалима, вЪ которомЪ царствованія его ожидали; оное псаломЪ, продолжая, приложилЪ: *разорилЪ еси завѣтЪ раба твоего, осквернилЪ еси на земли святыню его. РазорилЪ еси вся оплоты его, положилЪ еси твердая его страхЪ. Расхищаху его вси мимоходящіи путемЪ, бысть поношеніе сосѣдомЪ своимЪ. ВознесилЪ еси десницу стужающихЪ ему, возвеселилЪ еси вся враги его. ОтвратилЪ еси помощь меча его, и не заступилЪ еси его во брани. РазорилЪ еси отЪ очищенія его. ПрестолЪ его на землю повергЛЪ еси. УмалилЪ еси дни времени его. ОбліялЪ еси его студомЪ.* Сіе все постигло работающій ІерусалимЪ, вЪ которомЪ нѣкоторые царствовали изЪ числа сыновЪ свободнаго, управляя царствомЪ временно, имѣя же царство небеснаго Іарусалима, коего были чадами, вЪ неложной вѣрѣ, и во уповаціи на истиннаго

Христа. Какимъ же образомъ постигло сіе окое царство, показываетъ исторія.

Глава первая на десять.

О существѣ народа Божія, которое по преемству плоти есть по Христѣ, которой одинъ имѣлъ власть избавить душу свою отъ ада.

Послѣ пророчества сего къ моленію пророкъ обращается, но и самая его молитва есть пророчествомъ: *доколѣ Господи отвращаешися въ конецъ?* Чтоже сказалъ въ конецъ? Не иное что разумѣется, какъ до конца. Чрезъ который конецъ разумѣть надлежитъ послѣднее время, когда во Христа Іисуса и оный народъ имѣлъ вѣровать, прежде котораго конца потребно было тому быть, что выше, такъ какъ бѣдственное, оплакивалъ. Чего для и здѣсь продолжаетъ: *разжжется яко огнь гнѣвъ твой: помяни кій мой составъ.* Ничего здѣсь лучше не разумѣется, какъ самъ Іисусъ составъ народа сего, отъ котораго есть природа его плоти. *Не во всуе*, говоритъ, *создалъ еси вся сыны человѣческія.* Ибо естьли бы одинъ сынъ человѣческій не былъ Израиля составомъ, коимъ многіе сыны человѣческіе избавились, то конечно всуе созданы были бы всѣ сыны человѣческіе. Нынѣ же хотя человѣческая природа грѣхомъ первозданнаго человѣка въ суету ни-

зри-

зринута; чего для въ другомъ псалмѣ пишется: *челопѣкъ суетѣ уподобися, дніе его яко сѣнь прех дятъ.* Но не всуе создалъ Богъ вся сыны человѣческія; понеже и избавляетъ многихъ отъ суеты Ходатаемъ Іисусомъ. Потомъ продолжаетъ: *кто есть челопѣкъ, иже поживетъ, и не узритъ смерти: избапитъ душу спою изъ руки адопы?* Кто есть такой, кромѣ состава или существа онаго Израилева отъ сѣмене Давидова, Христа Іисуса? О которомъ говоритъ Апостолъ: *что постапъ отъ мертпыхъ, уже ктому не умираетъ, смертъ имъ ктому не обладаетъ.* Ибо такъ живетъ, и не узритъ смерти, что хотя мертвымъ былъ, но душу свою избавилъ изъ руки адовы: понеже ради разтерзанія узъ грѣховныхъ сошелъ во адъ. Избавилъ же оною властію, о которой говоритъ въ Евангеліи: *овластъ имамъ положити душу мою, и овластъ имамъ паки пріяти ю.*

Глава втораянадесятъ.

Коихъ къ лицу принадлежащихъ разумѣтъ должно оное напоминаніе овѣщаній, о коемъ по псалмѣ пишется: гдѣ сутъ милости Тпоя дрепнія Господи.

Но не безъ основанія вопросить можно о прочемъ псалма того, въ коемъ пишется: *гдѣ сутъ милости Тпоя дрепнія Господи, ими же клялся еси Дапиду пъ истиннѣ Тпо-*

 ей.

ей. Помяни Господи поношеніе равъ твоихъ, еже удержахъ въ нѣдрѣ моемъ многихъ языкъ. Имъ же поносиша врази Твои Господи, имже поносиша измѣненію Христа твоего: отъ лица ли тѣхъ Израильтянъ оное сказано, которые желали, дабы воздано было имъ обѣщанное Давиду; или Христіанъ, которые не по плоти, но по духу суть Израильтяне. Ибо говорено сіе или писано во время, въ которое былъ Еѳанъ, котораго именемъ надписывается самый псаломъ, и время оное было царства Давидова временемъ: и того ради не было бы сказано: *гдѣ суть милости Твоя древнія Господи, имиже клялся еси Давиду по истиннѣ Твоей*: естьли бы пророкъ не преобразилъ на себя лице тѣхъ, кои по прошествіи многихъ лѣтъ быть имѣли, коимъ Давидово время было бы древнимъ, когда то ему было обѣщано. Можно также разумѣть, что сіе сказано ради многихъ языковъ, когда гнали Христіанъ, то есть, что пророкъ поносилъ ихъ за страданіе Христово, которое Писаніе измѣненіемъ нарицаетъ: понеже смертію онъ безсмертенъ сталъ. Можно разумѣть чрезъ измѣненіе Христово поношеніе, учиненное Іудеямъ: понеже Христосъ ожидаемъ будучи ими, сталъ языковъ: и въ семъ ихъ поносятъ многіе языки, увѣровавшіе во Христа чрезъ новой завѣтъ, поелику они остались въ ветхости. Но первое мнѣніе гораздо приличнѣе; ибо врагамъ Хри-

сто-

стовымъ, коимъ поносится, что Христосъ преходя къ языкамъ, ихъ оставилъ, сїе наименованїе не прилично: *помяни Господи поношенїе рабъ твоихъ.* Ибо таковыхъ Іудеевъ рабами Божїими назвать не можно: но тѣмъ приличествуютъ сїи слова, кои, претерпѣвая жестокїя гоненїя за имя Христово, могли воспоминать, что высочайшее царство сѣмени Давидову обѣщано: и изъ желанїя достигнуть оное, а не изъ отчаянїя, стремленїя, толканїя, говорить: *гдѣ суть милости твоя древнїя Господи, ими же клялся еси Давиду по истиннѣ твоей? Помяни Господи поношенїе рабъ твоихъ, еже удержахъ въ нѣдрѣ моемъ многихъ языкъ*: то есть въ сердцѣ моемъ терпѣливно снесъ. *Имъже поносиша врази твои Господи, имъже поносиша измѣненїю Христа твоего.* Почитая оное не измѣненїемъ, но совершенїемъ. Что же есть *помяни Господи*? Не иное что, какъ помилуй, и за оказанную мною кротость воздаждь высоту, коею клялся Давиду во истиннѣ твоей. Ежели же присвоить сїи слова Іудеямъ, то оные раби Божїи могли таковое говорить, которые по разоренїи Іерусалима прежде пришествїя Христова отведены въ плѣнъ, разумѣя измѣненїе Христа то есть, что не земнаго чрезъ него, и плотскаго благополучїя, каковое прежде было при Соломонѣ, но небеснаго и духовнаго вѣрою ожидать надлежитъ. Котораго тогда не зная невѣрные языки, когда радова-

довались о плѣненіи народа Божія, и ругались, что иное поносили, какъ измѣненію Христа? И для того-то слѣдующее, чѣмъ заключается сей псаломъ: *благословенъ Господь во вѣкъ, буди, буди:* всему народу Божію, къ небесному Іерусалиму принадлежащему, какъ въ ветхомъ завѣтѣ сокровенному прежде откровенія новаго; такъ и тому, который по откровеніи новаго завѣта принадлежитъ ко Христу, совершенно приличествуетъ. Ибо благословеніе Господне въ сѣмени Давидовомъ, не на нѣкоторое время, каково во время Соломоново было ощутительно, но вѣчное быть должно, когда съ несомнѣннымъ упованіемъ говорится: *буди, буди.* Ибо подтвержденіемъ есть упованія повтореніе сего слова. Сіе убо разумѣя Давидъ въ первой книгѣ Паралипоменонъ, откуда мы обратились къ сему псалму: *и глаголалъ еси*, говоритъ, *на домъ раба твоего еще издалеча.* Того ради нѣсколько ниже продолжаетъ: *нынѣ начни благословити домъ раба твоего, да будетъ предъ тобою во вѣки.* Понеже онъ тогда имѣлъ родить сына, отъ коего линія простираться долженствовала до Христа, коимъ домъ его долженъ былъ быть вѣчнымъ, и притомъ домомъ Божіимъ; ибо домъ сей домомъ Давидовымъ называется по роду Давидову, домомъ же Божіимъ въ разсужденіи Божіяго храма, составленнаго не изъ камней, но изъ людей, въ которомъ жилъ бы во вѣки народъ съ Богомъ

гомЪ и вЪ БогѢ своемЪ, и БогЪ сЪ народомЪ и вЪ народѢ своемЪ, такЪ, что БогЪ былЪ бы наполняющимЪ людей, и люди наполненные БогомЪ, когда *будетЪ БогЪ всяческая во всѢхЪ*, онЪ возмездiемЪ вЪ спокойствiи, и силою во брани. Для того-то вЪ словахЪ Наѳана сказано: *и рече тебѢ Господь, яко созиждеши ему домЪ.* ПотомЪ вЪ словахЪ Давида пишется: *яко ты Господи Вседержителю Боже ИзраилевЪ отверзлЪ еси ухо раба твоего создати ему домЪ.* Ибо и мы сей домЪ созидаемЪ добродѢтельно житiе препровождая, и БогЪ, дабы благонравно жили мы, помоществуя; понеже *аще не Господь созиждетЪ домЪ, всуе трудишася зиждущiи.* Котораго дома когда послѢднее прiидетЪ посвященiе, тогда сбудется сказанное БогомЪ чрезЪ Наѳана: *и поставлю завѢтЪ мой сЪ людьми моими ИзраилемЪ, и насажду его и обитати будетЪ, и не возскорбитЪ ктому: и сынове беззаконiя не приложатЪ озлобити его, якоже отЪ начала, и отЪ дней, вЪ няже дахЪ судiи людемЪ моимЪ Израилю.*

Глава третiянадесять.

Истинна обѢщаннаго мира можетЪ ли присвоена быть СоломоновымЪ временамЪ.

Сего толь великаго блага кто вЪ семЪ вѢкѢ и вЪ семЪ мiрѢ ожидаетЪ, тотЪ разсуждаетЪ безумно. Не уже ли кто подумаетЪ, что вЪ мирномЪ государствованiи

царя

царя Соломона оное исполнилось? Ибо Писаніе въ сѣни будущаго изящнымъ проповѣданіемъ оный миръ возвѣщаетъ. Но сіе подозрѣніе предъупреждено: ибо по написаніи того: *ни сынопе беззаконія приложатъ смирити ихъ*; немѣдленно приложено: *яко же отъ начала и отъ дней, въ няже дахъ судіи людемъ моимъ Израилю.* Ибо прежде нежели начали быть цари, народъ былъ управляемъ судіями, по вшествіи въ обѣтованную землю. И подлинно озлобляль сынъ беззаконія Іудеевъ всякой иноплеменникъ чрезъ разныя времена, когда Іудей попеременно то тишину, то войну: при всѣмъ томъ более было мирныхъ у Евреевъ при судіяхъ лѣтъ, нежели при Соломонѣ, который царствовалъ сорокъ лѣтъ. Ибо при судіи, называемомъ Аодѣ, восемьдесятъ лѣтъ продолжалась тишина и миръ. И такъ не должно думать, аки бы Соломоновы времена здѣсь разумѣлись, а еще менѣе того другихъ царей. Ибо ни одинъ изъ оныхъ столь мирно не государствовалъ, какъ онъ, при всѣмъ томъ никогда народъ какой либо столь былъ спокоенъ, чтобы не опасался, дабы отъ непріятелей покоренъ не былъ. Понеже въ толикомъ измѣненіи состоянія ни одинъ народъ таковой безопасности не имѣетъ, дабы вражіихъ нападеній не страшился. И такъ мѣсто мирнаго пребыванія обѣщаемое есть вѣчное, и приличествуетъ вѣчности Іерусалима свободнаго,

го, гдѣ будетъ истинный Израильскій народъ: ибо сіе имя толкуется: видящій Бога. Изъ желанія котораго возмездія въ семъ бѣдственномъ странствованіи вѣрою благочестною добродѣтельно жизнь препровождать должно.

Глава четвертаянадесять.

О тщаніи Давидовомъ въ сочиненіи псалмовъ.

И такъ при продолженіи со временами града Божія, вопервыхъ въ сѣни будущаго въ земномъ, то есть, Іерусалимѣ царствовалъ Давидъ. Былъ же Давидъ мужъ искусный въ пѣніи, который согласіе мусикіи не изъ подлаго удовольствія, но по изволенію вѣры любилъ. И Богу своему, который есть истинный Богъ, по таинственному образованію великія вещи онымъ служа, различіемъ мусикіи стройность и единство града внушаетъ. Наконецъ все его почти пророчество состоитъ изъ псалмовъ, которыхъ сто и пятьдесятъ книга псалмовъ содержитъ, въ которыхъ тѣ только отъ Давида сочиненными нѣкоторые признаваютъ, кои именемъ его надписаны. Ибо нѣкоторые думаютъ, что тѣ единственно имъ сочинены, которые надписываются такъ: *Псаломъ Давида*: которые же надписываются такъ: *Псаломъ Давиду*: тѣ сочинены другими, и приписаны

особѣ

особѣ Давидовой. Которое мнѣніе гласомъ Евангельскимъ самаго Спасителя опровергается; гдѣ говоритъ, что Давидъ Христа Господомъ своимъ нарицаетъ: понеже псаломъ сто девятой такимъ образомъ начинается: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ.* Однако оный псаломъ не надписывается такъ: псаломъ Давида, но псаломъ Давиду, какъ другіе многіе. По моему же мнѣнію тѣ основательнѣе думаютъ, кои признаваютъ, что всѣ оные сто пятьдесятъ псалмы онъ сочинилъ, и ихъ надписалъ именами другихъ, которые нѣчто къ вещи принадлежащее означали: иные же безъ надписей оставилъ, какъ хотя сокровенное, но не напрасное строеніе Божіе въ сочиненіи и порядкѣ ихъ ему вдохнуло. Не должно же и то въ сомнѣніе приводить кого либо, что нѣкоторыя имена пророковъ, кои послѣ Давида по прошествіи многихъ лѣтъ были, въ надписяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ написаны, гдѣ представляется, что и писанное въ оныхъ псалмахъ, какъ бы оные пророки говорили. Ибо не не могъ духъ пророческій пророчествующему царю Давиду будущихъ пророковъ открыть имена, дабы то, что ихъ именамъ приличествуетъ, пророчески было воспѣваемо. Такъ какъ одинъ пророкъ о царѣ Іосіи за три ста лѣтъ могъ предсказать, что онъ родится и будетъ царство-

ствовать, котораго притомъ и имя и дѣла открыты.

Глава пятаянадесять.

Должно ли предлагать все то въ семъ сочиненіи, что по псалмахъ о Христѣ и о церкви пророчествовано.

Я думаю теперь, что ожидаютъ отъ меня, дабы я въ семъ мѣстѣ сего сочиненія обстоятельно и подробно предложилъ, что во псалмахъ Давидъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ, или его церкви пророчествовалъ. Но учинить оное, такъ какъ требуетъ по видимому чаяніе, препятствуетъ обширность матеріи а не недостатокъ; ибо обширность то возбраняетъ: но напротивъ опасаюсь, дабы, ежели употребить пророчества Давидова на выборъ, не показалось знающимъ, что я много нужнаго пропустилъ. Потомъ поелику приводимое свидѣтельство изъ состава цѣлаго псалма должно имѣть подкрѣпленіе, дабы не было ничего ему противнаго, естьли не все сходствуетъ: чтобъ выписывая въ сочиненіе наше строки, не здѣлать онаго пестрымъ, или подобнымъ Сотадическому стиху, которой превратить можно и склонить къ той вещи, о которой совсѣмъ оный стихъ не писанъ. Сіе же дабы въ каждомъ псалмѣ показать, то изъяснять его должно весь. Которое коликаго стоитъ труда, оное какъ

 дру-

другихъ писателей, такъ и наши показываютъ книги. Чего для пускай, кто хочетъ и можетъ, оныя читаетъ, найдетъ, сколь много Давидъ царь и пророкъ о Христѣ и Его церкви пророчествовалъ, о царѣ то есть, и градѣ имъ созданномъ.

Глава шестаянадесять.

О томъ, что по псалмѣ сорокъ четвертомъ или явственно или преносительно сказано, которое принадлежитъ ко Христу и церкви.

Хотя о каждой вещи особенныя и ясныя находятся пророческія изреченія, однако присовокупляются къ онымъ и преносительныя, которыя, особливо въ разсужденіи невѣждъ, великое затрудненіе дѣлаютъ ученымъ въ выраженіи и изъясненіи: однако нѣкоторыя съ перваго вида по своему сказанію показываютъ Христа и церковь, хотя и остается въ оныхъ нѣчто удоботолкуемое, которое иными совершенно не выразумѣвается. Таково напримѣръ оное псалма: *отрыгну сердце мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя цареви. Языкъ мой тростъ книжника скорописца. Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ: изліяся благодать во устнахъ твоихъ: сего ради благослови тя Богъ во вѣкъ. Препояши мечь твой по бедрѣ твоей сильне. Красотою твоею и добротою твоею и наляцы и успѣвай и царствуй: исти-*

истины ради и кротости и правды: и наставитъ тя дивно десница твоя. Стрѣлы твоя изощрены сильне. Людіе подъ тобою падутъ, въ сердцы врагъ царевыхъ. Престолъ твой Боже въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Боже Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ твоихъ. Смирна и стакти и касія отъ ризъ твоихъ отъ храмовъ слоновыхъ: изъ нихъ же возвеселиша тя дщери царей въ чести твоей. Кто и изъ самыхъ грубыхъ невѣждъ не признаетъ здѣсь Христа, котораго мы проповѣдуемъ, и въ котораго вѣруемъ: когда слышитъ, что онъ названъ Богомъ, котораго престолъ въ вѣкъ вѣка, и что помазанъ онъ отъ Бога, такъ какъ Богу свойственно помазывать, не видимымъ, но духовнымъ и умнымъ елеемъ? Ктобъ былъ толь великій невѣжда въ Христіянскомъ благочестіи и столь глухъ, дабы не слышалъ славы повсюду разліянной, что Христосъ отъ елея, то есть, помазанія названъ? Познавъ же Христа, уже прочее сказуемое преносительно, какъ то: онъ красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ, красотою то есть, наипаче любви достойною, нежели красота и благолѣпіе тѣлесное; какой его мечь, какія стрѣлы, и прочее, которыя всѣ не собственно, но преносительно положены; обладаемый имъ и царствующій ради истинны, кротости и правды, пускай благовре-

менно изыскиваетъ. Потомъ пускай возэритъ на его церковь, обрученную и любовію сопряженную толикому мужу духовнымъ обрученіемъ, о коей пишется въ нижеслѣдующемъ: *предста царица одесную тебѣ въ ризахъ позлащенныхъ одѣянна и преиспещренна. Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего. И возжелаетъ царь доброты твоея, яко той есть Господь Богъ твой; и поклонишися ему и дщи Тирова съ дары: лицу твоему помолятся богатіи людстіи. Вся слава дщере царевы внутрь: рясны златыми одѣяна и преиспещренна. Приведутся царю дѣвы въ слѣдъ ея; и искреннія ея приведутся тебѣ. Приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ царевъ. Вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои; поставиши я князи по всей земли. Помяну имя твое во всякомъ родѣ и родѣ. Сего ради людіе исповѣдятся тебѣ въ вѣкъ, и во вѣкъ вѣка.* Я не уповаю, чтобъ кто сыскался столь несмысленной, которой бы подумалъ, что здѣсь описывается какая либо жена, обрученная оному мужу, которому речено: *престолъ твой Боже въ вѣкъ вѣка; жезлъ правости, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Боже Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ твоихъ.* То есть Христа паче Христіанъ. Ибо сіи суть причастники, изъ коихъ отъ всѣхъ языкъ единства и согласія составляется

оная

оная царица, какъ въ другомъ псалмѣ о ней пишется: *градъ царя великаго.* Она есть Сіонъ духовный, которое имя толкуется видѣніе или зрѣніе. Ибо взираетъ на высочайшее будущаго вѣка добро. Понеже туда устремляетъ свое намѣреніе. Она есть также и Іерусалимъ духовный, какъ мы о томъ уже выше довольно говорили: ей враждебный градъ есть Вавилонъ діявола, который значитъ смѣшеніе. Изъ котораго однако Вавилона царица сія во всѣхъ языкахъ чрезъ отрожденіе свобождается, и отъ непотребнѣйшаго царя, къ благому Владыкѣ, то есть отъ діявола преходитъ ко Христу. Чего для ей и повелѣвается: *забуди люди твоя и домъ отца твоего.* Ибо онаго нечестиваго града частію суть Израильтяне по единой плоти, а не по вѣрѣ, которые великаго сего царя и его царицы суть врагами. Понеже пришедшій къ нимъ Христосъ, и отъ нихъ убіенный стался наипаче иныхъ, коихъ не видѣлъ во плоти. Чего ради по пророчеству, состоящему въ другомъ псалмѣ, говоритъ царь нашъ: *избавиши мя отъ пререканія людей: поставиши мя по главу языковъ. Людіе, ихъ же не вѣдѣхъ, работаша ми. Въ слухъ уха послушаша мя.* И такъ сіи люди, коихъ присутствіемъ своимъ плотскимъ не позналъ, въ него увѣровали по одной проповѣди, такъ что достойно о нихъ сказать можно: *въ слухъ уха послуша-*

 ша

ша мя. Понеже *вѣра* есть *отъ слуха.* Сіи говорю люди, присоединенные истиннымъ и по плоти и по вѣрѣ Израильтянамъ, составляютъ градъ Божій, который самаго по плоти родилъ Христа, когда въ однихъ оныхъ Израильтянахъ былъ. Ибо отъ него произошла дѣва Марія, отъ которой, дабы быть человѣкомъ, Христосъ воспріялъ плоть. О которомъ градѣ другой псаломъ говоритъ: *мати Сіонъ речетъ человѣкъ, и человѣкъ родися въ немъ, и той основа и Вышній.* Кто сей Вышній кромѣ Бога? И потому Христосъ Богъ, прежде нежели въ ономъ градѣ отъ Маріи принялъ плоть, въ Патріархахъ и пророкахъ основалъ оный. Когда убо сей царицѣ, то есть граду Божію сказано чрезъ пророка, гораздо прежде; что нынѣ уже исполнившимся видимъ: *вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои, поставиши я князи по всей земли.* Ибо изъ сыновъ ея поставлены князи по всей земли, когда исповѣдаются ей люди, прибѣгающіе къ ней съ исповѣданіемъ хвалы вѣчной во вѣкъ вѣка: то безъ сомнѣнія все здѣсь сказанное преносительно и не вразумительно, какъ бы разумѣемо ни было, должно прочимъ явственнымъ вещамъ быть сообразно.

Глава седьмаянадесять.

О томъ, что къ священству Христову въ псалмѣ сто десятомъ, и о томъ, что въ псалмѣ двадцать первомъ къ страданію Его принадлежитъ.

И какъ въ томъ псалмѣ, гдѣ Христосъ царемъ, такъ и въ семъ, гдѣ священникомъ нарицается, весьма ясно пишется: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене; дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ.* Что Христосъ сѣдитъ одесную Бога Отца, оное вѣримъ, а не видимъ, и что враги Его полагаются подъ ноги Его, не зримъ очами. И такъ оное откроется на кончинѣ, нынѣ же нелицемѣрно вѣруется, послѣ будетъ чувствуемо. Но слѣдующее: *жезлъ силы твоея послетъ ти Господь отъ Сіона, и господствуй посредѣ враговъ твоихъ*, столь есть ясно, что не только недовѣрчивымъ, но и безстыднымъ быть долженъ, кто дерзнетъ оное отвергать. Ибо и самые враги Христіанства признаются, что законъ Христовъ отъ Сіона изшелъ, который мы Евангеліемъ, или благовѣстіемъ называемъ, и почитаемъ оное жезломъ силы. Что же господствуетъ Христосъ посредѣ враговъ своихъ, оное и сами враги его, не имѣя силы учинить чтолибо противъ Его владычества, истаевая, и скрежеща зубами, доказываютъ. Потомъ же оное, что ниже прилагаетъ: *клятся*

Господь и не раскается, означаетъ неизмѣнность нижеслѣдующаго: *Ты Іерей по вѣкъ по чину Мелхиседекову.* Кто здѣсь усумнится, когда нѣтъ ни жреца, ни жертвъ по чину Ааронову, и на противъ приносится при Іереи Христѣ изнесенное Мелхиседекомъ, когда благословилъ онъ Авраама, что сіе сказуется о Христѣ? И такъ къ симъ явственнымъ относится все то, что не вразумительно въ томъ же псалмѣ положено; которое какимъ образомъ разумѣть надлежитъ, о томъ мы въ нашихъ къ народу словахъ объяснили. Такъ и въ онемъ псалмѣ, въ которомъ кротость въ страданіи своемъ Христосъ чрезъ пророка возвѣщаетъ, глаголя: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои, исчетоша вся кости моя. Тіи же смотрѣша и презрѣша мя.* Сими словами означаетъ на крестѣ протяженное тѣло съ пронзеніемъ оныхъ гвоздьми, и что онъ такимъ образомъ былъ зрѣлищемъ зрящимъ. И когда прилагаетъ; *раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одеждѣ моей меташа жребій:* то исполненіе сего пророчества, описываетъ Евангельская повѣсть. Тогда подлинно и другое справедливо разумѣется, которое тамъ не весьма ясно сказано, когда сходствуетъ съ тѣмъ, которое ясно изображено; особливо когда и то, что въ настоящее время совершается, которое въ онемъ псалмѣ пишется, и которое предвозвѣщено бывши, нынѣ отъ всея вселенныя

зрит-

зрится исполняемымъ; ибо сказуется тамъ нѣсколько ниже: *помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся предъ нимъ вся отечествія языкъ. Яко Господне есть царствіе, и той обладаетъ языки.*

Глава осьмаянадесять.

О псалмѣ третіемъ, четыредесятомъ, пятомъ надесять, и шестдесятъ седьмомъ, въ коихъ о смерти и воскресеніи Христовомъ, пророчествуется.

О воскресеніи также Христовомъ не умолчали пророчества псалмовъ. Ибо что иное во псалмѣ третьемъ воспѣвается отъ лица Христова: *Азъ уснухъ и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя.* Не уже ли кто столь несмысленъ, которой бы подумалъ, что пророкъ, какъ бы нѣчто важное означить намѣревалъ, естьли о себѣ сказалъ, что онъ уснулъ и спалъ и всталъ; когда бы чрезъ сонъ смерть, а чрезъ востаніе не означалось воскресеніе, которое о Христѣ предречено быть долженствовало? Ибо и въ четыредесятомъ псалмѣ откровеннѣе оное показывается, гдѣ отъ лица тогожъ Ходатая, по обычаю пророковъ, какъ бы о прошедшемъ повѣствуется, что пророчествуется о будущемъ; понеже все будущее въ разсужденіи предустановленія и предвѣдѣнія Божія есть

какъ бы прошедшее; поелику неизмѣнно и необходимо быть долженствуетъ: *врази*, говоритъ, *мои рѣша мнѣ злая: когда умретъ, и погибнетъ имя его И вхождаше видѣти, всуе глаголаше сердце его, совра беззаконіе себѣ, изхождаше вонъ, и глаголаше вкупѣ. На мя шептаху вси врази мои, на мя помышляху злая мнѣ; слово законопреступное возложиша на мя: еда спяй не приложитъ воскреснути?* Сіи подлинно слова такъ написаны, что ничего инаго разумѣть въ нихъ не можно, кромѣ того, какъ бы сказано было: не уже ли умирающій не приложитъ воскреснуть? Ибо вышереченное показываетъ, что враги его помышляли о его смерти и умышляли; что дѣлалось чрезъ того, который входилъ видѣть, и исходилъ, дабы предать. Кому бо не извѣстно, что изъ учениковъ Іуда сталея его предателемъ? И такъ поелику имѣли они учинить предпріемлемое, то есть, умертвить его, то показывая, что напрасно ихъ злоба умертвитъ того, который имѣетъ воскреснуть, приложилъ сей стихъ, какъ бы такъ сказалъ: что дѣлаете безумные? Не вѣдаете ли, что ваше злодѣяніе будетъ моимъ сномъ? *Еда спяй не приложитъ воскреснути?* Привсемъ томъ показываетъ, слѣдующими словами, что они великое беззаконіе содѣлаютъ, говоря: *иво человѣкъ мира моего, на него же уповахъ, ядый хлѣбы моя возвеличи на мя вя-*

пяту, то есть, попралъ меня. *Ты же*, говоритъ, *Господи помилуй мя, и возстави мя, и воздамъ имъ.* Кто опровергнуть сіе осмѣлится, который видитъ, что Іудеи по страданіи и воскресеніи Христовомъ до конца разорены? Ибо умерщвленъ будучи отъ нихъ, воскресъ и воздалъ имъ временное наказаніе, выключая то, что не исправившихся блюдетъ на вѣчныя казни, кои опредѣлены быть имѣютъ, когда судить будетъ живыхъ и мертвыхъ. Ибо самъ Господь Іисусъ, предателя Іуду подаяніемъ ему хлѣба показывая ученикамъ, сей псалма стихъ привелъ и сказалъ, что онъ на немъ исполнился; *ядый*, сказалъ, *хлѣбы моя, возвеличи на мя пяту.* Когда же говоритъ: *на него же уповахъ*, оное не главѣ, но тѣлу приличествуетъ. Ибо не не вѣдалъ о немъ самъ Спаситель, о которомъ прежде уже говорилъ: *единъ отъ васъ діяволъ есть.* Но онъ обыкновенно удовъ своихъ лице на себя пріемлетъ, и себѣ присвояетъ то, что есть ихъ; понеже глава и тѣло единъ есть Христосъ. Почему и оное во Евангеліи сказалъ: *взалкахся, и дасте ми ясти.* Что самое изъясняя, говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе.* И такъ сказалъ аки бы о себѣ: *уповахъ*: поелику уповали на Іуду Апостоли, когда онъ причтенъ былъ къ лику Апостоловъ. Іудеи же ожидая Христа, думаютъ, что онъ не умретъ. Чего для нашего

не почитаютЪ тѢмЪ, коего законЪ и пророки предвозвѢстили: но ожидаютЪ не вѢдомо какого, о коемЪ воображаютЪ, что онЪ смерти не вкуситЪ. Того ради по жалости достойному своему безумію и слѢпотѢ, слова нами приведенныя не о смерти и воскресеніи, но о снѢ и востаніи разумѢютЪ. Но прекословитЪ имЪ псаломЪ пятыйнадесять, вопія: *сего ради возвеселися сердце мое, и возрадовася языкЪ мой; еще же и плоть моя вселится на уповании: яко не оставиши душу мою во адѢ, ниже даси преподобному твоему видѢти истлѢнія.* КтобЪ вЪ такомЪ уповании могЪ сказать, что уснула плоть его сЪ тѢмЪ, чтобЪ не оставивЪ души во адѢ, но по скоромЪ ея возвращеніи востала, дабы не видѢть истлѢнія, коимЪ тѢла обыкновенно истлѢваютЪ, кромѢ того, который вЪ третій день воскресЪ? Чего дабы они не могли сказать о пророкѢ и царѢ ДавидѢ; того ради вопіетЪ псаломЪ шестьдесятЪ седмой: *БогЪ нашЪ, БогЪ спасати, и Господня Господня исходища смертная.* Что явственнѢе сказать можно? Ибо БогЪ спасеній есть Господь ІисусЪ, который толкуется СпасЪ или Спасительный. Ибо знаменованіе сего слова открыто тогда, когда прежде рожденія его отЪ дѢвы сказано; *родиши сына, и наречеши имя ему ІисусЪ: той во спасетЪ люди своя отЪ грѢхЪ ихЪ.* Ради отпущенія коихЪ, поелику изліяна

яна Его кровь, то инакова исхода отЪ жизни сей имѣть не надлежало, какЪ исхода смерти. Того-то ради, когда сказано: *БогЪ нашЪ БогЪ спасати*: немѣдленно приложено: *и Господня Господня исходища смертная*: дабы показать, что ОнЪ смерѣію спасти имѣетЪ людей. Такова-то сія жизнь смертныхЪ, что и самЪ Господь неинако изшелЪ отЪ оной, какЪ только смертію.

Глава девятаянадесять.

О псалмѣ шестьдесятЪ осьмомЪ, вЪ коемЪ Іудейское непреклонное невѣріе открывается.

Но что Іудеи толь яснымЪ пророческимЪ свидѣтельствамЪ и вещамЪ, совершенно сбывшимся не вѣрятЪ, то конечно на нихЪ исполняется написанное вЪ шестьдесятЪ восьмомЪ псалмѣ. Ибо когда и вЪ ономЪ принадлежащее кЪ страданію Христову пророчески описано, то упомянуто и вЪ Евангеліи: *даша вЪ снѣдь мою желчь, и вЪ жажди моей напоиша мя оцта.* Чего для, какЪ бы послѣ пира таковаго ему представленнаго, тотчасЪ присовокупилЪ: *да будетЪ трапеза ихЪ предЪ ними вЪ сѣть и вЪ воздаяніе и вЪ соблазнЪ. Да помрачатся очи ихЪ, еже не видѣти, и хребетЪ ихЪ выну слячцы*, и проч. которое сказано не желая, но наподобіе желанія пророчески предвозвѣщено. ТакЪ удивительно ли, что они толь яснаго не видятЪ, когда помрачи-

чились очи ихъ, дабы не видѣть? Удивительно ли, что они не взираютъ на небесное, которые, дабы къ земли имъ быть поникшимъ, хребетъ имѣютъ выну сляцы? Ибо сими словами преносительными отъ тѣла означаются душевныя ихъ пороки. Сего сказаннаго о псалмахъ Давидовыхъ довольно, дабы продолжительностію не наскучить. И такъ кои читаютъ сіе, и все знаютъ, и чувствуютъ, что я можетъ статься сильнѣйшее пропустилъ, или покрайнѣй мѣрѣ думаютъ, тѣхъ прошу меня извинить и не жаловаться.

Глава двадесятая.

О государствованіи Давидовѣ и о сынѣ его Соломонѣ, и о томъ пророчествіѣ, которое принадлежащимъ къ Христу признавается, или въ тѣхъ книгахъ, кои съ его писаніемъ соединяются, или точно его книгами почитаются, заключающемся.

И такъ царствовалъ Давидъ въ земномъ Іерусалимѣ, будучи сыномъ Іерусалима небеснаго, прославляемый безмѣрно Божіимъ свидѣтельствомъ: понеже и согрѣшенія его спасительнымъ покаяніемъ очищены, и смиренномудріемъ, такъ, что совершенно между тѣми почитаться онъ долженъ, о коихъ самъ говоритъ: *блажени, ихъ же оставишася беззаконія, и ихъ же прикрышася грѣси.* По немъ царствовалъ въ томъ же народѣ всемъ Соломонъ сынъ его, который,

какъ

какъ выше сказано, при жизни отца своего царствовать началъ. Сей по добромъ началѣ имѣлъ злой конецъ. Ибо благополучіе, которое премудрыхъ сердца безпокоитъ, большій сему причинило вредъ, нежели здѣлала пользы премудрость, которая какъ нынѣ, такъ и навсегда достопамятною есть и будетъ, и въ тогдашнее время вездѣ была похваляема. Пророчествовалъ же и онъ въ своихъ книгахъ, изъ коихъ три признаны (1) правильными, то есть: притчи, Екклесіастъ и пѣсни пѣсней. Четвертую же, то есть, книгу премудрости (2) въ разсужденіи сходства въ краснорѣчіи, вошло въ обыкновеніе признавать его же книгою. Къ сей причесть можно и книгу Сираха. И хотя учители церковные не сомнѣваются утверждать, что книга премудрости не Соломонова творенія, однако Римская церковь изъ древле приняла оную. Въ которой страданіе Христово явственно предвозвѣщается. Ибо нечестивые убійцы, какъ о нихъ упоминается тамъ, говорятъ: *уловимъ лестію праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, и противится дѣламъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего. Возвѣщаетъ намъ разумъ имѣти Божій, и отрока Господня себе имянуетъ. Бысть намъ на обличеніе помышленій нашихъ. Тяжекъ намъ есть и къ видѣнію; яко не подобно есть инымъ житіе его, и отмѣнны суть стези*

его

его. Въ поруганіе вмѣнихомся ему, и удаляется отъ путей нашихъ, яко отъ нечистотъ; блажитъ послѣдняя праведныхъ, и славится отца имѣти Бога. Увидимъ, аще словеса его истинна, и искусимъ, яже будутъ ему. Аще бо истинный есть Сынъ Божій, защититъ его, и избавитъ его отъ руки противящихся. Досажденіемъ и мукою истяжемъ его, да увѣмы кротость его, и искусимъ безлобство его. Смертію поносною осудимъ его; будетъ бо ему разсмотреніе отъ словесъ его. Сія помыслиша и прельстишася: ослѣпи бо ихъ злоба ихъ. Въ книгѣ же Сираховой предвозвѣщается будущая вѣра языковъ, такимъ образомъ: *помилуй ны Владыко Боже всѣхъ, и наложи страхъ Твой на вся языки. Воздвигни руку Твою на языкъ чуждъ, и да узрятъ силу Твою. Яко же предъ ними освятился еси въ насъ, такожде предъ нимъ возвеличися на нихъ, и да познаютъ тя, яко же и мы познахомъ тя, яко нѣсть Бога развѣ тебе Господи.* Сіе подъ видомъ желанія пророчество на языкахъ чрезъ Іисуса Христа исполнившееся видимъ: но противъ прерѣканій не столь сіи свидѣтельства убѣдительны; поелику между правильными не почитаются. Въ трехъ же вышепомянутыхъ, кои точно Соломоновы, и въ числѣ правильныхъ у Іудеевъ полагаются, дабы показать, что много находится принадлежащаго до Христа и церкви, оное великихъ требуетъ тру-

трудовъ и стяжаній, которыя сверьхъ нашего намѣренія долженствовали бы продолжительнымъ здѣлать наше сочиненіе. Однако что въ притчахъ пишется, что мужи нечестивые говорили: *скрыемъ въ землю мужа праведна неправедно, пожремъ же его яко адъ жива, и возмемъ память его отъ земли, стяжаніе его многоцѣнное пріимемъ*; не столь великихъ трудовъ въ изъясненіи требуетъ, дабы не можно было безъ дальнихъ толкованій, что ко Христу и Его стяжанію, т. е. церкви принадлежитъ, выразумѣть. Ибо таковое нѣчто Господь самъ въ Евангельской притчѣ показалъ, а имянно, что злые дѣлатели винограда говорили: *сей есть наслѣдникъ; пріидите убіемъ его, и наше будетъ достояніе*. И оное также въ той же книгѣ написанное, которое мы выше предлагали, когда говорили о неплодной родившей седмь, которое, какъ скоро предложено будетъ, о Христѣ и церкви разумѣваемо бываетъ тѣми, кои знаютъ, что Христосъ есть премудрость Божія. *Премудрость*, пишется тамъ, *созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь; закла своя жертвенная, и раствори въ чаши своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ на чашу, глаголющи: иже есть безуменъ, да уклонится ко мнѣ, и требующимъ ума рече: пріидите ядите мой хлѣбъ, и пійте вино, еже раствориxъ вамъ*. Здѣсь поистин-

нѣ признаваемъ Божію премудрость, то есть, Слово Отчее сопредвѣчное, которое создало во утробѣ дѣвической себѣ домъ, сирѣчь, плоть человѣческую, и оной какъ главѣ уды присоединило церковь, заклало жертвенная мучениковъ, уготовило трапезу, состоящую изъ віна и хлѣба, гдѣ открывается священство по чину Мелхиседекову; созвало неразумныхъ и требующихъ ума; понеже какъ Апостолъ говоритъ, *немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая.* Которымъ однако немощнымъ слѣдующее говоритъ: *оставите безуміе, да живи будете, и взыщите разума, да поживете.* Общникомъ же быть оной трапезы, означаетъ начать имѣть жизнь. Ибо и къ другой книгѣ, которая называется Екклесіастъ, когда говоритъ: *нѣстъ благо человѣку, но токмо, еже ясти и пити*: что лучше разумѣть можно, какъ только то, что къ причастію трапезы сея принадлежитъ, которую самъ Іерей, Ходатай новаго завѣта, предлагаетъ по чину Мелхиседекову, состоящую изъ тѣла и крови своей? Ибо оная жертва вступила на мѣсто всѣхъ жертвоприношеній ветхаго завѣта, которыя совершаемы были въ сѣни грядущаго: чего для и гласъ оный, во псалмѣ тритцать девятомъ тогожъ Ходатая пророчески глаголющаго признаваемъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси*: понеже вмѣсто всѣхъ оныхъ жертвъ и прино-

ношеній тѣло его приносится, и причастникамъ предлагается. Понеже что Екклесіастъ сей въ ястіи и питіи, которыя слова часто повторяетъ, и одобряетъ, не полагаетъ тѣлесной пищи и услажденій, довольно показываетъ то, когда говоритъ: *лучше есть итти въ домъ плача, нежели въ домъ пира.* И нѣсколько ниже: *сердце*, говоритъ, *премудраго въ дому плача, сердце же безумнаго въ дому пира.* Но о томъ наипаче упомянуть за нужное почитаю, которое заключается въ той же книгѣ, и которое принадлежитъ къ двумъ градамъ, Христову и діавольскому, и ихъ царямъ, Христу и діяволу: *горе тебѣ граде, въ немже царь твой юнъ, и князи твои рано ядятъ: блажена ты земле, ея же царь твой сынъ свободныхъ, и князи твои во время ядятъ въ силѣ и не постыдятся.* Юнымъ назвалъ діявола по безумію его, гордости, непостоянству и прочимъ порокамъ, которыя въ юныя лѣта обыкновенно избыточествуютъ: Христа же сыномъ свободныхъ, святыхъ Патріарховъ, принадлежащихъ къ свободному граду, отъ которыхъ Христосъ родился по плоти. Князи онаго града рано ядятъ, то есть, прежде пристойнаго часа: понеже не ожидаютъ благовременнаго и неложнаго будущаго вѣка благополучія, но желаютъ скоро блаженными быть удовольствіемъ сего вѣка. Князи же Христова града времени истиннаго

блаженства съ терпѣніемъ ожидаютъ. Сіе-то значитъ въ силѣ: и не постыдятся, понеже не обманутся они въ надеждѣ, о которой говоритъ Апостолъ: *упованіе не посрамитъ.* Говоритъ также и псаломникъ: *вси надѣющіися на тя не постыдятся.* Пѣсни же пѣсней суть духовнымъ нѣкоторымъ удовольствіемъ святыхъ душъ, состоящимъ въ союзѣ онаго царя и царствующаго града, то есть Христа и церкви. Но сіе удовольствіе покрыто иносказательнымъ покровомъ, дабы всякъ вникалъ въ оныя усерднѣе, и выразумѣвалъ съ большимъ веселіемъ, чтобъ открылся женихъ, коему тамъ говорится: *правда возлюби тя:* и невѣста, которая слышитъ: *любы въ утѣшеніи твоемъ.* Но мы ничего болѣе неговоря, молчаніемъ преходимъ все, съ намѣреніемъ окончать скоряе сіе сочиненіе.

Глава двадесять первая.

О царяхъ бывшихъ послѣ Соломона какъ надъ Іудою, такъ и Израилемъ.

Изъ прочихъ послѣ Соломона царя Еврейскихъ царей едва ли найти можно одного, какъ отъ Израиля, такъ и отъ Іуды, который бы или словами, или дѣлами своими нѣчто принадлежащее къ Христу и церкви предвозвѣстилъ или предзнаменовалъ. Ибо со времени Ровоама сына Соломонова, который преемникомъ былъ отцу, народъ раз-

дѣ-

дѣлился на двое, въ наказаніе за оскорбленіе Бога Соломономъ, и одна часть называлась Іудою, другая Израилемъ. Десять колѣнъ, которыми управлялъ Іеровоамъ рабъ Соломоновъ, будучи поставленъ въ Самаріи, собственно назывались Израилемъ, хотя прежде всего народа имя сіе было; два же колѣна, то есть Іудино и Веніаминово, которыя, дабы Давидово царство со всѣмъ неистребилось, Давида ради, остались въ подданствѣ Іерусалиму, Іудою имяновались. Понеже сіе было колѣно, отъ котораго произошелъ Давидъ. Веніаминово же другое колѣно, отъ котораго произошелъ Саулъ, бывшій царемъ прежде Давида. Но сіи оба колѣна, какъ выше я сказалъ, Іудою назывались, и симъ именемъ различались отъ десяти колѣнъ, нарицаемыхъ Израилемъ, имѣющихъ своего царя. Ибо колѣно Левіино, поелику было священническое, то Богомъ было обладаемо, а не царями, которое составляло третьенадесять колѣно. Понеже Іосифъ не одно, какъ прочіе, но два колѣна Ефремово и Манассіино произвелъ. Однако и Левіино колѣно къ царству Іерусалимскому принадлежало наипаче, гдѣ былъ храмъ, въ которомъ оно служило. И такъ по раздѣленіи народа первый царствовалъ въ Іерусалимѣ Ровоамъ царь Іудинъ, сынъ Соломоновъ: въ Самаріи же Іеровоамъ царь Израилевъ, рабъ Соломоновъ. И когда хотѣлъ Ровоамъ возвратить къ себѣ десять колѣнъ

оружіемъ, то возбранено было народу отъ Бога сражаться съ братіею своею, который сказалъ чрезъ пророка, что онъ то содѣлалъ. Изъ чего открылось, что въ томъ ни царь Израилевъ, ни народъ не виноватъ, но что Богъ исполнилъ волю свою, мстящую за преступленіе Соломону. Узнавъ о томъ обѣ страны успокоились; понеже не благочестію, но царству эдѣлалось раздѣленіе.

Глава двадесять вторая.

О Іеровоамѣ, который нечестіемъ идолопоклонства подданный себѣ народъ осквернилъ, однако Богъ не престапалъ посылать пророковъ, и предохранять многихъ отъ онаго беззаконія.

Но царь Израилевъ Іеровоамъ по развратности своего ума, не довѣряя Богу, котораго неложность въ обѣщанномъ и данномъ ему царствѣ извѣдалъ, убоялся, дабы народъ, ходя къ храму Божію во Іерусалимъ, куда по Божію закону для жертвоприношенія весь Іудейскій народъ приходить долженствовалъ, отъ него не отсталъ, и къ наслѣдникамъ Давидовымъ, такъ какъ царскому сѣмени, не возвратился, ввелъ идолопоклонство въ своемъ государствѣ, и народъ Божій почитаніемъ кумировъ не безъ крайняго нечестія прельстилъ: однако Богъ не преставалъ не только онаго царя, но и преемниковъ его послѣдователей томужъ не-

нечестію обличать, и народъ укорять чрезъ пророковъ. Ибо тамъ были славные оные и знаменитые пророки, которые великія содѣлали чудеса, Илія и Елисей ученикъ его. При всемъ томъ тамъ сказавшему Иліи: *Господи! пророки твоя избиша, олтари твоя раскопаша, и остахся азъ единъ, и ищутъ души моей изяти ю*: отвѣтствовано, что тамъ *находятся седмь тысячь мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ.*

Глава двадесять третія.

О различномъ обоихъ царствъ Еврейскихъ состояніи, покуда оба народы въ разное время отведены въ плѣнъ: и что по возвращеніи оттуда Іудеевъ во свое государство, не раздѣльно весь народъ составлялъ одно государство: и что наконецъ обладаемы были Іудеи Римлянами.

Не недоставало также и въ государствѣ Іудиномъ, принадлежащемъ къ Іерусалиму, въ разныя времена пророковъ, когда Богу было угодно посылать ихъ или ради предвозвѣщенія чеголибо, или ради обличенія въ беззаконіяхъ и заповѣданія правды. Ибо и тамъ хотя меньше, нежели во Израили было царей, которые Бога тяжко оскорбляли и раздражали, и наказываемы за оное были. Благочестивыхъ тамъ царей многія похваляемы дѣла. Въ Израили же хотя иные болѣе, или меньше, однако всѣ непотребными описываются. И такъ оба государства по повелѣ-

 нію

нію Божія промысла или возвышаемы были благополучіемъ, или нещастіемъ утѣсняемы; и наказываемы не только внѣшними, но и внутренними междоусобными войнами, дабы по извѣстнымъ винамъ милосердіе Божіе или гнѣвъ открывались: покуда по умножившемуся на нихъ негодованію Божію весь народъ оружіемъ Халдеевъ не только побѣжденъ, но и большею частію преселенъ въ землю Ассирійскую; сперва оная часть, называемая Израилемъ въ десяти колѣнахъ, потомъ и Іуда по разореніи Іерусалима и знаменитаго онаго храма: въ которой земли седмьдесятъ лѣтъ жили плѣнниками: по прошествіи коихъ, отпущены будучи, возвратились, и храмъ разоренный возобновили: и хотя многіе изъ Евреевъ тогда жили въ странахъ иноплеменничихъ, однако не раздѣлялось тогда государство ихъ на двѣ части, и не было двухъ царей, но въ Іерусалимѣ пребывалъ ихъ правитель; и къ храму Божію, который былъ во Іерусалимѣ, всѣ отвсюду, гдѣбъ кто ни жилъ, въ извѣстныя и уставленныя времена приходили. Но и тогда не не было имъ враговъ и разорителей. Ибо когда Христосъ пришелъ во плоти, тогда они уже данниками были Римлянамъ (1).

Глава

Глава двадесять четвертая.

О пророкахъ, которые или послѣдними у Іудеевъ были, или коихъ Евангельская повѣсть бывшими около рождества Христова описываетъ.

Во все же оное время, съ котораго возвратились изъ Вавилона, послѣ Малахіи, Аггея, и Захаріи тогда пророчествовавшихъ, и Ездры не имѣли Іудеи до пришествія Спасителева пророковъ, кромѣ другаго Захаріи отца Іоаннова, и Елисаветы его жены, кои были предъ рожденіемъ Христовымъ, и по рожденіи кромѣ Симеона престарѣлаго, и Анны вдовицы престарѣлой, и самаго послѣдняго Іоанна, который не знаемаго Христа пророчески показалъ: чего для и самъ Господь говоритъ: *законъ и пророцы до Іоанна.* Но сихъ послѣднихъ пяти пророчество Евангеліе намъ открываетъ, въ коемъ и дѣва мать Господа нашего прежде Іоанна пророчествовавшею описывается. Но сихъ пророчествъ отверженные Іудеи не принимаютъ; приняли же тѣ, кои изъ нихъ безчисленнымъ множествомъ увѣровали. Ибо тогда въ самой вещи раздѣлился Израиль на двое, раздѣленіемъ онымъ, которое Самуиломъ пророкомъ Саулу царю неизмѣняемымъ предвозвѣщено. Малахію же Аггея и Захарію и Ездру и самые отверженные Іудеи принимаютъ, и пророчества ихъ правильными признаваютъ.

Ибо и пророчествали они такъ какъ и другіе при многолюдствѣ; и извѣстно, что рѣдкіе то пишутъ, что правильнымъ признано быть можетъ. О коихъ пророчествахъ касающихся до Христа и его церкви, въ семъ сочиненіи нѣсколько поговорить я намѣренъ и долженъ: что и учиню, естьли Богъ поможетъ въ слѣдующей книгѣ, а не въ сей, дабы безпредѣльною продолжительностію ея не обременить.

Конецъ книги седьмойнадесять о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, седьмуюнадесять.

На главу двадесятую.

(1) Изъ коихъ три признаны. Соломонъ много другихъ книгъ писалъ. Ибо Іосифъ повѣствуетъ, что онъ о пѣніи сочинилъ пять тысячь книгъ. Также писалъ о растѣніяхъ, древахъ, о животныхъ земныхъ и водныхъ; притомъ сочинилъ притчей три тысячи книгъ.

(2) Книгу премудрости. Сія книга почитается Филона Іудеанина Александрійскаго, который жилъ во времена Апостольскія, съ коими и имѣлъ дружбу.

На главу двадесять третію.

(1) Данниками были Римлянамъ. Первый Іудеевъ изъ Римлянъ побѣдилъ великій Помпей, и ихъ здѣлалъ данниками. Потомъ посылаемыми отъ Римлянъ Губернаторами Іудеи управляемы были, и платили Римлянамъ дань. Отсюда то произошелъ оный Іудейскій вопросъ? достоитъ ли Кесарю дань даяти.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА XVIII.

Глава первая.

О томъ, что, считая отъ начала міра до временъ Спасителевыхъ, въ семнатцати книгахъ доказано.

Обѣщался я, когда отражалъ враговъ града Божія, которые основателю онаго Христу боговъ своихъ предпочитаютъ, и пагубною для нихъ самихъ завистію злобно завидуютъ Христіанамъ, какъ я и учинилъ, сколько мнѣ благодать Божія помоществовала, въ первыхъ десяти книгахъ; писать о началѣ, продолженіи и кончинахъ двухъ градовъ, изъ коихъ одинъ есть Божій, другій вѣка сего, въ коемъ, что касается до рода человѣческаго, и оный нынѣ странствуетъ. И посему моему упомянутому раздѣленію, въ слѣдующихъ за десятою четырехъ книгахъ обьяснено обоихъ градовъ начало или происхож-

хожденіе; потомъ продолженіе отъ перваго человѣка до потопа въ книгѣ одной, которая сего сочиненія считается пятнатцатою, и оттуда до Авраама паки оба какъ во временахъ, такъ и въ священномъ Писаніи простирались. Но отъ Праотца Авраама, до временъ царей Израильскихъ, чѣмъ и шестуюнадесять книгу окончали: и съ онаго времени до пришествія самаго Спасителя, до котораго седьмаянадесять книга простирается: описываемо было продолженіе одного града Божія, когда не одинъ онъ, но безъ сомнѣнія оба въ родѣ человѣческомъ, какъ и отъ самаго начала міра времена премѣняли. Но я сіе для того нарочно учинилъ, дабы прежде, съ котораго времени обѣщанія Божія явственнѣйшими быть начали, до рожденія Христова отъ Дѣвы, на коемъ и чрезъ коего обѣщанное исполниться долженствовало, продолженіе града Божія ощутительнѣе было, хотя продолженіе онаго прежде откровенія новаго завѣта состояло не во свѣтѣ, но въ сѣни. И такъ по видимому должно мнѣ предложить о томъ, что я пропустилъ, то есть описать продолженіе земнаго града со временъ Авраамовыхъ, дабы всякъ изъ читателей оба града могъ одинъ съ другимъ соравнить.

Глава

Глава вторая.

О царяхъ и временахъ земнаго града, съ коими отъ рожденія Авраамова численныя времена святыхъ сходствуютъ.

И такъ общество смертныхъ по всѣмъ всюду распространившееся странамъ, и различнымъ мѣстамъ, однако тожъ пророды единствомъ связуемое въ разсужденіи выгодъ и желаній каждаго, къ коимъ стремится, когда то чего желаетъ, или ни одного или покрайнѣй мѣрѣ не всѣхъ удовольствовать можетъ, потому само въ себѣ по большой части раздѣляется, и одна сторона сильнѣйшая преодолѣваетъ другую. Ибо побѣждающей подвластною бываетъ побѣжденная: предпочитая всякой миръ и спасеніе, хотябъ досталось не только потерять владычествованіе, но и вольность, такъ, что не малымъ было удивленіемъ то, что нѣкоторые лучше восхотѣли лишиться жизни, нежели быть въ неволѣ и плѣнѣ. Понеже во всѣхъ почти народахъ дѣйствовалъ гласъ природы, чтобы люди, коимъ случается побѣжденнымъ быть, лучше соизволяли принять на себя иго побѣдителей, нежели вконецъ истребленнымъ быть непріятельскимъ оружіемъ. Отсюда явствуетъ, что не безъ Божія промысла, который даетъ силу побѣждать однимъ другихъ, или попускаетъ однимъ побѣжденнымъ быть, что нѣкоторые царствуютъ, другіе облада-

даемы владычествующими. Но между многими государствами земными, на которыя ради выгодъ раздѣлилось общество, которое мы общественнымъ именемъ, то есть градомъ міра сего называемъ, два государства видимъ несравненно прочихъ знаменитѣйшія, Ассирійское первое, потомъ Римское, которыя какъ временами, такъ и мѣстами между собою различны. Ибо какъ то прежде, такъ сіе послѣ; какъ то на востокѣ, такъ сіе на западѣ возникло. Притомъ отъ конца онаго не далеко было сего начало. Прочія же государства и другихъ царей я почитаю сихъ прибавленіемъ. И такъ вторый былъ царь Ассирійскій Нинъ, который вступилъ на царство послѣ отца своего Вила, бывшаго у Ассиріанъ первымъ царемъ, когда въ земли Халдейской родился Авраамъ (1). Было въ тоже время и Сиціонское государство весьма малое, отъ котораго ученнѣйшій мужъ Маркъ Варронъ, пиша о народѣ Римскомъ, какъ бы отъ древняго времени началъ. Ибо отъ Сиціонскихъ царей къ Аѳинскимъ, отъ Аѳинскихъ къ Латинскимъ, отъ Латинскихъ къ Римскимъ доводилъ свою повѣсть. Но прежде основанія Рима въ разсужденіи Ассирійскаго государства маловажныя упоминаются. Хотя Аѳиняне по признанію Римскаго историка Салюстія и знамениты были; однако по славѣ наипаче, нежели въ самой вещи. Ибо говоря онъ о нихъ: Аѳинянъ, сказываетъ,

дѣ-

дѣла, какъ я думаю, многія и великія были; однако гораздо меньше, нежели объ оныхъ носится слава. Но поелику произошли тамъ великіе писателей умы, то Аѳинянъ дѣла во вселенной почтены великими. Сила учинившихъ оныя таковою поставляется, сколько ея словами могли превознести высокіе разумы. Не мало прибыло славы сему городу отъ наукъ и философовъ; поелику тамъ таковыя науки процвѣтали. Понеже, что касается до государства, то въ первыя времена ни одного не было болѣе Ассирійскаго, которое было наипространнѣйшее: поелику повѣствуется, что Нинъ царь сынъ Виловъ всю Азію (2), которая въ разсужденіи числа частей свѣта, почитается третіею, въ разсужденіи же великости половиною вселенныя, до Ливійскихъ предѣловъ покорилъ. Ибо одни Индійцы только не были подъ державою его, съ которыми однако Семирамида по смерти мужа своего предпринимала сражаться (3). Такимъ образомъ всѣ въ тѣхъ странахъ народы и цари обладаемы были Ассиріанами, и дѣлали все, что имъ повелѣваено ни было. И такъ Авраамъ въ ономъ государствѣ у Халдеевъ въ Ниновы родился времена. Но какъ дѣла Грековъ гораздо намъ извѣстнѣе, нежели Ассирійскія, и чрезъ Грековъ къ Латинцамъ, а отъ оныхъ къ Римлянамъ порядокъ временъ вели, кои начала народа Римскаго въ древности искали; то должны мы, гдѣ надлежитъ, упо-

минать Ассирійскихъ царей, дабы видно было, какимъ образомъ Вавилонъ, какъ бы первый Римъ, съ странствующимъ въ мірѣ семъ градомъ Божіимъ продолжается. Вещи же ради сравненія обоихъ градовъ, небеснаго то есть и земнаго, въ семъ сочиненіи надлежитъ по большой части Греческія и Латинскія употреблять, когда самый Римъ есть какъ бы вторымъ Вавилономъ. И такъ когда родился Авраамъ, тогда другіе или вторые цари были; у Ассиріанъ Нинъ, у Сиціонянъ Европсъ (4). Первыми бо въ оныхъ государствахъ царями были въ Ассирійскомъ Вилъ, въ Сиціонскомъ Егіалей (5). Когда же изшедшему Аврааму изъ Вавилона обѣщалъ Богъ, что сѣмя его великимъ будетъ языкомъ, и что въ его сѣмени благословятся всѣ языки: Ассирійцы имѣли четвертаго царя, Сиціоняне же пятаго. Ибо у оныхъ царствовалъ Ниновъ сынъ по смерти матери своей Семирамиды (6), которой, сказываютъ, ее убилъ (7); понеже она дерзнула сына своего преклонять къ кровосмѣшенію съ собою. Многіе думаютъ, что она построила Вавилонъ, которой однако она могла возобновить. Когда же и какимъ образомъ оный построенъ, о томъ говорили мы въ шестой надесять книгѣ. Сына же Нинова и Семирамидина, который преемникомъ былъ матери, нѣкоторые отцовскимъ именемъ, нѣкоторыеже отъ отцовскаго произведеннымъ называютъ Ниніею; Сиціонскимъ же государ-

ствомъ тогда управлялъ Телексіонъ. Въ царствованіе котораго толь спокойныя и безприскорбныя текли времена, что его по смерти какъ Бога почитали, принося ему жертвы, и отправляя игры, которыя, какъ пишутъ, вопервыхъ ему въ честь были уставлены.

Глава третія.

Во время коихъ царей Ассирійскихъ и Сиціонскихъ столѣтнему Аврааму родился по обѣтованію сынъ Исаакъ, также и близнецы Исавъ и Іяковъ отъ Ревекки.

Когда же родился Исаакъ по обѣтованію Божію столѣтнему отцу Аврааму отъ Сарры жены неплодной и престарѣлой, которая не имѣла надежды раждать, тогда у Ассиріанъ царствовалъ пятый царь Аралій. Самому же Исааку шестидесятолѣтнему родились дѣти близнецы Исавъ и Іяковъ (1), коихъ ему родила жена его Ревекка, при жизни еще дѣда ихъ Авраама, который тогда продолжалъ житія своего лѣто сто шестьдесятое, который по совершеніи ста седьмидесяти пяти лѣтъ, скончался во время царствованія у Ассиріанъ Ксеркса онаго древнѣйшаго (2), который Балеемъ также называется; у Сиціонянъ же Туріаха, коего нѣкоторые Туримахомъ (3) имянуютъ; седмыхъ царей. Государство же Аргивское началось съ внуками Авраамовыми, гдѣ первый

царь

царь былЪ ИнахЪ. ПритомЪ пропустить и того не должно, что ВарронЪ повѣствуетЪ, что при гробницѣ седьмаго своего царя Туримаха жертвы приносили обыкновенно Сиціоняне. При царствованіи же осмыхЪ царей, у АссиріанЪ Армамитра, у СиціонянЪ Левциппа, и у АргивцовЪ перваго Инаха, БогЪ бесѣдовалЪ кЪ Исааку, и обѣщалЪ ему тожЪ что и отцу его, то есть, сѣмени его землю Ханаанскую, и о сѣмени его благословеніе всѣхЪ языковЪ: тожЪ самое обѣщано и внуку Авраамову, который прежде назывался Іяковом, потомЪ Израилем, когда уже царствовали, у АссиріанЪ девятый ВелокЪ, у АргивцовЪ Фороней сынЪ ИнаховЪ, при жизни у СиціонянЪ Левциппа. ВЪ сіи времена Греція при ФоронеѢ АрголическомЪ царѣ знаменитѣйшею стала по причинѣ нѣкоторыхЪ изданныхЪ законовЪ и судовЪ. Однако Фегой, братЪ сего Форонея младшій, когда умерЪ, то при его гробницѣ построенЪ храмЪ, вЪ коемЪ онЪ почитаемЪ былЪ вмѣсто Бога; ему воловЪ приносили на жертву. Я думаю для того таковой чести достойнымЪ его быть судили, понеже вЪ части своего царства (ибо отецЪ имЪ государство раздѣлилЪ на части, вЪ коихЪ они при жизни его царствовали) построилЪ храмы ради почитанія боговЪ, и научилЪ считать времена мѣсяцами и лѣтами. Толикой новости удивляясь вЪ немЪ грубые и невѣжественные люди, подумали, что онЪ по смерти

стался богомъ. Ибо и Іо, дочь Инахова (4), по сказанію нѣкоторыхъ, была, которая послѣ Изидою (5) наречена, и почитаема была въ Египтѣ, какъ великая богиня. Хотя другіе пишутъ, что она изъ Еѳіопіи (6) въ Египетъ пришла царицею, и поелику распространила государство, и праведно онымъ управляла и великую здѣлала пользу, и ввела науки, то за оное по смерти божеской чести, достойною признана: и такой чести, что ежели бы кто осмѣлился назвать ея человѣкомъ, тотъ повиненъ былъ смертной казни.

Глава четвертая.

О временахъ Іякопа и сына его Іосифа.

Во время царствованія у Ассиріанъ десятаго царя Балея, и у Сиціонянъ девятаго Месаппа (1), который отъ нѣкоторыхъ и Цефизомъ (2) имянуется, естьли только двоимянной онъ былъ, а не одного за другаго почли писатели, когда у Аргивцевъ церемъ былъ Аписъ (3), преставился Исаакъ на сто восемдесятомъ году своей жизни, и оставилъ близнецовъ своихъ ста и двадцати лѣтъ, изъ коихъ меньшій Іяковъ, принадлежащій къ Божію граду, о коемъ мы пишемъ, по отверженіи Богомъ большаго, имѣлъ двенатцать сыновъ, изъ коихъ называемаго Іосифомъ. братья продали купцамъ, проѣжжающимъ мимо ихъ въ Еги-

Египетъ, но еще Исаакъ дѣдъ его въ живыхъ находился. Предсталъ же Іосифъ, когда изъ презрѣннаго состоянія вознесенъ, Фараону, имѣя тритцать лѣтъ отъ рожденія: понеже сонъ царскій богодухновенно изъяснилъ, и предвозвѣстилъ, что седмь лѣтъ будетъ обильныхъ, коихъ обиліе изящное слѣдующія седьмь лѣтъ гладныхъ истребятъ: и за то отъ царя поставленъ властелиномъ надъ Египтомъ, по изведеніи изъ темницы, въ которую его ввергло цѣломудріе: кое онъ храня, влюбившейся въ него госпожѣ, и имущей на него легковѣрному мужу возложить клевету, убѣгая, и держащейся за ризы его одежду оставляя, не соизволилъ на плотское совокупленіе. Во второе же лѣто седьми годовъ глада Іяковъ съ домочадцы своими пришелъ во Египетъ къ сыну, имѣя отъ рожденія сто тритцать лѣтъ, какъ вопрошающему Египетскому царю самъ объявилъ, когда Іосифъ препровождалъ въ то время тритцать девятый годъ; ибо тритцати лѣтъ онъ былъ, когда честію почтенъ отъ царя, къ коимъ ежели приложить седмь лѣтъ плодородныхъ, и два года глада, то будетъ тридцать девять лѣтъ.

Глава пятая.

О Аписѣ царѣ Аргипскомъ, коего Египтяне, преименопанъ Сераписомъ, божескою почитали честію.

Въ сіи времена царь Аргивской Алисъ (1), прибывъ на корабляхъ въ Египетъ; когда въ ономъ скончался, то преименованъ бывши Сераписомъ, почтенъ за величайшаго изъ всѣхъ бога. Вину же премѣненія его имени, что онъ по смерти не Аписомъ, но Сераписомъ названъ, Варронъ представляетъ; понеже ковчегъ, въ коемъ умершій полагается, которой всѣ почти σαρκοφαγον называютъ, по Гречески имянуется σορος: и тамъ его почитать начали, прежде нежели храмъ былъ построенъ; называя прежде какъ бы σοροσαπις или σοραπις; потомъ премѣнивъ литеру, какъ обыкновенно бываетъ, Сераписомъ именовать начали. Узаконено же было у Египтянъ, казнить того смертію, естьли кто назоветъ его человѣкомъ. И какъ во всякомъ почти храмѣ, гдѣ почитаемы были Изида и Сераписъ находились ваннія, которыя имѣли персты приложенныя къ устамъ, въ знакъ того, дабы люди наблюдали молчаніе; а Варронъ говоритъ, что сіе знакомъ было того, дабы люди молчали о томъ, что они были смертные. Вола же онаго, котораго прельщенные удивительнымъ безуміемъ въ честь его питали, поелику живаго почитали, то Апи-

Аписомъ, а не Сераписомъ называли. По смерти коего вола, ежели сыскивали теленка такой же шерсти и распещреннаго такимижъ бѣлыми пятнами, тогда вѣрили, что особеннымъ промысломъ боговъ оный имъ дарованъ. Ибо не удивительно, чтобъ корова таковагожъ отелила теленка, каковъ случается быкъ: когда Іяковъ пестрыми жезлами могъ здѣлать, чтобы овцы и козы пестрыми раждались.

Глава шестая.

При царствованіи котораго царя у Аргивцовъ, и коего у Ассиріанъ, Іяковъ во Египтѣ скончался.

И такъ Аписъ царь не Египетскій, но Аргивскій, умершій во Египтѣ. Преемникомъ ему у Аргивцовъ былъ сынъ его Аргъ (1), отъ имени котораго Аргами и Аргивцами обладаемые имъ назвались. При прежнихъ же царяхъ ни мѣсто ни люди онымъ именемъ не нарицались. Во время царствованія сего у Аргивцовъ, и у Сиціонянъ Ерата (2), у Ассирійцовъ тогожъ Балея, преставился Іяковъ во Египтѣ, имѣя отъ рожденія сто сорокъ семь лѣтъ, который умирая, дѣтей своихъ и внуковъ благословляя, о Христѣ явственно пророчествовалъ, въ благословеніи Іуды говоря: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему*: и той

есть чаяніе языковъ. При царствованіи Арга же начала Греція употреблять свои плоды (3), и имѣть на поляхъ класы, по принесеніи отъинуда сѣменъ. Аргъ также по смерти за бога почитаемъ быть началъ, и удостоенъ храма и жертвоприношеній. Сія честь при царствованіи его опредѣлена простому и частному человѣку, пораженному громомъ, именемъ Омогиру, который первый научилъ впрягать воловъ въ плугъ.

Глава седьмая.

Во время которыхъ царей Іосифъ въ Египтѣ погребенъ.

Въ царствованіе у Ассиріанъ двенатцатаго царя Малиста, и одиннатцатаго у Сиціонянъ Племнея, а у Аргивцовъ тогожъ Арга, преставился Іосифъ во Египтѣ, имѣя отъ рожденія сто и десять лѣтъ. По смерти коего народъ Божій, чуднымъ образомъ умножающійся, пребывалъ въ Египтѣ сто сорокъ пять лѣтъ въ началѣ благополучно, покуда не померли тѣ, кои знали Іосифа. Потомъ Египтяне, завидуя умноженію Іудеевъ, и подозрѣвая, покуда они вышли изъ Египта, безчисленными образами ихъ притѣсняли, и работами тяжкими обременяли; однако при всемъ томъ умножались крайнѣ. Въ Ассиріи же и Греціи въ оное время тѣжъ государства продолжались.

Глава

Глава осьмая.

Коихъ царей въ лѣта Моvсей родился и кто въ оныя времена язычниками обоготворенъ.

И такъ когда у Ассиріанъ царствовалъ четвертыйнадесять царь Сафръ (1), у Сиціонянъ двенатцатый Орѳополъ (2), и у Аргивцовъ пятый Кріазъ (3); тогда родился въ Египтѣ Моvсей, (4) чрезъ котораго народъ Божій отъ работы Египетской изведенъ, гдѣ надлежало народу Божію притѣсненіями научену быть, дабы потребовалъ помощи своего Творца. Во время царствованія помянутыхъ царей, по сказанію нѣкоторыхъ писателей, былъ Промиѳей, о которомъ повѣствуютъ, аки бы онъ изъ глины сотворилъ людей, по той причинѣ, что онъ былъ непослѣднимъ мудрости учителемъ; однако исторія не открываетъ, кои въ его времена были мудрецами. Братъ его Атлантъ описывается великимъ звѣздочетцемъ. Откуда случай получила басня, вымыслившая, акибы онъ на себѣноситъ небо. Хотя тѣмъ же именемъ называется гора наивысочайшая, о которой народъ думалъ, что она по своей высотѣ поддерживаетъ небо. Много также и другаго въ Греціи въ оныя времена вымышлено баснословнаго. Но до Цекропа (5) царя Аѳинскаго, коего именемъ городъ Цекропіею названъ, и при котораго царствованіи Богъ чрезъ Моvсея извелъ изъ Египта людей сво-

ихъ, по слѣпотѣ и обыкновенному безумію и суевѣрію многіе обоготворены. Въ числѣ коихъ царя Кріаза жена Мелантоника, и Форбасъ сынъ ихъ (6), который послѣ отца своего шестымъ царемъ Аргивскимъ былъ. И седьмаго царя Тріопа (7) сынъ Іасъ (8), и девятый царь Сѳенелай, (9) или Сѳенелей, или Сѳенелъ; ибо различно у разныхъ писателей имянуется. Сказываютъ, что въ сіи же времена былъ Меркурій (10) внукъ Атлантовъ, рожденный Маіею его дочерью, о чемъ и въ извѣстнѣйшихъ всѣмъ книгахъ повѣствуется. Онъ былъ знаменитъ въ наукахъ, которыя народу предалъ, за которую выслугу по смерти почли его богомъ. Послѣдній былъ Ираклій, или Геркулесъ (11); однако къ тѣмъ же Аргивцовъ временамъ принадлежитъ: и хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что Ираклій старше временемъ Меркурія, о коихъ однако я думаю, что они ошибаются: но какъ бы то нибыло, однако всѣ писатели единогласно утверждаютъ, что сіи оба были люди, и за то, что многія благодѣянія къ препровожденію жизни выгодному здѣлали, заслужили себѣ божеское почтеніе. Минерва же (12) несравненно древняе ихъ. Ибо во времена Огига при озерѣ Тритоновомъ совершеннаго возраста дѣвицею была видима; чего для и Тритонскою названа. Она также много изобрѣла вещей, и тѣмъ удобнѣе богинею признана, чемъ меньше о происхожде-

жденіи ея было извѢстно. Ибо что пишется о ней, аки бы она отЪ головы Юпитеровой (13) произошла, оное стихотворческимЪ баснямЪ, а не исторіи приписать должно. Хотя и самЪ ОгигЪ (14), когда былЪ, вЪ коего времена великій былЪ потопЪ, не оный наивеличайшій, отЪ котораго ни одинЪ человѢкЪ не спасся, кромѢ тѢхЪ, кои находились вЪ ковчегѢ: о которомЪ ни языческая, ни Греческая, ни Латинская не вѢдаетЪ исторія (15); однако которой былЪ гораздо болѢе, нежели во время Девкаліоново; писатели не согласуютЪ. Ибо ВарронЪ отЪ него началЪ свою книгу, о коей я выше упомянулЪ, и не нашелЪ ничего древнѢйшаго, принадлежащаго кЪ РимлянамЪ, кромѢ Огигеева потопа, бывшаго во времена онаго Огигея. ИзЪ нашихЪ же, кои Хронологію писали (16), вопервыхЪ Евсевій, потомЪ ІеронимЪ, которые всенепремѢнно прежде себя бывшимЪ послѢдовали писателямЪ, увѢряютЪ, что триста лѢтЪ спустя послѢ всемірнаго потопа во время царствованія втораго Аргивскаго царя Форонея, ОгигеевЪ былЪ потопЪ. Но вЪ какое бы время онЪ ни былЪ, однако тогда Минерва уже какЪ богиня почитаема была, во время царствованія вЪ АттикѢ (17) Цекропа, при которомЪ или построены или возобновлены Аѳины, которыя прежде назывались Цекропіею.

Глава

Глава девятая.

Вѣ которое время Моvсей извелѣ народѣ изѣ Египта, и Іисусѣ Навинѣ, преемникѣ Моvсеевѣ по время которыхѣ царей скончался.

И такѣ извелѣ Моисей народѣ Божій изѣ Египта вѣ послѣднихѣ годахѣ Цекропа Аѳинскаго царя, когда у Ассиріанѣ царствовалѣ Аскатарѣ, у Сиціонянѣ Мараѳѣ (1), у Аргивцовѣ Тріопѣ. Изведенному же народу принятый отѣ Бога на горѣ Синайской предалѣ законѣ, который ветхимѣ называется завѣтомѣ; поелику содержитѣ обѣщанія земныя, и поелику Іисусомѣ Христомѣ имѣлѣ быть завѣтѣ новый, коимѣ обѣщается царство небесное. Ибо таковой порядокѣ соблюсти надлежало, какѣ вѣ каждомѣ человѣкѣ, вѣ Богѣ успѣвающемѣ, дѣлается, о чемѣ говоритѣ Апостолѣ: *но прежде духовное, но душевное, потомѣ же духовное.* Понеже, какѣ говоритѣ, и истинно есть, *первый человѣкѣ отѣ земли перстенѣ, вторый человѣкѣ Господѣ сѣ небесе.* Управлялѣ же Моvсей народомѣ вѣ пустынѣ сорокѣ лѣтѣ и преставился ста двадцати лѣтѣ, пророчествовавѣ о Христѣ образованіями наблюденій плотскихѣ вѣ Скиніи, вѣ священствѣ, вѣ жертвахѣ, и другихѣ таинственныхѣ многихѣ заповѣданіяхѣ. Моvсею преемникомѣ былѣ Навинѣ, который, по повелѣнію Божію побѣдивѣ языки, державшіе и обладавшіе оны-

ми

ми мѣстами, поселилъ на нихъ Евреевъ. Который, правивъ народомъ по смерти Моvсеевой дватцать семь лѣтъ, скончался во время царствованія у Ассиріанъ осьмагонадесять царя Аминты, у Сиціонянъ шестагонадесять Коракса, у Аргивцовъ десятаго Даная (2), у Аѳинянъ четвертаго Ерихѳонія.

Глава десятая.

О священнослуженіяхъ ложныхъ боговъ, которыя цари Греческіе въ оныя времена уставили, которыя считаются отъ исхода Израильтянъ изъ Египта до смерти Іисуса Навина.

Въ сіи времена, то есть отъ исхода Израильтянъ изъ Египта до смерти Іисуса Навина, который ввелъ Іудеевъ въ землю обѣтованную, священнослуженія ложнымъ богамъ уставлены Греческими царями. Ибо и Луперковъ священнымъ путемъ восхожденіе и нисхожденіе толкуютъ такъ, что ими означаются люди, которые по причинѣ наводненія уходили на горы, и потомъ, когда сбыла вода, на низкія мѣста сходили. Въ сіи времена, сказываютъ, Діонисій (1), который и Либеромъ отцемъ называется, и по смерти признанъ богомъ, показалъ употребленіе вина въ Аттикѣ. Тогдажъ Аполлину Дельфійскому (2) уставлены музыкальныя игры, дабы утишить гнѣвъ его; понеже Греки думали, что онъ бѣдствія на Греческія

скія страны навелъ за то, что не защитили его храма, который Данай царь, нападшій войною на оныя земли, сжегъ. А дабы они сіи уставили игры, оное повелѣно имъ оракуломъ. Въ Аттикѣ же царь Ерихѳоній первый оному завелъ игры, и не только оному, но и Минервѣ, гдѣ въ награжденіе елей полагаемъ былъ; понеже оный изобрѣла Минерва, такъ какъ Либеръ вино. Въ тѣжъ лѣта царь Ксанѳъ Критскій, котораго другіе инако называютъ, похитилъ Европу (3), и отъ нея родилъ Радаманта (4), Сарпедона (5), и Миноя (6), о коихъ однако увѣряютъ, что они онoюжъ женою рождены отъ Юпитера. Но таковыхъ боговъ почитатели оное, что о царѣ Критскомъ мы сказали, почитаютъ историческою истинною; а что о Юпитерѣ поютъ стихотворцы, представляютъ ѳеатры, разглашаютъ народы, пустыми щитаютъ баснями, здѣланными для того, дабы представить игры хотя изъ ложныхъ ихъ пороковъ ради умилостивленія боговъ. Въ сіи времена славенъ былъ Ираклій Тиринѳскій. Но сей есть иной, а не тотъ, о которомъ мы выше говорили. Ибо тайная исторія показываетъ, что многіе были Иракліи (7), и Либеры отцы. О семъ Иракліи повѣствуютъ, что онъ великихъ дѣлъ сдѣлалъ двенадцать, между коими однако не упоминаютъ о убіеніи Антея (8); поелику оное дѣломъ есть другаго Ираклія, и на горѣ Оетѣ самъ себя сожегъ

жегЪ съ такимЪ же мужествомЪ, съ какимЪ побѣждалЪ чудовища; при всемЪ томЪ не вытерпѣлЪ той болѣзни, вЪ которой находился. ВЪ тожЪ время царь, или лучше сказать, ТираннЪ БузирисЪ (9) своимЪ богамЪ чужестранцовЪ приносилЪ вЪ жертву. Его почитаютЪ сыномЪ НептуновымЪ, рожденнымЪ отЪ Ливіи дочери Епафовой. Но пускай тому не вѣрятЪ, что НептунЪ учинилЪ любодѣйство, дабы чрезЪ то не охуждаемы были боги: но пускай стихотворцамЪ оное приписываютЪ, дабы имѣть, чѣмЪ умилостивлять боговЪ. Ерихѳонія (10) царя Аѳинскаго, коего на послѣднихЪ годахЪ ІисусЪ НавинЪ преставился, ВулканЪ и Минерва родителями почитаются. Но какЪ они хотятЪ Минерву доказать дѣвицею (11), то сказываютЪ, что когда ВулканЪ вознеистовился на Минерву, и она ему сопротивлялась, то ВулканЪ сѣмя свое излилЪ на землю, и оттуда родился Ерихѳоній. Ибо на ГреческомЪ языкѣ ερις сопротивленіе и χθων земля называется, изЪ которыхЪ сложено имя Ерихѳонія. Но признаться должно, что ученые язычники сіе опровергаютЪ, и сказываютЪ, что сіи басни оттуда произошли, что вЪ храмѣ Вулкана и Минервы, который имЪ былЪ общій, вЪ АѳинахЪ найденЪ младенецЪ, кругЪ коего обвился драконЪ, и означилЪ, что оный младенецЪ великимЪ быть имѣетЪ; и поелику родители онаго были неизвѣстны, то по причинѣ общаго храма Вулкана

и

и Минервы, назвали его сыномъ Вулкановымъ и Минервинымъ. Однако производство имени басня лучше открываетъ, нежели прямая повѣсть. Но что намъ въ томъ нужды, когда они въ справедливыхъ книгахъ научаютъ людей набожныхъ, а въ ложныхъ играми увеселяютъ нечистыхъ демоновъ, которыхъ однако и набожные ихъ люди какъ боговъ почитаютъ? И когда въ томъ боговъ оправдаютъ, однако отъ всѣхъ пороковъ оправдать не могутъ; понеже по повелѣнію ихъ игры имъ представляютъ, гдѣ мерзко дѣлается, что въ другомъ случаѣ, какъ благоразумно опровергается, и сими лжами и мерзостями боги умилостивляются: гдѣ хотя басня предлагаетъ порокъ ложной, однако увеселяться ложнымъ порокомъ есть порокъ не ложный.

Глава перваянадесять.

Какія басни вымышлены въ то время, когда судіи у Евреевъ быть начали.

По смерти Іисуса Навина люди Божіи имѣли судей, въ которыя времена то въ рабство иногда попадались за свои согрѣшенія, то благополучіемъ утѣшаемы были по умилостивленіи Бога. Въ сіи времена вымышлены басни о Триптолемѣ (1), который по повелѣнію Цереры, ѣздя на крилатыхъ зміяхъ, развозилъ жита людямъ, незнающимъ употребленія оныхъ. О Мино-

та-

тавръ (2) звѣрѣ, заключенномъ въ Лабиринтѣ, въ которой когда входили люди, то заблуждались, и выпти никакъ не могли. О Центаврахъ (3), которые состояли изъ природы человѣческой и конской. О Церберѣ троеглавномъ (4) адскомъ псѣ, о Фриксѣ и Еллѣ (5) его сестрѣ, которые летали на овнѣ. О Горгонѣ (6), что у ней вмѣсто власовъ были зміи, и что воззрѣвшіе на нее обращались въ камни. О Беллерофонтѣ (7), который ѣздилъ на крылатомъ конѣ, названномъ Пегазомъ. О Амфіонѣ (8), который пріятностію гуслей услаждалъ и привлекалъ камни. О древодѣлателѣ Дедалѣ (9) и сынѣ его Икарѣ, кои, придѣлавъ себѣ крилѣ, летали. О Едипѣ (10), который чудовище нѣкоторое, названное Сфинскомъ, разрѣшеніемъ его вопроса довелъ до того, что оное, бросившись съ высокаго мѣста, убилось. О Антеѣ, котораго убилъ Геркулесъ, который, будучи сыномъ земли, падая на землю, воставалъ съ большею силою. И другія, которыя можетъ быть я пропустилъ. Сіи басни до войны Троянской изъ подражанія исторіи, содержащей справедливыя вещи, такъ разумами человѣческими вымышлены, что не соединены съ поношеніемъ боговъ. Которые же вымыслили о Юпитерѣ, что онъ похитилъ прекраснаго отрока Ганимида ради блудодѣйства съ нимъ; которое преступленіе Танталъ учинилъ, а Юпитеру оное беззаконіе

приписываетЪ басня; или что Данаю вЪ видѢ золотаго дождя изнасиловалЪ, гдѢ разумѢется, что женщина оная за злато продала свое цѢломудріе; и прочее, которое вЪ тогдашнее время, или дѢлано было, или вымышлено, или дѢлано другими, а присвоено Юпитеру: сказать не можно, коликая развратность примѢчается вЪ сердцахЪ человѢческихЪ, которыя терпѢливно сносили такую ложЪ, и со удовольствіемЪ приняли; которые подлинно чемЪ усерднѢе почитаютЪ Юпитера, тѢмЪ жесточае долженствовали бы казнить тѢхЪ, кои таковое осмѢлились писать. Но они не только на писавшихЪ оное не гнѢваются, но боятся, дабы не раздражить боговЪ, естьли не будутЪ представлять сихЪ сумозбродствЪ вЪ ѳеатрахЪ. ВЪ сіи времена Латона родила Аполлина, не того, о которомЪ мы выше говорили, что давалЪ отвѢты, но того о которомЪ пишутЪ, что купно сЪ ГеркулесомЪ пасЪ скотину у Адмета царя (11): которой однако почтенЪ за бога, такЪ что многіе думаютЪ, что АполлинЪ есть одинЪ и тотЪ же. Тогда и ЛиберЪ отецЪ воевалЪ вЪ Индіи, который вЪ походѢ своемЪ имѢлЪ многихЪ женЪ, которыя Баханками назывались, не мужествомЪ знаменитыхЪ, но неистовствомЪ. НѢкоторые писатели увѢряютЪ, что ЛиберЪ и побѢжденЪ и скованЪ и убитЪ на брани сЪ ПерсеемЪ (12), и не скрываютЪ мѣста, гдѢ погребенЪ; однако ему, какЪ Богу, наущее-

щеніемъ нечистыхъ бѣсовъ, Бахаканалія праздкество, или лучше сказать, святотатство уставлено. Котораго неистовой мерзости наконецъ устыдился сенатъ такъ, что въ Римѣ совсѣмъ празднеству оному быть запретилъ. Въ тѣже времена Персей и жена его Андромеда (13) по смерти на небо преселившимися почтены такъ, что образа ихъ звѣздами означали и оныя ихъ именами нарицали безъ стыда.

Глава втораянадесять.

О стихотворцахъ богословствующихъ.

Въ тѣ же времена были стихотворцы, которые и богословами назывались: понеже о богахъ стихи сочиняли: но таковыхъ богахъ, которые хотя людьми великими были, однако люди: или которые составляютъ собою стихіи міра сего, единымъ истиннымъ Богомъ созданнаго: или которые были вельможами и начальниками не по своимъ заслугамъ, но по Божію изволенію поставленные: и ежели что о единомъ истинномъ Богѣ между ложными своими и безумными мечтами написали, почитая съ нимъ и другихъ, кои не суть Боги, и имъ отдавая служеніе единому Богу должное, и не служили Ему какъ надлежало, и сами отъ баснословной боговъ своихъ мерзости не воздержались. Изъ числа коихъ почитаются,

 Ор-

Орфей, Лузей, Линъ (1). Но сіи богословы боговъ почитали, а не за боговъ почитаемы были. Хотя Орфея не знаю для чего надъ преисподними, или адскими священнослуженіями, или лучше сказать, святотатствами главнымъ поставляютъ граждане нечестиваго града. Жена же царя Аѳаманта Ино (2) и сынъ ея Милицертъ, самоизвольно бросившіеся въ море и погибшіе, по мнѣнію людскому причины къ богамъ: какъ и другіе люди тогдашнихъ временъ. Между коими Касторъ и Поллюксъ (3). Онную Малицертову мать Греки Левкоѳіею, Латинщики Матутою назвали: однако и тѣ и другіе почитали богинею.

Глава третіянадесять.

О разрушеніи царства Аргивскаго: въ которое время у Лаврентянъ Пикусъ Сатурновъ сынъ отца своего наслѣдилъ царство первый.

Въ оныя времена царство Аргивское рушилось и перенесено въ Мицены (1); откуда былъ Агамемнонъ (2), и возникло царство Лаврентянъ (3), гдѣ Сатурновъ сынъ Пикусъ (4) первый воцарился. Въ сіе время у Евреевъ управляла народомъ Девора жена (5), но чрезъ оную Духъ Божій то дѣлалъ; ибо и пророчествовала: однако пророчество ея не столь открыто, дабы безъ дальнихъ изъясненій могли мы показать,

зать, что о Христѣ ею предвозвѣщено. И такъ уже царствовали Лаврентяне въ Италіи, отъ которыхъ начало Римлянъ послѣ Грековъ явственнѣе понимается: при всемъ томъ Ассирійское государство еще стояло, въ которомъ царствовалъ дватцать третій царь Лампаръ, когда Пикусъ первымъ царемъ у Лаврентянъ быть началъ. Сего Пикуса объ отцѣ Сатурнѣ пускай вновь разсмотрятъ почитатели боговъ, сколь благоразумно они думаютъ, когда утверждаютъ, что онъ человѣкомъ не былъ; о которомъ однако какъ прочіе написали, что онъ прежде Пикуса сына своего въ Италіи царствовалъ, такъ и Виргилій показываетъ, говоря: *онъ не просвѣщенныхъ и грубыхъ и разсѣяннныхъ по высокимъ горамъ сопокупилъ людей, и предписалъ законы, и повелѣлъ называть то мѣсто, Latium, Латіемъ; понеже онъ въ тѣхъ странахъ latuit, скрылся отъ опасности. При немъ, сказываютъ, былъ золотый вѣкъ.* Но сіе пускай почитаютъ стихотворческимъ вымысломъ, и утверждаютъ, что Пикуса отцемъ былъ Стеркъ (6), которой, повѣствуютъ, научилъ людей, какъ искусный земледѣлецъ, удобрять навозомъ землю, который отъ его имени, stercus, названъ: чего для нѣкоторые думаютъ, что и онъ Стеркуціемъ имяновался. Но какая бы ни была причина его назвать Сатурномъ, однако извѣстно, что онъ былъ Стеркъ или Стеркуцій, ко-

торaго они богомъ земледѣлія здѣлали. И Пикуса подобно его сына въ число такихъ же боговъ приняли, о которомъ увѣряютъ, что великій былъ гадатель по птичьимъ движеніямъ, и въ воинскихъ дѣлахъ искусный. Пикусъ родилъ Фавна (7), втораго царя Лаврентянамъ; сего почли всѣ богомъ лѣснымъ. Сіи божескія чести присвоены смертнымъ прежде Троянской войны.

Глава четвертаянадесять.

Что въ то время пришелъ Еней въ Италію, въ которое Авдонъ судія управлялъ Евреями.

Послѣ того времени, то есть по плѣненіи и разореніи Трои Еней съ дватцатью кораблями, на коихъ находились оставшіеся въ живыхъ Трояне, прибылъ въ Италію, во время царствованія тамъ Латина, а у Аѳинянъ Мнесѳея, у Сиціонянъ Полифида, у Ассиріанъ Таутана, у Евреевъ судіи Авдона. По кончинѣ Латина Еней три года въ вышепомянутыхъ мѣстахъ царствовалъ, въ царствованіе въ вышеписанныхъ странахъ тѣхъ же царей, кромѣ того, что у Сиціонянъ уже былъ тогда Пелазгъ, и у Евреевъ судіею Сампсонъ. Который [Сампсонъ], будучи чудной силы, почитаемъ былъ Иракліемъ или Геркулесомъ; но Енея, поелику смерть его была неизвѣстна, ибо онъ пропалъ, богомъ поставили Латинцы. Сабинцы также своего царя Санга, или какъ дру-

другіе называютъ, Санкта причли къ богамъ. Въ тожъ время Кодръ (1) царь Аѳинской отдался на убіеніе съ умысла Пелопоннійцамъ своимъ непріятелямъ, которые его не узнали. Такимъ образомъ, проповѣдаютъ, Кодръ избавилъ свое отечество. Ибо Пелопонисцы Оракулъ такой отъ бога получили, что тогда побѣдителями они останутся надъ Аѳинянами, когда царя ихъ не убьютъ. Но Кодръ ихъ обманулъ нищенскимъ одѣяніемъ, которымъ будучи одѣтъ, раздражалъ непріятелей, дабы они его умертвили. Откуда говоритъ Виргилій: *раздраженіе Кодрово.* И сего Аѳиняне какъ Бога (2) чествовали жертвоприношеніями. Во время же царствованія у Латинъ Силвія Енеева сына, не отъ Креузы (3), отъ которой рожденъ Асканій, который въ третьихъ царствовалъ, но отъ Лавиніи Латиновой дочери, который былъ у Енея послѣднимъ: у Ассиріанъ же дватцать девятаго Онея; у Аѳинянъ третьягонадесять Меланѳа (4); у Евреевъ судіи Иліи священника, царство Сиціонское разрушилось, которое продолжалось отъ начала девять сотъ пятьдесятъ девять лѣтъ по повѣствованію историковъ.

Глава пятаянадесять.

О наступленіи царей у Евреевъ имѣсто судей.

Вскорѣ при царствованіи у другихъ народовъ вышепомянутыхъ царей началось Израильское царство, по окончаніи времени судей Сауломъ царемъ: въ которое время былъ Самуилъ пророкъ. Съ онаго времени цари Латинскіе быть начали, коихъ называли Силвіями, потому что сынъ Енеевъ первый имяновался Силвіемъ; прочимъ за нимъ слѣдующимъ, и собственныя даваемы были имена, и сіе прилагалось такъ какъ гораздо послѣ, бывшіе по Іуліѣ Кесарѣ цари Кесарями назывались. По отверженіи же царя Саула, дабы никто изъ сего рода небылъ царемъ, и по смерти его Давидъ вступилъ на царство по лѣтахъ отъ начала царствованія Саулова четыредесяти. Тогда Аѳиняне по смерти Кодровой царей имѣть перестали, и управленіе общества препоручили вельможамъ. Послѣ Давида, которой также государствовалъ сорокъ лѣтъ, сынъ его Соломонъ былъ Израильскимъ царемъ, который знаменитый оный храмъ построилъ въ Іерусалимѣ. Во дни онаго у Латинъ построенъ городъ Алба, отъ которой потомъ цари не Латинскими, но Албанскими въ томъ же Латіи имяноваться начали. Соломону преемникомъ былъ сынъ его Ровоамъ, при которомъ народъ Еврейскій раздѣлился на двѣ части, и каждая часть своихъ имѣла царей.

Глава

Глава шестаянадесять.

О царяхъ Латія, изъ коихъ первый Еней, и двенатцатый Авентинъ богами почтены.

Латій послѣ Енея, коего почли богомъ, одиннатцать имѣлъ царей, изъ коихъ ни одного въ число боговъ не причли. Авентинъ же, который отъ Енея былъ двенатцатымъ, пораженъ будучи на сраженіи, и погребенъ на той горѣ, которая и нынѣ его именемъ называется, удостоился имѣть мѣсто между богами, каковыхъ себѣ язычники поставили. Правда иные хотѣли и о томъ умолчать, что онъ на сраженіи убитъ, а только написали, что неизвѣстно куда дѣвался: и сказали, что гора Авентинъ не отъ Авентина наречена, но отъ прилѣтанія туда птицъ. Послѣ сего никого богомъ не признали кромѣ Ромула основателя Рима. Между же симъ и онымъ считаются два царя, изъ коихъ первый есть, какъ Виргилій говоритъ: *за нимъ слѣдовалъ Прокасъ, слава Троянскаго народа.* Во время котораго, поелику уже возникалъ Римъ, то наивеличайшее оное изъ всѣхъ государствъ царство Ассирійское, по толь долговременномъ своемъ пребываніи, конецъ получило. Ибо по прошествіи около тысячи трехъ сотъ и пяти лѣтъ пренесено къ Мидянамъ, естьли считать время съ самаго Вила, который родилъ Нина, и который, первымъ будучи царемъ, малымъ государствомъ былъ доволенъ.

ленЪ. ПрокасЪ же царствовалЪ прежде Амулія. А Амулій брата своего Нумитора дочь, Рею именемЪ, которая и Иліею называлась, мать Ромулову Весталкою поставилЪ, о которой пишутЪ, что она отЪ Марса родила двойни, почитая такимЪ образомЪ ея любодѣяніе, или прикрывая или извиняя, и прилагая тому доказательство, что изверженныхЪ тѣхЪ младенцевЪ питала волчица Ибо думаютЪ, что сей родЪ звѣрей принадлежитЪ Марсу, то есть, дабы всякЪ вѣрилЪ, что для того волчица сосцы младенцамЪ подавала, понеже владыки своего Марса признала дѣтей: хотя есть напротивЪ того такіе писатели, кои увѣряютЪ, что сихЪ изверженныхЪ младенцевЪ невѣдомо какая то блудница взяла и выкормила. Блудницѣ же называли волчицами, какЪ и нынѣ подозрительные домы, вЪ коихЪ живутЪ блудницы, называются, lupanaria, блудилищами. И оные послѣ того взяты ФавстуломЪ пастухомЪ, и питаемы были женою его Аккою. Но чудно ли, естьли для обличенія тиранства царскаго, который повелѣлЪ ихЪ ввергнуть вЪ воду, истинный БогЪ сохранилЪ сихЪ младенцевЪ, которые имѣли построить толикій городЪ, и повелѣлЪ питать самому звѣрю? Амулію преемникомЪ былЪ братЪ его НумисторЪ дѣдЪ РомуловЪ, котораго вЪ первое лѣто государствованія построенЪ РимЪ, который потомЪ сЪ внукомЪ своимЪ РомуломЪ царствовалЪ.

Глава

Глава седьмаянадесять.

Что въ то время Римъ построенъ, въ которое государство Ассирійское рушилось, и въ которое Езекія царствовалъ во Іудеи.

Чтобъ не много мѣдлить, сказать должно, что Римъ (1) построенъ какъ бы вторый Вавилонъ, и какъ бы сынъ онаго Вавилона, коимъ Богу было угодно побѣдить вселенную, и соединивъ въ одно общество и законы, пространно успокоить и усмирить; ибо уже тогда были народы сильные и храбрые, и въ военной наукѣ искусные, которые не скоро покориться могутъ, и которыхъ, естьли требовала нужда, не безъ великихъ бѣдствій и съ обоихъ сторонъ урону, и ужаснаго труда побѣждать надлежало. Ибо когда государство Ассирійское всю почти Азію покорило, хотя то учинено и войною, однако не жестокими и бѣдственными сраженіями; понеже тогда были народы въ воинскихъ дѣлахъ неискусные и не столь многіе и великіе. Ибо по наивеличайшемъ ономъ потопѣ всемірномъ, отъ котораго восемь единственно человѣкъ избавились въ ковчегѣ, не много болѣе тысячи лѣтъ спустя, Нинъ всю Азію, выключая Индѣйцовъ, покорилъ; Римъ же всѣ народы и западные и восточные, которыхъ мы Римлянамъ покоренными видимъ, не столь удобно побѣдилъ; понеже по малу возвышаясь и возрастая, куда свое владычество ни прости-

стиралъ, находилъ искусными въ воинской наукѣ. И такъ во время, когда построенъ Римъ, народу Израильскому было въ земли обѣтованной семь сотъ осмнатцать лѣтъ. Изъ коихъ дватцать семь принадлежатъ къ Іисусу Навину; потомъ къ судіямъ триста дватцать девять. Со времени же царей триста шестьдесятъ два. И царемъ Іудинымъ тогда былъ Ахазъ: или какъ другіе счисляютъ, преемникъ его Езекія, о которомъ извѣстно, что былъ благочестивый царь, которой царствовалъ во время Ромулово; а въ той народа Еврейскаго половинѣ или части, которая называлась Израилемъ, царствовать тогда началъ Озія.

Глава осьмаянадесять.

О Сивиллѣ Ериѳрійской, которая между прочими Сивиллами много о Христѣ яснаго и откровеннаго предсказала.

Но нѣкоторые повѣствуютъ, что въ сіе время пророчествовала Сивилла (1) Ериѳрійская. Варронъ пишетъ, что Сивиллъ было много, а не одна. Сія Ериѳрійская Сивилла много о Христѣ явственнаго и откровеннаго написала, которое мы прежде на Латинскомъ языкѣ худо сочиненными стихами читали, кои невѣдомо какой переводчикъ съ Греческаго составилъ. Ибо мужъ знатнѣйшій Флакціанъ, который былъ проконсуломъ, человѣкъ красноречивый и наиученнѣйшій, когда

мы

мы разговаривали о Христѣ, представилъ Греческой подлинникъ, объявляя, что то стихи Сивиллы Ериѳрійской, гдѣ въ нѣкоторомъ мѣстѣ въ заглавіи стиховъ буквы такимъ образомъ положены, что изъ оныхъ сіи составляются слова: Ἰησȣ̃ς Χριςὸς Θεȣ̃ υἱὸς Σωτήρ. по руски: Іисусъ Христосъ Божій сынъ Спаситель. Стихи же, коихъ буквы составляютъ вышепомянутый смыслъ, нѣкоторымъ Латинщикомъ съ Греческаго переведенные, содержатъ слѣдующее: *земля оросится какъ бы потомъ, что будетъ знаменіемъ суда. Съ небеси пріидетъ царь, пребывать имѣющій во вѣки: то есть по плоти, дабы судить вселенной: почему Бога узрятъ вѣрные и невѣрные горѣ со святыми въ самой кончинѣ вѣка. Съ плотію души предстанутъ, коихъ онъ судить будетъ. Когда лежитъ обезображенная и поросшая сплошь терніемъ вселенная. Отвергнутъ ваянія люди и всякое богатство. Поястъ землю огнь и море и воздухъ, страшнаго ада врата сломитъ. Святыхъ плоти даровань будетъ свѣтъ, а грѣшныхъ вѣчный жещи будетъ огнь. Тогда всякъ говорить станетъ, открывая свои тайныя дѣла, и Богъ откроетъ тайная сердца. Тогда будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Померкнетъ свѣтило солнца, и изчезнутъ звѣзды. Разрушится небо и луна погибнетъ. Низринутся холмы и возвысятся долины. Не будетъ ничего въ вещахъ человѣческихъ высокаго. Уже сравняются горы съ гладкими полями*

лями и моремъ лазуреным. Все престанетъ быть. Земля разрушившись погибнетъ. Равно источники и рѣки изсохнутъ отъ огня. Но труба тогда плачевный гласъ дастъ съ неба, какъ бы воздыхая о бѣдственномъ приключеніи. Покажетъ разсѣдшаяся земля неустройство ада, и предъ Господемъ поставятся всѣ цари до единаго. Спадетъ съ небеси огненная и жупелная рѣка. Въ сихъ Латинскихъ стихахъ, кое-какъ съ Греческаго переведенныхъ, тамъ не можно было изобразить смысла, составляемаго буквами, кои въ Греческомъ въ началѣ соединяются, гдѣ литера, υ, въ Греческомъ положена: понеже неможно было найти въ Латинскомъ языкѣ словъ начинающихся съ той же буквы, которыя бы томужъ смыслу приличествовали. Изъ сихъ же стиховъ Греческихъ пяти словъ Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ υἱὸς Σωτὴρ, по руски: Іисусъ Христосъ Божій сынъ Спаситель, ежели совокупить первыя начальныя буквы, то составится Греческое слово ἰχθυς, то есть рыба, въ которомъ имени таинственно разумѣется Христосъ, потому что онъ въ безднѣ сея смертности, какъ во глубинѣ водъ, живъ, то есть, безъ грѣха быть могъ. Сивилла же сія была или Ериѳрійская, или какъ нѣкоторые вѣроятнѣйшимъ почитаютъ, Куманская, которая нимало въ пользу боговъ ложныхъ и вымышленныхъ не говоритъ, но противъ ихъ и противъ почитателей оныхъ такъ, что она причислена быть должна

кь

къ тѣмъ, кои принадлежатъ къ Божію граду. Приводитъ и Лактанцій въ своемъ сочиненіи нѣкоторыя о Христѣ пророчества Сивиллы, хотя не объясняетъ коей. Но что онъ положилъ порознь, оное я за благо разсудилъ положить купно, такъ какъ бы была одна продолжительная рѣчь, которая у него раздѣлена на части: *въ руки* говоритъ, *нечестивыя невѣрныхъ наконецъ попадется. Заушатъ Бога руками скверными, и отъ устъ нечистыхъ ядовитую на него исплюютъ слюну. Онъ дастъ святый свой хребетъ на раны просто. И ударенія по ланитамъ пріемля, будетъ молчать, дабы кто не позналъ, какое слово, и откуда пришло, бесѣдовать къ дольнимъ. И вѣнцемъ отъ тернія увѣнчается. Вмѣсто пищи дадутъ Ему желчь, и въ жаждѣ Его напоятъ Его оцтомъ, не страннопріимства сію представятъ Ему трапезу. Вы безумные люди самаго своего Господа не познали, смѣющагося разумамъ смертныхъ, но и терніемъ увѣнчали, и горестную желчь растворили. Храма же завѣса раздерется, и среди дня будетъ мрачная ночь три часа; и умерши, пребудетъ спя три дни. И тогда отъ преисподнихъ исшедъ, пріидетъ въ радостный свѣтъ, первый воскресенія показавъ образъ.* Сіи свидѣтельства Лактанцій въ сочиненіи своемъ по приличію и по намѣренію своему, гдѣ требовала нужда, приводилъ порознь: которыя мы совокупивъ, предложили, означивъ

толь-

только одни начала, естьли перепищики послѣ сего тожъ здѣлать потщатся. Нѣкоторые же повѣствуютъ, что Сивилла Ериѳрійская не во время Ромулово, но во время Троянской войны была.

Глава девятаянадесять.

Что во время царствованія Ромула седьмь мудрецовъ были, въ которое время десять колѣнъ Израилемъ, называемыхъ, въ плѣнъ Халдеями отведены, и тотъ же Ромулъ по смерти обоготворенъ.

Во время царствованія Ромулова Ѳалесъ Милетскій одинъ изъ числа седьми мудрецовъ былъ, которые по стихотворцахъ богословствующихъ, изъ коихъ Орфей наипаче всѣхъ прославился, мудрецами назывались. Въ тожъ время десять колѣнъ (1), кои въ раздѣленіи имяновались Израилемъ, побѣждены будучи, отведены въ плѣнъ Халдеями; а два колѣна, которыя нарицались Іудою, въ Іудейской землѣ остались, и престолъ своего государства имѣли въ Іерусалимѣ. Какъ пропалъ Ромулъ, то причтенъ онъ въ боги, съ котораго времени такъ причисленіе въ боги престало, что въ последующія времена никто въ число боговъ не пожалованъ изъ самыхъ Касарей, развѣ изъ ласкательства. И сіе Цицеронъ въ великую Ромулу выхвалу поставляетъ, что онъ не въ грубыя и невѣжественныя времена,

мена, въ кои удобно люди могли обмануты быть, но въ просвѣщенныя, заслужилъ себѣ сію честь; хотя еще тогда и не возникла философовъ проницательность и тонкость. Но хотя въ послѣдующія времена умершихъ людей богами не поставляли, однако причисленныхъ къ богамъ прежде имѣть и почитать богами не престали: да притомъ нечестивое сіе и безумное суевѣріе кумирами лестнѣйшимъ здѣлали, по внушенію въ сердца ихъ того нечистыми духами, которые ложными отвѣтами ихъ прельщали такъ, что ложные пороки, кои въ просвѣщеннѣйшій вѣкъ вымышляемы не были, въ играхъ заведенныхъ изъ повиновенія ложнымъ богамъ мерзско были представляемы. Потомъ царствовалъ Нума послѣ Ромула, который когда заблагоразсудилъ оградить Римъ боговъ множествомъ, то однако по смерти своей къ той же толпѣ боговъ причтеннымъ быть не удостоился, какъ будто бы онъ такъ небо множествомъ наполнилъ боговъ, что и ему мѣста тамъ уже не осталось. Во время царствованія въ Римѣ Нумы, а у Евреевъ Манассія, который нечестивый царь умертвилъ Исаію пророка, сказываютъ, была Самійская Сивилла.

Глава двадесятая.

Какіе философы были въ славѣ во время царствованія у Римлянъ Тарквинія Приска, а у Евреевъ Седекіи, когда Іерусалимъ плѣненъ и храмъ разоренъ.

Во время же царствованія у Евреевъ Седекіи (1), а у Римлянъ Тарквинія Приска, который преемникомъ былъ Анку Марцію, отведенъ въ Вавилонъ плѣненный народъ Іудейскій по разореніи Іерусалима и храма Соломономъ построеннаго. Ибо обличая пророки Іудеевъ въ ихъ беззаконіяхъ и нечестіяхъ, предсказали, что сіе имѣетъ ихъ постигнуть; а наипаче Іеремія, который и число лѣтъ плѣненія предвозвѣстилъ. Сказываютъ, что въ сіе время жилъ Питтакъ Митиленскій (2), одинъ изъ числа седми мудрецовъ. Пишетъ также Евсевій, что и прочіе пять, которые, дабы составили число семи, Ѳалесу, о коемъ мы выше упомянули и сему Питтаку прилагаются, жили въ то время, въ которое Іудейской народъ содержался въ плѣнѣ. Имена же ихъ сія суть: Солонъ Аѳинской (3), Хилонъ Лакедемонской (4), Періандръ Коринѳской (5), Клеовулъ Линдской (6), Віасъ Пріенской (7). Всѣ сіи седмь названные мудрецами, послѣ стихотворцевъ богословствующихъ процвѣтали: понеже они родомъ своей жизни нѣчто похвальное дѣлали прочимъ людямъ, и нравоучительныя нѣкоторыя наставленія крат-

краткія предали. Писаній же никакихъ не оставили кромѣ Солона, о коемъ повѣствуютъ, что нѣкоторые законы предписалъ. Ѳалесъ же былъ физикъ, и своихъ догматовъ книги оставилъ. Въ тоже плѣненія время Іудейскаго народа и Анаксимандръ и Анаксименъ, и Ксенофонъ физики процвѣтали. Тогдажъ и Пиѳагоръ, отъ котораго начали философами называться.

Глава двадесять первая.

Что по оное время, въ которое по исполненіи седмидесяти лѣтъ Іудеи свобождены отъ плѣна, и Римляне отъ владычества своихъ царей свободились.

Въ тоже время Киръ царь Персидскій (1), который обладалъ Халдеями и Ассиріанами, ослабивъ нѣсколько плѣнъ Іудейской, возвратиться повелѣлъ пятидесяти тысячамъ Іудеевъ ради возобновленія храма; которые только основаніе начали и построили алтарь. Отъ набѣговъ же непріятельскихъ успѣвать въ строеніи не могли, и продолжилось дѣло сіе до Дарія. Въ сіе время было то, что описывается въ книгѣ Юдиѳы, которую однако книгу Евреи въ числѣ правильныхъ не почитаютъ. И такъ при Даріи царѣ Персидскомъ по исполненіи седмидесяти лѣтъ, Іереміею пророкомъ предсказанныхъ, дана вольность Іудеямъ и повелѣно возвратиться въ Палестину: во время

царствованія у Римлянѣ седьмаго царя Тарквинія. По изгнаніи котораго Римляне отѣ владычества своихѣ царей свободились. До сего времени Израильскій народѣ имѣлѣ пророковѣ, коихѣ числомѣ хотя много было, однако какѣ у Іудеевѣ, такѣ и у насѣ между правильными не многихѣ писанія почитаются. Изѣ которыхѣ я нѣчто обѣщалѣ предложить вѣ сей книгѣ при заключеніи вышеокончанной книги: которое и исполнить теперь должно.

Глава двадесять вторая.

О временахѣ пророковѣ, коихѣ пророчества находятся вѣ книгахѣ; и которые много предсказали о званіи языковѣ тогда, когда Римское государство началось, а Ассирійское разрушилось.

И такѣ дабы найти намѣ времена пророковѣ, то нѣсколько назадѣ возвратиться должно. Вѣ началѣ книги Осіи пророка, который изѣ числа двенадцати первымѣ полагается, такѣ написано: *слово Господне, еже бысть ко Осіи по днехѣ Озіи и Іоаѳама и Ахаза, и Іезекіи царей Іудиныхѣ.* Амосѣ также открываетѣ, что онѣ пророчествовалѣ во дняхѣ Озіи царя. Прилагаетѣ притомѣ и Іеровоама царя Израилева, которой былѣ вѣ тѣже дни. И Исаія сынѣ Амосовѣ, или вышеписаннаго Амоса пророка, или, что вѣроятнѣе, другаго, который хотя пророкомѣ

комЪ не былЪ, но тѣмЪ же именемЪ назывался, тѣхЪ же четырехЪ царей упоминаетЪ, коихЪ во дни онЪ пророчествовалЪ, которыхЪ и Осія вЪ началѣ книги своей полагаетЪ. Подобно Михей вЪ пророчествѣ своемЪ упоминаетЪ о временахЪ по днямЪ Озіиныхъ. Ибо трехЪ слѣдующихЪ царей воспоминаетЪ, коихЪ и Осія именовалЪ: Іоаѳама, и Ахаза, и Іезекію. Сіи суть, которые вЪ то же время пророчествовали, какЪ изЪ книгЪ пророчествЪ ихЪ видно. КЪ симЪ причисляется Іона, который жилЪ во время Озіи царя; и Іоиль, который пророчествовалЪ во время Іоахаза преемника Озіина. Но сихЪ двухЪ пророковЪ времена нашелЪ я только вЪ лѣтописцахЪ, понеже о своихЪ дняхЪ они умолчали. Протягаются же и продолжаются сіи дни отЪ царя ЛатиновЪ Прокаса, или прежде его бывшаго Авентина до царя Римскаго Ромула, или до начала царствованія преемника его Нумы Помпилія. Ибо Іезекія царь Іудейскій дотолѣ царствовалЪ, и потому вЪ оныя времена, какЪ источники открылись пророчествЪ, когда разрушилось царство Ассирійское, и началось Римское, дабы то есть, какЪ вЪ первыя времена Ассирійскаго государства былЪ АвраамЪ, которому учинены отЪ Бога явственнѣйшія обѣщанія о благословеніи вЪ сѣмени его всѣхЪ языковЪ: такЪ вЪ началѣ западнаго Вавилона, во время владычествованія котораго ХристосЪ имѣлЪ пріити, на ко-

которомъ обѣщанія оныя и пророчества пророковъ, не только предвозвѣстившихъ словами, но и писаніемъ, въ засвидѣтельствованіе толикой будущей вещи, исполнились. Ибо когда пророки всегда были въ народѣ Израильскомъ, съ котораго времени цари быть начали, однако оные были въ пользу имъ, а не языкамъ. Когда же писаніе пророческое составляемо было, которое пользу нѣкогда языкамъ принести имѣло, то надлежало ему тогда начату быть, когда созидаемъ былъ тотъ градъ, который имѣлъ обладать языками.

Глава двадесять третія.

Что Осія и Аммосъ предсказали принадлежащее къ благовѣстію Христову.

Осія пророкъ чѣмъ глубокомысленнѣе говоритъ, тѣмъ съ большею трудностію постигается въ немъ разумъ: однако нѣчто изъ него взять, и здѣсь по обѣщанію нашему предложить должно. *И будетъ* говоритъ, *на мѣстѣ, на немъ жеречеся имъ; не людіе мои вы: сіи тамо прозовутся сынове Бога живаго.* Сіе свидѣтельство о званіи языковъ, которые прежде не принадлежали къ Богу, и сами Апостоли разумѣли. И понеже языки духовно составляютъ собою сыновъ Авраамовыхъ, и потому справедливо называются Израилемъ; того ради продолжаетъ и говоритъ; *и соберутся сынове*

нопе Іудины, и сыны Израилепы вкупѣ, и постапятъ себѣ пласть едину, и изыдутъ отъ земли. Сіе ежели еще объяснять станемъ, то потемнимъ толь ясное пророчество. Вообразить только должно себѣ камень краеугольный и двѣ оныя стѣны, одну изъ Іудеевъ, другую изъ языковъ: изъ коихъ одна именемъ сыновъ Іудиныхъ, другая сыновъ Израилевыхъ называются, и которыя вкупѣ на власть свою надѣются, и признаваются восходящими отъ земли. Оные же плотскіе Израильтяне, которые нынѣ не вѣруютъ во Христа, и кои послѣ, то есть, въ сынахъ своихъ увѣровать имѣютъ, посредствомъ смерти преселятся въ мѣсто свое, какъ той же пророкъ засвидѣтельствуя, говоритъ: *зане дни многи сядутъ сынопе Израилепы не сущу царю, ни сущу князю, ни сущей жертпѣ, ни сущу жертпеннику, ни жречестпу, ниже япленіямъ.* Кто не видитъ, что нынѣ въ такомъ состояніи находятся Іудеи? Но послушаемъ, что онъ далѣе прилагаетъ: *и по семъ* говоритъ, *обратятся сынопе Израилепы, и пзыщутъ Господа Бога споего, и Дапида царя споего, и почудятся о Господѣ, и о благостяхъ его пъ послѣднія дни.* Нѣтъ яснѣе сего пророчества, въ которомъ именемъ Давида царя разумѣется Христосъ, *иже бысть*, какъ говоритъ Апостолъ, *отъ сѣмени Дапидопа по плоти.* Предвозвѣстилъ также сей пророкъ, что Христосъ воскреснетъ въ третій день, такъ

жакъ высотѣ пророчества его предсказать приличествовало, когда говоритъ: *исцѣлитъ ны по двою дню, въ день третій воскреснемъ.* Ибо по сему намъ говоритъ Апостолъ: *аще совоскреснусте со Христомъ, горнихъ ищите.* И Амосъ о таковыхъ же вещахъ такимъ образомъ пророчествовалъ: *уготовися,* говоритъ, *призывати Бога твоего Израилю: се азъ утверждаяй громъ, и созидаяй вѣтръ, и возвѣщаяй въ человѣцѣхъ Христа своего.* И на иномъ мѣстѣ: *въ той день возставлю скинію Давидову падшую, и воздражду падшая ея, и раскопанная ея возставлю, и воздражду ю якоже дніе вѣка: яко да взыщутъ мене оставшіися человѣцы, и вси языцы, въ нихъ же призвася имя мое въ нихъ, глаголетъ Господь, творяй сія вся.*

Глава двадесять четвертая.

Что Исаія предрекъ о Христѣ и о церкви.

Исаія пророкъ не есть изъ числа двенадцати пророковъ, которые для того называются меньшими, понеже рѣчи ихъ кратки въ сравненіи съ тѣми, кои нарицаются большими: понеже оные великія составили своихъ пророчествъ книги. Изъ коихъ есть сей Исаія (1), котораго въ разсужденіи того, что онъ былъ единовременной вышеречечнымъ двумъ пророкамъ, къ нимъ прилагаю. Исаія между прочимъ, коимъ обличалъ неправду, и повелѣвалъ праведное, и

беа•

беззаконнующему народу будущая предвозвѣстилъ злая, и о Христѣ и о церкви, то есть, о царѣ и созданномъ имъ градѣ, несравненно болѣе, нежели прочіе, пророчествовалъ и предрекъ: такъ, что нѣкоторые его Евангелистомъ наипаче, нежели пророкомъ нарицаютъ. Но ради сокращенія сего сочиненія одно изъ многихъ здѣсь я предложу. Отъ лица бо Бога Отца глаголя, *се*, говоритъ, *уразумѣетъ отрокъ мой, и познесется и прославится зѣло. Яко же ужаснутся о Тебѣ мнози, тако о безславится отъ человѣкъ видъ Твой, и слава Твоя отъ сыновъ человѣческихъ. Тако удивятся языцы мнози о немъ, и заградятъ царіе уста своя: яко имже не возвѣстися о немъ, узрятъ, и иже не слышаша, уразумѣютъ. Господи, кто вѣрова слуху нашему: и мышца Господня кому открыся? Возвѣстихомъ, яко отроча предъ нимъ, яко корень въ земли жаждущей: нѣсть вида Ему, ниже славы: и видѣхомъ Его, и не имяше вида ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвратися лице Его; безчестно бысть, и не вмѣнися. Сей грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ, и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудѣ и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша. Наказаніе мира нашего на немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ. Вси яко*

овцы заблудихомъ; человѣкъ отъ пути своего заблуди, и Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ. И Той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ: яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ: тако не отверзаетъ устъ своихъ. Во смиреніи Его судъ Его взятся; родъ же Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ Его; ради беззаконій людей моихъ ведеся на смерть. И дамъ лукавыя вмѣсто погребенія Его, и богатыя вмѣсто смерти Его: яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лѣсть во устѣхъ Его. И Господь хощетъ очистити Его отъ язвы: аще дастся о грѣсѣ, душа ваша узритъ сѣмя долгоживотное. И хощетъ Господь рукою своею отъяти болѣзнь отъ души Его, явити Ему свѣтъ, и создати разумъ, оправдати праведнаго, благо служаща многимъ, и грѣхи ихъ той понесетъ. Сего ради Той наслѣдитъ многихъ; и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти: зане предана бысть на смерть душа Его, и со беззаконными вмѣнися, и Той грѣхи многихъ вознесе, и за беззаконія ихъ преданъ бысть. Сіе о Христѣ. Послушаемъ же о церкви слѣдующее. *Возвеселися неплоды не раждающая; возгласи и возопій не чревоболѣвшая: яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа: разшири мѣсто кущи твоея и покрововъ твоихъ, водрузи, не пощади, продолжи ужя твоя, и колія твоя укрѣпи. Еще на десно и на лѣво простри,*

и

и сѣмя твое языки наслѣдятъ, и грады опустѣвшія населиши. Не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси, понеже срамоту вѣчную забудеши, и укоризны вдовства твоего не помянеши кътому. Яко Господь творяй тя, Господь Саваоѳъ имя Ему, и избавивый тя, Святый Богъ Израилевъ, всей земли прозовется и проч. Но сего довольно. И нѣкоторыя рѣчи въ нихъ требовали бы изъясненія, но по мнѣнію моему кажется довольно все вразумительно такъ, что и самые враги, не хотя принуждены оное также, какъ мы, разумѣть.

Глава двадесять пятая.

Что Михей и Іона и Іоилъ нопому завѣту приличное пророчествовали.

Михей пророкъ въ видѣ и образѣ нѣкоей великой горы Христа полагая, сіе говоритъ: *будетъ въ послѣднія дни явлена гора Господня, уготована надъ верьхи горъ, и вознесется выше холмовъ, и потщатся къ ней людіе, и пріидутъ языцы мнози и рекутъ: пріидите изыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Іякովля; и покажутъ намъ путь Его, и пойдемъ по стезямъ Его; яко отъ Сіона изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима. И разсудитъ средѣ людей многихъ, и изобличитъ языки крѣпки даже до земли дальнія.* Пророчествуя сей же пророкъ и о мѣстѣ, гдѣ Христосъ родился, и

и ты, говоритъ, *Виѳлееме, доме Евфраѳовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Іудиныхъ: изъ тебе бо мнѣ изыдетъ старѣйшина, еже быти въ князя во Израили; исходи же Его изъ начала отъ дней вѣка. Сего ради дастъ я, до времени раждающія породитъ, и прочіи отъ братій ихъ обратятся къ сыномъ Израилевымъ, и станетъ и узритъ, и упасетъ паству свою крѣпостію Господь, и въ славѣ имене Господа Бога своего пребудутъ: зане нынѣ возвеличится даже до конецъ земли.* Іона же (1) не столь словами, какъ нѣкоторымъ своимъ злостраданіемъ о Христѣ пророчествовалъ, однако гораздо яснѣе, нежели когдабъ Христову смерть и воскресеніе словами предвозвѣщалъ. Ибо для чего онъ поглощенъ былъ звѣремъ воднымъ, и въ третій день изверженъ; какъ только, дабы означить, что Христосъ изъ преисподняго ада въ день третій воскреснетъ? Іоилево же все, что пророчествуетъ, требуетъ многаго изъясненія, дабы открылось, что къ Христу и церкви принадлежитъ. Однако я одно, о которомъ и Апостолы упоминаютъ (2), когда Духъ Святый, отъ Христа обѣщанный, снизшелъ на учениковъ Христовыхъ, не пропущу: *и будетъ*, говоритъ, *по сихъ, излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши, и дщери ваши, и старцы ваши сонія узрятъ, и юноши ваши видѣнія увидятъ. Ибо на рабы моя, и на*

рабы-

рабыни моя во дни оны излію отъ Духа моего.

Глава двадесять шестая.

Что Авдія, Наумъ, и Аввакумъ о спасеніи міра по Христѣ предвозвѣстили.

Три пророка отъ меньшихъ, то есть Авдія (1), Наумъ (2) и Аввакумъ (3) ни сами своего времени, когда пророчествовали, не объявили; ни въ Хроникахъ Евсевіевыхъ и Іеронимовыхъ не могли мы онаго найти. Авдія правда положенъ отъ нихъ съ Михеемъ, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ показываются времена, когда Михей пророчествовалъ по объясненію его писанія. Сіе, думаю я, произошло отъ нерадивой переписки чужихъ трудовъ. Двухъ же вышепомянутыхъ въ книгахъ Хроническихъ, кои мы въ рукахъ имѣли, отъискать не могли. Но поелику книги ихъ между правильными почитаются, то не должно ихъ миновать. Авдія, что касается до его писанія, изъ всѣхъ кратчае пророковъ, говоритъ о Ідумейскомъ народѣ, то есть происходящемъ отъ Исава Исаакова сына, внука Авраамова, Богомъ отверженнаго. И такъ ежели по образу реченія, коимъ отъ части разумѣется цѣлое, взять положенное за всѣ языки, то о Христѣ признать можемъ то, что онъ между прочимъ сказалъ: *въ горѣ же Сіони будетъ спасеніе, и будетъ свята.* И ма-

мало ниже въ концѣ своего пророчества: *и взыдутъ*, говоритъ, *спасаеміи отъ горы Сіони, еже отмстити гору Исавлю, и будетъ царство Господеви.* Видно, что оное исполнилось, когда спасаемые отъ горы Сіона, то есть, отъ Іудей вѣрующіе во Христа, подъ коими наипаче разумѣются Апостоли, взошли отмстити гору Исавлю. Какимъ же образомъ отмстили, какъ только благовѣстіемъ спасая тѣхъ, кои увѣровали, дабы избавились они отъ власти темныя, и преселились въ царство Божіе? Что изъяснилъ, слѣдующее прилагая: *и будетъ царство Господеви.* Ибо гора Сіонская значитъ Іудею, гдѣ будущее предвозвѣщено спасеніе и святыня, коею есть Іисусъ Христосъ. Гора же Исавля есть Ідумея, коею означается церковь языковъ, которую защитили спасаемые, какъ я сказалъ, отъ горы Сіони, дабы было царство Господу. Сіе было не вразумительно, прежде нежели исполнилось, но исполнившимся кто изъ вѣрующихъ не признаетъ? Наумъ же пророкъ, или лучше сказать, Богъ чрезъ него: *потреблю изваянная и сліянная положу гробъ твой, яко скори есте. Се на горахъ нога благовѣствующаго и возвѣщающаго миръ. Празднуй Іудо праздники твоя, воздаждь обѣты твоя, зане не приложатъ къ тому, еже проити сквозѣ тебѣ въ обветшаніе, скончася, и извержеся. Взыде вдыхаяй въ лице твое, отъемляй отъ оскорбленія.* Кто

взыде отЪ дольнихЪ, и вдохнулЪ вЪ лице Іудѣ, пускай здѣсь вообразитЪ Духа Святаго, который памятуетЪ благовѣстіе. Ибо кЪ новому завѣту принадлежатЪ, коихЪ праздники духовно возобновляются такЪ, что не могутЪ притти вЪ ветхость. ПритомЪ благовѣстіемЪ истреблены изваянная и сліянная, то есть кумиры ложныхЪ боговЪ и забвенію, какЪ погребенію, преданы: и вЪ семЪ также случаѣ пророчество исполнившимся видимЪ. АввакумЪ о комЪ иномЪ какЪ не о ХристовомЪ пришествіи сказалЪ? *И отвѣща Господь ко мнѣ и рече: впиши видѣніе, и явѣ на дскѣ, яко да постигнетЪ читаяй я. Зане еще видѣніе на время, и возсіяетЪ вЪ конецЪ, а не вотще: аще умедлитЪ, потерпи ему; яко идый пріидетЪ и не умедлитЪ.*

Глава двадесять седьмая.

О пророчествѣ, которое вЪ молитвѣ и пѣсни Аввакумовой содержится.

ВЪ молитвѣ же своей сЪ пѣсніею кому кромѣ Христа Господа говоритЪ: *Господи услышахЪ слухЪ твой, и убояхся: Господи разумѣхЪ дѣла твоя и ужасохся?* Ибо что сіе означаетЪ, какЪ не предЪувѣденнаго, новаго и незапнаго спасенія человѣческаго неизреченное удивленіе? *Посредѣ двою животну познанЪ будеши*, что иное есть, какЪ или посредѣ двухЪ завѣтовЪ, или посредѣ двухЪ

раз-

разбойниковъ, или посредѣ Моусея и Иліи, съ нимъ на горѣ глаголющихъ? *Внегда приближитися лѣтомъ, познаешися; внегда пріити времени, явишися.* Сіе поелику само собою ясно, то и объяснять онаго не должно. слѣдующее же: *внегда смутитися души моей во гнѣвѣ, милости твоя помянеши*: что иное есть, какъ что онъ преобразилъ на себя Іудеевъ, отъ коего народа онъ былъ: которые, смутившись гнѣвомъ, распяли Христа: а онъ, помня милость свою, сказалъ: *Отче остави имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ. Богъ отъ Ѳемана пріидетъ, и Святый отъ горы пріосѣненныя чащи.* Сказанное здѣсь: отъ Ѳемана пріидетъ, нѣкоторые перевели отъ юга, чрезъ что полдень, то есть, горячность любви и блистаніе истинны. Чрезъ гору же, хотя много разумѣть можно, однако я лучше разумѣю высоту Божественныхъ Писаній, коими пророчествовано о Христѣ. Ибо много въ нихъ находится пріосѣненнаго и невразумительнаго, которое любопытныхъ разумы упражняетъ. Оттуда же онъ пришелъ, гдѣ его разумѣвающій обрѣтаетъ. *Покры небеса добродѣтель его, и хваленія его исполнь земля,* не иное что есть, какъ пишемое во псалмѣ: вознесися на небеса Боже, и по всей земли слава твоя. *И сіяніе его яко свѣтъ будетъ*: не что иное, какъ что слава его просвѣтитъ вѣрующихъ. *Рози въ рукахъ его*; что иное означаетъ, какъ знаменіе побѣды крестъ? *И положи любовь держав-*

жатну крѣпости своея, изъясненія не требуетъ. *Предъ лицемъ его предъидетъ слово, и изыдетъ на поле при ногу его.* Что иное какъ, что онъ прежде пришествія своего предвозвѣщенъ: и по отшествіи отъ насъ проповѣданъ? *Ста и подвижеся земля:* что иное, какъ что стала къ спомоществованію и подвиглась къ вѣрованію? *Призрѣ, и растаяша языцы.* То есть умилосердился, и содѣлалъ, что они раскаялись. *Стрыщася горы нуждею;* то есть чудесъ силою низложена гордость надменныхъ. *И растаяша холми вѣчніи;* то есть смирилися на время, дабы возвыситься во вѣки. *Шествія вѣчная его за трудъ видѣша;* то есть не безъ мздовоздаянія вѣчно за трудъ любви увидѣли. *Селенія Еѳіопская убоятся, и кровы земли Мадіамскія;* то есть языки, незапно устрашенные благовѣстіемъ твоихъ чудесъ и неподвластные Римлянамъ (1), будутъ народомъ Христіанскимъ. *Еда въ рѣкахъ прогнѣваешися Господи, еда въ рѣкахъ ярость твоя, или въ мори устремленіе твое?* Сіе для того сказано, понеже онъ не пришелъ нынѣ да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ. *Яко всядеши на кони твоя, и яжденіе твое, спасеніе.* То есть, благовѣстники твои пронесутъ тебя: понеже они управляются тобою: и Евангеліе твое спасеніе тѣмъ, кои вѣруютъ въ тебя. *Наляцая налячеши лукъ твой на скиптры, глаголетъ Господь:* то есть воспретишъ судомъ твоимъ и царямъ земнымъ. *Рѣками*

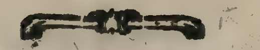
разсядется земля; то есть внушеніемъ словесъ благовѣствующихъ тебя; отверзутся сердца человѣческія къ раскаянію, коимъ сказано: *расторгнете сердца ваша, а не ризы ваша.* Что же есть: *узрятъ тя, и поболятъ людіе?* Не иное что, какъ плачемъ будутъ блаженны. Что есть, *расточая воды шествія его?* Не другое что, какъ хожденіемъ въ благовѣствующихъ тебя распространишь рѣки ученія всюду. Что, *даде бездна гласъ свой?* Не глубина ли сердца человѣческаго? *Высота привидѣнія своя*, есть изъясненіе вышеписаннаго стиха, ибо высота есть безднажъ. Понеже привидѣніе есть видѣніе, которое не удержала, не скрыла, но исповѣданіемъ изъявила. *Воздвижеся солнце, и луна ста въ чинѣ своемъ*; то есть вознесся Христосъ на небо и устроилась подъ царемъ своимъ церьковь. *Во свѣтѣ стрѣлы твоя пойдутъ*; то есть не въ тайнѣ, но явно словеса твоя пронесутся. *Въ блистаніи молній оружій твоихъ*; подразумѣвать надлежитъ стрѣлы твоя пойдутъ. Ибо сказалъ ученикамъ своимъ: *яже глаголю вамъ во тмѣ, проповѣдите во свѣтѣ. Прещеніемъ умалиши землю*; то есть устрашеніемъ смиришъ людей. *И яростію низложиши языки*: понеже возносящихся мщеніемъ низринешъ. *Изшелъ еси во спасеніе людей твоихъ, спасти помазанныя твоя; вложилъ еси во главы беззаконныхъ смертъ*: изъ сихъ ничто не требуетъ толкованія. *Воздвиглъ еси узы даже до выи въ*

ко-

конецъ: здѣсь добрые могутъ разумѣться узы премудрости. *Разсѣилъ еси по изступленіи*; подразумѣвать должно узы. Ибо оживотворилъ и обновилъ добро, а зло пресѣкъ; о чемъ ему говорится: *разтерзалъ еси узы моя*: и сіе во изступленіи, то есть чудно. *Главы сильныхъ сотрясутся въ ней*; то есть во удивленіи. *Разверзутъ узды своя, яко снѣдаяй нищій тай*: начальники бо и князи Іудейскіе, удивляясь чудесамъ и ученію Христову, приходили къ нему, и алча, хлѣбъ ученія снѣдали тайно страха ради Іудейскаго, какъ повѣствуетъ Евангеліе. *И навелъ еси на море кони твоя, смущающія воды многи*, не что иное есть, какъ многіе народы. Ибо изъ страха одни не обращались бы, другіе отъ злобы не гнали бы, ежелибы всѣ не смутились. *Сохранихся и убояся сердце мое отъ гласа молитвы устенъ моихъ, и вниде трепетъ въ кости моя, и во мнѣ смятеся крѣпость моя*. Наклоняетъ къ тому, что говорилъ, и самъ въ молитвѣ своей устрашися, которую пророчески произносилъ, и въ которой будущее видѣлъ. Ибо по возмущеніи народовъ многихъ видѣлъ онъ належащее церкви смущеніе и скорби, и признавъ себя оныя членомъ, говоритъ: *почію въ день скорби моея*: какъ къ тѣмъ принадлежащій, которые упованіемъ радуются и скорби терпятъ; *да взыду*, говоритъ, *въ люди пришельствія моего*, удаляясь отъ злобнаго народа плотскаго своего сродства,

не странствующаго въ сей жизни, ни горняго отечества ищущаго. *Зане*, говоритъ, *смоковь не плодопринесетъ, и не будетъ рода въ лозахъ; солжетъ дѣло маслинное и поля не сотворятъ яди. Оскудѣша овцы отъ пищи, и не будетъ воловъ при яслѣхъ.* Видѣлъ онъ, что оные люди Іудейскіе имѣли умертвить Христа, и погубить богатство и обиліе духовное, которое все описываетъ онъ въ видѣ земнаго плодоносія по обычаю пророческому. И поелику понесли оные люди гнѣвъ Божій за то, что не зная Божіей правды, свою правду поставить хотѣли: того ради продолжаетъ: *азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Господь Богъ мой сила моя, и учинитъ нозѣ мои на совершеніе, и на высокая возводитъ мя, еже побѣдити ми въ пѣсни его.* То есть въ оной пѣсни, о которой подобное нѣчто пишется во псалмѣ: *постави нозѣ мои на камени, и исправи стопы моя, и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему.* И такъ онъ побѣждаетъ въ пѣсни Господней, пріятной ему въ хвалѣ его, а не своей, дабы хваляйся о Господѣ хвалился. Но по моему мнѣнію лучше въ нѣкоторыхъ подлинникахъ пишется такъ: *возрадуюся о Бозѣ Іисусѣ моемъ*: которое нѣкіе, желая на Латинской діалектъ перевести, имени самаго не положили, которое намъ имяновать любезно и вожделѣнно.

Глава



Глава двадесять осьмая.

Что Іеремія и Софонія пророческимъ духомъ о Христѣ и о званіи языковъ предвозвѣстили.

Іеремія пророкъ есть изъ числа большихъ, какъ и Исаія, а не отъ меньшихъ, какъ прочіе, о которыхъ писаніяхъ частію я уже говорилъ. Пророчествовалъ же во время царствованія Іосіи во Іерусалимѣ, а у Римлянъ Анна Марція, не задолго до плѣненія Іудейскаго. Продолжилось же пророчествованіе его до пятаго мѣсяца плѣненія; какъ изъ его писанія видно. Софонія же (1) изъ числа меньшихъ, соединяется же съ нимъ. Ибо и онъ во дняхъ Іосіи пророчествовалъ; но покуда, не объявляетъ. И такъ пророчествовалъ Іеремія не только во время царствованія Анна Марція, но и Тарквинія Приска, который былъ у Римлянъ пятымъ царемъ; ибо онъ, когда уже началось плѣненіе, царствовать началъ. Пророчествуя убо Іеремія о Христѣ: *Духъ*, говоритъ, *лица нашего помазанный Господь ятъ бысть въ растлѣніяхъ нашихъ*: кратко такимъ образомъ показалъ, что и Христосъ есть Господемъ нашимъ, и что онъ пострадалъ за насъ. Также на другомъ мѣстѣ: *сей*, говоритъ, *Богъ нашъ, и не вмѣнится инъ къ нему; изобрѣте всякъ путь художества, и даде и Іякову отроку своему, и Израилю возлюбленному своему; потомъ на земли явися, и съ человѣки пожи-*

пе. Сіе свидѣтельство нѣкоторые не Іереміи, но писцу его, называемому Баруху, приписываютъ: однако Іереміевымъ всѣ почти признаваютъ. Паки той же пророкъ о немъ: *се, говоритъ, дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и позстаплю Давиду постокъ прапедный, и царстпопати вудетъ царь, и премудръ вудетъ, и сотпоритъ судъ и прапду на земли; по днехъ его спасется Іуда, и Израиль превудетъ пъ надежди; и сіе имя ему, имже нарекутъ его: Господь прапеденъ нашъ.* О званіи же языковъ, которое имѣло быть, и которое нынѣ исполнившимся видимъ, такъ говоритъ: *Господи Боже мой и привѣжище мое пъ день золъ: къ Тебѣ пріидутъ языцы отъ конецъ земли, и рекутъ; по истиннѣ ложныя отцы наши почитали кумиры, и нѣтъ пъ нихъ пользы.* А понеже не имѣли его признать Іудеи, отъ коихъ ему умервщлену быть надлежало: то такимъ образомъ пророкъ означаетъ; *тяжко сердце по псемъ, и челопѣкъ есть, и кто познаетъ его.* Егожъ есть и оное свидѣтельство, которое положили мы въ книгѣ седьмойнадесять о новомъ завѣтѣ, коего Ходатаемъ есть Христосъ: ибо самъ Іеремія говоритъ: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и сопершу на домъ Іякопль запѣтъ новъ*, и прочее тамъ пишемое. Софоніи же пророка, который съ Іереміею пророчествовалъ, сіе предсказаніе о Христѣ предложу: *потерпи мене, глаголетъ Господь,*

подъ, въ день воскресенія моего во свидѣтельство, зане судъ мой въ сонмища языковъ, еже пріяти царей. И паки: *явится,* говоритъ, *Господь на нихъ и потребитъ вся боги языковъ земныхъ, и поклонятся ему кійждо отъ мѣста своего, вси острова языческіи.* И нѣсколько ниже: *тогда обращу къ людемъ языкъ въ родъ его, еже призывати всѣмъ имя Господне, работати ему подъ игомъ единѣмъ. Отъ конецъ рѣкъ Евіопскихъ пріиму молящія мя, въ разсѣянныхъ моихъ принесутъ жертвы мнѣ. Въ день онъ не имаши постыдѣтися отъ всѣхъ начинаній твоихъ, ими же нечествовалъ еси въ мя, яко тогда отъиму отъ тебе укоризны досажденія твоего, и къ тому не имаши величатися на горѣ святѣй моей. И оставлю въ тебѣ люди кротки и смиренны, и будутъ благоговѣти о имени Господни останцы Израилевы.* Сіи суть останки, о коихъ на иномъ мѣстѣ пророчествуется; о чемъ и Апостолъ упоминаетъ: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ, яко песокъ земный, останокъ спасется.* Ибо останки Израильскаго народа во Христа увѣровали.

Глава двадесять девятая.

О пророчествѣ Даніиловомъ и Іезекіилевомъ, принадлежащемъ ко Христу и церкви.

Во время же самаго плѣненія пророчествовали Даніилъ (1) и Іезекіиль, оба изъ чис-

ла большихЪ пророковЪ. ИзЪ коихЪ ДаніилЪ и самое время, вЪ которое ХристосЪ имѣлЪ пріити и пострадать, числомЪ лѣтЪ опредѣлилЪ, и назначилЪ, что однако продолжительно будетЪ счислять; сверьхЪ того уже прежде насЪ оное другіе учинили. О власти же его и славѣ такимЪ образомЪ говорилЪ; *видѣхЪ вЪ видѣніи нощію, и се на облацѣхЪ небесныхЪ яко сынЪ человѣчь идый бяше, и даже до ветхаго деньми дойде, и предЪ него приведеся. И тому дадеся власть и честь, и царство, и вси людіе, племена и языцы тому поработаютЪ, власть его власть вѣчная, яже не прейдетЪ, и царство его не разсыплется.* Іезекіиль по обыкновенію пророческому чрезЪ Давида Христа означая; понеже ОнЪ плоть восвріялЪ отЪ сѣмене Давидова, ради котораго рабія образа, по коему сталcя человѣкомЪ, и рабомЪ БожіимЪ нарицается самЪ Божій СынЪ, такЪ его предвозвѣстилЪ, отЪ лица Бога Отца говоря: *и возставлю имЪ пастыря единаго, и упасетЪ я, раба моего Давида: той упасетЪ я, и той будетЪ имЪ пастырь, АзЪ же ГосподЪ буду имЪ вЪ Бога, и рабЪ мой ДавидЪ князь средѣ ихЪ, азЪ ГосподЪ глаголахЪ.* И на иномЪ мѣстѣ: *и князь,* говоритЪ, *единЪ будетЪ во всѣхЪ сихЪ царемЪ, и не будетЪ кЪтому вЪ два языка, ни раздѣлятся кЪтому на два царства. Да не оскверняются кЪ тому вЪ кумирѣхЪ своихЪ, и мерзостяхЪ своихЪ, и во всѣхЪ нечестіяхЪ*

спо-

своихъ, и избавлю я отъ всѣхъ беззаконій ихъ, ими же согрѣшиша, и очищу я; и будутъ ми въ люди, и азъ буду имъ въ Бога. И рабъ мой Давидъ князь средѣ ихъ, и пастырь единъ будетъ.

Глава тридесятая.

О пророчествѣ трехъ пророковъ, Аггея, Захаріи и Малахіи.

Остаются изъ числа меньшихъ три пророка, кои пророчествовали на концѣ плѣненія; Аггей, Захарія (1) и Малахія (2). Изъ коихъ Аггей о Христѣ и о церкви хотя кратко, но явственнѣе пророчествуетъ. Сице глаголетъ Господь Вседержитель: *еще единою азъ потрясу небомъ и землею, и моремъ и сушею; и сотрясу вся языки, и пріидутъ избранная всѣхъ языковъ.* Сіе пророчество отъ части исполнилось, отъ части же еще исполненіе онаго ожидается. Ибо подвигнулъ онъ небо, свидѣтельствомъ звѣздъ и Ангеловъ, когда Христосъ воплотился. Стрясъ землю неисповѣдимымъ чудомъ, то есть, рожденіемъ Христовымъ отъ дѣвы. Стрясъ море и сушу, когда въ островахъ и во всей вселенной Христосъ проповѣданъ. Такимъ образомъ видимъ движимыхъ языковъ къ вѣрѣ. Захарія о Христѣ и о церкви: *радуйся*, говоритъ, *зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спа-*

саяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника жребца юна. И обладаетъ отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конецъ земныхъ. Сіе когда исполнилось, что Христосъ въ пути употребилъ таковаго рода животнаго, о томъ пишется въ Евангеліи, гдѣ и сіе пророчество отъ части воспоминается, сколько въ показаніе въ ономъ мѣстѣ надлежало. Въ другомъ же мѣстѣ къ самому Христу духомъ пророческимъ о оставленіи грѣховъ кровію его глаголетъ: *и ты въ крови завѣта твоего искупилъ еси узники твоя отъ рова не имуща воды.* Чрезъ ровъ здѣсь можно разумѣть много, и по правой вѣрѣ. Однако мнѣ кажется лучше онымъ означается бѣдности человѣческой глубина и безплодная, въ которой обѣтъ воды правды, но не правды блато. О семъ бо блатѣ и во псалмѣ пишется: *и извелъ мя еси отъ рова страстей* [въ Латинскомъ бѣдностей] *и отъ бренія тины.* Малахія, пророчествуя о церкви, которая Христомъ нынѣ распространена, Іудеямъ явственно отъ лица Божія говоритъ: *нѣсть воля моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы не пріиму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ имя мое прославится во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳіміамъ приносится имени моему, и жертва чиста, глаголетъ Господь.* Сію жертву священствомъ Христовымъ по чину Мелхиседекову во всякомъ мѣстѣ отъ востока солнца до

до запада когда видимъ приносимую; жертву же Іудейскую, коимъ сказано: *нѣсть воля моя въ васъ, и жертвы не пріиму отъ рукъ вашихъ*, отверженною не признать не можемъ; то для чего ожидаютъ Іудеи инаго Христа, когда сіе пророчество читаютъ, и исполнившееся видятъ, которое не могло исполниться, какъ только чрезъ Христа? Ибо говоритъ нѣсколько ниже о немъ отъ лица Божія: *завѣтъ мой бѣ съ нимъ жизни и мира, и дахъ ему боязнію боятися мене, и отъ лица имене моего устрашатися ему. Законъ истинны бѣ во устѣхъ его, въ мирѣ исправляя иде со мною, и многи обрати отъ неправды: понеже устнѣ Іереовы сохранятъ разумъ, и закона взыщутъ отъ устъ его, яко Ангелъ Господа Вседержителя есть.* И удивляться не должно, что Іисусъ Христосъ нареченъ Ангеломъ Вседержителя Бога Ибо какъ рабомъ ради рабія образа, въ коемъ пришелъ къ людямъ; такъ и Ангеломъ ради Евангелія, которое благовѣстилъ людямъ, называется. Ибо ежели Греческія сіи рѣченія изъяснить, то Евангеліе есть благая вѣсть: Ангелъ же значитъ вѣстника. О немъ бо паки говоритъ: *се посылаю Ангела моего, и устроитъ путь предо мною; и внезапу пріидетъ въ храмъ свой Господь, его же вы ищете, и Ангелъ завѣта, его же желаете. Се пріиде, глаголетъ Господь Вседержитель: и кто стерпитъ день пришествія Его? И кто*

по-

постоитъ въ видѣніи его? Въ семъ мѣстѣ и первое и второе его пришествіе предизвѣстилъ. Первое, когда говоритъ: *и внезапу прійдетъ въ храмъ свой Господь,* то есть въ плоть свою, о коей говоритъ Евангелистъ: *разорите церковь сію, и тремя деньми воздвигну ю.* Второе же когда глаголетъ: *се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и кто стерпитъ день пришествія его? И кто постоитъ въ видѣніи его?* Что же говоритъ, *Господь, его же вы ищете, и Ангелъ завѣта, его же вы хощете:* означилъ симъ Іудеевъ по писанію, кое они читаютъ, что они ищутъ и хотятъ Христа. Но многіе изъ тѣхъ, кои искали Христа и хотѣли, пришедшаго не познали, ослѣплены будучи сердцами своими, которое ослѣпленіе заслужили своими преступленіями. Имянуемый же завѣтъ, какъ выше; когда говоритъ: *завѣтъ мой бѣ съ нимъ;* такъ и здѣсь, когда его нарекъ *Ангеломъ завѣта,* безъ сомнѣнія новой завѣтъ разумѣть мы должны, гдѣ вѣчныя, а не ветхій, въ коемъ временныя заключались обѣщанія, кои нѣкоторые немощные за велико поставляя, и истинному Богу изъ таковыхъ вещей служа, когда видятъ нечестивыхъ изобилующими, смущаются. Чего для той же пророкъ, дабы новаго завѣта блаженство вѣчное, которое не будетъ даровано, кромѣ какъ добродѣтельнымъ, отъ благополучія временнаго отличить, которое дается и

злымъ:

злымЪ: *отяготисте на мя*, говоритЪ *словеса ваша, глаголетъ Господь, и ръсте: о чемЪ клеветахомЪ на тя? Ръсте: суетенЪ работаяй Богу, и что болъе, яко сохранихомЪ хранения его, и яко идохомЪ молитвенницы предЪ лицемЪ Господа Вседержителя? И нынъ мы блажимЪ чужихЪ, и созидаются вси творящии беззаконная, сопротивишася Богови, и спасошася. Сия рекоша боящиися Господа, кийждо ко искреннему своему: и внятЪ Господь и услыша, и написа книгу памяти предЪ собою боящимся Господа, и благоговъющимЪ имя его.* Сею книгою означенЪ новой завЪтЪ. Но послушаемЪ, что продолжаетЪ: *и будутЪ ми, глаголетЪ Господь Вседержитель, вЪ день, его же азЪ творю вЪ снабдъние, и изберу я, имЪ же образомЪ избираетЪ человъкЪ сына своего, добръ работающа ему: и обратитеся и увидите между праведнымЪ, и между беззаконнымЪ, и между служащимЪ Богови, и неслужащимЪ ему. Яко се день грядетЪ горящъ, яко пещь, и попалитЪ я, и будутЪ вси иноплеменницы, и вси творящии беззаконная, яко стебліе, и пожжетЪ я день Господень грядый, глаголетЪ Господь Вседержитель, и не останется отЪ нихЪ корень, ниже вътвь. И возсиятЪ вамЪ боящимся имене моего солнце правды, и исцелъние вЪ крилъхЪ его, изыдите и взыграйте, яко же тельцы отЪ узЪ разръшени, и поперете беззаконники, и будутЪ пепелЪ подЪ ногами вашими вЪ день, вонже*

АзЪ

азъ сотворю, глаголетъ Господь Вседержитель. Сей есть нарицаемый день суда, о которомъ, ежели Богъ благоволитъ, въ своемъ мѣстѣ поговоримъ пространнѣе.

Глава тридесять первая.

Что пророки древнѣе всей языческой философіи.

Во время нашихъ пророковъ, коихъ писанія въ свѣденіе всѣмъ почти народамъ дошли, философовъ языческихъ не было, которые бы симъ именемъ назывались, которое начало получило отъ Самійскаго Пиѳагора (1), который, по освобожденіи Іудеевъ изъ плѣна, началъ знаемъ быть и процвѣтать. Кольми паче прочіе философы, которые много времени спустя послѣ пророковъ были. Ибо Сократъ (2) самый Аѳинскій учитель всѣхъ, кои послѣ его были знамениты, будучи славенъ въ части философіи нравоучительной, послѣ Ездры жившимъ показывается. Не много послѣ того родился Платонъ (3), который всѣхъ его учениковъ превзошелъ. Къ которымъ ежели прибавить тѣхъ, кои философами не назывались, то есть седмь мудрецовъ, и потомъ физиковъ, которые Ѳалесу были преемниками, упражнявшимися въ испытаніи вещей природы, то есть Анаксимандра и Анаксимена, и Анаксагора, и другихъ нѣкоторыхъ бывшихъ прежде Пиѳагора, ко-

то-

торый себя философомъ первый наименовалъ; то и оные всѣхъ нашихъ пророковъ древностію не превосходятъ; поелику Ѳалесъ, послѣ коего прочіе были, процвѣталъ во время царствованія Ромула, когда отъ источниковъ Израильскихъ рѣки пророчествъ проистекали. И такъ одни стихотворцы богословствующіе, Орфей, Линъ, Музей и другіе подобные, бывшіе у Грековъ, нѣкоторыхъ пророковъ, коихъ писанія въ числѣ правильныхъ считаются, древнѣе; но и оные истиннаго нашего богослова Мѵсея, проповѣдавшаго неложно истиннаго Бога, котораго писанія въ числѣ правильныхъ почитаются первыми, временемъ не превзошли. И по сему, что касается до Грековъ, на коихъ діалектѣ блистали науки, не имѣютъ, чемъ бы тщеславиться въ разсужденіи мудрости, когда ихъ свѣтская мудрость не древнѣе Христіанскаго благочестія. Но признаться должно, что хотя не въ Греціи, но въ Варварскихъ народахъ, какъ то въ Египтѣ, уже были до Мѵсея науки, которыя составляли ихъ премудрость: въ противномъ случаѣ не было бы написано въ священныхъ книгахъ, что Мѵсей *вѣ наученъ всей премудрости Египетской*, когда по рожденіи дщерію Фараоновою усыновленъ (4) и воспитанъ. Однако премудрость Египтянъ, премудрости пророковъ нашихъ временемъ не превосходитъ; поелику и Авраамъ былъ пророкъ.

рокъ. Какая же премудрость могла быть во Египтѣ прежде Изиды, которую по смерти обоготворили, и которая преподала имъ науки и писмена? Изида же дочь была Инахова, который первый началъ царствовать у Аргивцовъ, когда уже Аврааму родились внуки.

Глава тридесять вторая.

О Еврейскихъ писменахъ, которыя всегда въ свойствѣ своего діалекта были.

И такъ не должно вѣрить тѣмъ, кои говорятъ, что Еврейскій діалектъ чрезъ называемаго Еверомъ, отъ котораго Евреи имя получили, сохраненъ, и потомъ чрезъ преемство прешелъ къ Аврааму, и что Еврейскія писмена отъ закона начались (1), даннаго Моѵсеемъ: но вѣрить наипаче надлежитъ, что чрезъ преемство прародителей помянутый языкъ сохраненъ. Потомъ и Моѵсей уставилъ учителей діалекта, прежде нежели познали Евреи законъ. Сихъ называетъ Писаніе писмовводителями, поелику оные вводили писмена нѣкоимъ образомъ въ сердца учащихся, или лучше сказать, въ оныя учимыхъ. И такъ никакой народъ и языкъ пускай не тщеславится напрасно древностію своей премудрости предъ нашими пророками и Патріархами, кои имѣли Божественную премудрость, когда ни самый Египетъ, который ложно и напрасно сво-

своею превозносится древностію, своею премудростію, считая по времени нашихъ Патріарховъ, не превышаетъ. Ибо никто не осмѣлится утверждать, что Египтяне въ удивительныхъ наукахъ были искусны, прежде нежели научились писменамъ, то есть прежде нежели пришла къ нимъ Изида, и ихъ научила. Самая же ихъ достопамятная наука, названная отъ нихъ премудростію, что иное была, какъ только Астрономія, и другія подобныя, которыя болѣе служатъ къ упражненію, нежели къ просвѣщенію разумовъ истинною премудростію? Ибо что касается до философіи, которая тщеславится, аки бы чему либо людей научаетъ, чрезъ чтобы они стались блаженными, и которая около временъ Меркуріевыхъ, коего Трисмегистомъ назвали, въ оной странѣ процвѣтать начала: то хотя оная несравненно древнѣе Греческихъ философовъ и мудрецовъ, однако послѣ Авраама, Исаака, Іякова и Іосифа, да еще и послѣ Моусея. Ибо въ то время, когда родился Моусей, жилъ оный великій Астрологъ Атласъ, братъ Промиѳеевъ, по матери дѣдъ Меркурія старшаго, котораго внукомъ былъ Трисмегистъ Меркурій.

Глава тридесять третія.

О ложнѣйшемъ Египтянъ тщеславіи, которые древности своихъ наукъ сто тысячь лѣтъ опредѣляютъ и приписываютъ.

И такъ напрасно и суетно тщеславясь, брѣдятъ нѣкоторые, говоря: что съ того времени, съ котораго начали Египтяне упражняться въ Астрономіи, прошло болѣе ста тысячь лѣтъ. Ибо въ какихъ книгахъ число оное нашли тѣ, кои, считая отъ нашихъ временъ, съ не большимъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, какъ писменамъ по наставленію Изиды обучаться начали? Понеже не изъ числа послѣднихъ писатель Маркъ Варронъ, который оное написалъ, что и съ священнымъ Писаніемъ не дѣлаетъ разногласія. Ибо когда отъ самаго перваго человѣка, нареченнаго Адамомъ, не прошло еще шести тысячь лѣтъ, то какъ не достойны смѣха а невозраженія тѣ, кои о временахъ толь различное, и толь дознанной истиннѣ противное показать силятся? Ибо не лучше ли вѣрить въ прошедшемъ тому, который и будущее нынѣ сбывающееся предсказалъ? И самое бо повѣстей языческихъ писателей несогласіе подаетъ намъ поводъ тому наипаче вѣрить, который божественному, отъ насъ содержимому, Писанію и повѣствованію не противорѣчитъ. Граждане же нечестиваго града, разсѣянные по всѣмъ странамъ, когда читаютъ ученѣйшихъ писа-

сателей, коихъ важность не достойна презрѣнія, и видятъ у оныхъ объ одной и тойже вещи или дѣйствіи разногласіе, то не имѣютъ и не находятъ, кому вѣрить изслѣдовать надлежитъ. Мы же въ повѣствованіяхъ нашего благочестія, полагаясь на безсумнительность священнаго и божественнаго Писанія, не сомнѣваемся признавать того ложнымъ, каковобъ ни было въ свѣтскихъ наукахъ прочее, или истинное или ложное, однако оное ни какой не приноситъ пользы къ правому и блаженному житію.

Глава тридесять четвертая.

О несогласіи философскихъ мнѣній, и о согласіи правильныхъ въ церкви писаній.

Но оставя знаніе исторіи, самые философы, отъ коихъ мы къ сему обратились, которые по видимому не трудились въ своемъ ученіи съ инымъ намѣреніемъ, какъ только, какимъ бы образомъ жизнь препровождать благонравнѣе для полученія блаженства, для чего несогласуютъ, и ученики съ учителями, и между собою соученики? Конечно не для чего, какъ только, что человѣческимъ разумомъ того искали. Въ которомъ случаѣ хотя и было также въ нихъ желаніе славы, дабы показаться разумнѣйшимъ и острѣйшимъ, и чтобъ

дать знать, что онъ не привязанъ къ мнѣнію чужому, но изобрѣлъ свое мнѣніе: при всемъ томъ уступить должно, что многіе изъ нихъ были, которые отъ своихъ учителей, или соучениковъ въ мнѣніи удалялись изъ любви къ истиннѣ, дабы оную защищать, которую истинною признавали, хотя она истинною была, хотя нѣтъ. Что дѣлаетъ человѣческая бѣдность, дабы достигнуть блаженства, когда не руководствуетъ къ оному священное Писаніе? Притомъ писатели наши, въ коихъ не напрасно священнаго Писанія опредѣляется правило, ни мало одинъ другому не противорѣчитъ. Чего для достойно вѣримъ, что когда они писали, Богъ имъ, или чрезъ нихъ бесѣдовалъ, чему не малочисленные, любящіе раздоры во училищахъ, но въ весѣхъ, и градахъ ученые и неученые народы увѣровали. Самихъ же писателей нашихъ число долженствовало быть не великое, дабы въ разсужденіи множества не пріити въ неуваженіе, однако не столь малое, дабы не подивиться ихъ согласію въ писаніи. Ибо во множествѣ философовъ, которые своихъ мнѣній оставили книги, найти легко не можно, кои бы въ мнѣніи согласовали, что въ семъ сочиненіи показывать не вмѣстительно. Которой же писатель какой нибудь секты въ семъ, демоновъ почитающемъ, градѣ, одобренъ такъ, дабы прочіе были охуждены, кои различное и про-

противное думали? Не въ Аѳинахъ ли славны были Епикуры, кои увѣряли, что боги ни мало о дѣлахъ человѣческихъ не промышляютъ? И Стоики, кои утверждали, что боги управляютъ міръ, сохраняютъ, и помоществуютъ вещамъ? Почему я удивляюсь, для чего обвиненъ Анаксагоръ (1), который говорилъ, что солнце есть раскаленный камень, и отвергалъ бытіе боговъ: когда въ томъ же городѣ процвѣталъ славою Епикуръ, и жизнь препровождалъ спокойно и безопасно, который не только солнца и другихъ звѣздъ богами не признавалъ, но утверждалъ, что ни Юпитера ни инаго какого либо бога (2) въ свѣтѣ нѣтъ, которой бы внималъ человѣческимъ прошеніямъ и мольбамъ? Не тамъ ли жилъ Аристиппъ, который полагалъ высочайшее благо въ удовольствіи тѣлесномъ; и Антисѳенъ, который говорилъ, что человѣкъ блаженъ бываетъ добродѣтелію; два знатные философы, и оба Сократическіе, которые толь далеко одинъ отъ другаго въ мнѣніи удалились, изъ коихъ одинъ говорилъ также, что благоразумному человѣку надлежитъ вступать въ правленіе обществомъ, другій повелѣвалъ отъ онаго удаляться, и оба въ свои секты собирали учениковъ. Почему въ училищахъ, на площадяхъ, общественныхъ мѣстахъ и частныхъ, въ садахъ толпами свои мнѣнія защищая стязались: иные утверждая, что одинъ есть міръ,

 дру-

другіе, что ихъ безчисленное множество; и изъ тѣхъ, кои признавали одинъ міръ, нѣкоторые говорили, что онъ имѣетъ начало, другіе что начала не имѣетъ: одни, что онъ разрушится нѣкогда, другіе, что вѣчно пребывать будетъ. Одни, что разумъ нѣкоторой онымъ управляетъ, другіе, что все бываетъ по случаю. Одни души поставляли безсмертными, другіе смертными; и изъ тѣхъ, кои почитали безмертными, силились доказывать, что оныя преходятъ изъ человѣка въ скота; другіе того не допускали: а которые смертность душамъ приписывали; изъ тѣхъ одни думали, что послѣ тѣла вскорѣ погибаютъ; другіе, что нѣсколько времени пребываютъ и по смерти тѣлесной, но не навсегда. Одни конецъ добра полагали въ тѣлѣ, другіе въ душѣ, третьи въ обоемъ, а иные наружное добро къ душѣ и тѣлу относили. Одни брѣдили, что тѣлеснымъ чувствамъ всегда вѣрить должно, другіе не всегда, а иные никогда. Сіи и подобные почти безчисленные философовъ раздоры какой народъ, какой Сенатъ, какіе вельможи и власти нечестиваго града одни одобренія и прiятія достойными, другія отверженія судилъ, а не безъ разбору въ лонѣ своемъ питалъ такихъ словопрителей, которые раздоръ производили не о поляхъ, домахъ или деньгахъ, но о тѣхъ вещахъ, по которымъ или нещастно, или блаженно житіе пре-

про-

провождается? Гдѣ хотя нѣчто говорено было и истинное, но и ложное съ таковою же вольностію и смѣлостію было произносимо такъ, что не напрасно земный градъ таинственно имянуется Вавилономъ. Ибо Вавилонъ толкуется смѣшеніе, какъ мы уже выше говорили. Царю же онаго града діаволу нѣтъ въ томъ нужды, сколь противными раздорами и заблужденіями люди между собою стязуются, надъ коими, по причинѣ ихъ многаго и различнаго нечестія, обладаетъ. На противъ оный народъ, оный языкъ, оный градъ, оное общество, оные Израильтяне, коимъ ввѣрены слова Божіи ни какимъ образомъ лжепророковъ съ истинными пророками не смѣшали, но согласные и между собою неразногласящіе священныхъ книгъ писатели признаваемы были и содержимы. Они были у Израильтянъ философами, то есть любителями премудрости, они мудрыми, они богословами, они пророками, они наставниками добродѣтели и благочестія. Кто по нихъ мудрствовалъ и жизнь препровождалъ, тотъ жилъ не по человѣку, но по Богу, которой чрезъ нихъ говорилъ. Естьли сказано: *чти отца твоего и матерь твою*: то Богъ оное повелѣлъ. Естьли речено: *не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши*, и прочее таковое: то сіе не человѣческіе уста, но Божіи изрекли. Все, что нѣкоторые философы между ложнымъ истинное видѣть

 мо-

могли, и многотрудными стязаніями внушить покушались; то есть, что Богъ сотворилъ міръ, что Онъ промысломъ своимъ управляетъ; также о честности добродѣтелей, о любви къ отечеству, о вѣрности въ дружествѣ, о добрыхъ дѣлахъ, и о всемъ къ благонравію принадлежащемъ, хотя и не знали къ какому концу и какимъ образомъ соотносить должно: пророческими глаголами онаго Божія града народу внушено не стязаній доводами, и не человѣческимъ разумомъ, но Божіимъ, такъ что познавшій оное не человѣческаго бы боялся разсужденія, но страшился бы презирать Божеское изреченіе.

Глава тридесять пятая.

Что промысломъ Божіимъ священныя книги ветхаго завѣта съ Еврейскаго на Греческій діалектъ переведены, дабы всѣмъ языкамъ въ свѣдѣніе дошли.

Сіи священныя книги одинъ изъ Египетскихъ царей Птоломей (1) желалъ знать и имѣть. Ибо послѣ удивленія достойнаго, хотя не долговременнаго самодержавства Александра Македонскаго, который всю Азію, и почти всю вселенную отъ части силою и оружіемъ, отъ части страхомъ покорилъ, въ которое время между прочими восточными государствами вошелъ и во Іудею, и оною обладалъ; полководцы его

его, толь пространнымЪ государствомЪ мирелюбно управлять будучи не вЪ состоянiи, раздѣлили оное, или лучше сказать, растерзали, имѣя намѣренiе опустошить все войною; тогда ЕгипетЪ началЪ имѣть царей ПтоломеевЪ. ИзЪ коихЪ первый былЪ ЛаговЪ сынЪ, который многихЪ плѣнивЪ IудеевЪ, отвелЪ вЪ ЕгипетЪ. ПреемникомЪ ему ставши Птоломей, называемый ФиладельфЪ, всѣхЪ оныхЪ плѣнниковЪ освободивЪ, позволилЪ имЪ возвратиться во Iудею; сверьхЪ того дары отЪ себя вЪ храмЪ Божiй посылалЪ, и просилЪ бывшаго тогда первосвященникомЪ у IудеевЪ Елеазара, чтобЪ онЪ прислалЪ ему Писанiя, о коихЪ понаслуху конечно удостовѣренЪ былЪ, что онѣ Божественныя, и потому пожелалЪ имѣть ихЪ вЪ своей Библiотеки, которую онЪ собралЪ наивеличайшую. Сiе Писанiе когда прислалЪ ему первосвященникЪ, писанное на ЕврейскомЪ дiалектѣ, то онЪ послѣ того просилЪ у него переводчиковЪ, вЪ которомЪ требованiи онЪ и удовольствованЪ: ибо посланы кЪ нему семдесятЪ два переводчика отЪ всѣхЪ двенатцати колѣнЪ, мужи сѣдинами украшенные, и искусные вЪ обоихЪ дiалектахЪ, вЪ ЕврейскомЪ и ГреческомЪ, которыхЪ переводЪ вошло вЪ обыкновенiе называть переводомЪ седьмидесяти переводчиковЪ. Повѣствуется же о нихЪ, что чудное и со всѣмЪ Богодухновенное вЪ ихЪ словахЪ было согласiе такЪ, что будучи

по-

посаждены порознь, [ибо такъ изведать Птоломей ихъ восхотелъ] ни въ одномъ слове, тожъ значащемъ, и столь же сильномъ и важномъ, и въ самомъ наконецъ порядке словъ, одинъ отъ другаго не различествовалъ, но какъ бы одинъ переводчикъ былъ; такимъ образомъ ими переводимое было одно, понеже по истинне одинъ духъ былъ во всехъ. И для того толь чудное отъ Бога получили они дарованіе, чтобъ онаго Писанія не какъ человеческаго, но, какъ оно въ самомъ деле есть, Божія; и симъ образомъ внушена была людямъ важность, имевшая некогда принесть верующимъ языкамъ пользу, что уже и собывшееся видимъ.

Глава тридесять шестая.

Что по позовнопленіи храма пророковъ Іудеи иметь престали, и отъ того времени до рождества Христова непрестанными ведствіями были озлобляемы, дабы они познали, что другаго храма созиданіе пророческими гласами свещано.

После того времени, какъ Іудея лишилась пророковъ, безъ сомненія хуждьшею стала, то есть въ то время, въ которое по возобновленіи храма, после пленения бывшаго въ Вавилоне, надеялась, что будетъ лучшею; ибо такимъ образомъ разумелъ народъ оный плотскій пророчество Аггеево глаголющее: пе-

пелія будетъ слава храма сего, послѣдняя паче первыя. Что сіе о новомъ завѣтѣ сказано, оное выше нѣсколько показалъ, гдѣ Христа явственно обѣщая: *и сотрясу* говоритъ, *вся языки, и пріидетъ пожделѣнный всѣми языки.* Въ которомъ мѣстѣ семдесятъ переводчиковъ другой изобразили смыслъ, наипаче тѣлу, нежели главѣ приличествующій, то есть церкви наипаче, нежели Христу. *Пріидутъ избранная всѣхъ языковъ,* то есть люди, о которыхъ самъ Іисусъ въ Евангеліи говоритъ: *многи званны, мало же избранныхъ.* Ибо изъ таковыхъ избранныхъ отъ языкъ чрезъ новый завѣтъ изъ камней, то есть живыхъ, созидается храмъ несравненно славнѣйшій, нежели былъ той, который построенъ Соломономъ, и по плѣненіи возобновленъ. И для того-то и пророковъ съ того времени лишился Іудейскій народъ, и великія бѣдствія претерпѣлъ отъ иноплеменническихъ царей, и отъ самыхъ Римлянъ, дабы онъ не думалъ, что сіе Аггеево пророчество возобновленіемъ онымъ храма исполнилось. Понеже не много времени спустя, Александръ (1) Македонскій Іудею себѣ покорилъ: въ которое время, хотя не здѣлано никакого имъ опустошенія; понеже они не осмѣлились противиться Александру, и потому, покорившись, признали его царемъ; при всемъ томъ не была слава толикою онаго храма, въ каковой былъ оный при государствованіи своихъ царей. Правда, Алексан-

сандрЪ принесЪ жертвы вЪ храмѣ Божіемъ, но не обратившись изЪ благоговѣнія кЪ почитанію Бога, но по своему безумному нечестію, сЪ богами ложными достойнымЪ почтенія его признавая. ПотомЪ Птоломей, ЛаговЪ сынЪ (:), о чемЪ я выше упоминалЪ, по смерти Александровой плѣнивЪ ІудеевЪ, привелЪ великимЪ множествомЪ во ЕгипетЪ, которыхЪ преемникЪ его Птоломей Филадельфъ отпустилЪ вЪ Іудею, который, какЪ я выше сказалЪ, виновникомЪ былЪ, что мы имѣемЪ Священное Писаніе седмидесяти переводчиковЪ. Послѣ того сокрушаемы были войнами, описываемыми вЪ МаккавейскихЪ книгахЪ. По прошествіи нѣкотораго времени плѣнены отЪ Александрійскаго царя Птоломея Епифана, вскорѣ отЪ Антіоха Сирскаго царя, котораго неслыханною лютостію принудилЪ ІудеевЪ кЪ почитанію идоловЪ, и храмЪ наполнилЪ святотатскими суевѣріями языческими; что однако полководецЪ Іудейскій мужественнѣйшій, Іуда называемый Маккавей, по отраженіи и разбитіи полководцевЪ АнтіоховыхЪ, отЪ всякой скверны идолопоклонства храмЪ очистилЪ. Не много послѣ АлкимЪ нѣкоторый, не будучи отЪ священническаго рода, что почиталось беззаконіемЪ, АрхіереемЪ изЪ любочестія поставленЪ. Отсюда чрезЪ пятдесятЪ лѣтЪ, вЪ которыя однако они вЪ спокойствіи не жили, хотя нѣкоторое благоуспѣшество и имѣли, первый у нихЪ Аристо-

стовулЪ принявЪ Діадиму и царемЪ и Архіереем стал. Ибо по возвращеніи во Іудею изЪ Вавилона, и по возобновленіи храма, не царей, но вельможей или князей имѢли; хотя и царь можетЪ назваться вельможею, отЪ велѢнія, и вождемЪ, поелику предводительствуетЪ войску: однако не всякой вельможа и вождь наименованЪ можетЪ быть царемЪ, такЪ какЪ сей АристовулЪ былЪ. ПреемникомЪ ему былЪ АлександрЪ, также Архіерей и царь, который мучительски надЪ подданными владычествовалЪ. По немЪ жена его Александра царицею была у ІудеевЪ; отЪ котораго времени тягчайшія Іудеемъ приключаться начали бѢдствія. Ибо дѢти сея Александры АристовулЪ и ИрканЪ, споря между собою о престолѢ, силу Римскую подвигнули на народЪ Израильской. Понеже ИрканЪ противЪ брата своего отЪ нихЪ требовалЪ помощи. Тогда уже РимЪ покорилЪ себѢ Африку и Грецію, и обладалЪ другими частьми вселенныя, какЪ бы самЪ себя снести будучи не вЪ состояніи, своимЪ, нѢкоторымЪ образомЪ, величествомЪ разслабилЪ. Ибо послѢдовали домашніе раздоры и тяжкіе, потомЪ междуусобія, которыми столь себя умалилЪ и изнурилЪ, что нужда надлежала измѢниться состоянію Республики. И такЪ Помпей, знаменитый Римскаго народа вельможа вошелЪ сЪ арміею во Іудею, овладѢлЪ ІерусалимомЪ, отверзЪ храмЪ не изЪ благоговѢнія, какЪ моля-

лящійся, но какъ побѣдитель, вошелъ въ Святая Святыхъ (3), куда входить кромѣ первосвященника возбраняемо было, не изъ почтенія, но дабы осквернить. По утвержденіи Архіерейства Ирканова, надъ покореннымъ народомъ поставилъ Антипатра Губернаторомъ, а Аристовула оковавъ, съ собою привелъ въ Римъ. Съ того времени данниками Іудеи Римлянамъ быть начали. Потомъ Кассій храмъ весь обнажилъ. Наконецъ нѣсколько времени спустя, Иродъ поставленъ надъ Іудеями царемъ изъ иноплеменниковъ, во время царствованія котораго родился Христосъ. Ибо уже исполненіе времени приспѣло предъозначенное пророческимъ духомъ отъ Патріарха Іякова, который сказалъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему, и той чаяніе языкопъ.* И такъ не не доставало князя у Іудеевъ изъ ихъ рода до сего Ирода, который первый былъ изъ иноплеменниковъ. Время убо наступило, прійти тому, которому отложено, что новымъ завѣтомъ обѣщано, дабы онъ былъ чаяніемъ языковъ. Статься же тому было не можно, дабы ожидали его пришествія языки, такъ какъ нынѣ видимъ ожиданіе втораго Его пришествія, то есть суда въ силѣ всемогущества, естьлибъ прежде не увѣровали, когда онъ пришелъ къ понесенію суда въ кротости терпѣнія.

Глава

Глава тридесять седьмая.

О рожденіи Спасителя нашего по плоти, и о расточеніи Іудеевъ по всѣ языки, какъ было предвозвѣщено пророками.

И такъ во время царствованія въ Іудеи Ирода, у Римлянъ же по премѣненіи состоянія Республики, во время самодержавства Кесаря Августа, который усмирилъ вселенную, родился Христосъ по пророчеству въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, совершенный человѣкъ отъ дѣвы, сокровенный Богъ отъ Бога Отца. Ибо такимъ образомъ предвозвѣстилъ пророкъ: *се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, еже сказуется, съ нами Богъ.* Который, дабы увѣрить въ своемъ Божествѣ, многія дѣлалъ чудеса, изъ которыхъ нѣкоторыя, сколько къ прославленію онаго потребно, Евангеліе открываетъ и описываетъ; изъ коихъ первое, что онъ чудесно родился, послѣднее же, по воскресеніи изъ мертвыхъ съ плотію вознесся на небо. Іудеи же, его убившіе и въ него не увѣровавшіе, что ему надлежало умереть и воскреснуть, разорены бѣдственно отъ Римлянъ, и въ конецъ отъ своего царства, гдѣ уже иноплеменники царствовали, истреблены и искоренены и разсѣяны по всѣмъ странамъ. Они нынѣ находятся вездѣ, и писаніемъ своимъ свидѣтельствуютъ о насъ, что мы пророчества о Христѣ не вымыслили, о которыхъ разсуж-

суждая, какъ прежде страданія Христова, такъ и по Его воскресеніи увѣровали въ него, о коихъ предречено: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морскій, останокъ спасется.* Прочіе же ослѣпились о коихъ предсказано: *да будетъ трапеза ихъ предъ ними въ сѣть и въ воздаяніе и въ соблазнъ, да помрачатся очи ихъ еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцы.* И потому когда нашему Писанію не вѣруютъ, то исполняется на нихъ писаніе ихъ, кое они читаютъ ослѣпленные. Развѣ кто скажетъ, что Христіане вымыслили о Христѣ предсказанія Сивиллъ и другихъ Христіанами приводимыхъ, не принадлежащихъ къ народу Іудейскому. Но мы, хотябъ то была и правда, и безъ оныхъ довольно имѣемъ свидѣтельствъ, приводимыхъ изъ Еврейскихъ подлинниковъ, и признаваемъ, что Іудеи ради сего свидѣтельства во всѣ языки разсѣяны, которые, храня священныя книги, и не хотя свидѣтельствуютъ въ неложности пророчествъ вездѣ, гдѣ церковь Христова распространяется. Ибо пророчество о томъ находится во псалмахъ, кои они читаютъ, въ коихъ написано: *Боже мой, милость Его предваритъ мя, Богъ мой явитъ мнѣ по вразѣхъ моихъ: не убій ихъ, да некогда забудутъ законъ твой. Расточи я силою твоею.* И такъ явилъ Богъ церкви во врагахъ своихъ Іудеяхъ благодать милосердія своего, понеже, какъ говоритъ Апостолъ:

па

падение оныхъ спасение языкомъ. И того ради не убилъ ихъ, то есть не погубилъ въ нихъ того, что они Іудеи, хотя отъ Римлянъ побѣждены и притѣснены, дабы они, забывъ законъ къ сему свидѣтельству, о коемъ говоримъ, не были недѣйствительными. И для того мало было сказаннаго: *не убій ихъ, да не когда забудутъ законъ твой:* безъ приложенія того: *расточи я.* Ибо естьлибъ они съ свидѣтельствомъ писанія пребыли только въ своей землѣ, а не разсѣялись по всюду, то по истиннѣ церковь, которая есть вездѣ, пророчествѣ о Христѣ свидѣтелями имѣть во всѣхъ языкахъ не могла бы.

Глава тридесять осьмая.

Прежде Христовыхъ временъ были ль инѣ Израильскаго народа, которые къ обществу небеснаго града принадлежали.

Чего для всякой иноплеменникъ, то есть не отъ Израиля рожденный, и котораго писаніе въ число правильныхъ писаній не принято, естьли описывается пророчествовавшимъ о Христѣ, когда намъ придетъ въ свѣденіе, можемъ купно упоминать и его, хотя онъ столь не нуженъ, что хотябъ его и не было; но поелику не непристойно вѣрить можно, что нѣкоторымъ и изъ языковъ открыта была тай-

на, которые принуждены оное пропов҃дывать, хотя участниками бывши благодати, хотя нѣтъ. И я не уповаю, что и Іудеи не дерзнутъ прекословить, аки бы не было принадлежащаго къ Богу кромѣ Израильтянъ, съ времени, съ котораго начались произходить отъ Израиля Евреи, по отверженіи старшаго его брата Исава. Правда, что не было народа, которой бы собственно назывался Божіимъ, но чтобъ не было людей небеснаго общества къ истиннымъ Израильтянамъ горняго отечества гражданамъ принадлежащихъ и въ другихъ языкахъ, того сказать не можно. Понеже естьлибъ Іудеи тому стали прекословить, то удобно обличены будутъ святымъ и чуднымъ мужемъ Іовомъ, который ни происходилъ отъ Израиля, ни пришельцемъ былъ Израильскимъ, но произшелъ отъ рода Идумейскаго, въ которомъ онъ родился, и въ которомъ скончался; котораго ободряетъ Божіе слово такъ, что въ разсужденіи правды и благочестія ни одинъ человѣкъ тогдашнихъ временъ съ нимъ сравниться не могъ. Котораго временъ хотя лѣтописи и не показываютъ; однако изъ книги его заключить можно, которая Израильтянами въ число правильныхъ принята, что онъ въ третьемъ родѣ былъ послѣ Израиля. Я не сомнѣваюсь, что промыслъ Божескій сіе устроилъ, дабы мы знали, что и въ другихъ народахъ

были

были люди жившіе по Богу, и Ему угождавшіе, принадлежащіе къ духовному Іерусалиму. Но вѣрить надлежитъ, что никому сіе не даровано, развѣ кому было открыто отъ Бога о единомъ Ходатаѣ Бога и человѣкъ, человѣкѣ Христѣ Іисусѣ, котораго пришествіе такъ предвозвѣщено древнимъ Святымъ, какъ намъ возвѣщено, что Онъ пришелъ, дабы одна и таже вѣра въ Него всѣхъ въ Божій градъ, въ Божій домъ, въ Божій храмъ предъуставленныхъ, приводила. И такъ пускай пророчества другихъ о благодати Божіей чрезъ Христа Іисуса предлагаемыя почитаютъ отъ Христіанъ вымышленными; мы тверже и крѣпче къ убѣжденію другихъ, и къ подкрѣпленію нашихъ имѣемъ пророчества, которыя приводимъ изъ Іудейскихъ подлинниковъ о Христѣ. Іудеи же, изгнанные отъ своихъ мѣстъ, и во всемъ свѣтѣ разсѣянные, въ засвидѣтельствованіе сего, суть способомъ, что церковь Христова всюду разпространилась и возрасла.

Глава тридесять девятая.

Пророчество Аггеево, который сказалъ, что будетъ слава храма большая, нежели прежде, не въ позобновленіи храма, но на Христовой церкви исполнилось.

Сей домъ Божій большую имѣетъ славу, нежели первый построенный изъ древа

и камня и прочихъ драгоцѣнныхъ вещей и металловъ. И такъ Аггеево пророчество не исполнилось въ возобновленіи онаго храма. Ибо со времени возобновленія своего никогда не имѣлъ онъ таковой славы, каковую имѣлъ во время Соломоново. Притомъ доказать можно, что слава онаго умалилась престатіемъ пророчествій: потомъ пораженіемъ самаго народа до послѣдняго разрушенія, бывшаго отъ Римлянъ, какъ вышеписанное свидѣтельствуетъ. Сей же домъ, къ новому завѣту принадлежащій, тѣмъ большей есть славы, чѣмъ лучше суть живые камни безчувственныхъ, изъ коихъ вѣрующихъ и обновленныхъ созидается. Но для того чрезъ возобновленіе онаго храма означенъ, понеже самое возобновленіе онаго зданія означаетъ, по слову пророческому, другій завѣтъ нарицаемый новымъ. Что же Богъ сказалъ, чрезъ помянутаго пророка: *и дамъ миръ на мѣстѣ семъ*: чрезъ означающее мѣсто оное разумѣть должно означаемое; понеже возобновленнымъ онымъ мѣстомъ означаема была церковь, которая имѣла сооружиться Христомъ; то неинаково понимать должно сказанное: *дамъ миръ на мѣстѣ семъ*: какъ, дамъ миръ на мѣстѣ, которое означаетъ сіе мѣсто: поелику все означающее по видимому имѣетъ видъ означаемаго, какъ сказалъ Апостолъ: *камень же бѣ Христосъ*: понеже камень оный, о которомъ сказано сіе, знаменовалъ Христа.

И такъ большая есть слава сего дома новаго завѣта, нежели прежняго ветхаго завѣта, и тогда будетъ несравненно большею, когда освятится. Ибо тогда пріидетъ вожделѣнный всѣмъ языкамъ, какъ читаемъ въ посланіи ко Евреемъ. Ибо первое Его пришествіе не было вожделѣнно всѣмъ языкамъ. Понеже не знали, котораго ожидать имъ надлежало, поелику въ Него не вѣровали. Тогда также по словамъ седмидесяти переводчиковъ, которыя составляютъ пророческій же смыслъ: *пріидутъ избранная всѣхъ языковъ*: ибо тогда не пріидутъ, развѣ избранная, о коихъ говоритъ Апостолъ: *якоже избра насъ прежде сложенія міра.* Ибо той самый есть здатель, который сказалъ: *многи званны, мало же избранныхъ*: не о тѣхъ изрекъ сіе, которые, званы бывши, такъ пришли, что отъ пира изгнаны вонъ; но о избранныхъ, изъ коихъ созданъ будучи домъ, паденія къ тому страшиться не будетъ. Нынѣ же поелику и оные наполняютъ церковь, коихъ какъ на гумнѣ отдѣлитъ вѣяніе, не кажется таковою слава дома сего, каковою явится, когда всякой, которой тамъ будетъ, будетъ присно.

Глава четыредесятая.

О неизвѣстномъ умноженіи церкви, въ которой многіе въ семъ вѣкѣ непотребные примѣшиваются избраннымъ.

И такъ въ семъ зломъ вѣкѣ, въ сихъ злыхъ дняхъ, въ которые чрезъ настоящее смиреніе будущую пріобрѣтаетъ церковь высоту, и страхомъ, болѣзнями, мученіемъ, трудами, прискорбностями, искушеніями, бѣдствіями наказуется, одною радуется надеждою, многіе непотребные присоединяются добрымъ, и обои, какъ бы въ мрежу Евангельскую собираются, и въ семъ мірѣ, какъ въ морѣ, въ одномъ неводѣ заключаются безъ разбору, покуда приближатся оба къ брегу, гдѣ злые отдѣлены будутъ отъ добрыхъ, и въ благихъ, какъ въ храмѣ своемъ, *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.* И потому познаваемъ мы, что гласъ его исполняется, который сказалъ во псалмѣ: *возвѣстихъ и глаголахъ умножишася паче числа.* Сіе исполняется нынѣ съ того времени, когда устами предтечи своего Іоанна, потомъ собственными возвѣщалъ и глаголалъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное.* Избралъ учениковъ, коихъ и Апостолами нарекъ, изъ людей низкаго состоянія, не имѣющихъ достоинствъ и чиновъ, не ученыхъ, дабы, что въ нихъ ни казалось великимъ, и чтобъ они ни дѣлали, вѣдалъ всякъ, что Онъ творитъ въ нихъ. Имѣлъ въ числѣ ихъ одно-

одного, котораго, хотя был онъ золъ, употребляя хорошо, и своего страданія строеніе исполнилъ, и церкви своей къ претерпѣнію золъ подалъ примѣръ. Проповѣдавъ, сколько требовало Его во плоти присутствіе, святое благовѣстіе, пострадалъ, умеръ, воскресъ; страданіемъ показуя, что за истинну претерпѣвать, воскресеніемъ, чего въ вѣчности ожидать и надѣяться мы должны, выключая высокое таинство, коимъ кровь Его во оставленіе грѣховъ изліянна. Пребывалъ потомъ съ учениками четыредесять дней, и послѣ того при зрѣніи ихъ вознесся на небо; и по десяти дняхъ обѣщаннаго послалъ Святаго Духа, происходящаго отъ Отца Его. Котораго пришествія на вѣрующихъ знаменіе было великое и весьма нужное, дабы всякъ изъ нихъ всѣхъ народовъ языками говорилъ: означая такимъ образомъ, что имѣетъ быть во всѣхъ языкахъ единство церкви.

Глава четыредесять первая.

О проповѣди Евангельской, которая страданіемъ проповѣдающихъ яснѣйшею и сильнѣйшею стала.

Потомъ въ разсужденіи онаго пророчества: *отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима*: и по словамъ Господа Христа по воскресеніи, когда отверзъ умъ разумѣть Писаніе, и рекъ имъ: *яко тако писано*

сано есть; и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченьше отъ Іерусалима. И когда паки о послѣднемъ Его пришествіи вопрошающимъ ученикамъ отвѣтствовалъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти: но пріимите силу нашедшу Святому Духу на вы: и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли.* Вопервыхъ церковь проистекла отъ Іерусалима; и когда во Іудеи и Самаріи многіе увѣровали, тогда простерлась и въ другіе языки, проповѣдающимъ тѣмъ, коихъ Онъ какъ свѣтильниковъ избралъ для слова, и воспламенилъ Святымъ Духомъ. Ибо сказалъ имъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити.* Которые, дабы отъ страха не охладѣли, того ради воспламенены огнемъ любви. Ими наконецъ не только тѣмъ, кои до страданія и по воскресеніи Его видѣли и слышали, но и по смерти ихъ потомкамъ оныхъ между ужасными гоненіями, различными мученіями и смертьми мучениковъ проповѣдано Евангеліе во всей вселенной, *свидѣтельствующу Господу знаменьми и чудесы, и различными силами, и Духа Святаго дарованіи:* такъ, что народы языческіе, увѣровавшіе въ Него, который за искупленіе ихъ распятъ,

спятъ, изъ Христіанской любви почитали кровь мучениковъ, которую неистовно пролили: и самые цари, коихъ повелѣніемъ истребляема была церковь, имени Его повинулись, которое отъ земли потребить хотѣли и тщались, и начали испровергать ложныхъ боговъ, за которыхъ почитателей истиннаго Бога прежде гнали.

Глава четыредесять вторая.

Что и чрезъ раздоры еретиковъ вѣра православная подкрѣпляется.

Видя же діаволъ, что храмы его оставляемы бываютъ, и родъ человѣческій къ имени Ходатая Христа стремится, воздвигъ еретиковъ, которые подъ именемъ Христіанъ ученію противились Христіанскому, какъ будто бы могли безъ разбору и безъ обличенія за то пребывать въ градѣ Божіемъ, такъ какъ градъ смѣшенія имѣлъ философовъ, различное и противное одинъ другому мудрствующихъ. И такъ которые въ церкви Христовой зловредное нѣчто умствуютъ, и обличены будучи, не повинуются изъ упрямства, и свои заразительные и смертоносные догматы исправить не хотятъ, но непрестанно защищаютъ, тѣ признаваемы бываютъ еретиками, и изъ церкви изгнаны бывши, почитаются за враговъ: ибо и такимъ образомъ истин-

нымъ и православнымъ членамъ Христовымъ злобою своею дѣлаютъ пользу, когда Богъ злость ихъ употребляетъ въ добро, и когда *любящимъ Его вся споспѣшествуютъ во благое.* Ибо всѣ враги церкви, какимъ бы заблужденіемъ ослѣплены, и какою бы злобою заражены ни были, естьли примутъ власть озлоблять тѣлесно церковь, то укрѣпляютъ ея терпѣніе; естьли же не благоразумно мудрствуя противятся церкви, то острятъ ея мудрость; естьли же повелѣвается любить враговъ, то тѣмъ искушается благоизволеніе церкви, хотябъ она совѣтуя наставляла ихъ, хотя жестоко наказывала. И потому діяволъ, обладатель нечестиваго града, противъ странствующаго въ семъ мірѣ Божія града, собственные сосуды возбуждая, никакого вреда оному причинить не въ состояніи. Ибо промыслъ Божій для града своего строитъ, утѣшая въ нещастныхъ случаяхъ, дабы не изнемогъ въ оныхъ, и искушая нещастіемъ, дабы не разслабѣвалъ щастіемъ, и соразмѣряя обое въ обоемъ такъ, что не отъ инуда признаваемъ гласъ оный во псалмѣ произшедшій: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою.* Отсюда произошло и оное Апостольское слово: *упованіемъ радующеся, скорби терпяще.* Ибо и то, что той же учитель говоритъ: *вси хотящіи о Христѣ благочестно жити, гоними будутъ*; во всѣ времена

на бываетъ. Ибо когда и внѣшніе не свирѣпѣютъ и не безпокоятъ, и чрезъ то не малое утѣшеніе на церковь изливается, особливо въ разсужденіи немощныхъ; однако не не достаетъ такихъ, которые сердца благочестно живущихъ своими развращенными нравами мучатъ; понеже ими имя Христіанское и Каѳолическое хулится. Которое чѣмъ вожделѣннѣе тѣмъ, кои хотятъ о Христѣ благочестно жить, то тѣмъ они болѣе соболѣзнуютъ, что чрезъ злыхъ, внутрь церкви крыющихся, дѣлается, что менѣе любимо бываетъ оное имя, нежели души благочестивыхъ желаютъ. И самые еретики, когда думаютъ о себѣ, что имѣютъ Христіанское имя, и Христіаскія таинства и писаніе и исповѣданіе, великую прискорбность причиняютъ въ сердцахъ благочестивыхъ; понеже и многіе, желающіе быть Христіанами, ради ихъ несогласій удерживаются вступить въ Христіанство, въ коемъ числѣ находятся и такіе, кои хулятъ Христіанское имя, смотря на оныхъ: поелику и они, какимъ бы то ни было образомъ, Христіанами называются. И таковыми-то развращенными нравами и заблужденіями людскими мученіе претерпѣваютъ хотящіе о Христѣ благочестно жить безъ всякаго гоненія наружнаго, и тѣлеснаго мученія. Ибо таковые добродѣтельные мужи гоненіе претерпѣваютъ не въ тѣлахъ, но въ сердцахъ своихъ. Откуда

оный

оный произошелъ гласъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ.* Ибо не говоритъ: въ тѣлѣ моемъ. Но притомъ поелику Божія обѣщанія суть неизмѣнны, и какъ говоритъ Апостолъ: *вѣсть Господь сущія своя: ихъ же бо предувѣдѣ, сихъ и предустави сообразныхъ быти образу Сына своего:* изъ оныхъ погибнуть ни одинъ не можетъ: того ради продолжается во псалмѣ: *утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою.* Болѣзнь же самая, которая производится въ сердцахъ благочестивыхъ людей, коихъ гонятъ нравы Христіанъ злыхъ или ложныхъ, пользу приноситъ скорбящимъ: понеже оная проистекаетъ отъ любви, по коей не хотятъ, дабы тѣ погибли, и желаютъ, дабы не препятствуемо было спасеніе другихъ. Наконецъ великія утѣшенія раждаются въ благочестивыхъ отъ исправленія нечестивыхъ, которые столькожъ увеселяютъ ихъ сердца, сколько прежде снѣдаемы были скорбію о ихъ погибели. Такимъ образомъ въ сихъ дняхъ злыхъ не только отъ времени воплощенія Христова и проповѣди Апостольской, но отъ самаго Авеля, котораго перваго праведника нечестивый братъ убилъ, и наконецъ даже до кончины вѣка сего между гоненіями міра и Божіими утѣшеніями странствуя пребывать имѣетъ церковь.

Глава

Глава четыредесять третія.

Должно ли вѣрить тому, что нѣкоторые думають, аки бы по исполненіи десяти гоненій бывшихъ никакого болѣе не остается, кромѣ единодесятаго, которое имѣетъ быть въ самое Антихристово время.

Потому думаю, что и онаго безразсудно утверждать не должно, какъ нѣкоторымъ кажется, что болѣе церковь гоненій претерпѣвать не будетъ до времени Антихристова, по претерпѣніи десяти; такъ, что одиннатцатымъ и послѣднимъ должно быть при Антихристѣ. Ибо первымъ почитаютъ они учиненное Нерономъ (1), второе Дометіаномъ (2), третіе Траяномъ, четвертое Антониномъ, пятое Севиромъ, шестое Максиминомъ, седьмое Декіемъ, осмое Валеріаномъ, девятое Авреліаномъ, десятое Діоклитіаномъ и Максиміаномъ. Десять также казней нанесенныхъ на Египтянъ, прежде нежели вышелъ оттуда народъ Божій, говорятъ, что къ сему смыслу относить должно такъ, чтобъ послѣднее гоненіе Антихристово подобнымъ было одиннатцатой казни, когда Египтяне, непріятельски гоня въ слѣдъ Евреевъ, въ морѣ чермномъ, Евреемъ по суху прешедшимъ, погибли. Но я не думаю, дабы оными казньми, ни посланными на Египетъ, пророчески знаменовались гоненія, хотя сообразующіе сіе каждую вещь съ другою остроумно сравнили

нили и уподобили, не пророческимъ духомъ, но догадкою человѣческаго разума, который иногда достигаетъ до истинны, иногда обманываетъ, и ошибается. Ибо что сказать имѣютъ таковые о гоненіи, по которому самъ Господь распятъ? Въ коемъ числѣ оное положатъ? Естьли же скажутъ, что выключивъ сіе, считать надлежитъ; какъ будто бы тѣ гоненія считать только должно, которыя принадлежатъ до тѣла, а не до главы убіенной; то какой отвѣтъ дадутъ объ ономъ, которое учинено по вознесеніи Христовомъ на небеса во Іерусалимѣ, гдѣ святый Стефанъ камнями побіенъ, гдѣ Іяковъ братъ Іоанновъ убитъ мечемъ, гдѣ Апостолъ Петръ заключенъ въ темницу, дабы предать его смерти, но изведенъ Ангеломъ; гдѣ отъ гоненія разсѣялись изъ Іерусалима братія, гдѣ Савлъ, которой послѣ нареченъ Павломъ Апостоломъ, разрушалъ церковь; гдѣ самъ той же, благовѣствуя, много претерпѣлъ какъ во Іудеи, такъ и въ другихъ языкахъ, въ коихъ ревностно проповѣдывалъ Христа? Для чегожъ они считаютъ гоненія отъ Нерона, когда до Неронова времени церковь между жестокими гоненіями, о коихъ продолжительно говорить, возрасла? Ежели они почитаютъ, что гоненія тѣ только считать должно, которыя учинены царями; то не царь ли былъ Иродъ, который по вознесеніи Господнемъ великое учинилъ гоненіе? Во вторыхъ, что отвѣт-

отвѣтствовать будутъ о Іуліянѣ, котораго въ числѣ десяти не полагаютъ? Не уже ли онъ не гналъ церковь, когда Христіанамъ запретилъ свободнымъ наукамъ учить и учиться? При которомъ Валентиніанъ старшій, который послѣ его въ третьихъ былъ Императоромъ, исповѣдникомъ вѣры Христіанской сталъ, и отъ воинской службы отрѣшенъ. Уже оставляю то, что онъ во Антіохіи началъ было дѣлать, естьлибъ одного вѣрнаго и твердаго юноши, который съ многими другими пойманъ былъ на мученіе, чрезъ цѣлый день мученаго, при терзаніи тѣла его желѣзными ногтьми, поющаго и веселящагося изъ удивленія не убоялся, и не постыдился съ прочими тожъ дѣлать. Наконецъ на нашей памяти Валенсъ, вышепомянутаго Валентиніана братъ, Аріанинъ не опустошалъ ли въ восточныхъ странахъ церковь гоненіемъ правовѣрныхъ? И такъ каково то есть не разсуждать о томъ, что церковь, во всей вселенной умножающаяся, можетъ въ нѣкоторыхъ языкахъ претерпѣвать гоненіе отъ царей, когда въ другихъ не претерпѣваетъ? Развѣ гоненіемъ почитать не должно, когда царь Готской въ своемъ царствѣ гналъ Христіанъ весьма жестоко, и когда многіе, поелику всѣ тамъ были правовѣрные, мученическаго вѣнца сподобились, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ братій, кои тамъ въ малолѣтствѣ жили. Что сказать о Персіи? Не свирѣпѣло

ли

ли въ оной гоненіе на Христіанъ, естьли только и нынѣ престало, такъ что многіе прибѣгали въ Римскія области? Сіе и подобное, когда я разсуждаю, то кажется мнѣ, что числа гоненій опредѣлять не должно, коими церковь искушается. Но и то утверждать, что будутъ отъ царей еще гоненія, кромѣ послѣдняго, о коемъ ни одинъ изъ Христіанъ не сомнѣвается, не меньше въ себѣ заключаетъ легкомыслія. И такъ сіе въ срединѣ оставляемъ, ни одной стороны не утверждая, и не отвергая, но только отъ утвержденія чего либо въ семъ случаѣ дерзновенно удерживая.

Глава четыредесять четвертая.

О времени послѣдняго гоненія сокращенномъ.

Оное послѣднее гоненіе, которое имѣетъ быть отъ Антихриста, присутствіемъ своимъ Іисусъ пресѣчетъ. Ибо такимъ образомъ написано, что онъ *убіетъ Антихриста духомъ устъ своихъ*, и *упразднитъ явленіемъ пришествія своего.* Здѣсь обыкновенно вопрошаютъ, когда сіе будетъ? Со всѣмъ не благоразумно. Ибо ежели бы намъ знать оное было бы полезно, то конечно Богъ и Наставникъ ученикамъ, вопросившимъ Его о томъ, открылъ бы. Ибо они не молчали, но вопрошали глаголя, *Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево?*

илепо? Рече же къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти. Они не о лѣтѣ, не однѣ и не о часѣ вопрошали, когда отвѣтъ сей получили, но о времени. И такъ напрасно считаемъ мы лѣта, которыя остаются въ вѣкѣ семъ, когда слышимъ отъ устъ самыя истинны, что не наше есть дѣло знать времена и лѣта. Однако нѣкоторые утверждали, что до втораго пришествія остается отъ вознесенія Христова четыреста лѣтъ, другіе пять сотъ, а иные до тысячи. Какимъ же образомъ изъ оныхъ всякъ свое мнѣніе подкрѣпляетъ, оное изъяснять долго и не нужно. Ибо догадки одни употребляютъ, а изъ правильнаго Священнаго Писанія ничего не представляютъ. Однако всѣхъ сіе считающихъ недостовѣрными дѣлаетъ той, который сказалъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти.* Но сіе слово, поелику есть Евангельское; то не удивительно, что оно не обуздало почитателей многихъ ложныхъ боговъ, дабы вымышлять подъ именемъ своихъ демоновъ, коихъ какъ боговъ почитаютъ Оракулы, сколько лѣтъ пребывать имѣетъ Христіанское благочестіе. Ибо когда увидѣли, что ужаснѣйшими мученіями истребиться не могло Христіанское благочестіе, но еще умножилось болѣе и возрасло, вымыслили невѣдомо какіе-то Греческіе стихи, аки бы Оракуломъ

нѣкоему вопрошающему сказанные, въ коихъ правда Христа не поносятъ и поставляютъ непорочнымъ, но говорятъ, что Петръ волхвованіемъ своимъ здѣлалъ, дабы имя Христово чрезъ триста шестьдесятъ пять лѣтъ было почитаемо, по прошествіи коихъ должно разрушиться совсѣмъ Христіанское благочестіе. О безумныя души, о невѣжественные умы! почитаете, что Христосъ непороченъ и невиненъ; для чегожъ ученика Его признаваете волшебникомъ, который здѣлалъ, чтобъ имя Христово, а не его почитаемо было? Къ чему Петровы стремятся труды, къ чему наконецъ изліяніе своей крови за Христа, естьли онъ волшебствомъ могъ оное учинить? Естьли Петръ волшебствомъ могъ сдѣлать, дабы такимъ образомъ міръ любилъ Христа, то что непорочный Христосъ сдѣлалъ Петру, дабы онъ такъ Его возлюбилъ? Пускай отвѣчаютъ они сами себѣ, и ежели могутъ, пускай выразумѣютъ, что горнею благодатію то содѣлано, дабы ради вѣчной жизни Христа любилъ міръ, и тожъ благодатію учинено, дабы ради жизни вѣчной, отъ Христа получаемой, всѣ нещастія до временной смерти претерпѣвая, Христа любилъ Петръ. Наконецъ ихъ боги, кои могутъ объявлять о томъ, для чего не могутъ онаго отвратить? Для чего столь немощны? Для чего попустили, дабы усилилась противная имъ секта, не преодолѣваемая

мая никакими гоненіями, ужасными мученіями, которая не противяся, но претерпѣвая, истребляетъ ихъ Кумиры, и испровергаетъ священные ихъ храмы? Какой ихъ богъ сіе учинилъ? Ибо не демону какому либо, но Богу, говорятъ, стихи оные опредѣлилъ волшебствомъ своимъ Петръ. Таковаго то бога имѣютъ тѣ, кои не имѣютъ Христа!

Глава четыредесятъ пятая.

О безумной лжи язычниковъ, которые брѣдятъ, аки бы болѣе трехъ сотъ шестидесяти пяти лѣто пребывать не имѣетъ Христіанское благочестіе.

Сего и подобнаго не мало бы я собралъ, естьли бы не прошелъ тотъ годъ, въ которой обѣщалъ Оракулъ разрушеніе Христіанскаго благочестія, и котораго язычники, вѣруя оному Оракулу, ожидали. Но какъ отъ времени, съ котораго почитать имя Христово начали, когда уже минуло нѣсколько лѣтъ, прошло триста шестьдесятъ пять лѣтъ, то начто еще искать, чѣмъ бы ложность сію отразить? Ибо не считая отъ рождества Христова, понеже младенцемъ учениковъ не имѣлъ; однако когда имѣть началъ, то безъ сомнѣнія ученіе и благочестіе Христіанское стало извѣстнымъ, то есть послѣ крещенія его во Іорданѣ отъ Іоанна. Для того то о Христѣ и пророчествовано: *и обладаетъ отъ моря до моря,*

и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя. Но поелику прежде нежели пострадалъ и воскресъ отъ мертвыхъ, вѣра еще не была опредѣлена, ибо по воскресеніи она опредѣлена: какъ говоритъ Апостолъ Павелъ Аѳинянамъ: *нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаятися; зане устaвилъ есть день, вонъже хощетъ судити вселеннѣй въ правдѣ, о мужѣ, его же предустави, вѣру подая всѣмъ, воскресивъ его отъ мертвыхъ:* лучше къ разрѣшенію сего начало полагаемъ отъ онаго особливо, что Духъ Святый данъ, какъ Ему и дану быть надлежало, по воскресеніи Христовомъ, въ томъ градѣ, отъ котораго долженствовалъ начаться законъ вторый, то есть новый завѣтъ. Ибо первый законъ чрезъ Моусея данъ на горѣ Синайской, который называется ветхимъ завѣтомъ; о второмъ же, чрезъ Христа данномъ, предвозвѣщено: *отъ Сіона изыдетъ законъ, и слово Господне отъ Іерусалима.* Почему и самъ Христосъ сказалъ, что надлежитъ во всѣхъ языкахъ проповѣдану быть покаянію о имени Его, начиная однако отъ Іерусалима. Тамъ убо началось почитаніе имени сего, дабы во Христа Іисуса распятаго и воскресшаго вѣровали. Тамъ сія вѣра толь знаменито началась, что нѣсколько тысячь народа, съ чуднымъ изволеніемъ обратившись и продавши имѣнія ради раздаянія цѣны неимущимъ, въ вольную нищету вступили, и между скрежещущими зубами своими Іудеями

ями и жаждущими крови до смерти за истинну стоять не оружіемъ, но терпѣніемъ пріуготовились. Ежели сіе безъ науки волшебной могло статься, то для чего сомнѣваются вѣрить, что тоюжъ Божественною силою могло здѣлаться во всей вселенной? Когда же въ Іерусалимѣ къ почитанію имени Христова великое множество людей обратилось, которые, или поимавъ его, распяли на крестѣ, или распятому ругались; то конечно уже Петръ волхвованіе свое здѣлалъ; чего для считать триста пятдесятъ пять лѣтъ съ онаго года должно. И такъ умеръ Христосъ при двухъ Геминахъ Консулахъ: воскресъ же въ третій день, какъ Апостоли своими чувствами тому были свидѣтелями; потомъ по прошествіи четыредесяти дней вознесся на небо; по десяти дняхъ, а по воскресеніи въ пятдесятый день послалъ Духа Святаго. Тогда три тысячи проповѣдію Апостольскою обратились ко Христу и увѣровали. И такъ тогда началось почитаніе Христова имени, какъ мы вѣримъ, и какъ священное описываетъ Писаніе, дѣйствіемъ Святаго Духа, а какъ язычники по своему нечестивому безумію думаютъ, волхвованіемъ Петровымъ. Вскорѣ послѣ того, когда Петръ однимъ словомъ исцѣлилъ нищаго хромаго отъ чрева матери своея, и носимаго другими, сѣдящаго при вратахъ церковныхъ милостыни просящаго, которой именемъ Христовымъ восталъ здра-

вымЪ, пять тысячь людей увѣровали; потомЪ тѣми и другими образами вѣрующихЪ умножилась церковь. ИзЪ чего видно, что можно и день онаго года опредѣлить, когда низпосланЪ ДухЪ Святый. По счисленіи же КонсуловЪ лѣтЪ трехЪ сотЪ шестидесяти пяти, окончаніе ихЪ выдетЪ на Консульствѣ Онорія и Эвтихіана. ВЪ слѣдующій же годЪ, при Консулѣ Манліи Өеодорѣ, когда долженствовало по оному демоновЪ Оракулу или вымыслу истребиться благочестіе Христіанское, мы не входимЪ вЪ испытаніе, что вЪ другихЪ странахЪ свѣта дѣлалось; однако то знаемЪ, что вЪ извѣстномЪ и знаменитомЪ Африки городѣ Карөагенѣ Гавденцій и Іовій вельможи Императора Онорія храмы ложныхЪ боговЪ разрушили, и Кумиры сокрушили. СЪ котораго времени до сего чрезЪ тритцать почти лѣтЪ, кто не видитЪ, сколь умножилось почитаніе имени Христова, особливо когда многіе изЪ тѣхЪ, кои, почитая оный ОракулЪ за Божественный, отЪ вѣры воздерживались и по исполненіи числа онаго лѣтЪ увидѣли, что оный ОракулЪ посмѣянія достоинЪ. Мы же, которые есмы и называемся Христіанами, не вЪ Петра вѣруемЪ, но вЪ кого вѣровалЪ и ПетрЪ, возсозданы Петровыми словами, а не обволхвованы стихами, и не прельщены чародѣйствомЪ и обаяніемЪ, но спомоществованы благодѣяніями. ПетровЪ наставникЪ ХристосЪ во ученіи, ко-

которое ведетъ къ жизни вѣчной, есть и нашимъ учителемъ. Но уже время заключить сію книгу, поговоривши доселѣ, и сколько потребно было, показавши, какое было обоихъ градовъ небеснаго и земнаго, съ начала до конца смѣшанныхъ, продолженіе. Изъ которыхъ земный подѣлалъ себѣ, какіе ему были угодны, и изъ людей ложныхъ боговъ, коимъ бы жертвами служить: а небесный странствуетъ на земли, ложныхъ боговъ не почитаетъ и не обоготворяетъ, который Богу своему есть самъ жертвою. Однако оба или временныхъ равно благъ употребляютъ, или бѣдствіями озлобляемы бываютъ, но при различіи вѣры, надежды, любви, покуда во время послѣдняго суда раздѣлятся для воспріятія каждый своего конца, которому не будетъ конца, о которыхъ обоихъ градовъ концахъ поговорить теперь намъ должно.

Конецъ книги осьмойнадесять о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, осьмуюнадесять.

На главу вторую.

(1) Родился Авраамъ. О Авраамѣ не только священные писатели, но и язычники упоминаютъ. Икатей особенную о Авраамѣ писалъ книгу. Александръ Полигисторъ пишетъ, что Авраамъ родился въ десятомъ родѣ послѣ потопа, въ городѣ Вавилонскомъ Камаринѣ. Николай Дамаскинъ въ книгѣ четвертой исторіи повѣствуетъ, что Авраамъ царствовалъ въ Дамаксѣ по выходѣ съ войскомъ изъ Халдеи. Потомъ переселился въ Хананею, которая послѣ наречена Іудеею. Но какъ въ Хананеи усилился гладъ, то онъ перешелъ въ Египетъ, гдѣ великую здѣлалъ пользу, въ разсужденіи наукъ и благонравія. Александръ пишетъ, что Авраамъ въ Иліополѣ нѣсколько времени жилъ, и преподавалъ Астрологію. Артипанъ увѣряетъ, что Авраамъ жилъ въ Египтѣ дватцать лѣтъ, и научилъ Астрологіи Египетскаго царя Фаретата.

(2) Всю Азію. Инако пишетъ Александръ. Онъ сказываетъ, что Ассирійское царство малую часть Азіи имѣло.

(3) Семирамида по смерти мужа своего предпринимала сражаться. Дважды на нихъ войною ходила. Прежде до рѣки Инда, вторично за Индъ. Сперва побѣдила, наконецъ побѣжденною ставши, принуждена возвратиться прочь.

(4) *У* Сиціонянъ Европъ. Телхиновъ отецъ, дѣдъ Аписовъ.

(5) Егіалей. Нѣкоторые изъ Греческихъ писателей говорятъ, что онъ былъ сынъ Аргивской рѣки Инаха, и Меліи дочери Океановой.

(5)

(6) По смерти матери своей Семирамиды. О ней пишутъ, что она была дочь Дирцетоны Нимфы, рожденная отъ неизвѣстнаго отца. Пришедъ въ возрастъ, вышла въ замужство за Сатрапа Мемнона, потомъ за нѣкоторой совѣтъ, царю данный, взята царемъ въ жену, отъ коего и родила младшаго Нина.

(7) Ее убилъ. Сказываютъ, что она страстна была до любовныхъ дѣлъ, на которыя сверхъ прочихъ склонять было начала своего сына, который тронутъ тѣмъ будучи, ее умертвилъ.

На главу третiю.

(1) Исавъ и Iаковъ. О Iаковѣ упоминаютъ языческiе писатели Ѳеодотъ въ прекрасныхъ стихахъ, коими народа Еврейскаго дѣла въ похвалу описывалъ. Также Артапанъ, и Филонъ не Iудеанинъ, но другiй нѣкоторый.

(2) Ксеркса онаго древнѣйшаго. Сей былъ сынъ Аралiя, государствовалъ тритцать лѣтъ.

(3) Турiаха, коего нѣкоторые Туримяхомъ. У Евсевiя Тирамахъ. Павзанiй говоритъ, что Ѳиликсiоновъ сынъ былъ Егиръ, а Егировъ Ѳуримахъ, котораго государствованiю на седьмомъ году родились Исааку близнецы.

(4) Io, дочь Инахова. О ней баснословятъ, что она похищена и насилована Юпитеромъ, и дабы непоиманной ей быть въ преступленiи, то Юпитеръ превратилъ ея въ корову. Потомъ подарена сiя корова Юнонѣ и послана въ Египетъ, которую тамъ стерегъ Стоокiй Аргъ.

(5) Которая послѣ Изидою. Она въ Египтѣ изображаема была съ рогами, какъ пишутъ Иродотъ и Дiодоръ Сикилiйскiй.

(6) Изъ Еѳiопiи. Отсюда всѣ почитаютъ произшедшими писмена, законы, обычаи общежительства, уставы священнослуженiй, и переведенцевъ поселяли тамъ многократно.

На главу четвертую.

(1) *У Сиціонянъ девятаго Месаппа.* О семъ Павзаній не упоминаетъ, ибо повѣствуетъ, что Левциппъ дѣтей мужеска пола не имѣлъ, а родилъ дочь Калхинію, съ которою совокупившись Нептунъ, родилъ Перата. Его дѣдъ Левциппъ воспиталъ и вручилъ ему царство. Евсевій говоритъ, что Месаппъ царствовалъ сорокъ семь лѣтъ.

(2) Отъ нѣкоторыхъ и Цефизомъ. Цефизъ рѣка въ Беоціи, при берегѣ, коея находился храмъ Ѳемиды богини, которыя отъ Оракула о возобновленіи рода человѣческаго Девкаліонъ и Пирра требовали совѣта. Съ Парнасса сія рѣка стремясь, Віотію и Аттику напаяетъ. И такъ или Месаппъ отъ рѣки и горы Месаппа, или обѣ они отъ него.

(3) Аписъ. Павзаній о семъ царѣ между Аргивцами не упоминаетъ, но между Сиціонскими. Евсевій по мнѣнію многихъ Греческихъ писателей Греческимъ его признаваетъ.

На главу пятую.

(1) Царь Аргивской Аписъ. Діодоръ въ книгѣ первой говоритъ, что Озирисъ многими нарицался именами, и Діонисіемъ, и Сераписомъ, и Юпитеромъ, и Аммономъ, и Паномъ и Плутономъ. Марціанъ въ бракѣ къ солнцу: тебя Сераписа Нилъ, Мемфисъ почитаетъ Озириса. Находятся и такіе писатели, которые Сераписа духомъ или Геніемъ Египетскимъ поставляютъ, которой Египетъ плодами и прочими благими обогащаетъ, о которомъ у Суиды сіе пишется: его, говоритъ, кумиръ истребилъ Александрійскій Архіепископъ Ѳеофилъ въ царствованіе Ѳеодосія великаго. Сего бога иные Юпитеромъ называли, другіе Ниломъ въ разсужденіи имѣющейся у него на головѣ мѣры житной, также сажени и мѣры водной. Прочіе считали его Іосифомъ. Иные пишутъ, что Аписъ былъ человѣкъ богатой и царь въ Мемфисѣ, Египетскомъ городѣ, которой во время глада, собственнымъ прокормилъ хлѣ-

бомъ

бомъ. Того ради по смерти ему храмъ воздвигнутъ, въ которомъ кормили вола, и волъ сей отъ имени царя назывался Аписомъ. Сераписомъ же наимянованъ отъ ковчега, называемаго по Гречески, Соросъ, и Аписа, которое имя прежде произносили Сорапись, потомъ перемѣнили на Сераписъ.

На главу шестую.

(1) Аргъ. Сего родила Ніова, дочь Форонеева. Былъ Аргъ и Аресторовъ сынъ, который по приказанію Юнонину Іо, превращенную въ корову, стерегъ.

(2) У Сиціонянъ Ерата. Я выше изъ Павзанія показалъ, что не Ератъ, но Нератъ, рожденный отъ Нептуна и Калхиніи, Левципповой дочери. Евсевій называетъ его Ієратомъ, которой царствовалъ сорокъ семь лѣтъ.

(3) Начала Греція употреблять свои плоды. Ибо не за долго до того пришла туда Церера. То есть во время царствованія Племнея, которая показала употребленіе жита.

На главу осьмую.

(1) Четвертыйнадесять царь Сафръ. Евсевій преемникомъ Мамиту поставляетъ Махаела, которой царствовалъ столькожъ лѣтъ, сколько и отецъ, то есть тритцать. Махаелу Иферея, которой царствовалъ двапцать, коего на осмнатцатомъ году родился въ Египтѣ Моvсей.

(2) Орѳополъ. Евсевій и Павзаній пишутъ, что Орѳополъ Племнеевъ сынъ сохраненъ Церерою. Ибо Племнеевы дѣти вскорѣ послѣ родовъ умирали. Церера, въ видѣ чужестранной жены пришедъ, воспитала его сына.

(3) Пятый Кріазъ. Павзаній называетъ его Пирасомъ, который царствовалъ пятдесятъ четыре года.

(4) Родился въ Египтѣ Моvсей. Когда Моvсей былъ, о томъ у языческихъ писателей происходитъ споръ. Порфирій изъ Санхуніатона доказываетъ, что Моvсей жилъ въ Семирамидины времена. Аппіонъ Грамматикъ изъ Птоломея Мендезія жреца показываетъ,

етЪ, что во времена Инаховы, которыя вЪ Египтѣ царствовалЪ Аінозисъ. ПолемонЪ вЪ первой книгѣ Гречес: истор: объявляетЪ, что Моvсей жилЪ во времена Аписа Фонoнеева сына. Ибо такЪ говоритЪ: во время Аписа Форонеева сына часть Египетской арміи изгнана изЪ Египта, и поселилась вЪ Сиріи, не далеко отЪ Аравіи. ТаціанЪ Ассирійскій различныя мнѣнія писателей, несходственныя между собою о лѣтахЪ, вЪ кои жилЪ Моvсей, приводитЪ. ИзЪ коихЪ иные древнѣе Троянской войны поставляютЪ Моvсея, другіе позднѣйшимЪ, иные современнымЪ. ВпрочемЪ самЪ онЪ многими доводами показываетЪ, что древнѣе войны Троянской Моvсей. Слова его желающій может видѣть вЪ десятой книгѣ пріуготовленій ЕвангельскихЪ у Евсевія. АртапанЪ говоритЪ, что Греки Моvсея называютЪ МузеемЪ, и пишетЪ, что Мерида Хенефрія, Египетскаго царя дочь, не вЪ состояніи будучи сама родить дѣтей, взяла Мvсея вмѣсто сына, и что Моvсей вЪ великой былЪ чести за Божественный свой разумЪ и изобрѣтенія и ученіе, касающееся кЪ правленію государствомЪ и благонравію.

(5) Но до Цекропа. Павзаній пишетЪ, что первый изЪ всѣхЪ вЪ Аттикѣ царствовалЪ Актей, которому преемникомЪ былЪ зять его ЦекропЪ Египтянинъ. ОнЪ завелЪ браки вЪ Аттикѣ. Ибо прежде его совокуплялись безЪ разбору, и никто своего не зналЪ отца. ОнЪ же изЪ грубыхЪ и дикихЪ людей привелЪ вЪ людкость. АфриканЪ вЪ четвертой книгѣ лѣтописей говоритЪ, что первый вЪ Аттикѣ царствовалЪ Огигей, и что оная земля была пустою и не воздѣлываемою чрезЪ двѣстѣ отЪ наводненія лѣтЪ до Цекропа. Актей же и прочіе, бывшіе прежде Цекропа упоминаемые цари, суть одни имяна.

(6) И ФорбасЪ сынЪ ихЪ. Павзаній пишетЪ, что братЪ ПеразовЪ былЪ ФорбантЪ, сынЪ же АрговЪ отцемЪ былЪ Тріопа. ДіодорЪ повѣствуетЪ, что родійцы отЪ зміевЪ обезпокоиваемы будучи, вопрошали

ора-

оракула, на что имЪ отвѣтствовано, чтобЪ они призвали кЪ себѣ Форбанта. Они его призвавЪ дали ему часть острова, которымЪ какЪ онЪ, такЪ и потомки его владѣли. Однако ДіодорЪ, кажется, говоритЪ не о Форбантѣ АргивскомЪ, ни ПераговомЪ ни о сынѣ АрговомЪ, но ѲессалійскомЪ отЪ Лаѳита рожденномЪ. Ему по смерти отдаваема была Божеская честь.

(7) Седьмаго царя Тріопа. Сего ФорбантовымЪ сыномЪ почитаетЪ Павзаній. Тріопы неизвѣстно отЪ какихЪ произошли родителей. Ибо иные говорятЪ, что отЪ Канаки и Нептуна, другіе отЪ Аполлина. НенавидимЪ былЪ подданными за то, что убилЪ брата. Игиній пишетЪ, что нѣкоторые думали, аки бы онЪ тотЪ самой на небѣ ОфіухЪ, вкругЪ коего оплелся змій. Ибо онЪ когда раскрылЪ ЦererинЪ храмЪ, дабы покрыть тѣмЪ свой домЪ, то богиня ему за то отмстила гладомЪ; и когда онЪ уже умиралЪ, то ниспосланЪ былЪ на него змій, который, оплетшись вкругЪ его, язвилЪ. По смерти водруженЪ онЪ между звѣздами, дабы казался, что и тамЪ вкругЪ его обвился змій.

(8) ІасЪ. ОнЪ родилЪ дочь Іо.

(9) Царь девятый Сѳенелай. Павзаній говоритЪ такЪ: КротопЪ АгеноровЪ сынЪ царствовалЪ послѣ Іаса; у него сынЪ былЪ СѳенелЪ.

(10) Меркурій. МеркуріевЪ было много. Сей отЪ Юпитера третіяго и Маіи рожденЪ. ОнЪ многія вещи полезныя изобрѣлЪ. Пруденцій пишетЪ, что онЪ былЪ волхвЪ; того ради присвоено ему, что онЪ души во адЪ низводитЪ, и оттуда изводитЪ.

(11) Ираклій или ГеркулесЪ. ГеркулесовЪ было, по сказанію Варронову, сорокЪ четыре. Здѣсь АвгустинЪ говоритЪ о Геркулесѣ ЮпитеровомЪ и АлименинОмЪ сынѣ, который былЪ вЪ числѣ АргонавтовЪ. ОднимЪ родомЪ предварилЪ Троянскую войну, которому надмѣнность ГрековЪ всѣхЪ прочихЪ ГеркулесовЪ дѣла приписываетЪ.

(12)

(12) Минерва же. Цицеронъ о природѣ боговъ Минеръ считаетъ пять; первая Аполлинова мать, вторая рожденная отъ Нила, третія Юпитерова дочь, четвертая Юпитерова и Корифы Океановой дочери. Она изобрѣла ѣзду на четырехъ коняхъ; пятая Поллантова дочь, которая убила своего отца, которой хотѣлъ растлить ея дѣвство.

(13) Отъ головы Юпитеровой. Находятся писатели, кои утверждаютъ, что Минерва Тритонскою называется для того, понеже Віотійскимъ языкомъ, *τρυτω* означаетъ главу.

(14) Хотя и самъ Огигъ. Евсевій полагаетъ время царствованія его во времена Форонея царя Аргивскаго.

(15) Ни Греческая, ни Латинская не вѣдаетъ исторія. Сіе съ исторіею несходно. Ибо Іосифъ жидовинъ и Евсевій противное пишутъ; а имянно, что о всемірномъ потопѣ, ковчегѣ и Ноѣ упоминаетъ Берогъ Вавилонскій, Мназей, Николай, Дамаскинъ Іеронимъ Египетскій, и приводятъ ихъ рѣчи. Упоминаютъ и Александръ Полигисторъ, и Мелонъ, и Евполемъ, какъ говоритъ Евсевій, и Авиденъ. Мела и Плиній говорятъ, что Іоппія Египетская прежде потопа построена, чего о наводненіи Огигеевомъ и Девкаліоновомъ разумѣть не можно, которыя туда не достигали.

(16) Изъ нашихъ же, кои Хронологію писали, то есть изъ Христіанъ. Какъ то Евсевій, Кесаріи Палестинскія Епископъ, который по причинѣ той, что дружно жилъ съ мученикомъ Памфиломъ, Памфиловымъ называется. Онъ былъ великій начетчикъ книгъ и разумный. Писалъ, какъ Іеронимъ говоритъ, безчисленное множество книгъ, и между прочимъ сокращеніе Хронологіи.

(17) Во время царствованія въ Аттикѣ. Аттика есть страна въ Греціи между Мегарою и Віотіею. О царяхъ оной страны такимъ образомъ Павзаній пишетъ: сказываютъ, что Актей въ той странѣ, которая нынѣ называется Аттикою, первый царство-

ство-

ствовалъ, по смерти коего преемникомъ ему былъ Цекропъ его зять. Отъ сихъ родились дочери Еоса, Аглаура, и Пандроза. Сынъ же Ерисихөонъ еще при жизни отцовой умеръ.

На главу девятую.

(1) У Сцiонянъ Мараөъ. Павзанiй называетъ его Перaөомъ: Евсевiй Мараөомъ. Мараөовъ было трое, но здѣсь по времени, кажется, разумѣется Апполиновъ сынъ.

(2) У Аргивцевъ десятаго Даная. Данай Виловъ сынъ Египтянинъ; онъ первый въ Грецiю корабли ввелъ. Ибо прежде плавали на плотахъ. Онъ же научилъ копать колодези. Его Египтяне отъ себя изгнали, и поставили у себя царемъ Египта, отъ котораго названа страна Египетскою. Павзанiй повѣствуетъ, что когда Данай пришелъ въ Аргосъ, и спорилъ о царствѣ съ Геланоромъ Стенеловымъ сыномъ, которой у Аргивцевъ царствовалъ, тогда народъ на двѣ раздѣлясь части, видѣли, что справедливѣе говоритъ Данай, нежели Геланоръ. И такъ народъ приговоръ отложилъ до другаго дня. Въ слѣдующiй день при восхожденiи солнца увидѣли, что пришедъ волкъ въ стадо, началъ бой съ предводителемъ стада воломъ, и заключили, что сiе приключенiе даетъ имъ знать, что волу подобится ихъ Геланоръ, а волку Данай. Но какъ волкъ умертвилъ вола, тогда народъ перемѣнилъ мысли, и приговоръ свой на сторону Данаеву учинилъ. Данай, думая, что Аполлинъ въ стадо послалъ волка, поставилъ храмъ Апполлину Ликейскому или волчьему. У него было пятдесятъ дочерей, славныхъ въ стихотворствѣ. Дiодоръ повѣствуетъ, что онъ построилъ Аргъ Аргивской.

На главу десятую.

(1) Дiонисiй. Цицеронъ въ книгѣ третiей о природѣ боговъ Дiонисiевъ считаетъ пять. Здѣсь рѣчь у Августина о Iндiйскомъ, который изобрѣтателемъ есть вина.

(2)

(2) Аполлину Дельфійскому. Игры, Аполлину посвященныя, были многія, но знаменитѣе двѣ: Актійскія, Аполлину Актійскому вЪ Акарнаніи. Дельфійскія вЪ Фокидѣ, кои инако назывались Пиѳійскія, которыя отправлялись чрезЪ семь лѣтЪ вЪ осьмый годЪ.

(3) ПохитивЪ Европу. Агеноева дочь изЪ Сидона Финикійскаго разбойниками похищена и привезена вЪ КритЪ на караблѣ, котораго знакЪ былЪ бѣлый волЪ.

(4) Радаманта. Сей законы предписалЪ Критянамъ, и почитается во адѣ отЪ баснотворцевЪ судіею.

(5) Сарпедона. О семЪ ОмирЪ вЪ Иліад: 11. пишетЪ, что онЪ не отЪ Европы, но отЪ Лаодоміи Беллерофонтовой дочери и Юпитера рожденЪ, которой царствовалЪ вЪ Киликіи. СарпедонЪ во время Троянской войны убитЪ Менелаемъ, о чемЪ хотя ЮпитерЪ крайнѣ сожалѣлЪ, однако охранить его вЪ противность судебЪ не могЪ.

(6) И Миноя. ОнЪ былЪ царемЪ и законодавцемЪ КритскимЪ, который родилЪ младшаго Миноса. ДіодорЪ пишетЪ вЪ книгѣ пятой, что онЪ былЪ ЮпитеровЪ сынЪ.

(7) Ираклій. ЦицеронЪ вЪ книгѣ третіей о природѣ боговЪ говоритЪ, что ГеркулесовЪ было шесть. Евсевій вЪ сіе время полагаетЪ Геркулеса прозваніемЪ Дельфина, который славенЪ былЪ вЪ Финикіи; но ежели сей есть ГеркулесЪ, который сгорѣлЪ вЪ Оетѣ, то онЪ будетЪ Аргивскій, и слѣдовательно у Августина должно будетЪ читать не Сирскаго, и не Тирскаго, но Тиринѳскаго, который вЪ Италію пришедЪ, истребилЪ чудовищь.

(8) Антея. Антей сынЪ Земли; жилЪ вЪ городѣ Тингенѣ, отЪ котораго вся страна названа Тингитанскою. Его побѣдилЪ ГеркулесЪ.

(9) БузирисЪ. Евсевій пишетЪ: БузирисЪ царь былЪ Египетской, которой построилЪ городЪ БузирисомЪ же, называемый не на выгодномЪ мѣстѣ. ПритомЪ пастухи вЪ тѣхЪ мѣстахЪ пребывающіе чуже-

страк-

странцевъ грабили. И сїе басни дало начало. Подобнѡ упоминаетъ, что Бузирисъ чинилъ разбои, котораго Геркулесъ убилъ; я думаю, что Геркулесъ Египетскїй.

(10) Ерихѳонїя. Павзанїй повѣствуетъ, что заговоромъ Ерихѳонїевымъ изгнанъ Амфиктїонъ изъ царства. Ерихѳонїй не имѣлъ изъ смертныхъ отца, но родился отъ Вулкана и Земли.

(11) Хотятъ Минерву доказать дѣвицею. Юпитеръ, когда приближилось время ему родить Минерву, выпросилъ у Вулкана топора, и велѣлъ себѣ онымъ расколоть голову: По исполненїи чего вдругъ изъ головы вышла дѣвица, вооруженная и скачущая. Ее Вулканъ въ награжденїе за отправленїе какъ бы сказать должности повивальной бабки, себѣ просилъ. Юпитеръ сїю прозьбу пересказалъ Минервѣ, которая и отреклась итти въ замужство. И когда попущенїемъ Юпитеровымъ Вулканъ насилїе ей хотѣлъ учинить, и она тому противилась: то онъ сѣмя свое излилъ на землю: Минерва, усрамясь того, покрыла оное землею, и отъ того родился Ерихѳонїй, имѣющїй змїиныя ноги.

На главу первуюнадесять.

(1) О Триптолемѣ. Родъ его неизвѣстенъ. Овидїй говоритъ, что онъ произшелъ отъ подлаго рода, и съ первыхъ младенческихъ дней крайнѣ былъ не здоровъ, до тѣхъ поръ, покуда пришла Церера къ матери его въ домъ; тогда Церера сдѣлала его здравымъ. Лактанцїй пишетъ, что онъ родился отъ Елевзиса Царя и Iоны; и что безсмертнымъ стался помощїю Цереры, отцемъ его угощенной, которая его питала божественнымъ млекомъ, и по ночамъ согрѣвала и покрывала огнемъ. Впрочемъ сему Триптолему присвояютъ то, что ему Церера дала жита; и что онъ, возимъ бывши на колесницѣ, о единомъ колесѣ возимой змїями, жита раздавалъ въ снѣдь.

(2) О Минотаврѣ. Пазифа, Солнцева дочь, въ замужство вышла за Миноса Критскаго Царя. О ней сказываютъ, что влюбясь въ Тавра, вола, имѣла съ нимъ соитїе. Иобо Дедалъ ей сдѣлалъ такую маши-

ну, которая похожа была на корову. ОтЪ сего совокупленія родился МинотаврЪ, которой питался человѣческими мясами. Серві́й говоритЪ, что сей ТаврЪ не волЪ, но человѣкЪ придворной Миноса Царя чиновной, сЪ коимЪ Пазиѳа дѣло имѣла вЪ домѣ Дедаловѣ; и поелику родила двойни, одного отЪ Миноса, другаго отЪ Тавра, то стихотворцы вымыслили, что она родила Минотавра. ПалефатЪ свидѣтельствуетЪ, что ТаврЪ былЪ юноша прекрасной у Миноя, вЪ котораго влюбившись Пазиѳа, сЪ нимЪ имѣла дѣло. И когда родила младенца, то хотя МиносЪ и зналЪ, что родился не отЪ него, однако не умертвилЪ его; который пришедЪ вЪ возрастЪ, началЪ поступать жестоко сЪ пастухами; оное увѣдавЪ Царь, повелѣлЪ его поимать, а онЪ выкопавЪ вЪ землѣ пещеру, вЪ оной себя защищалЪ. Царь послалЪ туда тѣхЪ, кои вЪ злодѣяніяхЪ обличены, дабы они сЪ нимЪ сражались; но мѣсто было такое, вЪ которомЪ побѣдить его было не можно. НаконецЪ когда Ѳизея, непріятеля своего, поималЪ МиносЪ, то безЪ всякаго оружія послалЪ его кЪ нему сЪ нимЪ сражаться. Но при входѣ вЪ темницу оную, или пещеру, Аріадна Ѳизею дала мечь, которымЪ онЪ Минотавра онаго убилЪ.

(3) О ЦентаврахЪ. ИксіонЪ, ФлегіевЪ сынЪ, внукЪ МарсовЪ, когда влюбился вЪ Юнону, и Юнона о томЪ разсказала своему мужу Юпитеру: тогда ЮпитерЪ изЪ облака сдѣлалЪ образЪ ЮнонинЪ, сЪ которымЪ ИксіонЪ имѣлЪ дѣло, и отЪ того родились Центавры. Центавра описываютЪ животнымЪ, имѣющимЪ отЪ головы до пояса полчеловѣка, прочія части конскія. ИзвѣстножЪ, что ИксіонЪ былЪ ЦаремЪ вЪ Ѳессаліи, гдѣ прежде всѣхЪ коней дѣлать ручными и на нихЪ ѣздить начали; почему человѣкЪ, на конѣ сидящій, почтенЪ былЪ за часть нѣкотораго животнаго, которое поелику казалось состоящимЪ изЪ двухЪ природЪ человѣка и коня, то и дано оному небывалому животному имя Ипокентавра.

(4) О Церберѣ троеглавномЪ. ЦерберЪ, какЪ ИсіодЪ пишетЪ, былЪ сынЪ ТифоновЪ, чудовище, имѣющее

щее

щее пятьдесятъ шей. Баснословятъ, что сего пса Геркулесъ извлекъ изъ ада.

(5) О Фриксѣ и Еллѣ. Братъ и сестра, дѣти Аѳаманта, Еолова сына, и Нефелы, которая, лишась ума, бѣжала въ лѣса и пустыни. Аѳамантъ другую за себя взялъ жену, которая Фрикса и Еллу ненавидѣла; что для всѣмъ женщинамъ въ государствѣ приказала испортить жита, которое какъ скоро учинено, то аки бы во отвращеніе вреда посланы были послы вопросить о томъ Аполлина. Ина [такъ называли вторую Аѳамантову жену] тайно посламъ приказала, дабы они отвѣтъ такой привезли, что богъ требуетъ Нефелиныхъ дѣтей. Юнона, сожалѣя объ оныхъ, послала золотаго овна, которой бы ихъ чрезъ море перевезъ. Елла, не могши на овнѣ крѣпко держаться, свалилась въ морѣ, отъ чего оное море и названо Еллеспонтомъ. Оную Нептунъ изнасиловалъ, и отъ того родилъ Пеона. Фриксъ же Пропонтомъ и прочими мѣстами прибылъ въ Колхиду. По выходѣ на землю овна принесъ Юпитеру на жертву, а руно золотое посвятилъ Марсу въ храмѣ, отъ себя построенномъ. Аполлоній же въ книгѣ четвертой говоритъ, что не Марсу храмъ онъ построилъ, но Юпитеру бѣгства. Потомъ царствующему въ Понтѣ Эету данъ былъ боговъ отвѣтъ таковъ, что тогда онъ умретъ, когда чужестранцы, на кораблѣ прибывъ, похитятъ золотое руно. Въ слѣдствіе чего вознамѣрился онъ чужестранцевъ приносить въ жертву, и разпустилъ о томъ вездѣ слухъ, дабы чужестранцы, убоявшись того, туда не пріѣзжали. Притомъ храмъ оный оградилъ и приставилъ стражей, вызванныхъ изъ Таврики, отъ коихъ всѣ басни произошли. Ибо Таври по Руски волы, то и вымыслили стихотворцы, что стерегли оное руно волы; ибо стражи были сильны. А какъ они приближающихся убивали, то прославлены въ басняхъ, аки бы огнемъ дышали. Подобно когда стражъ храма назывался Драконъ, то стихотворцы чудныхъ басенъ множество насказали о Драконѣ зміѣ.

(6) О Горгонѣ. Сказываютъ, что Горгоны были три: Стена, Евріала и Медуза, Форковы дочери и морскаго чудовища. Исіодъ Медузу одну поставляетъ смертною, прочихъ безсмертными. Овидій двухъ только имянуетъ, у коихъ былъ одинъ глазъ, коего онѣ попеременно употребляли. О Медузѣ сказываютъ, что она въ храмѣ Минервиномъ съ Нептуномъ имѣла дѣло, за что разгнѣвавшись Минерва, волосы ея превратила въ змѣй, и сдѣлала, что она всѣхъ на себя взирающихъ въ камень превращала. Но Персей, вооружившись щитомъ Минервинымъ, съ нею сразился, которая въ щитѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣвъ свое лице, начала въ камень превращаться, что видя Персей, немедленно голову ей отсѣкъ. Отъ истекшей изъ ней крови безчисленное множество различныхъ змѣй родилось и Пегазъ конь крылатый. Однако нѣкоторые говорятъ, что Пегазъ родился отъ совокупленія Медузы съ Нептуномъ.

(7) О Беллерофонтѣ. Сей родился отъ Главка, Сисифова сына, и царствовалъ въ Ефирѣ, которая послѣ проименована Коринѳомъ, котораго лишенъ бывши отъ Прита, Аргивскаго Царя, ему служилъ; котораго женою Анѳіею къ любодѣйству съ нею уговариваемъ бывши, когда не согласился, то она обнесла его своему мужу, аки бы онъ убѣждалъ ее къ тому. Притъ юношу послалъ къ Аріобату, своему тестю, съ тѣмъ, дабы онъ цѣломудріе своей дочери защитилъ. Аріобатъ повелѣлъ его повергнуть Химерѣ. Химера же есть животное, какъ Исіодъ говоритъ, имѣющее видъ съ головы льва, средину драконову и задъ козы. Химера была дочь Тифона Исполина и Ехидны, которая рыгала пламенемъ. Сервій говоритъ, что въ самой вещи была гора горящая въ Ликіи, подлѣ коей множество было львовъ, средина горы наполнена была пажитью, а самая подошва зміями. Сію гору Беллерофонтъ учинилъ обитаемою.

(8) О Амфіонѣ. Юпитеръ трехъ сыновей отъ Антіопы родилъ: Амфіона, Зита и Калаія. Того ради Линцей, Ѳебанскій Царь, съ нею развелся. Антіопины дѣти, пришедъ въ возрастъ, отмстили Линцею за разводъ съ матерію, убивъ Линцея и Дирцею, его

его жену, и изгнавъ стараго Кадма, обладали Ѳивами. Амфіонъ гуслями своими, или пріятнымъ пѣніемъ двигалъ камни, изъ коихъ стѣны Ѳивскія строилъ.

(9) Дедалъ. Діодоръ Сицилійской въ книгѣ пятой пишетъ, что онъ былъ родомъ изъ Аттики. Онъ когда убилъ племянника своего за то, что онъ нѣкоторыя вещи выдумалъ, и тѣмъ какъ бы славу въ художествѣ себѣ отнялъ, осужденъ бывши въ человѣкоубивствѣ, бѣжалъ къ Миносу въ Критъ, которымъ за свое художество принятъ былъ, которому и лабиринтъ построилъ. Сервій же пишетъ, что Дедалъ съ сыномъ заключены были въ лабиринтѣ. Чего для Дедалъ увѣрилъ стражей, что онъ будетъ нѣчто такое дѣлать, за что его Царь проститъ. Чего для сдѣлалъ себѣ и сыну изъ воску и перьевъ крылѣ и улетѣлъ. Но Икаръ, сынъ его, поднявшись высоко къ солнцу, разтопилъ свои крылѣ и упалъ въ море, которое называется Икарскимъ. Дедалъ же прилетѣлъ въ Сардинію, потомъ въ Кумы, гдѣ и храмъ Аполлину построилъ. Діодоръ же говоритъ, что не въ Сардинію, но въ Сицилію. Аристотель говоритъ, что онъ отъ дочерей Кроталовыхъ умерщвленъ; о крыльяхъ же думаетъ, что онѣ означаютъ или корабль, на которомъ они помощію веселъ уѣхали, или парусы.

(10) О Едипѣ. Лаій, Агеноровъ отъ Лавдака внукъ, Ѳивъ Віотійскихъ Царь, взялъ за себя Іокасту, Креонтову дочь, которая была не плодна, и мужъ когда желалъ крайнѣ дѣтей, тогда вопрошенъ былъ Делѳійскій Аполлинъ, и сказалъ, чтобъ онъ о дѣтяхъ столько не заботился; ибо онъ отъ сына убитъ будетъ. Вскорѣ послѣ того родила Іокаста сына, котораго проколовъ ноги, отецъ приказалъ бросить. Однако тѣ, коимъ поручено было то исполнить, отдали его нѣкоей бѣдной женщинѣ Полибіѣ, которая и воспитала его въ Тенеѣ, Коринѳской деревнѣ. Когда пришелъ въ возрастъ, и будучи крѣпокъ тѣломъ и мужественъ, отправился для вопрошенія Делѳійскаго оракула, ктобъ его былъ отецъ: ибо онъ не не вѣдалъ,

далЪ, что былЪ брошенЪ. Лаій, его отецЪ, тогда оттуда возвращался, и близь Фокиды другЪ другу срѣтившись, когда никто изЪ нихЪ сЪ дороги сворашить не хотѣлЪ, сперва до ссоры, потомЪ до оружія дошло дѣло, на которомЪ сраженіи ЕдипЪ убилЪ отца. Іокаста сЪ того времени во вдовствѣ пребывала, кЪ которой пришелЪ СфинксЪ, и предлагалЪ притчу сЪ тѣмЪ, что ежели кто разрѣшитЪ оную, тотЪ долженЪ взять Іокасту вЪ жену. ЕжелижЪ разрѣшить не возможетЪ, то смертію казненЪ былЪ бы. Притча была такого содержанія: которое животное и о четырехЪ и о двухЪ и о трехЪ ногахЪ. Когда многіе разрѣшить оную покушались и умерщвлены были, тогда пришелЪ ЕдипЪ вЪ Ѳивы, разрѣшилЪ оную; и такЪ мать свою Іокасту взялЪ себѣ вЪ жену. СфинксЪ сЪ высокаго мѣста бросился. ЕдипЪ отЪ Іокасты родивЪ дѣтей, когда узналЪ, что Іокаста ему мать, и что онЪ отца убилЪ, выкололЪ себѣ глаза. СфинксЪ же описывается животнымЪ, имѣющимЪ перья, звѣриныя ноги, лице дѣвическое.

(11) У Адмета Царя. ЮпитерЪ когда услышалЪ жалобы адскихЪ боговЪ, что царство мертвыхЪ уменьшаетЪ Ескулапій воскрешеніемЪ мертвыхЪ (то есть вылечивая больныхЪ), перуномЪ его поразилЪ. За что разгнѣвавшись АполлинЪ, отецЪ ЕскулапіевЪ, ЦиклоповЪ, которые Юпитеру куютЪ перуны, побилЪ; за что разсердясь ЮпитерЪ, хотѣлЪ Аполлина во адЪ низвергнуть; но по прошенію Латоны простилЪ его, сЪ тѣмЪ однако, дабы онЪ одинЪ годЪ слугою былЪ у кого либо изЪ смертныхЪ. Почему онЪ отправился вЪ Ѳессалію и у Адмета Царя пасЪ скотину.

(12) СЪ ПерсеемЪ. О немЪ говорено выше.

(13) Андромеда. Дочь Цефея и Кассіопеи. По силѣ оракула Аполлинова привязана была кЪ камню на снѣденіе чудовищу морскому, которую избавилЪ отЪ онаго Персей, сЪ тѣмЪ условіемЪ, дабы ее себѣ взять вЪ замужство.

На главу вторуюнадесять.

(1) Орфей, Музей, ЛинЪ. ВЪ одно время сіи трое жили до раззоренія Трои, Орфей ФракіанинЪ, Еагровъ

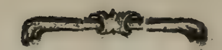
гровъ сынъ, или, какъ другіе думаютъ, Аполлиновъ и Калліопинъ. Артапанъ говоритъ, что онъ учился въ Египтѣ, и великое вспомоществованіе получилъ отъ ученія Моисейскаго. Онъ по сказанію Діодора священнослуженіе Бахусово изъ Египта въ Грецію принесъ и предалъ Ѳивейцамъ, понеже они его честно приняли. Онъ пріятностію своего пѣнія и звѣрей и камни къ себѣ привлекалъ. Линъ, какъ Ирмодоръ говоритъ, Меркурія и Ураніи Музы сынъ, а Виргилій утверждаетъ, что Аполлиновъ. Діодоръ пишетъ, что онъ въ Греціи Ариѳметику и согласіе въ пѣніи изобрѣлъ; также что онъ писалъ о началѣ міра, о теченіи солнца и луны, о рожденіи животныхъ и плодовъ, училъ Геркулеса на гусляхъ. Музей: ихъ много щитаетъ Суида: первой Елевзинской Антифемовъ сынъ, Орфеевъ ученикъ, которой стихами Евмолпу, сыну своему, уставы житія сложилъ. Второй Ѳивской, рожденный отъ Фамира, жившій прежде раззоренія Трои, которой писалъ пѣсни стихами. Третій гораздо позднѣйшій стихотворецъ Ефесскій, которой жилъ во времена Евменеса и Аттала Царей: онъ описывалъ дѣла Пергамскія; но Музея онаго Орфеева ученика, какъ носится слава, отъ Евмолпа рожденнымъ признаваютъ.

(2) Ино. Жена Царя Аѳаманта. Она когда узнала, что мужъ ея влюбленъ въ служанку, родомъ изъ Еѳоліи, именемъ Антиѳеру, влюбилась наконецъ и сама въ своего сына Мелицерта.

(3) Касторъ и Поллуксъ. О нихъ говорено выше.

На главу третіюнадесять.

(1) Въ Мицены. Павзаній о семъ государствѣ такимъ образомъ пишетъ: Уже всѣ здѣсь знаютъ о беззаконіи Данаевыхъ дочерей, дѣланномъ съ своими родственниками, и какимъ образомъ по смерти Данаевой Линцей овладѣлъ государствомъ, по смерти коего Абантовы дѣти царство оное между собой раздѣлили, и Акризій остался Царемъ въ Аргосѣ, Претъ же владѣть началъ Ереею, Мидіею и Тиринфомъ. По прошествіи нѣкотораго времени, когда спозналъ Акризій,



что Персей находится въ живыхъ, удалился въ Лариссу. Мицены основаны отъ Мицены Инаховой дочери, жены Ресторовой.

(2) Агамемнонъ. Былъ вождемъ у Грековъ противъ Троянъ.

(3) Лаврентянъ. Лаврентъ городъ былъ въ Латіи наидревнѣйшій, которымъ владѣли Аборигены.

(4) Пикусъ. Онъ былъ Сатурновъ сынъ, рожденный отъ Фавны.

(5) Девора жена. Была у Евреевъ, которая была судьею надъ Израилемъ.

(6) Стеркъ. Его иные называютъ Стеркуціемъ отъ Stercorando, удобренія земли навозомъ; понеже онъ первый оному искусству научилъ людей.

(7) Фавна родилъ. Такъ увѣряетъ Виргилій. Фавну отецъ Пикусъ. Его также называли Фатуемъ, и сестру его Фатуею и Фавною.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Кодръ, Сынъ Меланфа Мессинскаго. При немъ когда противъ Аѳинянъ воевали непріятели, и отчаявшись Аѳинянъ побѣдить, вопросили оракула, какимъ образомъ удобнѣе побѣдить ихъ можно: на что отвѣтствовано, что они тогда побѣдятъ Аѳинянъ, когда опасаться станутъ, дабы между прочими не убить Кодра. Но какъ Кодръ объ ономъ свѣдалъ, то, измѣнивъ свою одежду, въ опасное сраженіе пустился, и какъ скоро непріятели его убили, то были сами побѣждены.

(2) Сего Аѳиняне какъ Бога. Сіе утверждаетъ Цицеронъ въ третіей книгѣ о природѣ боговъ.

(3) Не отъ Креузы. Креуза Пріамова и Екувина дочь, отъ нея родила Асканія, когда еще Троя была не раззорена.

(4) Меланѳа. Онъ былъ отцемъ Кодру; какимъ же образомъ онъ у Аѳинянъ сдѣлался Царемъ, о томъ какъ прочіе многіе, такъ особливо Суида въ словѣ Апатурія повѣствуютъ.

На главу седьмуюнадесять.

(1) Римъ. Петръ Апостолъ Римъ называетъ Вавилономъ, какъ и Іеронимъ толкуетъ въ житіи Марка,

ко

который къ Маркеллѣ пиша, говоритъ, что въ Апокалипсисѣ Іоанновомъ описываемый Вавилонъ не иное что есть, какъ Римъ.

На главу осьмуюнадесять.

(1) Сивилла. Сивиллы были пророчицы, вдохновенныя Богомъ, какъ говоритъ Діодоръ въ книгѣ пятой и Сервій въ толкованіи четвертой книги Енеидовъ, и Лактанцій въ 1 книгѣ Божественныхъ наставленій. Первая изъ оныхъ была Персидская, о коей воспоминаетъ Никаноръ, который описывалъ дѣла Александра Македонскаго. Сію иные признаваютъ Халдейскою, иные Еврейскою, которой собственное имя было Самбеѳа. Вторая Ливийская, о которой упоминаетъ Еврипидъ. Третія Делфійская, о которой пишетъ Хрисиппъ въ книгѣ своей, подъ названіемъ о гадательствѣ. О сей многіе думаютъ, что она родилась въ Делфахъ и называлася Феминою, и жила прежде раззоренія Трои, которыя многіе стихи Омиръ въ сочиненія свои внесъ. Діодоръ почитаетъ ее дочерью Тирезіи, которую Аргивцы, побѣдивъ Фивянъ, послали въ Делфы. Четвертая Кумейская изъ Италіи, о которой упоминаетъ Невій въ книгѣ о войнѣ Пунической и Пизонъ въ лѣтописяхъ. Пятая Ерифрейская, о которой говоритъ Аполлодоръ, что его была согражданка. Шестая Самійская, о которой пишетъ Ератосвенъ въ древнихъ лѣтописяхъ Самійскихъ; она называлась Ѳитою. Седьмая Куманская, именемъ Амалфея, которая отъ другихъ называется и Рофилою, и Демофилою, и Іерофилою. Осьмая Еллеспонтская, родившаяся въ селеніи Троянскомъ, Мармиссою называемая, не подалеку отъ города Гергеціа. Она жила во времена Солона и Кира. Девятая Фригійская, которая пророчествовала въ Анкирѣ. Десятая Тибурская, именемъ Албунея, которая почитается вмѣсто богини въ Тибурѣ, не далеко отъ рѣки Аніены, которыя во глубинѣ найдено ваяніе, держащее въ рукѣ книгу.

На главу девятуюнадесять.

(1) Десять колѣнъ. Сіе сдѣлалось при Царѣ Израильскомъ Озіи отъ Сеннахирима, которой и Салманассаромъ называется.

На главу двадесятую.

(1) Седекіи. Навуходоносоръ съ тремя Царями Іудейскими войну имѣлъ: вопервыхъ съ Іоакимомъ, котораго себѣ сдѣлалъ данникомъ; потомъ съ Іехоніею, Іоакимовымъ сыномъ, которой отцовскимъ именемъ также называется, которой на третій мѣсяцъ государствованія его въ Вавилонъ преселилъ, раззоривъ Іудею и поставивъ правителемъ оныя Матѳафію, дядю Іехоніина, и назвалъ онаго Седекіею.

(2) Питтакъ Митиленскій. Сей родился отъ Иргадія Ѳракіанина, какъ сказываютъ, въ городѣ Митиленѣ Лезвійскаго острова. Онъ, любя вольность, Меланхра тиранна изгналъ.

(3) Солонъ Аѳинской. Солонъ въ Саламинѣ островѣ родился отъ отца Екзецистида, знаменитаго мужа, котораго родъ произходилъ отъ Царя Кодра. Онъ Драконовы законы кровожаждущіе отмѣнилъ и ввелъ на мѣсто оныхъ лучшіе.

(4) Хилонъ Лакедемонскій. Сей родился въ Лакедемонѣ отъ отца Дамагета; онъ говаривалъ мало и коротко; умеръ въ Пизѣ отъ того, что увидѣлъ сына своего Олимпіоника.

(5) Періандръ Коринѳской. Въ семъ имени ничего достойнаго не находится; ибо онъ былъ тиранномъ своего отечества.

(6) Клеовулъ Линдской. Сей произшелъ изъ Линда, города Родійскаго острова.

(7) Віасъ Пріенской. Родился онъ въ Пріенѣ городѣ Іонійскомъ отъ отца Теутама. О немъ сказываютъ, что когда принесенъ былъ къ нему треножникъ златой, то онъ послалъ его Ираклію въ Ѳивы; понеже Пріена городъ Ѳивское было новопоселеніе.

На главу двадесять первую.

(1) Киръ Царь Персидскій. Онъ былъ сынъ Манданы, дочери Астіага Мидскаго Царя и Камбиза, незнатнаго человѣка. Киромъ названъ отъ Кира, Албанской и Иверійской рѣки, близъ которой онъ воспитанъ.

На

На главу двадесять четвертую.

(1) Исаія. О семъ Іеронимъ Павлу Іевстохію такъ пишетъ: Исаія былъ мужъ знаменитый и краснорѣчивый, и неимѣющій въ своемъ краснорѣчіи никакой низкости; и что его не столько Пророкомъ, сколько Евангелистомъ почитать должно. Пророчествовалъ онъ во Іерусалимѣ и Іудеи. Онъ перепиленъ отъ Манассіи, Царя Іудейскаго, родственника своего, какъ Евреи увѣряютъ, деревянною пилою. И для того-то Павелъ Апостолъ къ Евреемъ написалъ въ посланіи, касательно до Исаіи: *Претрени быша.* Причины, за которыя онъ умерщвленъ, предлагаетъ Іеронимъ въ книгѣ первой толкованій на сего Пророка.

На главу двадесять пятую.

(1) Іона же. Сей отъ корабленииковъ въ море верженъ, какъ бы жертва, дабы вѣтры успокоились и волны, и поглощенъ былъ китомъ, въ которомъ пробылъ два дни и въ третій день изверженъ на землю.

(2) Апостолы упоминаютъ. Дѣяній въ главѣ 2.

На главу двадесять шестую.

(1) Авдія. Іеронимъ о немъ пишетъ такъ: сей Пророкъ, какъ говорятъ Евреи, жилъ во времена Царя Самарійскаго Ахава и нечестивѣйшей Іезавели, и препиталъ сто Пророковъ въ пещерахъ, которые не преклонили колѣна предъ Вааломъ.

(2) Наумъ. Іосифъ въ книгѣ 9 повѣствуетъ, что Наумъ жилъ во времена Іоаѳама Царя Іудина.

(3) Аввакумъ. О семъ Пророкѣ упоминаешся въ книгѣ Даніиловой въ главѣ 14, который обѣдъ свой, несенный жнецамъ, въ Вавилонъ отнесъ къ Даніилу.

(4) Гора же. Исавъ Сіиръ называется гора Идумейская, какъ изъ Іосифа и Іеронима и Іисуса Навина изъ главы 24 видно.

На главу двадесять седьмую.

(1) И не подвластные Римлянамъ. Какъ то Индіане, Персы и въ нынѣшнія времена острова на западномъ Океанѣ.

На

На главу двадесять осьмую.

(1) Софонія же. О немъ Евреи сказываютъ, что онъ не только имѣлъ отца Пророка, но и дѣда и прадѣда. Отецъ его былъ Хусіа, дѣдъ Годоліа, прадѣдъ Амаріа, прапрадѣдъ Езекіа, всѣ Пророки.

На главу двадесять девятую.

(1) Даніилъ. Онъ отъ сыновъ былъ Іудиныхъ, который изъ Даніила переименованъ Валтасаромъ. Великое себѣ почтеніе пріобрѣлъ онъ у Валтасара, послѣдняго Халдейскаго Царя, и у Даріа Мидскаго, своею премудростію, какъ видно изъ книги Даніиловой, и изъ Іосифа о древностяхъ Жидовскихъ 10 книги. Что противъ книги Даніиловой клеветалъ Порфирій, на оное отвѣтствовали Меѳодій и Аполлинарій и Евсевій, Кесарійскій Епископъ.

На главу тридесятую.

(1) Аггей, Захарія. О сихъ упоминаетъ Ездра въ 1 книгѣ въ главѣ 5, и тѣмъ самимъ открывается, что они пророчествовали во времена Даріа Царя.

(2) Малахія. Іеронимъ пишетъ, что какъ сего Пророка 70 переводчиковъ назвали Ангеломъ, то Оригенъ думалъ, что онъ дѣйствительно былъ Ангелъ.

На главу тридесять первую.

(1) Пиѳагора. Цицеронъ пишетъ, что оной жилъ во времена Сервіа Тулліа; тожъ и Ливій въ книгѣ 1. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что онъ жилъ во времена Кира Персидскаго и Тулліа, Римскаго Царя; ибо процвѣталъ онъ около шестидесятой Олимпіады, которое время сходствуетъ съ царствованіемъ Тарквинія Гордаго. Евсевій смерть Пиѳагорову относитъ на 70 Олимпіаду, въ которое время Іудеи, свободившись изъ плѣна, спокойно уже жили во Іерусалимѣ.

(2) Сократъ. Аполлодоръ пишетъ, что Сократъ жилъ около 77 Олимпіады, 40 лѣтъ спустя по освобожденіи Іудеевъ изъ плѣна.

(3) Родился Платонъ. Тотъ же Аполлодоръ повѣствуетъ, что Платонъ родился въ 88 Олимпіадѣ.

(4) Дщерію Фараоновою усыновленъ. Артапанъ, какъ предлагаетъ Евсевій въ книгѣ 9 пріуготовленій Евангельскихъ, повѣствуетъ, что Хекефріа, Египетскаго Царя, дочь Мерена, когда сама родить не могла дѣтей, вмѣсто сына приняла Іудеанина, котораго Евреи Моисеемъ, а Греки Музеемъ называютъ.

На главу тридесять вторую.

(1) Отъ закона начались. Всѣ Іудеи и наши думаютъ, что Моисей есть первый изобрѣтатель буквъ Еврейскихъ, что и Евполемъ и Артапанъ и другіе языческіе писатели признаваютъ, и увѣряютъ, что Моисей, будучи человѣкъ разумнѣйшій, изобрѣлъ письмена, которыя и предалъ Іудеямъ, а отъ оныхъ переняли Ѳиникіане по сосѣдству; наконецъ отъ Ѳиникіанъ чрезъ Кадма буквы получили Греки. Однако Филонъ Жидовинъ изобрѣтеніе буквъ Аврааму приписываетъ. Іосифъ же Жидовинъ въ книгѣ древностей 1 повѣствуетъ, что гораздо прежде Авраама буквы были извѣстны. Онъ сказываетъ, что дѣти Сифовы, которой былъ Адамовъ сынъ, поставили два столпа, одинъ кирпичной, другой каменной, на которыхъ написали всѣ науки, которыя они изобрѣли, и что каменной во время Іосифово цѣлъ былъ въ Сиріи.

На главу тридесять четвертую.

(1) Анаксагоръ. Какъ въ древности камень въ Аегосъ, Ѳракійскую рѣку, упалъ съ неба, о которомъ Анаксагоръ предсказалъ за долгое время, то и началъ утверждать, что небо все состоитъ изъ камней, и самое солнце есть нѣчто другое, какъ камень раскаленный. Для того-то Еврипидъ, его ученикъ, въ своей трагедіи, которая надписывается Фаетонъ, назвалъ солнце глыбою золотою. Анаксагоръ отъ Клеона въ семъ мнѣніи, такъ какъ въ нечестіи бывши осужденъ, защищенъ отъ Перикла, ученика своего; при всемъ томъ взяли съ Анаксагора пять талантовъ и сослали въ ссылку. Можно сказать, что всѣ въ томъ почти согласны, что Анаксагоръ приговоренъ былъ къ смертной казни, но отъ Перикла свобожденъ, который былъ

крайнѢ богатЪ и знаменитЪ вЪ томЪ городѢ. Для того то стихотворцы вымыслили, что нечестіемЪ Анаксагоровымъ раздраженный ЮпитерЪ пустилЪ было свой перунЪ на онаго, но ПериклЪ отЪ Анаксагора отразилЪ сей перунЪ.

(2) Ни инаго какого либо бога. ЕпикурЪ признавалЪ боговЪ, но утверждалЪ, что они о нашихЪ вещахЪ попеченія не имѢютЪ, ни благодѢтельствуютЪ намЪ, ни гнѢваются на насЪ, и тѢмЪ самимЪ отвергалЪ бытіе боговЪ. Бояся же казни АреопагитовЪ, признавалЪ бытіе онызЪ; но дѢлалЪ ихЪ таковыми, каковые ежели бы и были, то они намЪ, какЪ у Цицерона говоритЪ Котта, не надобны.

На главу тридесять пятую.

(1) ОдинЪ изЪ ЕгипетскихЪ царей Птоломей. ПтоломеевЪ вЪ ЕгиптѢ было много; но сіе учинилЪ ФиладелфЪ прозываемый, который по совѢту Димитріа Фалерга родомЪ Аѳинянина, мужа знаменитаго, собиралЪ библіотеку, и дабы оную умножить, то и книги Еврейскія на Греческой языкЪ перевелЪ.

На главу тридесять шестую.

(1) Не много времени спустя АлександрЪ. Во времена Дарія, Арсамова сына, когда АлександрЪ осаждалЪ ТирЪ и требовалЪ отЪ Іудейскаго первосвященника Іадда помощи и всего того, что Дарію даваемо было, такЪ какЪ обладатель всей Азіи: первосвященникЪ вЪ томЪ ему отвѢтствовалЪ, что Іудеи покуда Дарій живЪ, никому другому повиноваться не будутЪ. АлександрЪ по раззореніи Тира, такЪ какЪ раздраженный непріятель, отправился вЪ Палестину, куда пришедЪ, плѢнилЪ Газу, и уже велЪ свои полки кЪ Іерусалиму, тогда первосвященникЪ, священники и всѢ Левиты, одѢвшись вЪ священныя одежды, вышли ему на встрѢчу, и такимЪ образомЪ укротили духЪ его столь, что онЪ первосвященнику поклонясь, сказалЪ, что сей священникЪ есть Бога природы, котораго онЪ еще вЪ Македоніи во снѢ вЪ такомЪ же одѢяніи видѢлЪ, обѢщающаго ему область надЪ всею Азіею. И такимЪ образомЪ Іудейскій народЪ подЪ защиту кЪ себѢ принялЪ,

нялъ, какъ пишетъ Іосифъ въ книгѣ 11 древностей.

(2) Потомъ Птоломей, Лаговъ сынъ. Сей когда сказалъ, что въ нѣкоторую субботу имѣетъ онъ войти въ храмъ, и то ему было дозволено, то онъ такимъ образомъ плѣнилъ Іерусалимъ.

(3) Въ Святая Святыхъ. Великое имѣли желаніе Римляне видѣть, какого Бога Іудеи почитаютъ; ибо они вѣрили, что въ ихъ храмѣ находится какое нибудь изображеніе. Того ради Помпей, взявши съ собою немногихъ людей, во святилище взошелъ, которое Іудеи Святая Святыхъ называютъ, куда никому не позволялось, кромѣ священника, входить; похитилъ оттуда златой столъ и свѣщники и фіалы иароматъ великое множество, притомъ денегъ двѣ тысячи талантовъ. Тацитъ въ книгѣ 21 пишетъ такъ: изъ Римлянъ первый Помпей Іудеевъ побѣдилъ и въ храмъ ихъ по праву побѣдителя взошелъ; оттуда открылось, что въ храмѣ ихъ нѣтъ никакого изображенія, ни ваянія: онъ пустъ и имѣетъ пустыя тайны.

На главу четыредесять третію.

(1) Учиненное Нерономъ. О сихъ гоненіяхъ церкви Евсевій въ церковной исторіи повѣствуетъ; также, что гоненіе было при Неронѣ, свидѣтельствуютъ Светоній и Тацитъ. Светоній такъ говоритъ: казнены Христіане, родъ людей суевѣрія новаго и непотребнаго. Тацитъ въ книгѣ 15 такимъ образомъ, для уничтоженія, говоритъ, слуха Неронъ представилъ виноватыхъ и нововымышленными мучилъ казньми, которыхъ изъ ненависти называютъ Христіанами. Начальникъ имени онаго Христосъ, который во время царствованія Императора Тиверія Понтійскимъ Пилатомъ казненъ, и укрощенное тогда пагубное суевѣріе паки возникало не только во Іудеи, источникѣ онаго зла, но и въ Римѣ. И такъ при казненіи ихъ прибавлены были наругательства, что иные, одѣты будучи въ звѣриныя кожи, затравлены собаками, другіе распяты на крестахъ,

стахъ, иные сожжены огнемъ, или когда настаяала ночь, то они вмѣсто факеловъ горѣли. И сіе зрѣлище дѣлалось въ его саду.

(2) Второе Дометіаномъ. Начавшееся гоненіе отъ Нерона престало при Веспасіанѣ и Титѣ; но Дометіанъ, дабы во всемъ уподобиться Нерону, паки гоненіе воздвигнулъ. Такимъ образомъ Іоанна въ Патмосъ островъ сослалъ. Третіе Троіаново, четвертое Антониново, пятое Северово, шестое Максиминово, седьмое Декіево, осьмое Валеріаново, девятое Авреліаново, десятое Діоклитіаново и Максиміаново.

На главу четыредесятъ пятую.

(1) При двухъ Геминахъ Консулахъ. Вопервыхъ извѣстно, что Христосъ умеръ при Тиверіѣ Кесарѣ. Лука Евангелистъ крещеніе Іоанново и начало проповѣди Господней въ пятойнадесятъ годъ Тиверія Кесаря полагаетъ, слѣдовательно смерть Его должно полагать на 18, или 19 году Тиверіева владычества. Ибо три года Господь Іисусъ къ народамъ о царствіи Божіи проповѣдывалъ. Евсевій въ Хроникахъ приводитъ свидѣтельство язычниковъ о землетрясеніи и о затмѣніи солнечномъ, въ тотъ самой годъ, когда Христосъ распятъ, приключившихся. Ибо Флегонъ писатель Олимпіады такъ говоритъ: въ 4 годъ двѣсти второй Олимпіады, который годъ былъ 18 Тиверія Кесаря, великое и превосходное предъ прочими прежде бывшими затмѣніе солнечное было. День въ шестый часъ въ толь мрачную премѣнился нощь, что звѣзды на небѣ были видны, и землетрясеніе въ Вифиніи, Никейскомъ городѣ, многія зданія разрушило. Но двое Геминовъ, то есть Рубеллій Геминъ и Фузій Геминъ, были Консулами не на 18, но на 15 году Тиверія Кесаря.

Конецъ III части.

Colour Chart #13
Inches
Centimetres
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES-PICTA.COM